

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

**РОССИЯ И МИР
ГЛАЗАМИ ДРУГ ДРУГА:
ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ**

Выпуск третий

**Москва
2006**

Институт российской истории РАН продолжает серию коллективных трудов, посвященную проблеме взаимовосприятия России и внешнего мира. Начиная с 1996 г. вышло четыре сборника научных трудов, а также коллективная монография.

Очередной выпуск посвящен истории взаимовосприятия России и мира на протяжении почти полутора тысяч лет и охватывает IV – начало XX века. Он состоит из трех разделов: «Россия: взгляд извне», «Мир в российском зеркале» и «Взаимопроникновение и взаимодействие культур».

Первый раздел посвящен представлениям и стереотипам, существовавшим в иных культурах относительно России и россиян. Второй раздел, «Мир в российском зеркале», составили статьи, посвященные представлениям о внешнем мире, бытовавшим в России XVII–XIX вв. В статьях третьего раздела сборника анализируются процессы взаимодействия культур, выходящие за рамки пассивного восприятия.

Своеобразный итог всему сборнику подводит статья, посвященная процессу формирования, изменения и типологической эволюции инокультурных представлений российского общества на протяжении двух столетий.

Ответственный редактор

к.и.н. А.В.Голубев

Редколлегия:

*к.и.н. О.Г.Агеева, В.А.Барченкова,
к.и.н. А.В.Голубев, д.и.н. В.А.Невежин*

Рецензенты:

*д.и.н. А.В.Игнатьев (ИРИ РАН);
д.философ.н. И.Г.Яковенко (Институт социологии РАН)*

Работа подготовлена
в Центре по изучению отечественной культуры ИРИ РАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Институт российской истории РАН продолжает серию коллективных трудов, посвященную проблеме взаимовосприятия России и внешнего мира.

В последние годы проблемы диалога и взаимовосприятия культур, или, выражаясь языком западных исследователей, проблемы имиджнологии, находящиеся на стыке истории, культурологии, социальной психологии, изучаются все более активно. В частности, появились работы, посвященные механизмам формирования, функционирования, динамике изменения внешнеполитических представлений и стереотипов на материале российской истории.

С 1994 г. в Центре по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН работает группа по изучению международных культурных связей России. На ее основе был создан и успешно функционирует научный семинар по проблемам взаимовосприятия культур, в который входят, помимо основного состава группы, как исследователи из ИРИ РАН, так и представители различных научных учреждений России. В 1994-2005 гг. было проведено 12 заседаний «круглого стола» под общим названием «Россия и внешний мир: из истории взаимовосприятия»¹. На их основе вышли два сборника научных трудов, а также коллективная монография, посвященная формированию внешнеполитических стереотипов в российском обществе первой половины XX века². С 2000 г. сборники издаются под общим названием «Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия» (первый выпуск вышел в 2000 г., второй – в 2002 г.). Эти издания получили высокую оценку научной общественности³.

Третий выпуск сборника рассматривает историю взаимовосприятия России и мира на протяжении почти полутора тысяч лет и охватывает IV-XIX века. Он состоит из трех разделов: «Россия: взгляд извне», «Мир в российском зеркале» и «Взаимопроникновение и взаимодействие культур».

Первый раздел, посвященный представлениям и стереотипам, существовавшим в иных культурах относительно России и россиян, открывает статья В.В.Пузанова. Автор анализирует византийские и западноевропейские источники, пытаясь определить, что именно знали соседи о религиозных представлениях славян. Рассматривая эту, казалось бы, частную проблему, автор приходит к интересным выводам об особенностях восприятия своих соседей-славян представителями различных конфессий и различных культур.

Статья Л.Е.Морозовой затрагивает проблему влияния на культуру народов изменений политических условий их проживания. В частности, анализ сочинений польских и литовских авторов о Смуте показывает, что в начале XVII века некогда родственные народы, входившие в состав Киевской Руси, уже имели существенные отличия в образе жизни, одежде, пище, в общем, культурном уровне, обычаях, меньше – в языке. Вместе с тем, если при первом близком соприкосновении поляки и литовцы, попавшие в Россию, критически отнеслись к русским людям, их обычаям и культуре, то со временем с них сошел европейский лоск, и они во многом стали подражать хозяевам.

Е.Е.Дмитриев (Саратов) в статье «“Сибирский медведь” или просвещенный европейский монарх?..: Петр I и Россия глазами Даниэля Дефо» пытается проследить эволюцию взглядов известного писателя и политического деятеля на Петра и Россию в целом. Если вначале Дефо в целом негативно оценивал деятельность Петра и обычаи «москвитов», что даже позволило некоторым исследователям объявить его родоначальником русофобии в западной журналистике, то его позднее сочинение отличается откровенно апологетическим характером. По мнению автора статьи, интерес Дефо к России представляется конъюнктурным, отсюда и колебания в его оценках. Впрочем, то, что Россия при Петре I заняла достойное место в семье европейских народов, для Дефо было бесспорным.

Отзывы иностранных дипломатов и государственных деятелей о Николае I анализирует И.В.Ружицкая. Автор отмечает,

что проявление некоторых характерных для Николая качеств наблюдатели склонны были усматривать в его деятельности, воспринимая эту деятельность как органичное продолжение личных достоинств и недостатков императора.

Второй раздел, «Мир в российском зеркале», составили статьи, посвященные представлениям о внешнем мире, бытовавшим в России XVII-XIX вв.

А.П.Богданов рассматривает геополитические представления историка А.И.Лызлова. В своей «Скифской истории» последний пытался проанализировать историю глобального противостояния кочевых и земледельческих народов в рамках исторически обозримого пространства Вселенной, включающего в себя Евразию (за вычетом Юго-Восточной Азии), Аравию и Северную Африку.

Сведения, которые сообщали русские солдаты, бежавшие из шведского плена в годы Северной войны, послужили основой для статьи А.В.Демкина. Их рассказы свидетельствовали, что Швеция в конце войны находилась на пределе своих военных возможностей.

В статье Е.И.Малето, посвященной русскому дипломату П.А.Левашеву и его запискам об Османской империи, подчеркивается, что на протяжении XVIII столетия в русской культуре происходят постепенные, но значительные изменения в отношении к Востоку, в том числе к мусульманскому. Прежнее противостояние исламскому миру, воспринимавшемуся как воплощение зла и жестокости, уступает место признанию той или иной степени допустимости иных духовных измерений. Очевидно, эти тенденции не были случайны и определялись процессом формирования полиэтнического и поликонфессионального государства имперского типа.

Образы «благородных» или «жестоких» дикарей – в полном соответствии с парадигмой эпохи Просвещения – в записках русских путешественников начала XIX века рассматривает в своей статье П.С.Куприянов. По мнению исследователя, столкновение реального опыта с усвоенными ранее стереотипными представлениями лежало в основе эволюции просвети-

тельской парадигмы, определяя основной вектор этого процесса – от европоцентристского универсализма к утверждению идеи культурной самобытности.

Представления российских мусульман о жизни их единоверцев в Османской империи и причины, побуждающие их стремиться к переселению, а также причины перехода крещеных татар в мусульманство из православия и политику российских властей по предотвращению подобных явлений во второй половине XIX века рассматривает А.К.Тихонов.

О.Ю.Казакова анализирует публикации на американскую тему в российских ежедневных газетах 1860-х годов. Автор отмечает актуализацию отечественных внешнеполитических представлений об Америке и американцах в этот период. Любопытно, что при улучшении дипломатических отношений двух государств имидж американцев в России к концу 60-х годов ухудшился, что позволяет оспорить мнение о зачаточном состоянии общественного мнения пореформенной эпохи.

Политический опыт британского парламентаризма всегда привлекал внимание российских политиков и ученых. В статье С.Ю.Тороповой рассматриваются представления российских либералов второй половины XIX века относительно становления и функционирования британской политической системы.

Тему, связанную с политической жизнью Британии, продолжает И.В.Юдина в статье «Монархическая и демократическая идея в Великобритании в представлениях русских корреспондентов (начало XX века)». Исследователь подчеркивает, что в сознании англичан, по свидетельству русских общественно-политических журналов, в начале XX века наблюдались два на первый взгляд противоположных явления: укрепление демократизма при сохранении монархической идеи.

Третий раздел сборника посвящен сложным процессам взаимодействия культур, выходящим за рамки пассивного восприятия.

Статья Л.Н.Пушкарева «Начальный этап в изучении иностранцами русского языка (вторая половина XVI-XVII в.)» посвящена ранним этапам взаимообогащения народов и культур.

Автор пытается установить, где, когда и как именно русские изучали и осваивали чужие для них языки – и вместе с тем, где, как и когда иностранцы знакомились с особенностями и трудностями русского произношения и языка.

А.В.Гусев анализирует процесс разрушения средневековой ксенофобии, формирования открытого отношения к иностранному опыту в России XVII в. В этот период, подчеркивает автор, порой именно от настроения монарха, его готовности воспринимать иностранный опыт во многом зависела судьба международных контактов, заимствований. Алексей Михайлович активнейшим образом привлекал и использовал достижения иностранной культуры для процветания России, поддержания ее ведущего положения в мире.

В статье «Европейские образцы и церемониалы русского императорского двора XVIII в.» О.Г.Агеева пытается путем сравнения европейских образцов с воплощенными в жизни церемониалами русского двора найти ответ на вопрос о степени использования полученных из Европы материалов и замене наследия допетровского московского двора. При этом объектом изучения избраны такие явления придворной жизни и жизни дома Романовых, как их бракосочетания и траурные торжества.

О.Б.Полякова, давая широкий обзор взаимодействия русской и французской культур в XVIII – первой половине XIX века, подчеркивает, что для рассматриваемого периода был характерен не только трансферт, то есть простая передача внешних культурных ценностей, но диффузия и аккультурация, предполагающие более высокую степень освоения иной культуры.

В статье О.Е.Фроловой «Гоголевский Петербург на пересечении Европы и Азии» речь идет о сосредоточившим в себе многие инокультурные, нерусские влияния городе, который воплотил в своей истории диалог культур. Автор стремится показать, какие культурные влияния можно обнаружить в Петербурге, изображенном Гоголем, рисует портреты стран и на-

ций, черты которых можно найти на страницах петербургского цикла.

Полемически заостренная статья О.А.Вусатюка (Украина) посвящена западничеству как социокультурному феномену и проблеме восточнославянской культуры. Автор рассматривает исторический контекст, в котором возникает западничество; его основные формы (выделяя имперское, рациональное и деструктивное западничество), наконец, его исторический смысл и значение.

Статья С.А.Козлова затрагивает малоизученную проблему вербовки иностранных сельских работников для работы в центральных губерниях пореформенной России.

Завершает раздел работа Е.А.Комаровского, посвященная практически не изученной теме, влиянию западной церковной геральдики на зарождающуюся геральдику современной православной церкви.

Своеобразный итог всему сборнику подводит совместная статья А.В.Голубева и П.С.Куприянова, в которой на материале XIX-XX веков авторы рассматривают процесс формирования, изменения и типологической эволюции инокультурных представлений российского общества.

¹ Отчеты о предыдущих заседаниях «круглого стола» см.: Отечественная история. 1995. № 3; 1998. № 3; 1999. № 1, 6; 2001. № 2, 6.

² Россия и Европа в XIX-XX вв.: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996; Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997; Россия и Запад: Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998.

³ Рецензии см.: Отечественная история. 1998. № 5. С. 214-215; 1999. № 6. С. 166-169; 2000. № 2. С. 181-183; 2004. № 6. С. 188-193; Историографический сборник. Вып. 21. Саратов, 2004. С. 265-276.

I. РОССИЯ: ВЗГЛЯД ИЗВНЕ

Пузанов В.В.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДРЕВНИХ СЛАВЯН: ВЗГЛЯД ИЗ ВИЗАНТИИ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ (VI-VIII вв.)

Острый дефицит источников по истории древнеславянского язычества заставляет исследователей оперировать в основном этнографическим материалом, собранным в XIX-XX вв. Вместе с тем, сохранившиеся средневековые письменные свидетельства, на наш взгляд, задействованы далеко не в полной степени. Сказанное относится, прежде всего, к известиям византийских и латиноязычных авторов VI-VIII вв. Исследователи обычно обращают внимание на фрагмент из «Истории войн» Прокопия Кесарийского: «Ибо они считают, что один из богов – создатель молнии – именно он есть единый владыка всего, и ему приносят в жертву быков и всяких жертвенных животных. Предопределения же они не знают и вообще не признают, что оно имеет какое-то значение, по крайней мере в отношении людей, но когда смерть уже у них в ногах, охвачены ли они болезнью или выступают на войну, они дают обет, если избегнут ее, сейчас же совершить богу жертву за свою жизнь; а избежав (смерти), жертвуют, что пообещали, и думают, что этой-то жертвой купили себе спасение. Однако почитают они и реки, и нимф, и некоторые другие божества и приносят жертвы также и им всем, и при этих-то жертвах совершают гадания»¹.

Между тем, и другие источники этого времени содержат ценную информацию, отражающую состояние язычества на стадии существования единой славянской общности.

Отношение к славянам в христианском мире – это, прежде всего, отношение христиан к язычникам. Данным обстоятельством, военным противостоянием и бытовыми различиями определялись те хлесткие эпитеты, на которые не скупились христианские авторы в отношении славян, закрепляя уже сложившиеся стереотипы их восприятия, с одной стороны, и формируя новые – с другой.

Византийские источники, характеризующие склавинов и антов, создают у читателя образ сильного, смелого, жестокого, многочисленного врага, типичного варвара – свирепого, звероподобного, безрассудного и лживого². Сравнение варваров с животным миром характерно для византийской традиции³. Это понятно: для византийца язычник не вполне человек, а любой не византиец в той или иной степени – варвар. В этом плане характерно название проповеди Феодора Синкела, из которого следует, что «человек» для автора – синоним христианина, в данном случае византийца⁴.

Вместе с тем византийская традиция, как и античная, отличала «северных варваров» (ведущих оседлый образ жизни) от «южных» (кочевников). Для характеристики последних особо применялось слово «мерзкий»: «богомерзкий хаган»⁵, «мерзкий народ»⁶ и т.п. Типичное восприятие кочевников проявлялось и в том, что их зачастую считали людьми «лишь в том смысле», что они обнаруживали «подобие человеческой речи»⁷.

«Северные варвары» были византийцам гораздо ближе. Порою, по отношению к ним, наряду с неприязнью и чувством превосходства, проскальзывало уважение и даже идеализация. Например, славянам приписывались простодушие и неиспорченность цивилизацией, а стереотипному образу безобразного варвара-кочевника противопоставлялся образ красивого, статного варвара-славянина⁸. И хотя «образ жизни» славян «грубый и неприхотливый», как и у кочевников, в отличие от последних, «они менее всего коварны и злокозненны»⁹.

Образно выражаясь, с точки зрения византийцев, славяне и другие северные варвары – звероподобные люди, тогда как варвары-кочевники – «звери» (либо порождения «нечистых духов») с отдельными человеческими чертами.

Языческие представления и культовые действия славян, как правило, ускользали из поля зрения византийцев, поскольку воспринимались сквозь призму христианского мировоззрения, рассматривавшего мир как арену противостояния божественных сил с силами тьмы, возглавляемыми дьяволом. Только если Бог, Богородица, ангелы и святые играли активную роль, вплоть до личного участия в сражении на стороне христиан¹⁰, то дьявол на страницах византийских сочинений выполнял в некоторой степени пассивную функцию подстрекателя и пако-стника. Поэтому, с одной стороны, нападения варваров – «священный бич», направляемый Господом за грехи¹¹, с другой – сам же Господь, предстательством Богородицы или святых, отводил его от христиан¹². Дьявол на этом фоне мелковат. Он может сбить с толку «толмача», побудив помогать ринхинскому князю Первуду, внушить тому же Первуду, находящемуся под стражей, «обратиться в бегство»¹³, либо «с присущей ему хитростью» заблокировать опускание катаракты у городских ворот, оставляя их беззащитными перед противником¹⁴. Естественно, что дьявол всегда посрамляем, а опутанные его кознями находят погибель, как и произошло в истории с толмачом и Первудом. В ситуации же с воротами достаточно было одному из мастеров воскликнуть, «по Божию внушению: «“Христос с нами!”», как катаракта стала на положенное ей место.

Не в состоянии дьявол и обеспечить победу язычникам. Только пока Бог карает христиан их руками, они могут убивать и грабить¹⁵.

С точки зрения такого мировосприятия оценивались и поступки «варваров», которые на страницах византийских сочинений вынуждены были принимать предложенные им «правила игры». Как и византийцы, славяне верят в чудеса, являемые Богом, Богородицей и святыми, более того – свидетельствуют о них¹⁶. Сам аварский каган, согласно «Пасхальной хро-

нике», после неудачной осады Константинополя в 626 г. заявил, что видел на стенах города Богородицу¹⁷.

Основания для таких утверждений, видимо, давали и сами славяне. Ведь для язычников «ромейские боги» – такая же реальность, как и их собственные. Интересно в этой связи сообщение в «Чудесах св. Димитрия Солунского» о том, что после очередной неудачи под стенами Фессалоники славяне «стали восхвалять Бога...»¹⁸ Вряд ли это была готовность креститься. Скорее всего, славяне вынуждены были признать, что «ромейские боги» на этот раз оказались сильнее славянских. Тем не менее подобное «превосходство» могло стать побудительным мотивом для крещения. Например, славянский мастер, придумавший хитроумное осадное сооружение, но потерпевший неудачу в его строительстве вследствие противодействия св. Дмитрия, «искренне уверовал в Бога и святого мученика Димитрия и был удостоен пречистого крещения»¹⁹.

Поклонение чужим богам, в надежде на практическую помощь, распространенное явление в языческом мире. Норманны, например, за пределами родины поклонялись местным богам, а Христа «воспринимали как могучего витязя, правителя многих народов». Они часто принимали христианство, «убедившись в могуществе Христа, в удачливости поклонявшихся ему людей»²⁰.

Даже если языческие представления и культовые действия варваров оказывались в поле зрения византийцев, они зачастую не воспринимались как таковые. Наглядный пример – описанный Феофаном Исповедником случай, когда болгарский хан Крум сделал из черепа убитого византийского императора Никифора чашу и заставлял пить из нее «архонтов славян»²¹. Для Феофана это апогей бесславного правления императора, унижения Византии и т.п., но только не ритуал служения тюркскому богу Тенгри²² (очевидный для современного исследователя²³).

О том же свидетельствует ряд сюжетов из «Чудес св. Димитрия Солунского» о нападениях славян на Фессалонику²⁴. Особое внимание привлекает описание осады, начавшейся ут-

ром 23 сентября 586 или 597 г.²⁵, когда аварский каган «призвал к себе все звериное племя славян... и, смешав их с некоторыми варварами других племен, приказал всем выступить против богохранимой Фессалоники»²⁶.

В первый же вечер «варвары» разожгли вокруг стен города огромный костер, напомилавший осажденным «огненную реку у Даниила... Потом при этом ужасном огне они издали единодушно крик, еще более страшный, чем пламя, о котором мы, ясно ощутившие (это), говорим, согласно пророку, что земля тряслась и небеса таяли»²⁷.

Огромный огонь, охвативший Фессалонику подобием «огненной реки», не что иное, как магический круг, направленный на нейтрализацию враждебной магии, исходящей от чужого города. Возможно, под прикрытием этого «щита»²⁸ совершались определенные магические обряды (одним из элементов которых являлся страшный крик), строились осадные орудия²⁹ и т.п. Сам процесс подготовки к штурму имел магический характер и был защищен от воздействия враждебной магии.

В славянской мифологии образ огненной реки, «отделяющей мир мертвых от мира живых», восходит к глубокой древности³⁰. Сохранился он и в восточнославянских заговорных текстах, защищающих скот от хищников. Обычно магическая ограда создавалась вокруг охраняемого объекта. Однако в одном из белорусских заговоров ограждение строится для изоляции носителя опасности³¹. Вероятно, подобный вариант имел место и в рассматриваемом случае.

Далее автор сюжета, видевший «собственными глазами» происходившее, ставит цель – «показать боголюбивому слушателю, что спасение городу тогда было от Бога» и св. Дмитрия. На третий день славяне и их союзники подвели осадные орудия к стенам, приготовив, прежде всего, таран у Касандриных ворот. Но когда они увидели на воротах «некий крюк, подвешенный жителями города, железный, короткий и ничтожный, наподобие пугала, которое вешают для младенца», то, «охваченные страхом», бросили свое осадное орудие и ушли в лагерь. При этом варвары подожгли указанный таран «и ему по-

добные». «Сила ли города совершила это или всецело (сила) божественная, которая устрасила смелых, как младенцев?» – риторически вопрошал автор. В тот день славяне больше ничего против города не предпринимали³².

Странное, с его точки зрения, поведение славян автор объясняет божественным вмешательством. Неправдоподобность, с рациональной точки зрения, ситуации может натолкнуть на мысль о художественном вымысле, преследовавшем продекларированную выше цель прославить Бога и св. Дмитрия. Однако отдельные детали сюжета позволяют отнести к описанным событиям вполне серьезно. Прежде всего, обращает на себя внимание решение славян сжечь свои осадные орудия. Перед нами, судя по всему, наглядный пример, когда варварская наивность, с одной стороны, магическое сознание – с другой, приводили к тому, что все неизвестное настораживало, пугало. Скорее всего, незадачливый предмет осаждавшие город язычники приняли за какой-либо магический артефакт и ушли в лагерь нейтрализовывать вредные для них, как они полагали, воздействия оного. Осадные орудия, оказавшиеся в зоне действия артефакта, и, следовательно, «испорченные», были преданы очистительному огню. Данный случай может свидетельствовать о весьма архаичных представлениях осаждавших.

Определенную магическую роль играл огонь и в ходе осады 677 г.³³ Вначале славяне «приготовили у ворот» осадные сооружения. На рассвете «все варварское (племя) поднялось и единодушно издало такой вопль, что земля сотряслась и стены зашатались. И сразу же к стене подошли рядами вместе с... осадными орудиями, машинами и огнем – одни по всему побережью на соединенных (кораблях), другие на суше – вооруженные... храбрейшие с лестницами и огнем устремились на стену... В сумятице нападения сгорели... ворота, ибо (варвары) разожгли большой огонь, в который бросали непрерывно много дров». Однако, обнаружив, что деревянные части ворот выгорели, «но соединяющие железные части совсем не ослабели, а выглядели как бы закаленными и спаянными другим обра-

зом, так что, сгорев, эти ворота остались целыми... варвары, испугавшись, отошли от этого места»³⁴.

Наибольший интерес вызывает эпизод с поджогом ворот. Понятно повышенное внимание именно к воротам, символизирующим в славянской мифологии границу «между своим, освоенным пространством и чужим, внешним миром»³⁵. Кроме того, ворота являлись своеобразным разрывом в магической границе, создаваемой городской стеной. Если сакрализация городской стены восходит к ограде, окружавшей славянские святилища³⁶, можно только догадываться, какими могущественными казались славянам, не знавшим монументальных каменных построек, магические силы, защищавшие византийские города³⁷. Понятен и испуг славян, потерпевших неудачу с поджогом ворот, — их магическое средство не смогло преодолеть защитной магии противника. Возможно, что они, незнакомые с конструкцией ворот, приняли сохранившиеся в огне железные части за своеобразное магическое превращение дерева в металл. Беспольность, с точки зрения славян, дальнейшего штурма ворот могла объясняться и представлениями о несокрушимости железной преграды. Как показывает анализ этнографического материала, «прочность, нерушимость ограды, ворот, дверей, сделанных из железа — постоянный мотив славянских оберегающих заговоров»³⁸.

В отличие от «огненной реки», огонь в ходе рассматриваемой осады имел и материально-практическое значение — разрушение деревянных ворот противника посредством прямого контакта. Тем не менее, на наш взгляд, налицо также магическая составляющая, что особенно ярко проявляется в реакции славян на неудачный исход операции. В данном случае огонь выполнял, видимо, и защитную, и наступательную функции. Обжигание, сжигание опасности, обезвреживание огнем вредоносной магии широко было распространено в соответствующей практике славянских народов³⁹.

Показательно, что славяне наступали с огнем по всему периметру укреплений, образуя замкнутое кольцо. Подобная так-

тика могла преследовать и магическую, и сугубо практическую (растянуть оборону противника) цели.

Представляет интерес известие «Чудес...» о громких криках, издаваемых славянами накануне и в начале штурма. Видимо, иногда боевых кличей было достаточно для обращения в бегство неприятеля: «Если же и придется им отважиться... на сражение, — писал о славянах Маврикий Стратег, — они с криком все вместе понемногу продвигаются вперед. И если неприятели поддаются их крику, стремительно нападают; если же нет, прекращают крик и... убегают в леса, имея там большое преимущество, поскольку умеют... сражаться в теснинах»⁴⁰. Греки не только хорошо знали об этой стороне военной тактики славян, но даже понимали значение отдельных кличей⁴¹.

Боевые кличи в древности были связаны с боевой магией⁴². Широко использовались они впоследствии и на Руси⁴³. Подобные приемы не являлись особенностью славян. Античные и средневековые авторы отмечают «крикливость» и «шумливость» как одну из отличительных черт «варваров».

Прежде чем принять какое важное решение, язычники прибегали к гаданию. Древнейшее известие о гаданиях у славян содержится в «Истории войн» Прокопия Кесарийского: «...Почитают они и реки, и нимф, и некоторые другие божества и приносят жертвы также и им всем, и при этих-то жертвах совершают гадания»⁴⁴. О «боевых» гаданиях у славян сообщают «Чудеса св. Димитрия Солунского», при описании очередной осады Фессалоники⁴⁵: «Необычайным чудом, достойным упоминания, было и то, что когда экзарх... славян по имени Хацон по своему обычаю захотел узнать через гадание, сможет ли он войти в наш богохранимый город, ему было сказано, что можно войти, но не было раскрыто, каким образом. И наконец из-за данного ему пророчества, как казалось, имея хорошие надежды, он с дерзостью ускорил событие. Но Тот, Кто пременяет времена и лета, уничтожает замыслы врагов, выдал его живым в плен горожанам у... малых ворот»⁴⁶.

«Чудеса...» не сообщают о способе гадания, но говорят о цели и результатах онога. Характерно, что автор не ставит под

сомнение достоверность информации, полученной Хаконом. Славянский экзарх, как ему и было нагадано, оказался в осажденном городе, правда, не в той роли, на которую рассчитывал. И хотя без помощи Господа и св. Дмитрия городу не обошлось (более того, это объявлялось «необычайным чудом, достойным упоминания»), компетентность языческого «пророчества» не страдала. Ведь Хацону «было сказано, что можно войти, но не было раскрыто, каким образом». Налицо и ответственность Хакона за случившееся. Как и подобает варвару, он, не разобравшись в сути предсказанного, «с дерзостью ускорил событие».

Нетрудно найти литературные параллели с этим сюжетом, как в плане двусмысленности предсказаний⁴⁷, так и в плане доверия языческим гаданиям и предсказаниям⁴⁸.

Возможно, о гадании шла речь и в сюжете об осаде 677 г., когда автор «Чудес...» отметил, что князья другивитов «получили заверения от неких славян из этого же племени, что в любом случае возьмут город»⁴⁹.

Авторы «Чудес...» не только не понимали сути языческих ритуалов славян, которые они описали, но даже, как следует из текста, не догадывались, что перед ними магические действия (за исключением, пожалуй, гадания). Более осторожными в этом плане были славяне, которые отдельные манипуляции осажденных с защитными орудиями могли принимать за магическое противодействие.

В соответствии с духом эпохи, противники рассматривали события, связанные с борьбой за Фессалонику, сквозь призму противостояния надчеловеческих сил. Язычники верили, что боги принимают участие в войнах между людьми⁵⁰. Отсюда и магические действия, направленные на получение помощи высших сил и на нейтрализацию враждебных аналогичных сил. Поэтому славяне прекращали штурм, когда их магия оказывалась недейственной перед магией противника. В свою очередь византийцы-христиане воспринимали неудачу славян как следствие противодействия со стороны Господа и св. Дмитрия. Это нашло отражение не только в тексте «Чудес...», местных

Более решительным оказался епископ Аманд, если верить его «Житию»⁶⁶. Достигнув успехов на пути проповеди во Фландрии и обратив некоторых франков в Христову веру, он, «горя еще большим желанием, чтобы еще и другие были обращены, услышал, что славяне опутаны сетями дьявола, и более всего уповая, что сможет достичь пальмы мученичества... переправился через Дунай...» Уже в данном фрагменте содержится мысль о бесполезности миссионерской деятельности у славян: Аманд идет к ним не столько с целью обращения их в истинную веру, сколько стремясь «достичь пальмы мученичества». Однако ожидания миссионера оправдались лишь наполовину. Как и предполагал «святой муж», «лишь немногие» из славян «возродились во Христе», несмотря на то, что он «во всеуслышание проповедовал Евангелие Христово». Но и мученичества, «которого всегда жаждал», Аманд не достиг. Видя, что «плод для него еще совсем не созрел», он покинул славян⁶⁷.

Характерно, что славяне, хотя и не поддались на проповедь, не причинили вреда миссионеру, который, если верить «Житию», прямо-таки искал неприятностей. Вероятно, здесь сказались, с одной стороны, святость уз гостеприимства⁶⁸ и уважительное, даже опасливое, отношение к служителям культа, пусть и поклонявшимся чужим богам. С другой стороны, видимо, Аманд был недостаточно последователен в поисках мученического венца. Ведь от корректности миссионера в незначительной степени зависела его личная безопасность.

Другое отношение ждало тех представителей христианского духовенства, которых славяне захватывали в плен во время войн и пиратских рейдов. Их обращали в рабство наравне со всеми⁶⁹. Видимо, это было обусловлено взглядами язычников на побежденных. Поэтому и плененные «жрецы», с точки зрения язычников, утрачивали свою благодать, сверхъестественную силу, становясь в один ряд с другими пленными, а потом и с рабами.

Конечно, христианские миссионеры не совсем бездействовали. На основании актов VI Вселенского собора 680–681 гг.,

ряд исследователей считает, что уже тогда среди славян работали церковные миссии и часть их могла принять крещение⁷⁰. Однако что-либо определенное сказать на этот счет сложно. Отдельные успехи, скорее всего, были непрочными, а неофиты, как известно из более поздних времен, вполне могли оказываться во власти двоеверия.

В отличие от язычества, христианство менее терпимо к иноверцам, более организованно и мобильно, стремится к постоянному расширению своего ареала. Поэтому военно-политическая экспансия на славянские территории, осуществляемая христианами народами, и процессы христианизации (по крайней мере с VIII в.) были взаимосвязаны. Правда, у представителей светской власти меркантильные интересы часто преобладали над интересами веры, и они нередко закрывали глаза на языческие пристрастия славян, оказавшихся в орбите их влияния. Например, Карл Великий, немало способствуя крещению окрестных «варваров», охотно «с Божией помощью» принимал под свою власть и славян-язычников⁷¹. Последних франки называли «нашими славянами»⁷². Невзирая на свое язычество, сражаясь с врагами Карла, они одерживали победы с помощью веры «христиан и государя короля». И вознаграждал их Карл Великий «чрезвычайно, как они были того достойны»⁷³. Несколько столетий спустя духовенство все еще будет жаловаться, что сугубо прагматичные интересы светской власти вредили делу христианизации балтийских славян⁷⁴.

Впрочем, приняв новую веру, славяне, если верить западноевропейским информаторам, становились одними из наиболее преданных последователей христианства. Например, мучительно трудно утверждалось христианство в Карantanском княжестве⁷⁵. Со временем все изменилось. В XII в. Гельмольд дал такую характеристику карantanцам: «...Это люди, преданные служению Богу, и нет народа более, чем они, достойного уважения и более приверженного в служении Господу и в почитании духовенства»⁷⁶. Князя руян Яромира, принявшего христианство, за стойкость в вере, Гельмольд называл вторым апостолом Павлом⁷⁷. Таким образом, отношение к славянам-

христианам было прямо противоположным отношению к славянам-язычникам. Но и язычники, в зависимости от обстоятельств, делились на «наших» и «не наших». Как бы там ни было, христианизация ряда славянских народов стала важным фактором ликвидации их независимости и последующей ассимиляции.

По той же причине, что и византийские авторы, их западноевропейские коллеги не всегда улавливали языческое содержание в действиях и поступках славян. Вместе с тем, романо-германские народы крестились еще сравнительно недавно, а многие в VI-VIII вв. были еще не христианизированы, либо оставались под сильным влиянием языческих традиций. В этом плане, равно как и в других составляющих развития общества, они стояли ближе к славянам, чем византийцы. На протяжении всего средневековья и у славянских, и у романо-германских народов весьма жизненными были восходящие к язычеству представления об особой сакральной сущности правителя. При этом христианские представления о богоизбранности носителя высшей власти очень медленно разрушали языческую основу. Показательно, что сакральной силой, в представлении средневековых христиан, обладали не только христианские государи, но и языческие вожди. Интересен в этой связи рассказ Хроники Фредегара о вокняжении Само. В 623/24 г. Само отправился по торговым делам к славянам, восставшим против аварского ига, и принял участие в одном из походов. «...И там столь большая доблесть [*utilitas*]⁷⁸ проявилась в нем против гуннов (аваров. – *В.П.*), что было удивительно, и огромное множество их было уничтожено мечом винидов. Узнав доблесть Само, виниды избрали его над собой королем». И впоследствии во многих битвах «благодаря его совету и доблести [*utilitate*] виниды всегда одерживали над гуннами верх»⁷⁹.

Под пером хрониста предстает ярко выраженный тип сакрального военного вождя. Остается гадать, насколько более значимо его в таковой роли представляли сами славяне. Само неожиданно откуда-то приходит и показывает чудеса храбрости. Неожиданно (не будем забывать, что эти славяне находи-

лись под аварским игом) славяне побеждают. Эти обстоятельства могли дать толчок для буквального обожествления Само. По крайней мере, несомненно, что он, с точки зрения славян, обладатель огромной магической силы, любимец богов. Его избирают «королем». И ведет он себя, как подобает сакральному вождю, — имеет «12 жен из рода славян», родивших ему 22 сына и 15 дочерей⁸⁰. Вполне возможно, что указанные 12 жен являлись дочерьми вождей племенных союзов, объединившихся под властью Само. Это могло символизировать сакральную связь вождя с территориями всех (если так можно выразиться) субъектов сформировавшегося суперсоюза и, как следствие, сакральное единство всего суперсоюза, персонифицируемое в Само и его женах.

Еще более «доблестным» франкскому хронисту, естественно, представлялся король франков Дагоберт: «Страх же доблесть его внушала такой, что уже с благоговением спешили предать себя его власти; так что и народы, находящиеся близ границы аваров и славян, с готовностью упрашивали его, чтобы он благополучно шел позади них, и твердо обещали, что авары и славяне, и другие народы вплоть до империи будут подчинены его власти»⁸¹. Здесь налицо характерная для средневековья иерархия «доблести» (счастья, удачи). И хотя Само — язычник и в иерархии «доблести» стоит ниже Дагоберта-христианина (а главное — короля франков), хронист фактически ставит их в один ряд. При этом наличие большей «доблести» обеспечивало Дагоберта в системе международного права моральный авторитет, а не право власти в отношении Само. Тот же хронист осуждает франкского посла Сихария, заявившего в споре, что «Само и народ его королевства должны-де служить Дагоберту»⁸².

И в более позднюю эпоху особа князя, короля, императора настолько священна, что противостоять ей простому смертному трудно, если вообще возможно. Даже князья-язычники были не по зубам простым воинам-христианам. В середине X в. саксонскому воину Госеду удалось обезглавить одного из полабско-славянских князей — Стоинефа, благодаря тому, что по-

следний «был утомлен сражением и лишился оружия». Убийство даже обессилевшего и безоружного князя посчитали небывалым подвигом. Госед «стал известным и знаменитым», германский император наградил его доходами с 20 крестьянских наделов⁸³.

Вследствие подобных представлений, славяне боялись не численно превосходящего врага, а удачливых полководцев⁸⁴. Показательны в этом плане сведения Павла Диакона о нападении славян на Фороюли в герцогство Вехтари (664-670/671). Узнав, что герцог отправился в Тицин, славяне совершили дерзкое вторжение, став лагерем неподалеку от крепости. «Однако, по Божьему соизволению... накануне вечером герцог Вехтари вернулся из Тицина, о чем славяне не знали». С двадцати пятью мужами он выступил против неприятеля. Увидев такое мизерное войско, враги «принялись насмехаться, говоря: это, мол, патриарх с клириками выступил против них». Подойдя ближе, Вехтари, «сняв с головы шлем, показал славянам свое лицо, ведь он был лыс. Едва славяне узнали его, ибо это был сам Вехтари, как тотчас в смятении закричали: здесь Вехтари, и, так как Бог поразил их страхом, думали больше о бегстве, чем о сражении»⁸⁵.

Павел Диакон писал спустя более ста лет после этих событий, если они, конечно, действительно имели место. Его рассказ несет на себе «сильный отпечаток народных легенд, особенно в деталях»⁸⁶. Тем не менее суеверный страх славян перед удачливым военным вождем, каковым с их точки зрения являлся Вехтари, соответствует историческим реалиям эпохи и находит подтверждение в других источниках⁸⁷. С этих же позиций рассматривали события и соплеменники герцога, как современники, так, если признать фольклорные элементы рассказа, и потомки. Сходным образом оценивал ситуацию и сам Павел Диакон, человек, наделенный высоким церковным саном. Правда, он пытается внести в традиционное восприятие христианскую окраску, заявив, что «Бог поразил» славян страхом. Но это у него получается не совсем удачно. Ведь с его же слов следует, что славяне изначально боялись именно Вехтари

и выступили в поход, будучи твердо уверенными в отсутствии герцога в Фороюли. Они пришли в смятение, увидев именно Вехтари, коего не чаяли встретить, и только после этого «Бог поразил их страхом».

Византийские и латиноязычные авторы VI-VIII вв. характеризовали славян и их религиозные представления со своих идеологических позиций. В этом плане в их взглядах много общего. Вместе с тем, если для первых понятие «варвары» имело и конфессиональную, и этнополитическую нагрузку (во-первых, не христиане; во-вторых, не византийцы), то для вторых, прежде всего, конфессиональную (не христиане). Характерно, что вопросы миссионерской деятельности среди славян интересовали, в первую очередь, латиноязычных авторов. При этом если единичные акты крещения славян, отмеченные византийцами, являлись как бы следствием вмешательства божественных сил, то успехи западных миссионеров – результатом их личных действий, в условиях, когда «плод» для миссионерской деятельности «еще не созрел».

Незнание сути языческого культа приводило порою к забавным курьезам. Например, и византийские, и латиноязычные авторы отмечали сугубо языческий обряд «соумирания» жены с мужем (или чаще всего рабыни с господином), характерный для славян того времени, в качестве образца женской целомудренности и супружеской добродетели⁸⁸. И впоследствии эти сюжеты будут присутствовать в литературе христианских народов для назидания своим соплеменникам и единоверцам.

¹ Прокопий Кесарийский. История войн // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1: (I-VI вв.). [Изд. 2-е, испр.]. М., 1994. С. 182-185. (Далее – Свод 1).

² Иоанн Эфесский. Церковная история // Свод 1. С. 278-279; Феофилакт Симокатта. История // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2: (VII-IX вв.). М., 1995. С. 14-15, 24-27, 30-31. (Далее – Свод 2); Георгий Писиды. Ираклиада // Там же. С. 70-71; Георгия Писиды, диакона и скевофилака Великой Божьей церкви (поэма) о случившемся нашествии варваров и их безрассудстве, или изложение происшедшей у стен Константинополя войны меж-

- ду аvarами и горожанами // Там же. С. 66-67; *Феодор Синкелл*. О безумном нападении безбожных аvarов и персов на богохранимый Град и об их позорном отступлении благодаря человеколюбию Бога и Богородицы // Там же. С. 84-85; Чудеса св. Димитрия Солунского // Там же. С. 98-99, 100-103, 106-107, 110-111, 180-181 (Далее – Чудеса); *Феофан Исповедник*. Хронография // Там же. С. 278-279 и др.
- ³ См., напр.: *Литаврин Г.Г.* Византия и славяне. СПб., 2001. С. 593; *Бибииков М.В.* Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб., 1999. С. 98.
- ⁴ См. примеч. 2. Ср.: Чудеса. С. 110-111, 148-149 и др.
- ⁵ Пасхальная хроника // Свод 2. С. 76-77.
- ⁶ *Феофан Исповедник*. Хронография. С. 276-279.
- ⁷ *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001. С. 121-122.
- ⁸ *Феофилакт Симокатта*. История. С. 14-17; *Феофан Исповедник*. Хронография. С. 254-255; Свод 2. С. 48-49. Комментарии 29, 31.
- ⁹ *Прокопий Кесарийский*. История войн. С. 184-185. См. также: Свод 1. С. 227. Комментарии 91-93.
- ¹⁰ *Георгия Писиды* (поэма)... С. 68-69; Чудеса. С. 104-105, 120-123, 158-159 и др.
- ¹¹ Чудеса. С. 110-111, 158-159; Ср.: *Иоанн Эфесский*. Церковная история. С. 278-279.
- ¹² Чудеса. С. 98-99, 110-111, 114-115, 116-117, 126-127, 138-139, 161-163 и др.; Пасхальная хроника. С. 78-79; *Феофан Исповедник*. Хронография. С. 272-273.
- ¹³ Чудеса. С. 146-149.
- ¹⁴ Там же. С. 116-117.
- ¹⁵ *Иоанн Эфесский*. Церковная история. С. 278-279.
- ¹⁶ Там же. С. 142-143; см. также: Там же. С. 110-111, 144-145, 162-164 и др.
- ¹⁷ Пасхальная хроника. С. 78-79.
- ¹⁸ Чудеса. С. 162-163.
- ¹⁹ Там же. С. 162-165.
- ²⁰ *Гуревич А.Я.* Избранные труды. М., 1999. Т. 1. С. 175-176.
- ²¹ *Феофан Исповедник*. Хронография. С. 288-289.
- ²² Близкий образец восприятия демонстрирует Повесть временных лет (далее – ПВЛ) в рассказе о гибели Святослава (ПВЛ. СПб., 1996. С. 35).
- ²³ См.: *Литаврин Г.Г.* Указ. соч. С. 292 и др.
- ²⁴ Особо интересны I и II собрания «Чудес», «славянские главы» которых охватывают период с 580-х до 680-х гг. и, что особенно важно, написаны очевидцами событий (Свод 2. С. 91-95). Особенно

стью «Чудес», имеющей первостепенное значение, является и то, что в них весьма подробно, даже детально (правда, без хронологических привязок), излагаются перипетии обороны Фессалоники от нападения славян. Именно детализация событий позволяет получить весьма ценную информацию, отсутствующую в других источниках.

²⁵ О датировке см.: Свод 2. С. 186-187. Комментарий. 26.

²⁶ Чудеса. С. 102-103. О.В. Иванова, подготовившая документ к публикации, полагает, что славяне не составляли большинства осаждающих (Свод 2. С. 188. Комментарий. 33). Такое предположение противоречит прямому указанию источника и отдельным деталям, содержащимся в тексте (См.: Пузанов В.В. О боевой магии древних славян // Этнос. Культура. Человек. Ижевск, 2003. С. 290).

²⁷ Чудеса. С. 112-113.

²⁸ Он сохранялся и после прогорания огня. В ирландском фольклоре отразились древние представления о том, что высыпанные из очага во двор горящие угли создают вокруг дома защитную стену огня, непреодолимую для сверхъестественных существ (См.: Рис А., Рис Б. Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе. М., 1999. С. 340-345). Славянский этнографический материал свидетельствует о вере в то, что остатки кострищ сохраняют магическую силу огня (см.: Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М., 2002. С. 102-103).

²⁹ «Затем всю ночь и на завтра мы слышали шум со всех сторон, когда они подготавливали гелеполы, железных “баранов”, огромнейшие камнеметы и... “черепаш”...» (Чудеса. С. 112-113).

³⁰ Славянская мифология. М., 1995. С. 285.

³¹ См.: Левкиевская Е.Е. Указ. соч. С. 28-30.

³² Чудеса. С. 114-115.

³³ О датировке см.: Свод 2. С. 202-203. Комментарий. 170.

³⁴ Чудеса. С. 156-161.

³⁵ Подр. см.: Славянская мифология. С. 118-119.

³⁶ См.: Фроянов И.Я. Начало христианства на Руси. Ижевск, 2003. С. 147-148; Дворниченко А.Ю. Город в общественном сознании Древней Руси IX-XII вв. // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы идеологии и культуры. Л., 1987. С. 20-30 и др.

³⁷ Фессалонику окружала «массивная двойная стена», толщиной «от 2 до 4,6 м, в высоту от 8,5 до 12 м... в длину – 7-8 км». Оборонительные сооружения были созданы «по всем правилам фортификационной техники тех времен», взять «город штурмом было практически невозможно...» (Свод 2. С. 187-188. Комментарий. 30).

³⁸ Левкиевская Е.Е. Указ. соч. С. 29-30.

- ³⁹ Там же. С. 93, 102-106.
- ⁴⁰ *Маврикий Стратег*. Стратегикон // Свод 1. С. 370-371.
- ⁴¹ Чудеса. С. 100-101. См. также: Свод 2. С. 185. Комментар. 15.
- ⁴² См.: *Пузанов В.В.* О боевой магии... С. 294-295.
- ⁴³ См.: *Фроянов И.Я.* Рабство и данничество у восточных славян. СПб., 1996. С. 488-491; *Пузанов В.В.* О боевой магии... С. 294-295.
- ⁴⁴ *Прокопий Кесарийский*. История войн. С. 182-185.
- ⁴⁵ О датировке этого события см.: Свод 2. С. 190-191. Комментар. 71.
- ⁴⁶ Чудеса. С. 132-133.
- ⁴⁷ Например, предсказания Дельфийского оракула Крезу и спартамцам (*Геродот*. История. М., 1993. I, 53, 66).
- ⁴⁸ См., напр.: ПВЛ. С. 20-21.
- ⁴⁹ Чудеса. С. 156-157.
- ⁵⁰ См.: *Фроянов И.Я.* Рабство и данничество... С. 396-397 и др.
- ⁵¹ Указ Юстиниана II о царском дарении в пользу храма св. Димитрия в Фессалонике // Свод 2. С. 214-215.
- ⁵² Чудеса. С. 162-163. Также см. выше.
- ⁵³ *Феофилакт Симокатта*. История. С. 22-25.
- ⁵⁴ См.: Там же. С. 18-23.
- ⁵⁵ «Славяне, вовлеченные в чрезмерное заблуждение, опутаны сетями дьявола...» (Житие св. епископа Аманда // Свод 2. С. 407); «...народ весьма приверженный язычеству...» (Люршские и Мозельские анналы // Свод 2. С. 444-445); жесточайшие язычники (Бревиарные записи // Свод 2. С. 502-505) и др.
- ⁵⁶ «Загадки, посланные сестре» и переписка Бонифация // Свод 2. С. 416-417.
- ⁵⁷ Свод 2. С. 416. Комментар. 1.
- ⁵⁸ «Загадки, посланные сестре»... С. 414-415.
- ⁵⁹ См.: Свод 2. С. 358. Комментар. 7.
- ⁶⁰ *Исидор Севильский*. О свойствах народов. О недостатках народов // Свод 2. С. 356-357.
- ⁶¹ Хроника Фредегара // Свод 2. С. 368-369.
- ⁶² См.: Свод 2. С. 388. Комментар. 39-40.
- ⁶³ Дагобертов посол заявил в ставке Само: «Невозможно, чтобы христиане и рабы Божьи могли установить дружбу с псами» (Хроника Фредегара. С. 368-369).
- ⁶⁴ См.: Свод 2. С. 388. Комментар. 39. См. также ниже.
- ⁶⁵ *Иона из Боббьо*. Житие св. аббата Колумбана и его учеников // Свод 2. С. 360-361.
- ⁶⁶ Аманд родился после 590 г., а умер после 675 г. «Житие» написано не позднее первой четверти VIII в. См.: Свод 2. С. 406.

- ⁶⁷ Житие св. епископа Аманды. С. 406-407.
- ⁶⁸ О гостеприимстве см.: Пузанов В.В. Институт гостеприимства у древних славян // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Ижевск, 2002. С. 391-399.
- ⁶⁹ Чудеса. С. 178-181.
- ⁷⁰ Свод 2. С. 212.
- ⁷¹ Анналы Петау // Свод 2. С. 449.
- ⁷² «...Наши славяне, которые называются ободритами». (Лоршские и Мозельские Анналы. С. 444-445).
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ См., напр.: Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. I, 19, 21 и др.
- ⁷⁵ См.: Ронин В.К. Принятие христианства в Карantanском княжестве // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988. С. 104-121; Свод 2. С. 458-460. Комментарии 1-2.
- ⁷⁶ Гельмольд. Славянская хроника. I, 1.
- ⁷⁷ Там же. II, 12.
- ⁷⁸ Utilitas – полезность, благо, выгода. Здесь и во многих других контекстах – некая главная добродетель военного вождя и правителя, соединяющая в себе «силу, энергию, мудрость, т.е. вообще способность эффективно распоряжаться своей властью... Utilitas подразумевает также удачливость, особую благодать, проявляющуюся в успешности действий носителя этой добродетели» (см.: Свод 2. С. 383. Комментар. 15).
- ⁷⁹ Хроника Фредегара. С. 366-367.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же. С. 366-369.
- ⁸² Там же. С. 368-369.
- ⁸³ Видукинд Корвейский. Деяния саксов. М., 1975. III, 55.
- ⁸⁴ См.: Пузанов В.В. У истоков восточнославянской государственности // История России: народ и власть. СПб., 1997. С. 13 и др.
- ⁸⁵ Павел Диакон. История лангобардов // Свод 2. С. 488-489.
- ⁸⁶ См.: Свод 2. С. 499. Комментар. 58.
- ⁸⁷ См.: Пузанов В.В. У истоков... С. 13 и др.
- ⁸⁸ Маврикий Стратег. Стратегикон. С. 368-369; «Загадки, посланные сестре»... С. 416-417.

МОСКОВСКАЯ РУСЬ В ПОЛЬСКИХ И ЛИТОВСКИХ СОЧИНЕНИЯХ О СМУТЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Настоящая статья затрагивает проблему влияния на культуру народов изменений политических условий их проживания. Для ее исследования одним из примеров является история земель, некогда входивших в состав Киевской Руси.

Киевская Русь просуществовала как единое государственное образование три с лишним века. Во второй половине XIII в. большая ее часть была завоевана Золотой Ордой. Но уже через столетие западные земли (территория нынешней Белоруссии и Украины) были отвоеваны у ханов литовскими князьями и вошли в состав Великого княжества Литовского. В 1569 г. оно слилось с Польским королевством и превратилось в единое государство Речь Посполитая.

Остальная территория бывшей Киевской Руси, как известно, освободилась от золотоордынского ига только в 1480 г. Она стала самостоятельным Московским государством — Россией.

Таким образом, с середины XIV в. жители Киевской Руси, обладавшие общим языком, культурой, обычаями, оказались разделенными и попали в различные государственные образования. Возникает вопрос: когда они изменились настолько, что стали воспринимать друг друга как два чуждых народа? Для ответа на него богатый исследовательский материал представляют собой сочинения польских и литовских авторов о Смуте начала XVII в. в России. Дело в том, что именно в этот период некогда разобщенные народы вновь оказались в тесном соприкосновении. Более двух тысяч поляков в 1606 г. прибыли в составе свиты Марины Мнишек на ее свадьбу с Лжедмитрием. В 1608 г. тысячи шляхтичей влились в армию Лжедмитрия II и через некоторое время рассеялись по территории Русского го-

сударства и, наконец, в 1610 г. по договору с польским королем Сигизмундом III в Москву был введен польский гарнизон, и началось правление нареченного царя Владислава.

Следует отметить, что соприкосновение Литовской Руси с Московской происходило и раньше. Так, в конце XIV в. великий князь Василий I женился на дочери великого князя Литовского Витовта Софье. Вместе с ней приехали родственники и представители литовской знати. Никто из них, судя по всему, не испытывал в Москве ни языкового, ни культурного дискомфорта. Более того, став соправительницей малолетнего сына Василия II, Софья Витовтовна ничего не привнесла нового в московский двор.

Аналогичная ситуация произошла и тогда, когда Василий III женился на литовской подданной Елене Глинской. Даже став правительницей при юном Иване Грозном, Елена продолжала жить по традициям русского двора. Возможно, он был очень похож на литовский.

Данные примеры дают право предположить, что приблизительно до середины XVI в. культура, язык и обычаи «Московской Руси» и «Литовской Руси» были во многом сходны. Это позволяло знати совершенно естественно вливаться в московский двор (Мстиславским, Трубецким, Галицыным и др.), русским инакомыслящим находить в Литве приют, к примеру, троицкому игумену Артемию, еретику Феодосию Косому и князю А.Курбскому.

Изменилось ли что-нибудь после того, как Литва слилась с Польшей? Ответ на этот вопрос можно найти в многочисленных сочинениях литовцев и поляков, оказавшихся на территории Русского государства в смутное время.

Одним из наиболее ярких памятников является так называемый «Дневник Марины Мнишек», хотя сама полячка к его написанию отношения не имела. По мнению исследователей, это произведение было написано либо одним из слуг Юрия Мнишека, возможно, А.Рожнятовским, либо польским дворянином А.Диамантовским, находившимся в составе свиты Марины¹.

Особенностью данного источника является то, что он описывает достаточно большой хронологический период — с 1604 г. по начало 1609 г. и содержит впечатления человека, сначала прибывшего на Русь в качестве почетного гостя, потом ставшего приближенным самой царицы и, наконец, оказавшегося пленником, прожившим несколько лет сначала в Ярославле, потом Вологде. За столь длительный период автор смог хорошо ознакомиться не только с царским двором, жизнью москвичей, но и с образом жизни простых людей в небольших северных городах.

Еще одним важным источником является «Дневник Самуила Маскевича». Его автор — дворянин из Великого княжества Литовского, имевший земли недалеко от русских границ. На Русь он попал в составе войска короля Сигизмунда III, осадившего Смоленск осенью 1609 г. Затем он присоединился к гетману С. Жолкевскому и участвовал в Клушинской битве. Осенью 1610 г. оказался в Москве в составе польского гарнизона и приводил москвичей к присяге королевичу Владиславу. После осады столицы войсками Первого ополчения бежал на родину, и конец жизни провел в своем имении. Свой дневник он вел с 1594 по 1621 г. В нем он старался достаточно объективно описывать увиденное, хотя к «москвитянам» в целом относился отрицательно².

Несомненный интерес представляет собой и дневник Яна Велевицкого, польского ксендза, члена ордена иезуитов, который активно использовал для своего сочинения записки патера Каспара Савицкого, духовника Марины Мнишек. Савицкий входил в состав свиты Марины и до сентября 1608 г. был с ней в ссылке³.

Множество сведений о Москве и ее жителях содержится в «Записках Станислава Немоевского», краковского дворянина, прибывшего в Москву в 1606 г. для продажи Лжедмитрию I драгоценностей шведской королевы Анны. В России он находился до октября 1608 г.⁴

Еще одним сочинением польского автора о Смуте является «История Димитрия, царя Московского, и Марии Мнишковны, дочери воеводы Сandomирского, царицы Московской». Его

автором был Мартын Стадницкий, член свиты Юрия Мнишека. В России был с 1606 по 1609 г.⁵

В качестве дополнительных источников можно использовать «Историю Московской войны» Николая Мархоцкого⁶ и «Дневник» Осипа Будилы, в которых основное внимание уделено описанию военных событий и в меньшей степени бытовой стороне⁷.

Итак, в период Смуты тысячи поляков оказались на территории Русского государства. Большая их часть хотела поправить за счет соседней страны свое собственное не слишком завидное материальное положение. «Дневник Марины Мнишек» наглядно показывает, что обедневшие польские шляхтичи были буквально заворожены сказочно богатыми подарками, которые стал присылать своей невесте Марине Мнишек Лжедмитрий I. На его страницах содержится подробнейшее описание шуб из дорогих мехов, золотой посуды, усыпанной драгоценными камнями, всевозможных золотых безделушек, часов, оружия, конской сбруи, ковров, породистых лошадей и т.д.⁸ Несомненно, что все эти предметы были одинаково ценны в обеих странах. Но в Речи Посполитой такого большого количества жемчужин, драгоценных камней, ювелирных украшений, мехов, кубков, золотых слитков и пр. не было даже у самого короля.

Множество дорогих подарков убедило окружение Марины Мнишек и ее отца в том, что Московия сказочно богатая страна, где они, благодаря родству с царем, смогут устроиться наилучшим образом. Именно поэтому свита царской невесты оказалась столь многочисленной⁹.

«Дневник Марины Мнишек» показывает, что первоначально поляки чувствовали себя хозяевами положения – гостями самого государя. Поэтому они относились к большинству русских людей с надменной гордостью и видели в них лишь своих подданных. Даже традиционное русское гостеприимство воспринималось ими достаточно негативно.

Первая же встреча в селе Красном показалась членам свиты Марины просто убогой: не было ни толп встречающих, ни

салютов, ни фейерверков, обычных для такого случая в Речи Посполитой. Поляки, видимо, не учли, что местность в районе Красного была малонаселенной, что посланцы из Москвы ожидали их уже много недель, не зная точного времени приезда. К тому же им было неизвестно число спутников царской невесты, поэтому многие из них оказались без удобного ночлега. На стоянках походные дворцы (просторные избы) были построены только для Марины. Полякам они показались маленькими и тесными¹⁰.

Поляки и литовцы сразу же заметили, что жилища простых людей существенно отличались от их собственных. Они строились на высоком подклете из круглых бревен с маленькими оконцами, закрываемыми ставнями, и низкими дверями. В Речи Посполитой дома строили из теса или камня с большими окнами и дверями. Фасадом они выходили на улицы и располагались близко друг от друга. Отапливались печками с трубами, крыши покрывались черепицами.

На Руси же дома строили в центре усадьбы, поэтому на улицы выходили лишь высокие заборы. Отапливались они по черному, поэтому внутреннее убранство было крайне скудным. Кровлей служила береста, и пожары были частым явлением.

Однако поляки заметили, что при каждом доме были бани, в которых русские люди очень часто мылись. Сами они такой привычки не имели (перенявший польские обычаи Лжедмитрий I удивлял свой двор тем, что редко посещал баню).

Несомненно, что понятие чистоплотности было разным у русских людей и поляков. Часто посещая бани, первые не имели привычки мыть руки перед едой. Так, во время пира у Лжедмитрия приносился красивый серебряный фонтанчик со струящейся водой, но им никто не пользовался. Во время обручения Марины Мнишек с Лжедмитрием I (заочном) перед обедом был подан сосуд с водой, в котором сначала вымыл руки король Сигизмунд, потом Марина, сестра короля Анна и его сын. Полотенце также было одно на всех (гигиеническая значимость этой процедуры весьма сомнительна)¹¹.

Из «Дневника Марины Мнишек» становится известно, что члены свиты царской невесты вели себя крайне заносчиво по отношению к русским людям. В итоге приставы были вынуждены выработать правила их поведения, чтобы исключить конфликты¹².

Грубость и заносчивость гостей объяснялась тем, что себя они считали много цивилизованнее хозяев. Кроме того, они подозревали русских людей в чрезмерном лукавстве и злодейских умыслах.

Хозяева же в первое время стремились всячески угождать гостям. Для их проезда были приготовлены хорошие дороги с множеством мостков даже через ручьи, на каждом ночлеге Марину ждал новый дом, в городах представители знати и купцы встречали хлебом-солью, дарили всевозможные подарки, били челом до земли. Даже во время Пасхи русские люди заботились о своих гостях и делали все возможное, чтобы те побыстрее добрались до столицы¹³.

Хотя многие члены свиты Марины были католиками, представители православного духовенства разрешали им заходить в храмы, участвовать в богослужении и с радушием принимали в монастырях. Там им показывали местные святыни и угощали обедом.

Но поляки не оценили русского гостеприимства. В храмы они входили в головных уборах, во время службы облакачивались на раки со святыми мощами, не оказывали почтения святым иконам. Свою веру они считали более правильной, полагая, что суть православия – колокола и образа.

В первое время русские люди с любопытством относились к католическому богослужению и различным обрядам. Толпами собирались они поглазеть на публичные молебны, проповеди, обряд, символизировавший страстной суд с самобичеванием и покаянием. Поляки, напротив, с интересом узнали, что святой Николай считался на Руси чудотворцем, что после Рождества Христова существует праздник поклонения волхвов, а летом – Спасов день, отмечаемый купанием в реке. Однако со временем отношения между гостями и хозяевами обострились

настолько, что русские люди стали полагать, что поляки несут с собой лишь ересь и разврат¹⁴.

На поляков произвела впечатление только встреча царской невесты у столицы, которая была исключительно пышной и торжественной. Гости описали ее с большими подробностями: и великолепный палаточный городок, где гостям следовало отдохнуть, и богато украшенную карету, присланную за Мариной, и одежду русской знати и горожан¹⁵.

Из «Дневника Марина Мнишек» можно сделать вывод о том, что внешний вид поляков и русских отличался. Русские мужчины брили себе лбы, надевали на головы сначала тубейки, а потом меховые шапки из чернобурок. Замужние женщины тщательно скрывали свои волосы под головными уборами. Поэтому и Марине Мнишек было запрещено распускать волосы и украшать их жемчугом. Не носили русские женщины платьев, подчеркивающих талию, в отличие от полячек. Однако название одежды мужчин все еще совпадало: армяк, гусарское платье, шлык и т.д. Отличался только покрой.

На свадьбе Лжедмитрия и Марины в первый день жених и невеста были одеты на русский манер, на второй день они переоделись в польские наряды. Следует отметить, что одним из подарков Марине Мнишек было расшитое драгоценными камнями платье. Хотя оно было сшито в Москве, но вряд ли в русском духе. Местными же были и польские наряды Лжедмитрия. Значит, царские придворные мастерицы были хорошо осведомлены о польской моде в одежде.

Автор «Дневника Марины Мнишек» заметил, что отношение подданных к царю существенно отличалось от того, как относились поляки и литовцы к Сигизмунду III. Лжедмитрий I как бы был недосыгаем для знати. Он сидел на золотом троне существенно выше всех остальных участников приема, на нем было роскошное одеяние, усыпанное драгоценностями. Его охраняли четверо вооруженных рынд и мечник с обнаженным мечом. Сам он не вступал в беседу с гостями. За него отвечал канцлер Афанасий Власьев (глава Посольского приказа). Даже

ходил царь только при поддержке двух бояр (это было, видимо, связано с большим весом одежды). Во время пира Лжедмитрий сидел за отдельным столом на возвышении. Как особую милость присутствующие получали из его рук хлеб и лучшие куски кушаний. После пира царь благодарил кравчих и стольников раздачей маслин¹⁶.

Сигизмунд же был лишь первым среди равных. Во время заочного обручения Лжедмитрия с Мариной Мнишек он сидел за одним столом с невестой и русским послом, во время танцев был в паре то с Мариной, то с ее отцом. При русском дворе все это было немыслимым¹⁷.

Несомненно, что русский царь был много богаче польского короля. На обеде в Кракове еду подавали на серебряных блюдах. В Москве же во время пиров число золотых блюд доходило до 600. Кроме того, в столовой палате находились огромные шкафы, доверху набитые золотой и серебряной посудой.

При таком изобилии поляки с удивлением заметили, что столовые приборы не полагались. Не было ни тарелок, ни ложек, ни вилок, ни ножей. Еду следовало брать руками из общих блюд. Обьедки же все бросали прямо на скатерть. Кроме того, выяснилось, что красиво украшенные пироги несъедобны, поскольку приготовлены без соли. Марина же вообще не смогла есть пищу, приготовленную русскими поварами, поэтому ей стали готовить отдельно¹⁸.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в бытовом отношении между двумя когда-то родственными народами появилось много отличий: в одежде, пище, способе ее потребления и т.д. Но официально считалось, что оба народа мало отличались в языке и обычаях — именно это подчеркнул в своей речи на приеме у Лжедмитрия гофмейстер Марины Мартин Стадницкий. Он также отметил, что русские и поляки равны по силе, отваге, храбрости в бою и от многих славимы¹⁹.

Правда, поляки заметили, что не могут состязаться с русскими людьми по общей численности народонаселения и богатству. Лучшим было лишь их вооружение.

Многим полякам не понравилось отсутствие каких-либо развлечений во время длительных пиров. Женщинам разрешалось присутствовать только на свадьбе и сидеть им полагалось напротив своих мужей. Музыка и танцы считались чем-то неприличным и совершенно недопустимым для знатных людей. Единственно, что могло скрасить унылое застолье, это появление каких-либо экзотических людей, например, лапландцев, в национальной одежде, с луками, костяными ножами и т.д.

В частных домах гостей развлекали дворовые женщины, которые рассказывали забавные истории или пели весьма неприличные песни.

Поляки считали, что на пирах должна играть музыка и всем следовало танцевать. Русскую же музыку они называли непонятным грохотом, напоминавшим скрип мельничных колес. Колокольные перезвоны большинство из них просто не выносили.

Хотя охота также была одним из любимых развлечений польских шляхтичей, но из них никто не отважился бы вступить в схватку с медведем, имея в руках только рогатину. Для русских людей это было обычным проявлением силы и доблести. Поэтому, когда Лжедмитрий заколол зверя рогатиной и отсек саблей у него голову, придворные восприняли это с большим одобрением.

Поляки, обнаружив, что при русском дворе иные нравы и развлечения, чем в Речи Посполитой, сразу же решили с помощью Лжедмитрия их изменить. Если в первое время приемы были совершенно в русском духе, то потом все стало меняться. Сначала польские музыканты играли только под окнами царского дворца, вызывая большое удивление окружающих. Потом для них был пристроен специальный балкончик в Золотой палате, где проходили пиры. Лжедмитрий для застолий стал надевать гусарское платье, то же делало его ближнее окружение, в частности, Басманов.

Но полностью все изменить Лжедмитрий не решился. Поэтому свадебная церемония была осуществлена по православному обряду, хотя Марина была католичкой. Невесте лишь

пришлось причаститься у православного пастыря, получить его благословение и почтить православные святыни в Успенском соборе. Новшеством стало то, что до свадьбы невесту короновали шапкой Мономаха, и она получила из рук патриарха скипетр и державу. Это давало ей право царствовать самостоятельно даже после смерти мужа. До этого царские жены получали свой титул после венчания²⁰.

Несомненно, что данное новшество было расценено русской знатью как нечто возмутительное и незаконное. Для самой же Марины это стало основанием для отчаянной борьбы за московский трон.

Записки и дневники поляков и литовцев позволяют сделать вывод о том, что брачная церемония у русских была мало похожа на польскую. В храме она состояла лишь из причастия хлебом и вином и обмена кольцами. Никаких речей и церковных поучений не предусматривалось. В польском же свадебном обряде были обязательны речи свидетелей, которые посвящались достоинствам жениха и невесты, поучение архиерея, совместная молитва всех присутствующих с пением. Кроме того, молодые давали друг другу клятву верности²¹. Следует отметить, что полный русский свадебный чин содержал много языческих элементов: чесание волос молодых гребнем, смоченным в медовой воде, посыпание их хмелем, укутывание невесты, почивание на снопах в холодных сенях и т.д. Но Лжедмитрий все это проигнорировал, видимо, боясь, что его польские родственники будут насмехаться над подобными обычаями и сочтут их слишком варварскими. Достаточно смело он отмел вековые русские традиции и стал откровенно насаждать польские.

По царскому приказу был отменен свадебный пир в день венчания, возможно, из-за усталости Марины Мнишек. Застолье устроили на следующий день, в пятницу, которая считалась у православных постным днем. На третий день и Лжедмитрий, и Марина надели польские наряды, на пиршество были приглашены музыканты. Несомненно, что у русской знати это вызвало возмущение. Тогда на четвертый день князей и

бояр просто не позвали. На пиру были только самые близкие к самозванцу люди. Блюда готовили польские повара, подавали их польские слуги, хотя для русской знати прислуживать царю считалось очень почетным. Застолье с музыкой и танцами продолжалось до самого утра. При этом царь не гнушался отплясывать с польскими гостями. Для русских людей его поведение выглядело настоящим святотатством. Даже поляки это заметили и стали предупреждать Лжедмитрия о волнении москвичей. Но тот отказывался замечать очевидное. По желанию Марины он даже собирался устроить маскарад²².

Явное насаждение при царском дворе польских обычаев, игнорирование местных вызвали ответную реакцию русской знати. Она не захотела служить «польскому свистуну» и организовала заговор.

Московское восстание 17 мая 1606 г. носило ярко выраженную антипольскую направленность. Был убит не только сам Лжедмитрий, но и довольно много поляков. Оставшихся в живых, в том числе Марину и ее родственников, взяли под стражу и через некоторое время разослали по отдаленным северным городам²³.

Труп Лжедмитрия был выставлен на Лобном месте для всеобщего обозрения. На лицо ему надели одну из маскарадных масок, в руки вложили дудку²⁴. Этим подчеркивалось и его приверженность к польским развлечениям, и шутовской характер личности. Ведь получалось, что он был лишь ряженым царевичем.

С особой жестокостью москвичи расправились с польскими музыкантами, ставшими для них символом разврата²⁵. Ведь танцы под музыку изрядно подвыпивших мужчин и женщин считались верхом неприличия.

Следует отметить, что в начале XVII в. русские люди были большими трезвенниками. Пить хмельные напитки разрешалось лишь несколько раз в году. Замеченных в пьянстве публично били кнутом и бросали в тюрьму. У изготовителей напитков могли разрушить дом.

Поляки же, напротив, были склонны к каждодневному пьянству. Находясь в ссылке, они употребляли ведрами горилку (водку), пиво и мед²⁶.

Таким образом, можно с полной уверенностью сделать вывод о том, что причиной свержения Лжедмитрия I было не его самозванство, а приверженность к польскому образу жизни и к самим полякам. По этому поводу Мартын Стадницкий написал так: «Причины гибели Димитрия были следующие. Он выбрал себе в жены не московитку, а польку. Польские нравы и обычаи предпочитал московским; чрезмерно расточал московскую казну, раздавал ее чаще всего полякам; жене и польскому королю подарил предметы великой драгоценности, которые услал за границу; раздавал поместья и должности полякам; за просто беседовал с ними, позволяя им свободно и фамильярно беседовать с собою. Все это удивляло и оскорбляло московитов»²⁷.

Итак, в начале XVII в. поляки и литовцы уже не представлялись русским людям родственными народами, напротив, они воспринимались как враждебные чужеземцы. Поэтому во время ссылки их селили отдельно за высоким забором и под усиленной охраной²⁸.

Местное население с большим любопытством относилось к ссыльным, наблюдая за тем, как те устроят свое жилище, чем питаются, как отмечают праздники, как хоронят умерших и т.д. Длительное совместное проживание привели к тому, что приставы и воеводы вошли в дружеские отношения с польскими шляхтичами и по случаю общих церковных праздников, например, Пасхи, устраивали совместные застолья. Местные торговцы снабжали ссыльных всем необходимым, если казенные поставки задерживались или были недостаточными (поляки содержались за счет казны)²⁹.

В свите Марины Мнишек были не только католики, но и православные. Некоторые из них вскоре поступили на службу к новому царю Василию Шуйскому, другие просто бежали, но не на родину, а в войска второго Лжедмитрия, за интересы которого сначала сражался И.Болотников³⁰.

Оставшиеся в Ярославле поляки в конце 1608 г. были переведены в Вологду. Расставание с ярославцами было исключительно дружеским: горожане собрались на валах и махали руками, поляки учтиво поблагодарили их за хлеб-соль и в знак приветствия стали подбрасывать вверх шляпы и трубить в трубы³¹.

Получалось, что длительное мирное совместное проживание всех сдружило. Казалось бы непримиримые различия в вере и обычаях заметно сгладились.

Царь Василий Шуйский попытался было отправить на родину гостей Лжедмитрия I вместе с Мариной Мнишек и ее родственниками. Однако многие из них не захотели это сделать. Они поехали в Тушинский лагерь служить новому самозванцу³². Там же вскоре оказались и Марина с отцом. Они публично признали в Лжедмитрии II прежнего «царя Дмитрия» и оказались в его ближнем окружении³³.

Хотя в таборе преобладали поляки, двор «царика» был устроен на московский манер. В нем была Боярская дума, Освященный собор, приказы. Поляки играли главную роль лишь в войске, в правительстве же преобладали русские князья и дворяне³⁴.

Марина обнаружила, что с ее соотечественников быстро сошел европейский лоск, и они превратились в грубую солдатню. Никаких танцев и маскарадов в лагере не было. Все развлечения состояли в массовых попойках³⁵. Ей самой никто не оказывал почтения, Лжедмитрий II был к ней равнодушен и не выделял средств на ее содержание. «Московская царица» была вынуждена просить отца прислать ей черного бархату на новое платье, сундучок, вино и лососей. Ей приходилось жаловаться на то, что отношение к ней весьма пренебрежительное, что она даже не имеет денег, чтобы отправить письмо со своим слугой, поскольку тому надо дать на дорогу пропитание³⁶.

Однако домой Марина не собиралась. Ради власти она готова была терпеть любые лишения. Свои права на московский престол она считала бесспорными и писала польскому королю так: «Всего лишила меня превратная фортуна, одно лишь за-

конное право на московский престол оказалось при мне, скрепленное венчанием на царство, утвержденное признанием меня наследницей и двукратной присягой всех московских государственных чинов»³⁷.

Письма Марины Мнишек 1609-1610 гг. наглядно показывают, как в достаточно суровых условиях Смуты в Русском государстве из изнеженной и избалованной польской шляхетки она превратилась в бесстрашную женщину, отчаянно сражавшуюся за московский трон. Ее уже не интересовали наряды, балы, маскарады, она желала сидеть на золотом троне и повелевать десятками тысяч подданных поначалу чуждой для себя страны.

После бегства Лжедмитрия II в Калугу, Марина имела возможность вернуться на родину. Но она этого не сделала. Переодевшись в гусарское платье, она стала предводителем отряда казаков и даже попыталась бороться за власть самостоятельно. Тушинскому войнству она оставила такое письмо: «Не могу уже дальше быть к себе жестокой, попрасть, отдать на произвол судьбы и не радеть о том, что люди добродетельные ставят выше всего и не убережешь от окончательного несчастья и оскорбления себя и своего сана от тех самых, которым долг повелевает радеть обо мне и защищать меня. Полно сердце скорбью, что и на доброе имя, и на сан, от Бога данный, покушаются! С бесчестными меня равняли на своих собраниях, и банкетах, за кружкою вина и в пьяном виде упоминали!»³⁸

Но собственных сил у Марины оказалось мало. На Дмитров, где она пыталась закрепиться, напали войска М.В.Скопина-Шуйского, и «царица» едва спаслась. Пришлось ей отправиться в Калугу к «царику». Там из ревностной католички она превратилась в православную государыню. В отличие от первого самозванца, Лжедмитрий II всячески демонстрировал свою приверженность к православной вере и поддерживал тесные связи с духовенством. Именно оно и помогло ему надолго закрепиться в Калуге, не желавшей целовать крест католику королевичу Владиславу.

В Калуге Марине пришлось окончательно забыть о польских нарядах, музыке, танцах. Приходилось постоянно участ-

зовать в православных богослужениях, посещать монастыри, оказывать почтение местным святыням. Никто не должен был видеть в ней чужеземку, ведь здесь около самозванца не было поляков, более того, они считались изменниками и предателями, поскольку поддержали короля Сигизмунда III. Последний, как стало известно, вознамерился присоединить Московское царство к своей короне.

В итоге соотечественники стали для Марины врагами, сражавшимися за интересы ее соперника. После гибели Лжедмитрия II ее опорой стало донское казачество, а покровителем и помощником – бывший атаман и тушинский боярин И.М.Заруцкий. Родив сына, Марина дала ему чисто русское имя Иван и крестила в православную веру. Она полагала, что он имеет все права на московский трон.

Войдя в состав Первого ополчения, Заруцкий стремился к тому, чтобы после победы Марина и Иван взойшли на престол. Но земская часть патриотов была против Воренка (так называли Ивана). Поэтому Марине с сыном пришлось бежать на юг. Там вместе с Заруцким она попыталась создать самостоятельное Астраханское царство. Но после избрания на престол Михаила Федоровича Романова астраханцы подняли восстание против своих правителей и заставили их бежать. В конце концов Марина с Иваном и Заруцким были арестованы и сурово наказаны. Жизнь «московской царицы» закончилась в тюрьме.

Анализируя бурную жизнь Марины Мнишек, можно заметить, что первоначально она отнеслась к русским людям крайне пренебрежительно и захотела переkreить московский двор на польский манер. Но длительная жизнь в России изменила ее саму. О своем шляхетском прошлом она окончательно забыла и попыталась превратиться в православную государыню.

Не только Марина, но и другие польские шляхтичи достаточно быстро адаптировались к русской действительности и не желали возвращаться на родину. Одни организовали вооруженные отряды и занялись грабежом небольших городков и поселений. Другие поступили на службу к королю Сигизмунду, поставившему цель присоединить Московское царство к

своей короне. Осенью 1610 г. они оказались вместе с гетманом С. Жолкевским под Москвой. После заключения договора с «Семибоярщиной» они вошли в состав московского гарнизона.

На этот раз из врагов поляки превращались в союзников московских бояр. Они должны были помочь последним сохранить власть среди бунтующей страны.

Интересные воспоминания об этом времени оставил польский дворянин Самуил Маскевич. Он отметил, что осенью 1610 г. московские рынки ломились от изобилия. На них он мог купить все, что угодно, и очень дешево. В большой восторг его привели московские ремесленники, которые были очень искусны и смышлены и могли сделать копию любой заморской вещи, особенно турецкой. К ним относилась сбруя, седла, сабли и т.д.³⁹

Несомненно, что в это время отношения поляков и русских были достаточно мирными. Гости уже не смотрели на хозяев как на своих подданных и видели в московской жизни много положительных моментов.

Маскевич даже познакомился с некоторыми боярами и дворянами и побывал у них дома. Он отметил, что в способах угощения у русских людей есть много достоинств. Блюда подают по очереди, чтобы они не остывали, миски ставят на сковородки, которые в любой момент можно подогреть на углях. Для развлечения гостей приглашают шутов, скоморохов, которые тешат всех плясками, кривляньями, забавными песнями. Иногда звучит музыка, издаваемая лирами, инструментами, похожими на скрипки, но без смычка – его роль исполняло специальное колесико. После приходят хорошо одетые жены слуг и рассказывают всякие сказки, прибаутки и шутливые истории.⁴⁰

Несомненно, что на этот раз полякам удалось существенно лучше ознакомиться с бытом русских людей, чем в 1606 г.

Маскевич выяснил, что жены многих знатных людей вынуждены вести затворнический образ жизни. Женская половина отгораживалась от остальной половины, ключ от ее входной двери был у мужа, поэтому представительницы прекрасного

пола одни никуда не могли отлучаться. Даже церкви для них строились неподалеку от дома. Но если в гости приходил уважаемый человек, хозяин показывал ему жену и дочерей, и в ответ тот должен был их поцеловать⁴¹.

Поляк также заметил, что представители знати почти не ходили пешком. Обычно они выезжали по делам на лошадях, запряженных в какую-нибудь повозку. При этом их сопровождало множество слуг. В ночное время кто-либо из челяди держал фонарь, поскольку без него проезжих могли арестовать стражники. Считалось, что во тьме ездят только воры и лазутчики.

Маскевич заметил, что многие русские люди имеют склонность к наукам, но поскольку учебных заведений нет, то они вынуждены заниматься самообразованием. Для этого они покупали иностранные книги и нанимали знатоков различных языков.

Подробнейшим образом поляк описал достопримечательности Кремля, в числе которых были царские дворцы и соборы, восхитился хорошим устройством огромного рынка в Китай-городе, где каждый товар продавался в отдельном ряду. Его удивили большие пушки у Кремля, внутри которых могло сидя разместиться несколько человек. Ему понравилось, что на рынке много извозчиков, которые могли доставить желающих в любую часть города за умеренную плату.

Описывая красоты Москвы, Маскевич с сожалением отметил, что во время восстания в марте 1611 г. поляки превратили в пепел большую часть города. Уцелели только Кремль и Китай-город. Он нисколько не оправдывал своих соотечественников за это преступление и с сочувствием отнесся к бедам и страданиям москвичей⁴².

Дневник Маскевича наглядно показывает, как формировались взаимоотношения между русскими, поляками и литовцами при мирном совместном проживании. Они знакомились, ходили друг к другу в гости, устраивали совместные застолья, рассказывали о своих занятиях, обычаях, семейных отноше-

ях и т.д. В итоге ни разница в вероисповедании, ни культурные различия не мешали им устанавливать приятельские взаимоотношения. С обеих сторон возникало стремление сблизиться и поделиться познаниями и жизненным опытом.

Однако через некоторое время полякам и литовцам пришлось действовать против своих новых друзей, отстаивая интересы польского короля Сигизмунда III. Будучи втянутыми в водоворот политических страстей, родственные народы на долгие годы превратились в непримиримых врагов. Почти весь XVII в. поляки и литовцы считались главными врагами Российского государства.

Таким образом, анализ сочинений польских и литовских авторов о Смуте показывает, что в начале XVII в. некогда родственные народы, входившие в состав Киевской Руси, уже имели существенные отличия в образе жизни, одежде, пище, в общем культурном уровне, обычаях, меньше – в языке. На поляков и литовцев оказала влияние европейская цивилизация. Это сказалось на взаимоотношении полов, религии, одежде, проявилось в склонности к роскоши, развлечениям и т.д.

Русские же перенимали некоторые элементы азиатского образа жизни: обожествление монарха, роскошь в одежде и неприхотливый быт, превращение женщин в затворниц, трезвость и т.д.

При первом близком соприкосновении поляки и литовцы крайне негативно отнеслись к русским людям и были готовы критически относиться к их обычаям и культуре. Однако со временем с гостей сошел европейский лоск, и они во многом стали подражать хозяевам.

¹ Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995. С. 17.

² Сказания современников о Дмитрии Самозванце. СПб., 1859. Ч. II.

³ Тушинский вор. Личность, окружение, время. М., 2001. С. 104-119.

⁴ Иностранцы о древней Москве. Москва XV-XVII веков. М., 1991. С. 199-216.

⁵ Тушинский вор... С. 120-165; Иностранцы о древней Москве... С. 258-270.

- ⁶ Мархоцкий Н. История Московской войны. М., 2000.
- ⁷ Тушинский вор... С. 167-204.
- ⁸ Дневник Марины Мнишек... С. 30-33.
- ⁹ Иностранцы о древней Москве... С. 215.
- ¹⁰ Дневник Марины Мнишек... С. 41.
- ¹¹ Там же. С. 174.
- ¹² Там же. С. 37.
- ¹³ Там же. С. 184.
- ¹⁴ Там же. С. 36-39.
- ¹⁵ Там же. С. 38-39.
- ¹⁶ Иностранцы о древней Москве... С. 200.
- ¹⁷ Дневник Марины Мнишек... С. 88.
- ¹⁸ Там же. С. 72, 116.
- ¹⁹ Там же. С. 117.
- ²⁰ Там же. С. 39.
- ²¹ Иностранцы о древней Москве... С. 183.
- ²² Дневник Марины Мнишек... С. 40-41.
- ²³ Там же. С. 175-177.
- ²⁴ Там же. С. 39.
- ²⁵ Там же. С. 46-47.
- ²⁶ Там же. С. 41.
- ²⁷ Иностранцы о древней Москве... С. 259-260.
- ²⁸ Дневник Марины Мнишек... С. 37, 46.
- ²⁹ Там же. С. 44.
- ³⁰ Там же. С. 173-174.
- ³¹ Там же. С. 179-186.
- ³² Иностранцы о древней Москве... С. 261.
- ³³ Там же. С. 234-235.
- ³⁴ Дневник Марины Мнишек... С. 115.
- ³⁵ Там же. С. 187.
- ³⁶ Там же. С. 189.
- ³⁷ Там же. С. 190.
- ³⁸ Там же. С. 191.
- ³⁹ Иностранцы о древней Москве... С. 259.
- ⁴⁰ Там же. С. 259-260.
- ⁴¹ Там же. С. 260-261.
- ⁴² Там же. С. 262-266.
- ⁴³ См.: Морозова Л.Е. Образ «чужого» в представлении людей Смутного времени начала XVII века // Россия и внешний мир. Диалог культур. М., 1997. С. 24-30.

«СИБИРСКИЙ МЕДВЕДЬ» ИЛИ ПРОСВЕЩЕННЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ МОНАРХ?... ПЕТР I И РОССИЯ ГЛАЗАМИ ДАНИЭЛЯ ДЕФО

Вопрос об отношении знаменитого английского писателя Даниэля Дефо (1660-1731), автора «Жизни и приключений Робинзона Крузо», а также родоначальника английской журналистики, к личности Петра I и России в отечественной историографии специально не изучался. Существует достаточно много биографий писателя¹, однако в них практически не рассматриваются или замалчиваются суждения Дефо о Петре I и русском народе, которым Дефо уделил пристальное внимание в своих политических памфлетах. Так, в некоторых работах утверждается, что Дефо-памфлетист прежде всего интересовался внешней политикой, в особенности войной за «испанское наследство»². Исключением могут служить работа Д.М.Урнова, в которой автор, в частности, рассматривает произведение Дефо, посвященное личности Петра I, и статья Е.А.Глушко³. Также некоторые аспекты данной проблемы рассмотрены в трудах М.П.Алексеева⁴. В зарубежной историографии взгляды Дефо на Россию наиболее полно рассмотрены в трудах Э.Кросса и И.Смита⁵.

Происхождение Даниэля Дефо было вовсе не аристократическим. Отец его был по профессии мясник, а по другим данным, скромный лондонский бакалейщик⁶. Образование Дефо получил в диссентерском учебном заведении. В 1683 г. Дефо предстояло принять духовное звание, однако он предпочел заняться торговлей. Даниэль называл торговлю своим «любимым делом», и она стала одним из постоянных занятий его жизни⁷. Однако торговля не принесла ему особых выгод – он пустился в необдуманные спекуляции, участвовал в рискованных проектах, страхуя английские корабли во время войны с Францией в

1692 г.⁸ В конце концов, дела Дефо пришли в расстройство, и он обанкротился.

Дефо прославился еще и тем, что начал издавать газету «Обозрение», которая признавалась одним из наиболее значимых достижений писателя за время правления королевы Анны⁹. Поэтому Дефо может с полным правом считаться одним из родоначальников периодической печати в Англии. «Обозрение» издавалось с 1704 по 1713 г., в ней уделялось пристальное внимание не только вопросам внутренней, но и внешней политики Англии, а также проблемам развития религии и торговли¹⁰.

Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что не только Дефо, но и все английское общество того времени воспринимали далекую и малопонятную Московию как нечто необычайно экзотическое. Визит Петра I в Англию в 1698 г. вызвал у ее жителей скорее любопытство, что-то вроде поверхностного интереса к стране, которую представлял русский царь. Показателем этого служит появление нескольких сочинений, среди которых особняком стоит «Древнее и нынешнее состояние Московии» И.Крелля, как наиболее содержательное и достоверное¹¹. Следует отметить, что практически для всех сочинений характерна следующая особенность: Россия представлена «отдаленной, отсталой, не представляющей интереса страной, имеющей важное значение лишь как сырьевой придаток»¹².

С началом Северной войны ситуация резко меняется. Правительство Англии пересматривает свой взгляд на потенциальные возможности России как европейской державы. До этого правительственные круги Англии придерживались внешнеполитического курса, практически полностью игнорирующего русский фактор¹³. Противостояние России и Швеции, как и сам военный конфликт в северной Европе, не соответствовали британским интересам, поскольку англичане рассчитывали на помощь мощной шведской армии в намечающейся борьбе с Францией за испанское наследство. Именно по этой причине английский король Вильгельм III предлагал Петру I свое посредничество в улаживании русско-шведского спора¹⁴.

Можно сказать о том, что события, связанные с началом Северной войны, интересовали английское общество скорее в плане борьбы Швеции и Дании и дальнейшей судьбы Голштейн-Готторпского герцогства¹⁵. Даже триумф шведского оружия в битве под Нарвой, вызвавший появление в Европе «хвалебных од на разных языках, где весьма восхваляется поражение московских варваров»¹⁶, в Англии заметного резонанса не вызвал. Как писал в то время один из английских журналистов, «у меня нет особенного желания вникать в северные дела и события вокруг шведов и московитов»¹⁷. Отчасти такой подход может быть объяснен противоречивыми известиями о ходе Северной войны, доходившими до Англии.

Даниэль Дефо одним из первых в английской публицистике обратил взор в сторону России. По мнению английского историка Э.Кросса, интерес Дефо к России и царю-реформатору проявился еще в самом начале XVIII века¹⁸. Не будет преувеличением сказать, что отношение Дефо к «москвитам» и их стране было весьма отрицательным и пренебрежительным. В памфлете «Чистокровный англичанин» Дефо пишет о «глупом невежестве» «москвитов»¹⁹. Обычаи, привычки и образ жизни «москвитов», равно как и их законы, были язвительно осмеяны автором.

События Северной войны давали Дефо возможность развивать свое критическое отношение к России. В 1704 г. Дефо, находясь под впечатлением от сообщений о жестокостях противоборствующих сторон, утверждает, что «хуже москвитов в Европе нет ни одного народа... зверства других народов... вообще ужасны, но эти (москвиты. — Е.Д.) сущие дьяволы»²⁰. Далее Дефо признается, что затрудняется сравнивать москвитов с кем-либо: «другой такой народ мне неизвестен; Испанцы в Америке вряд ли могут с ними сравниться, они хуже, чем Турки настолько, насколько Турки хуже Англичан»²¹.

Дефо предложил свое объяснение отрицательных сторон характера москвитов, их «дикости». Причина, по мнению писателя, лежит в вероисповедании. Дефо сравнивает религии протестантов, католиков и москвитов и приходит к выводу о

1692 г.⁸ В конце концов, дела Дефо пришли в расстройство, и он обанкротился.

Дефо прославился еще и тем, что начал издавать газету «Обозрение», которая признавалась одним из наиболее значимых достижений писателя за время правления королевы Анны⁹. Поэтому Дефо может с полным правом считаться одним из родоначальников периодической печати в Англии. «Обозрение» издавалось с 1704 по 1713 г., в ней уделялось пристальное внимание не только вопросам внутренней, но и внешней политики Англии, а также проблемам развития религии и торговли¹⁰.

Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что не только Дефо, но и все английское общество того времени воспринимали далекую и малопонятную Московию как нечто необычайно экзотическое. Визит Петра I в Англию в 1698 г. вызвал у ее жителей скорее любопытство, что-то вроде поверхностного интереса к стране, которую представлял русский царь. Показателем этого служит появление нескольких сочинений, среди которых особняком стоит «Древнее и нынешнее состояние Московии» И.Крелля, как наиболее содержательное и достоверное¹¹. Следует отметить, что практически для всех сочинений характерна следующая особенность: Россия представлена «отдаленной, отсталой, не представляющей интереса страной, имеющей важное значение лишь как сырьевой придаток»¹².

С началом Северной войны ситуация резко меняется. Правительство Англии пересматривает свой взгляд на потенциальные возможности России как европейской державы. До этого правительственные круги Англии придерживались внешнеполитического курса, практически полностью игнорирующего русский фактор¹³. Противостояние России и Швеции, как и сам военный конфликт в северной Европе, не соответствовали британским интересам, поскольку англичане рассчитывали на помощь мощной шведской армии в намечающейся борьбе с Францией за испанское наследство. Именно по этой причине английский король Вильгельм III предлагал Петру I свое посредничество в улаживании русско-шведского спора¹⁴.

Можно сказать о том, что события, связанные с началом Северной войны, интересовали английское общество скорее в плане борьбы Швеции и Дании и дальнейшей судьбы Голштейн-Готторпского герцогства¹⁵. Даже триумф шведского оружия в битве под Нарвой, вызвавший появление в Европе «хвалебных од на разных языках, где весьма восхваляется поражение московских варваров»¹⁶, в Англии заметного резонанса не вызвал. Как писал в то время один из английских журналистов, «у меня нет особенного желания вникать в северные дела и события вокруг шведов и московитов»¹⁷. Отчасти такой подход может быть объяснен противоречивыми известиями о ходе Северной войны, доходившими до Англии.

Даниэль Дефо одним из первых в английской публицистике обратил взор в сторону России. По мнению английского историка Э.Кросса, интерес Дефо к России и царю-реформатору проявился еще в самом начале XVIII века¹⁸. Не будет преувеличением сказать, что отношение Дефо к «москвитам» и их стране было весьма отрицательным и пренебрежительным. В памфлете «Чистокровный англичанин» Дефо пишет о «глупом невежестве» «москвитов»¹⁹. Обычаи, привычки и образ жизни «москвитов», равно как и их законы, были язвительно осмеяны автором.

События Северной войны давали Дефо возможность развивать свое критическое отношение к России. В 1704 г. Дефо, находясь под впечатлением от сообщений о жестокостях противоборствующих сторон, утверждает, что «хуже москвитов в Европе нет ни одного народа... зверства других народов... вообще ужасны, но эти (москвиты. — Е.Д.) сущие дьяволы»²⁰. Далее Дефо признается, что затрудняется сравнивать москвитов с кем-либо: «другой такой народ мне неизвестен; Испанцы в Америке вряд ли могут с ними сравниться, они хуже, чем Турки настолько, насколько Турки хуже Англичан»²¹.

Дефо предложил свое объяснение отрицательных сторон характера москвитов, их «дикости». Причина, по мнению писателя, лежит в вероисповедании. Дефо сравнивает религии протестантов, католиков и москвитов и приходит к выводу о

том, что протестанты проявляют больше «человечности, нежели народы папской религии», однако существует «значительная разница между худшими народами римской католической религии и москвитами»²². Таким образом, религия москвитов оказывается, по мнению Дефо, наихудшей из религий народов Европы.

Однако в 1705 г. Дефо меняет тон с презрительного на более уважительный по отношению к России в лице Петра I. В своем сочинении «Консолидатор, или записки о различных происшествиях на Луне» Дефо впервые дает развернутую характеристику государственной деятельности Петра I. Дефо пишет о том, что «великий монарх преобразовал свою страну, вводя правила и обычаи культурных народов Европы». Дефо одобрительно отзываясь о путешествиях русского царя по европейским странам с целью овладения передовыми знаниями: «царь Московии... побывал во многих европейских государствах и посетил дворы величайших правителей; будучи весьма наблюдательным... он перенял многое... в особенности в области торговли и военного дела». При этом Дефо не упускает случая язвительно подчеркнуть, что Петр I передавал полученные знания «своим невежественным подданным». Памфлетист отмечает, что результатом пребывания русского царя в Европе стали «реорганизация армии, постройка новых кораблей, налаживание торговых связей с иностранными государствами в самых отдаленных частях света». Англичанин не мог не отдать должное заметным успехам русских в военном деле: «армии их получили правильную организацию, а солдаты... выказывают необычную храбрость и воюют по всем правилам военного искусства». Дефо, будучи гражданином великой морской державы, отметил и достижения русских в кораблестроении. С некоторым удивлением он пишет о том, что «военные корабли их плавают по Балтийскому морю. Их новый город Петербург выглядит как наш Портсмут, где имеются доки, склады, и обширные запасы всего необходимого для морского дела». Дефо, внимательно следивший за деятельностью и заметными успехами подданных Петра I в этой сфере, ощущал, по всей види-

мости, некоторую тревогу в связи с перспективой возникновения на морских просторах нового соперника Британии в лице России. Эта тревога прослеживается в следующем пассаже: «нам необходимо помнить, как мы однажды уже научили французов строить корабли, а теперь они могут сами учить нас, как их применять»²³.

Не исключено, что именно в этот период Дефо, несмотря на презрительное отношение к москвитам, раньше многих своих современников, ощутил возможности и скрытый потенциал России. Следует отметить склонность Дефо к парадоксальным суждениям и выводам. Так, спустя два года после появления столь хвалебного отзыва о русской армии и флоте, Дефо в одном из выпусков «Обозрения» заявил, что «если Северная война продолжится, то москвиты одолеют шведов, хотя они всегда бывают биты»²⁴. Словно предчувствуя недоуменный вопрос читателей, каким же образом вечно «битые» москвиты одолеют шведов, Дефо предлагает свой ответ, облеченный в форму вопроса: «кто же осмелится пожертвовать храбрыми воинами и дисциплинированной армией, борясь с природой, сражаясь с голодом, холодом и непреодолимыми трудностями?»²⁵ Таким образом, Дефо был склонен объяснить успехи русского оружия прежде всего климатическим фактором и огромной территорией России.

Трудно сказать, была ли неожиданной для Дефо столь изумившая всю Европу, и англичан в том числе, победа русских в Полтавском сражении. Мнения исследователей по этому вопросу разделились²⁶. Более существенным представляется то, что Дефо был явно расстроен поражением шведского войска — «армии ветеранов, разбитой бандой, толпой, простым ополчением; армии храбрейших людей в мире, разбитой подлецами, старыми нищенками (?! — Е.Д.), которых можно назвать как угодно»²⁷. Как уже бывало и ранее, писатель попытался объяснить победу русских тем, что Петр I «имеет за собой страну рабов, почти в две тысячи квадратных миль, ему подвластны все его подданные, как гончие английского джентльмена подвластны его охотникам»²⁸. Дефо подверг критике своего то-

гдашнего «героя», Карла XII, за то, что он «обучил варварские трусливые народы искусству войны и открыл дверь москвитам, которые стали ужасом Европы»²⁹. Позднее, в марте 1713 г., в одном из номеров «Обозрения» Дефо заявил, что, в сущности, не желал Карлу успеха «с тех пор, как он в Саксонии повернулся не в ту сторону». Кроме того, памфлетист придерживался мнения, что «шведская нация не должна быть подавлена – независимо от того, как вел себя король Швеции, – и особенно такой варварской и угрожающей нацией, как москвиты... И если шведы будут подавлены, то кто в результате этого возвеличится, кроме поляков, папистской нации, с одной стороны, и москвитов, с другой стороны, то есть тех, увеличения чьей силы не хотел бы ни один хороший человек?»³⁰

Вероятно, хотя полтавская виктория и встревожила англичан, в частности, Дефо, но появившийся на горизонте призрак «русской угрозы» был прежде всего связан с появлением у русских боеспособного флота. Дефо размышляет о том, не совершили ли англичане ужасную ошибку, научив москвитов строить корабли, что «позволит русским командовать на Балтике». Теперь, когда русские впервые в своей истории получили флот, они, по мнению Дефо, могли угрожать и Британии. Памфлетист даже пугает своих читателей тем, что русский царь, «обученный военному искусству, через некоторое время сможет разгромить нас всех, подобно диким северным племенам, когда-то разгромившим римскую империю»³¹. Опасения Дефо разделялись и в печатных изданиях, близких к английскому правительству. Так, орган партии тори «Наблюдатель», писал в 1713 г., что «Северная война может стать причиной нападения нового врага на Европу, более грозного, нежели готы и вандалы, предки этого врага»³². Несмотря на возросшее военное могущество русских, их продолжали воспринимать как «варварскую расу», или «расу дикарей», вынашивающую агрессивные планы.

Если же говорить об отношении Даниэля Дефо к Петру I, то оно претерпевало значительные изменения на протяжении первой четверти XVIII в.

В 1711 г. в газете «Зритель» появилась хвалебная статья, посвященная личности Петра I, автором которой был известный журналист Ричард Стиль. В этой статье Стиль поведал читателям о том, как «богоподобный государь» отправился инкогнито в чужие страны, с намерением овладеть полезными науками и военным искусством, и этим «заложил основание своей великой и вечной славы». Стиль также поставил в заслугу Петру I понимание того, что «сама по себе неограниченная власть недостаточна, пока нет умения ею правильно пользоваться»³³. В конце статьи Стиль сравнивает Петра I с Людовиком XIV, и сравнение это оказывается не в пользу последнего.

Дефо, не теряя времени, вступил в полемику со Стилем относительно того, следует ли считать Петра I героем. Разделяя взгляд своего оппонента по поводу положительной стороны «отъезда Петра из Империи с целью получения полезных знаний», Дефо утверждает, что «не может считать царя истинным героем, поскольку царь не признает естественное право своих подданных на свободу, которое Бог даровал... всем своим разумным существам». Далее Дефо поясняет, что «если бы царь Московии обладал духом истинного величия, то он... возвратил бы свободу своему народу, сделал бы их хозяевами своей собственности, оградил бы эту собственность законами против будущих притеснений своих наследников... Тогда был он действительно был бы героем»³⁴. Дефо, живший в эпоху важных конституционных перемен общественного строя в Англии³⁵, крайне отрицательно относился к проявлениям ничем не ограниченной власти в других странах, особенно в петровской России. Он не жалел темных красок, описывая «деспотическое правление русских императоров, жестоких и ужасных предков нынешнего русского царя». Опираясь на свидетельства неназванных авторов, побывавших в России, Дефо рисует мрачную картину правления Петра I, который «неограниченно повелевает душами и телами своих подданных, которые даже дышат лишь с его разрешения... и не осмеливаются глядеть на своего монарха; он... рукою палача наказывает своих дворян и князей, а сыновей их... заставляет быть учениками мастеров и ремес-

ленников, и приказывает им работать в этом качестве под своим руководством». Изрядно попугав читателей ужасами петровского деспотизма, Дефо утверждает, что в Англии даже «самый притесняемый человек... благословляет землю, по которой ступает, подумав о том, что ею управляет ограниченная законом власть»³⁶.

Еще одним поводом для критики в адрес Петра I со стороны Дефо послужили события 1712-1713 гг. в Померании. По данным английской печати, которые не могли считаться вполне достоверными, русские войска совершили там ряд жестокостей³⁷. На страницах «Обозрения» от 18 марта 1712 г. появился рассказ, основанный на некоем письме из Або, в котором сообщались леденящие душу подробности обращения русских солдат с местным населением, которые будто бы забирали в рабство детей да еще и резали их на куски, «чтобы их жарили и подавали им для еды»³⁸. Дефо, ранее неоднократно писавший на все лады о «зверствах» московитов, обвинил русского царя в использовании нового метода ведения войны, который послужит «основой его собственной гибели... и вся Европа возрадуется падению его власти». В глазах Дефо Петр являлся не «христианским монархом, а царственным мясником, который... позволяет своим подданным продавать военнопленных магометанам». Столь вопиющие, по мнению писателя, поступки русского царя не дают оснований считать его «правителем или государем, но скорее рассвирепевшим Медведем из бескрайних сибирских лесов, части его диких владений»³⁹. Дефо также упомянул об опасности, якобы грозившей английским купцам во владениях Петра I и исходившей именно от «царственного Сибиряка». Что это была за опасность, памфлетист не пояснил, но выразил уверенность в том, что «британское правительство свершит над ним правосудие, как и над другими медведями в человеческом обличье, находящимися в его стране»⁴⁰. Чрезвычайный посланник России при дворе королевы Анны барон Бертрам Шак (датчанин по происхождению) выразил официальный протест по поводу оскорбления, нанесенного русскому царю, и потребовал «наказать бесчестного Даниэля Дефо,

дерзнувшего столь бесстыдным образом писать о Его Царском Величестве»⁴¹. Однако, к неудовольствию русских властей, Дефо не понес никакого наказания⁴².

Следует отметить, что в течение упомянутого периода, симпатии Дефо безусловно были на стороне главного политического противника Петра I – шведского короля Карла XII. Такая позиция писателя может быть объяснена тем, что он, как и большинство англичан, видел в Карле XII оплот протестантизма в Европе. Поэтому поражения шведского короля в войне с Россией Дефо воспринимал через призму угрозы протестантским интересам⁴³.

В 1715 г. вышла в свет «История войн Карла XII шведского короля», которую приписывали «шотландскому джентльмену на шведской службе». На самом деле автором этого произведения оказался не кто иной, как Д.Дефо. Он поставил перед собой задачу показать величие Карла XII и доказать читателям, что «балтийский кризис начала восемнадцатого века явился результатом агрессивных действий Петра против Карла XII»⁴⁴. Однако смерть шведского короля в 1718 г. и последующее окончание Северной войны несколько смягчили отношение Дефо к Петру I. Возможно, Дефо, чутко прислушивавшийся к настроениям английской читающей публики, почувствовал возрастающий интерес ко всему, связанному с российскими делами, и личностью Петра I. В 1723 г. он, опять же анонимно, издает «Беспристрастную историю жизни и деятельности Петра Алексеевича, нынешнего царя Московии». Данное сочинение Дефо, по мнению Э.Кросса, было, вероятно, наиболее неудачным за всю карьеру этого писателя⁴⁵. С ним с некоторыми оговорками соглашается и Д.М.Урнов⁴⁶. Другого мнения придерживается С.В.Громов, указывая, что «хотя “Беспристрастная история” не безупречна, автору удалось создать в целом реальную картину петровской России»⁴⁷.

Одним из главных недостатков «Беспристрастной истории...», на мой взгляд, является то, что автор написал ее на основании тех же сведений и источников, которыми он пользовался при составлении «Истории войн Карла XII». На первых

страницах своего повествования «британский офицер на русской службе» перечисляет все достижения русского царя, в особенности реформирование им «своего темного и невежественного народа» по европейскому образцу, организацию армии на новых началах⁴⁸. Создается впечатление, что Дефо испытывал нехватку свежего материала и вследствие этого пошел по наиболее легкому пути – поступки Карла XII стал оценивать критически, а деяния Петра I только с положительной стороны. Дефо сурово порицал шведского короля за то, что тот во имя собственной славы увлекся завоеваниями «в дальних странах... в то время как его наследственные территории оказались отторгнутыми, а наиболее укрепленные и важные города потерянными»⁴⁹. Карл XII, имевший, по мнению автора «Истории...», возможность «заключить почетный мир» со своими противниками и не сделавший этого, виновен в «гибели собственной страны»⁵⁰. В отличие от шведского короля-авантюриста, Петр I предстает правителем, проводящим преобразования «без значительных завоеваний территорий других государств, но с помощью улучшения экономики, привычек, обычаев и торговли собственного народа»⁵¹. Это уже не «рассвирепевший сибирский медведь», а истинный отец своих подданных.

Автор впадает порой в безудержную апологию Петра I, восторгаясь «великими начинаниями русского царя, которые принесли ему небывалую славу»⁵². Весьма подробно Дефо описывает полтавскую победу Петра I, которая оказала влияние на «отдаленные страны мира и на всю Европу»⁵³. По не вполне ясным причинам «История...» обрывается на событиях 1714 г. Ее автор предоставляет «другому перу честь поведать потомству о деяниях августейшего императора России, приличествующим его славе образом»⁵⁴.

Напрашивается вывод о том, что «История Петра Алексеевича...», хотя и являясь, по замечанию Д.М.Урнова, «второстепенной книгой»⁵⁵, вместе с тем знаменует собой своего рода трансформацию взглядов Дефо на Петра I под влиянием текущего момента.

Оценивая в целом труды Дефо-памфлетиста, уделившего наибольшее внимание Петру I и России на страницах своих памфлетов, можно отметить следующую характерную тенденцию: отечественные исследователи склонны воспринимать взгляды Дефо на Россию скорее как положительные, при этом в зарубежной литературе высказывается предположение о том, что Дефо «был ранним предвестником русофобии в журналистике»⁵⁶. На мой взгляд, вопрос этот требует дальнейшего и более беспристрастного изучения.

Все же интерес Дефо к России, нашедший отражение в его творчестве, даже в моменты наибольшей интенсивности представляется конъюнктурным. Писатель не стремился или не мог всесторонне проанализировать и глубоко понять характер сложных процессов, происходивших в России в первую четверть XVIII в. Но то, что Россия при Петре I заняла достойное место в семье европейских народов, для Дефо было бесспорным.

¹ Аникст А.А. Даниэль Дефо. М., 1957; Нерсесова М.А. Даниэль Дефо. М., 1960; Урнов Д.М. Дефо. М., 1990.

² См.: Аникст А.А. Указ. соч. С. 38; Нерсесова М.А. Указ. соч. С. 8; Лабутина Т.Л. Даниэль Дефо, автор «Робинзона Крузо». Его общественно-политические воззрения // Новая и новейшая история. 1986. № 1. С. 156-167.

³ См.: Урнов Д.М. Указ. соч. С. 211-223; см. также: Глушко Е.А. Тема России в романе Д.Дефо «Робинзон Крузо» // Англия и Россия: Диалог двух культур. Воронеж, 1994.

⁴ Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) // Литературное наследство. М., 1982. Т. 91. С. 82-83; см. также: Алексеев М.П. Сибирь в романе Дефо. Иркутск, 1928.

⁵ Cross A.G. Peter the Great through British eyes: perceptions and representations of the Tsar since 1698. Cambridge, 2000; Smith I.H. An English View of Russia in the Early Eighteenth Century // Canadian Slavic Studies. 1967. Summer. Vol. I, № 2. P. 276-282.

⁶ Лабутина Т.Л. «Консерватор» Свифт и «реформатор» Дефо // Вопросы истории. 1995. № 11-12. С. 39.

⁷ www.britannica.com. 2001.

⁸ Ibid.

- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ См.: *Anderson M.S.* Britain's Discovery of Russia, 1553-1815. Lnd., 1958. P. 51.
- ¹² Ibid.
- ¹³ Ibid. P. 52.
- ¹⁴ Ibid. P. 53.
- ¹⁵ Ibid. P. 54.
- ¹⁶ *Тарле Е.В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 2002. С. 63.
- ¹⁷ Цит. по: *Anderson M.S.* Op. cit. P. 55.
- ¹⁸ *Cross A.G.* Op. cit. P. 53.
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ Цит. по: *Smith I.H.* Op. cit. P. 276.
- ²¹ Цит. по: *Cross A.G.* Op. cit. P. 53.
- ²² Цит. по: *Smith I.H.* Op. cit. P. 279.
- ²³ *Dixon S. et al.* Britain and Russia in the age of Peter the Great. Lnd., 1998. P. 55.
- ²⁴ *Cross A.G.* Op. cit. P. 53.
- ²⁵ Цит. по: *Smith I.H.* Op. cit. P. 280-281.
- ²⁶ См.: *Anderson M.S.* Op. cit. P. 58; *Smith I.H.* Op. cit. P. 281; *Потемкин Э.* Даниэль Дефо и Северная война // Вопросы истории. 1967. № 6. С. 100.; *Урнов Д.М.* Указ. соч. С. 215.
- ²⁷ Цит. по: *Anderson M.S.* Op. cit. P. 58.
- ²⁸ Ibid. P. 59.
- ²⁹ Цит. по: *Cross A.G.* Op. cit. P. 55.
- ³⁰ Цит. по: *Потемкин Э.* Указ. соч. С. 104.
- ³¹ Цит. по: *Smith I.H.* Op. cit. P. 281.
- ³² Цит. по: *Anderson M.S.* Op. cit. P. 59.
- ³³ *Dixon S. et al.* Op. cit. P. 111.
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ См.: *Smith I.H.* Op. cit. P. 279.
- ³⁶ *Dixon S. et al.* Op. cit. P. 112.
- ³⁷ См.: *Cross A.G.* Op. cit. P. 54.
- ³⁸ См.: *Потемкин Э.* Указ. соч. С. 103.
- ³⁹ *Dixon S. et al.* Op. cit. P. 125.
- ⁴⁰ Ibid. P. 126.
- ⁴¹ Цит. по: *Cross A.G.* Op. cit. P. 55.
- ⁴² См.: *Урнов Д.М.* Указ. соч. С. 215; *Cross A.G.* Op. cit. P. 55.
- ⁴³ См.: *Anderson M.S.* Op. cit. P. 60.
- ⁴⁴ *Smith I.H.* Op. cit. P. 282.
- ⁴⁵ *Cross A.G.* Op. cit. P. 56.

- ⁴⁶ См.: Урнов Д.М. Указ. соч. С. 219.
- ⁴⁷ Громов С.В. Сочинение Дефо о Петре I // Вопросы истории. 1983. № 5. С. 178.
- ⁴⁸ Defoe D. An Impartial History of the Life and Actions of Peter Alexowitz, the Present Czar of Muscovy, from his Birth down to this Present Time. Lnd., 1723. P. 3-5.
- ⁴⁹ Ibid. P. 163.
- ⁵⁰ Ibid. P. 168.
- ⁵¹ Ibid. P. 3.
- ⁵² Ibid. P. 14.
- ⁵³ Ibid. P. 230.
- ⁵⁴ Ibid. P. 420.
- ⁵⁵ Урнов Д.М. Указ. соч. С. 219.
- ⁵⁶ См.: Smith I.H. Op. cit. P. 283.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I ГЛАЗАМИ ИНОСТРАННЫХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ

Пожалуй, никто из российских государей XIX в. не удостоивался столь разноречивых отзывов, как император Николай I (1825-1855). Уже у современников он вызывал совершенно противоположное отношение: «многие из придворных деятелей, имевших личное общение с Николаем Павловичем... восхищались им и боготворили его... наоборот, представители передовых и независимых кругов русского общества... склонны были усматривать в личности самого государя источник реакции и гнета»¹. «Лучшая сторона характера и образа мыслей императора Николая I, хорошо знакомая в кругах, близких к престолу, скрывалась и доселе скрывается для большинства за подавляющим обликом державного великана»², – эти слова Владимира Соловьева, относящиеся к 1896 г., году столетия императора, актуальны и сегодня. Личность этого монарха в той или иной степени долгое время ассоциировалась и сейчас подчас ассоциируется со всеми событиями русской жизни второй четверти девятнадцатого столетия, до сих пор существует выражение для этого временного интервала – «николаевская эпоха».

Подобный подход прослеживался уже при жизни Николая Павловича. «Когда говорят о России, то при этом говорят об императоре Николае I», – писал канцлер К.Меттерних австрийскому посланнику в Петербурге графу К.Фикельмону³. Именно поэтому донесения иностранных дипломатов, аккредитованных в России во второй четверти XIX в., переписка ряда зарубежных деятелей того времени, мемуары некоторых из них пестрят характеристиками российского самодержца. Поскольку эти документы использовались автором настоящей статьи, прежде всего остановимся на их краткой характеристике.

Требования, предъявляемые к дипломатической работе, обязанность быть максимально объективными в оценке лиц и событий, а также подчас свежий взгляд со стороны придают депешам иностранных дипломатов из столицы российской империи особый интерес и значимость. Тем более, как отметил современный исследователь, «их составители — опытные и умные наблюдатели, подмечавшие те детали быта императорского двора и императорской семьи, которые именно благодаря своей обыденности не освещались в русских источниках»⁴.

Дневники и воспоминания иностранцев, прежде всего путешественников и дипломатов, достаточно разнообразны и обладают тем же свойством, что и официальные отчеты зарубежных посланников, — они фиксируют многое из того, что русским современникам императора Николая I не казалось заслуживающим внимания. В их ряду выделяется своим объемом и тенденциозностью книга маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году», полное издание которой на русском языке вышло всего несколько лет назад (1996)⁵. Кюстин попытался дать всесторонний портрет императора Николая Павловича, используя личные впечатления и всевозможные «предания» и слухи, не всегда достоверные. Несмотря на последнее обстоятельство, его записки остаются одним из замечательных литературных памятников той эпохи и ценным историческим источником.

Более или менее детальными и систематизированными являются мемуары полномочного представителя Франции в России в 1828-1832 гг. П.-Ш.А. де Бургоэна, баварского посланника в России в 1843-1852 гг. Оттона де Брэ, первого секретаря французского посольства в Санкт-Петербурге графа Г.-А.-А.Резэ (1852-1854) и записки поверенного в делах саксонского посольства К.Ф.Фицтума фон Экштедта (1852)⁶. Остальные воспоминания иностранных подданных о русском императоре отрывочны, и, как правило, рассказывают об единичных встречах их авторов с Николаем I (о них речь пойдет ниже).

Эпистолярное наследие, оставленное нам иностранцами, имевшими возможность видеть русского царя во время его за-

рубежных вояжей, немногочисленно⁷. Между тем, переписка, «сохраняя эмоциональную свежесть восприятия событий, оперативно отражая текущую действительность»⁸, дает описание деталей бытового поведения Николая I, на основании анализа которых авторы писем пытаются составить представление об его характере. Наиболее «именитыми» корреспондентами, делившимися своими впечатлениями о русском монархе, были королева Виктория и ее муж принц Альберт, их общее мнение о Николае I после посещения последним Англии в 1844 г. королева изложила в письмах к бельгийскому королю Леопольду⁹.

Даже весьма беглое знакомство с письмами и мемуарами иностранцев, лично знавших Николая I, а также с донесениями зарубежных дипломатов, аккредитованных при русском дворе, позволяют убедиться в далеко не исчерпанных возможностях использования этого вида источников; гораздо привычнее привлечение весьма тенденциозной публицистики, односторонне освещающей фигуру русского царя (как правило, негативно). Благодаря свидетельствам иностранных современников образ российского самодержца предстает во всей сложности и многогранности, многие стороны его натуры открываются с неожиданной стороны.

Многие иностранные наблюдатели оставили нам описание наружности императора Николая I, которая, как правило, производила благоприятное впечатление. Некоторым зарубежным современникам русский царь казался «самым красивым и величественным мужчиной своего времени», другие признавали, что ему присуща «в равной мере духовная и физическая» красота¹⁰. «Вид его без сомнения поражает; он все еще очень хорош собою; профиль его прекрасен, а манеры полны достоинства и грации», – таким увидела российского государя английская королева (ему тогда было почти 48 лет)¹¹.

Наиболее заметные черты внешнего облика Николая I, бросающиеся в глаза современникам, – высокий рост, правильные, «античные», черты лица, «магнетический» взгляд, величественная осанка.

Маркиз де Кюстин отмечал, что «император на полголовы выше обыкновенного роста»¹². Шведский военный министр В.В.Гаффнер писал о Николае: «наружность у него атлетическая, ростом он почти два метра, хорошо сложен, с красивым лицом»¹³. Представленный императору во время Крымской войны пленный английский лейтенант вспоминал: «Я был приготовлен увидеть человека очень высокого роста, но все-таки был поражен необыкновенной величиной русского царя». Он обратил внимание на «правильное лицо» государя и «чрезвычайно выразительные и ласковые» глаза¹⁴. «Проницательные глаза» русского самодержца отмечал в своих воспоминаниях и другой иностранный наблюдатель¹⁵. О «прекрасных глазах» императора и твердости взгляда, поразивших его, вспоминал немецкий дипломат¹⁶.

При всем различии в личном восприятии внешности русского самодержца почти все наблюдатели отмечали его античный профиль. Именно античные черты не только в молодости, но и в зрелости бросались в глаза многим современникам. Кюстин писал: «У императора греческий профиль, высокий лоб... прямой нос безупречной формы. Очень красивый рот, овальное, слегка удлиненное лицо; в чертах императора есть что-то от Аполлона и от Юпитера»¹⁷. О «классическом» облике Николая Павловича писал другой современник, добавляя, что «по такой модели Фидий мог бы изваять статую Зевса или бога войны»¹⁸.

На протяжении всей своей жизни Николай Павлович старался сохранять военную выправку, чему способствовали и его природные данные. По описанию барона Стокмара, в 1816-1817 гг. во время своего визита в Англию великий князь выглядел «обворожительным юношей, высокого роста, не особенно худым, прямым, как сосна, с необыкновенными бровями, прекрасным профилем, небольшим ртом и выточенным подбородком»¹⁹. Видевший Николая I в 1837 г. американский дипломат отмечал статную фигуру императора²⁰. Свидетель встречи русского царя с папой в 1845 г. кардинал Виземан писал о нем как о «красивом 50-летнем мужчине атлетического телосложения»²¹.

Позднее, когда Николай Павлович, несмотря на умеренность в еде и постоянные физические упражнения, начал полнеть, он по-прежнему старался следить за своей фигурой. А.Кюстин отмечал, что император «хорошо сложен, но немного скован; с ранней юности он взял привычку... туго утягивать живот ремнем; обыкновенно это позволяет ему выступать грудью вперед, однако не прибавляет ни красоты, ни здоровья; живот все равно выпирает и нависает над поясом»²².

Однако, по мнению другого иностранца, дефекты фигуры, связанные с возрастом, несколько не портили русского императора. Через пять лет после посещения Кюстином России, Николай I посетил Англию (1844). Видевший его первый раз в 1840 г. сэр Чарльз Муррей нашел, что император «потолстел, у него поредели волосы на голове, но все-таки он оставался прежним благородным величественным человеком, царем с головы до ног». «Он оставил о себе память как о человеке, хотя не молодом, – ему было уже 48 лет, – но во всем цвете сил и в полном смысле рыцаре», – продолжил мемуарист²³.

«Рыцарские» качества императора подчеркивались и рядом других иностранных авторов, лично знакомых с Николаем I. «Вся наружность монарха имела нечто рыцарское», – так описал свое впечатление молодой саксонец Ф. фон Экштедт. Русский император – «это тип всего справедливого, рыцарского, благородного и энергичного», – с восторгом восклицал другой немец²⁴. «Он... верен точным началам долга, изменить которым не заставит его ничто на свете», – сообщала своему корреспонденту правительница Соединенного королевства²⁵.

Внешний облик императора в определенной степени отражал его характер, многие современники испытали на себе ощущение не только внешней, но и внутренней силы, исходящей от него. Описывая облик императора в начале царствования, граф де Пасси отмечал: «Высокое чело, полное огня и величия, уста с несколько саркастическим выражением, богатырская грудь, колоссальный рост и, наконец, величественная походка, придавали государю что-то необыкновенное»²⁶.

«Когда я оказываюсь вблизи императора и вижу его величавое достоинство, его красоту, я восхищаюсь этим чудом», — таково было впечатление маркиза А.Кюстина²⁷.

Несомненно, Николай обладал определенным обаянием, ведь даже его враги оказывались им очарованы. Так, участник польского восстания 1830–1831 гг. Михаил Чайковский, видевший императора в 1829 г., вспоминал: «Должен сознаться, что ни один человек на свете не произвел на меня большего впечатления, чем император Николай; он был в то время во всем свете красоты и царственного величия. По росту, осанке и выражению лица он казался владыкой мира... Я не могу объяснить себе причины, но сердце невольно влекло меня к нему, я не мог наглядеться на него, в нем было какое-то обаяние и величие»²⁸.

Перед визитом русской императорской четы в Англию в 1844 г., королева и все английское общество были предубеждены против Николая I, «под влиянием предвзятых и врожденных взглядов на Россию и ее государя, бывших в то время в ходу в Западной Европе»²⁹. Королева Виктория писала: «Я была очень настроена против посещения, опасаясь стеснения и тяжести, и даже в начале оно мне нисколько не нравилось. Но, прожив в одном доме вместе спокойно и не стеснительно... я узнала императора, а он узнал меня... Забота его о том, чтобы ему верили, очень велика, и я должна признаться, что сама расположена верить его личным обещаниям. Его чувства очень сильны. Он прост, чувствителен и ласков». Безусловно, многое по-прежнему не устраивало Викторию, «в нем есть многое, с чем я не могу примириться», — писала она, и добавляла, что «надо рассматривать и понимать его характер таким, каков он есть»³⁰.

Ознакомившись с отчетом австрийского посланника в Лондоне о пребывании там русского царя, княгиня Меттерних записала в дневнике: «по-видимому, лондонская публика, несмотря на то, что она не была сначала расположена оказать императору Николаю хорошего приема, кончила тем, что помирилась с ним и даже дошла до энтузиазма»³¹. В связи с тем

же событием личный недоброжелатель российского императора Ф.Гизо вынужден был признать обаяние «государя-царедворца, прибывшего с целью явить свое величие и любезность, пленить королеву Викторию, ее министров, дам, аристократию, народ и всех в Англии»³².

Кюстин писал, что «такого человека нельзя судить по меркам, пригодным для обыкновенных людей». Он отмечал, что голос императора, «властный и исполненный значительности, магнетический взгляд... великолепное чело... почти неподвижное, внушительное повелительное лицо, облик, скорее благородный, нежели добросердечный, подобающий больше статуе, чем человеку, — все это оказывает неодолимое воздействие на всякого, кто приближается к его особе». Российский император виделся маркизу достойным повелевать людьми, настолько «возвышенным и величественным был его облик»³³.

Этот облик в сознании современников, особенно иностранцев, неразрывно связывался с делами русского монарха. В этом отношении весьма примечательно впечатление, произведенное императором на графа Фридриха Фердинанда Байста, известного государственного деятеля Саксонии и Австрии. «Никто не был таким властелином Европы, если не считать Наполеона I, — писал граф, — никто не вызывал таких симпатий, такой злобы и ненависти, как император Николай. В Берлине на него смотрели почти как на высшее существо, точно так же, как и большинство немецких дворов». А заключает Байст так: «Я не могу передать, какое сильное впечатление произвел на меня этот монарх, и никогда не забуду его большие, прекрасные голубые глаза»³⁴. Как видим, внешние характеристики Николая в сознании мемуариста сливаются с его поведенческими чертами и с деятельностью.

Аналогично и мнение о российском императоре баварского посланника в России Оттона де Брэ (1843): «Его слово было самое веское в совете европейских монархов, его двор был блестящий, его наружность внушала уважение»³⁵.

После личной аудиенции русского царя молодой дипломат, пораженный его «внушительной наружностью», записал об

этом «могущественнейшем и наиболее внушавшем страх монархе»: «я понял теперь, как стоящий передо мною колосс одним движением руки усмирив бунт на Сенной площади, вспыхнувший во время холеры 1831 г.»³⁶

Несомненно, Николай I обладал царственной внешностью, у современников-иностранцев, не всегда принимавших его политику, он вызывал восхищение своим внешним обликом, манерой поведения; они ассоциировались с его «деяниями». Получался весьма впечатляющий портрет «великого государя» (Бургоэн)³⁷, «идеал монарха, каких в настоящее время уже не существует» (Э.Витгенштейн)³⁸, «царя с головы до ног»³⁹.

Не только внешний облик, но и многие черты характера Николая I вызывали симпатию у иностранцев, знавших его.

Жена английского посла в России в 1825-1827 гг. леди Дисброо была очень огорчена предстоящей разлукой с русской царственной четой, так как она «искренно привязалась к ним» и не могла «помириться с мыслью, что, быть может, никогда не увидит их». Ей нравилось в них все. Во время прощальной аудиенции госпожа Дисброо «чувствовала себя так, как будто расставалась с самыми близкими родными»⁴⁰.

Многие мемуаристы отмечали прямоту и непосредственность Николая I. Экштедт был поражен тем, что «император как будто совсем позабыл, что перед ним стоит молодой дипломат... с доверчивостью, будто обращаясь к старому знакомому, он стал рассказывать... про свое только что оконченное путешествие»⁴¹. Английская королева признавала, что ее русский «собрат» даже «слишком откровенен, ибо говорит открыто перед всеми... и с трудом сдерживает себя»⁴². Виктории, как представительнице наиболее консервативной нации, такая открытость не очень импонировала, однако вызывала уважение, так же как и искренность русского царя.

Сравнивая старшего и младшего братьев-императоров, Кюстин записывал: «Император Александр был всегда очарователен, но иногда неискренен; император Николай более прям... в нынешнем самодержце меньше обаяния, но больше силы»⁴³.

Все знакомые с императором всероссийским, так или иначе, касались его отношения к жене и детям. В Европе его считали идеальным мужем и отцом. Английская королева отмечала «привязанность [императора] к семейной жизни», подчеркивая, что «привязанность эта действительно очень велика», так же как его «любовь к жене и своим детям и всем детям вообще»⁴⁴.

При этом королева признает за Николаем такую черту, как «восхищение женской красотой», подчеркивая, что «при этом он остается верен тем, кем он восхищался двадцать семь лет назад»⁴⁵ (т.е. в свой первый приезд в Англию в 1817 г.). О том же пишет видевший русского императора в Лондоне в 1844 г. барон Стокмар: «Император все еще большой поклонник женской красоты. Он выказал большое внимание всем англичанкам, бывшим прежде предметами его почитания. Все это, в соединении с повелительной его осанкой и предупредительной любезностью в отношении прекрасного пола, конечно, победило большинство дам»⁴⁶. Справедливости ради, стоит добавить, что Стокмар далее пишет: «Мужчины хвалили его чувство собственного достоинства, такт и точность, отличавшие его в обществе»⁴⁷.

Многие качества русского монарха вызывали уважение у наблюдавших за его повседневной жизнью в Петербурге иностранных дипломатов. Письменные отчеты французских посланников в Петербурге конца 1830-1840-х гг. донесли до нас восхищение храбростью русского императора, которую они усматривали в событиях 1825⁴⁸ и 1831 годов, его твердостью, решительностью и прямоотой в обращении. В них утверждалось, что он искренне хочет исцелить многие болезни, от которых страдает Россия, но не видит около себя людей, на которых можно было бы в этом положиться⁴⁹ (о том же писал Кюстин: Николай I «заметил болезнь, смутно угадал лекарство от нее и изо всех сил старается начать лечение»⁵⁰). Следует подчеркнуть, что благоприятные отзывы давались теми, кто ощущал себя в Петербурге в 1830-1848 гг., как во враждебном стане, а к русскому императору относились как к признанному

врагу, руку которого распознавали во всякой дипломатической неудаче Франции. И, надо сказать, не без основания.

Резко негативно отнесся Николай I к революциям во Франции в 1830 и 1848 гг., соответственно он не мог лояльно воспринять политические режимы, установившиеся в результате этих революций. Конституционную монархию Луи Филиппа (1830-1848) Николай I считал явлением неестественным, полагая, что должна существовать либо неограниченная монархия, либо республика – третьего не дано. Вторая республика (1848-1852) по способу своего возникновения возмущала легитимизм русского императора, хотя такая «сильная консервативная республика», по его мнению, была лучшей «плотиной, сдерживающей демократический поток», нежели слабая монархия⁵¹ (и, тем более, монархия конституционная). Его отношение к Наполеону III, провозгласившему себя императором 2 декабря 1852 г., осложнялось усилившимися разногласиями России и Франции в т.н. «восточном вопросе». Русский двор, русская аристократия во главе с салоном графини Нессельроде, соображаясь с политикой государя, относились к французскому посольству с «ледяной вежливостью».

И, тем не менее, депеши французских посланников в Санкт-Петербурге проникнуты симпатией к российскому самодержцу.

П.Барант⁵², не одобряя «манию» императора «всем рисковать» для быстрых передвижений по стране и «недостойную государя» быструю езду по самым опасным и непроезжим дорогам, считал его человеком очень храбрым⁵³ и, самое главное, приносящим пользу своей родине. Так, Барант сообщал в Париж: «Его повеления могут быть суровыми, его воля – абсолютной и слишком поспешной, но у него больше, чем у всех окружающих стремления к порядку, желания справедливости, любви к стране. Эти чувства бывают у него иногда дурно направлены, в его действиях иногда нет достаточно зрелого размышления, и это часто придает его правлению тиранический вид. Но взятое в целом его управление внутренними делами продолжает увеличивать силу и процветание империи и благосостояние ее подданных»⁵⁴.

Барант доносил, что император желает приготовить отмену крепостного права – «великий переход», но при этом ведет себя крайне неосторожно, поскольку «если бы неразумным и крайним деспотизмом ему привелось бы вывести из терпения высший класс общества, мнением которого он, по-видимому, часто пренебрегает, то именно этот высший класс его погубил бы, причем класс низший (на который он, в конце концов, рассчитывал) не подал бы ему никакой помощи»⁵⁵.

Преемник Баранта К.Перье писал в донесении в связи со слухами вокруг подготовки указа об обязанных крестьянах (1842): «Император Николай, верный своему характеру, увлекается личными своими желаниями, необдуманно бросается на путь приключений, не имеет точной цели, соблазняется славой реформатора и основателя нового общества»(!)⁵⁶. В свете традиционного взгляда на Николая I, долгое время господствовавшего в нашей историографии, право, кажется, эти слова написаны о ком-то другом⁵⁷. Так же, как его предшественник, Перье выражает неуверенность в том, что российское дворянство подчинится желанию императора; с другой стороны, по его мнению, встает вопрос, «в какой степени русский народ подготовлен к тому, чтобы принять благодеяние, которое ему предназначается?»⁵⁸. По поводу такой «готовности» французский дипломат высказывает большие сомнения: «Когда не будет нынешнего государя с его железной рукой, не завещает ли он своему наследнику, кроме тяжести венца, еще и трудно исполнимую задачу?»⁵⁹

Слова другого француза – А.Кюстина – перекликаются с отзывами его соотечественников. Маркиз полагает, что «задача, которая... самым порядком вещей ставится перед любым российским императором, – способствовать развитию просвещения в своем народе, дабы ускорить освобождение крепостных», и признает, «что ни один самодержец еще не справлялся с такою тяжкою задачей столь твердо, вдохновенно и счастливо, как император Николай». Однако Кюстин сомневается, сможет ли император, даже с присущим ему «царственно практическим и глубоко национальным гением» решить ее, по-

сколько «в России, чтобы сделать добро, желания самодержца еще недостаточно»⁶⁰.

Первый секретарь французского посольства в столице российской империи с 1852 г. граф Г.Резэ считал, что «характер императора Николая отличался гордостью, самовластием и величайшей добротой»⁶¹.

По мнению Б.-Д.Кастельбажака⁶², император Николай I «государь очень эксцентричный. Его трудно вполне разгадать: так велико расстояние между его хорошими качествами и его недостатками». Он внушает «страх и уважение окружающим, но в то же время – надежный друг, и своей сердечной нежностью нередко уподобляется молодой романической женщине, хотя иногда наряду с этим чувством обнаруживает необыкновенную суровость и неумолимость при малейшей с чьей-нибудь стороны ошибке». Посланник отмечает «прямоту и здравомыслие» императора, которые «иногда помрачались лестью царедворцев и союзных государей и заставляли его впадать в непростительные ошибки, но никогда не отвлекали его от предназначенной им цели»⁶³.

Кастельбажак подытоживает мнение французских дипломатов за двадцать лет: император Николай, «проникнутый возвышенными идеями и истинными христианскими чувствами, стремится ко всему великому и охранительному»⁶⁴.

Точку зрения своих французских коллег разделял и де Брэ, когда признавал, что русский император обладал благородным характером и был чужд всего низкого, хотя вместе с тем, был «суров и непреклонен» и «до такой степени преисполнен сознанием своей власти, что ему трудно представить себе, чтобы какие бы то ни было люди или события могли оказать ему сопротивление»⁶⁵.

О «непреклонности» русского монарха другой современник писал: «ему совершенно чужда была мысль, что какое бы то ни было человеческое существо может ему противоречить или заставить его уклониться с раз принятого пути»⁶⁶.

О «твердости и решительности» Николая Павловича говорил и хорошо его знавший принц Евгений Вюртембергский, в

то же время отмечая «великодушие и человеколюбие» своего двоюродного брата⁶⁷.

Любопытно впечатление о характере Николая I, вынесенное из общения с ним английской королевской четой. По ее мнению, несмотря на любезность и вежливость, «выражение очей его строго... он производит впечатление человека несчастливой, которого давит и мучит тяжесть его безмерного могущества и положения. Он редко улыбается, а когда и улыбнется, выражение его улыбки несчастливое»⁶⁸.

Аналогичным оказалось и впечатление другого иностранца: «самодержец сам сгибается под тяжестью абсолютной власти», — писал Кюстин⁶⁹.

Примечательно, что подобные мысли приписываются самому Николаю Павловичу. В записках Ф. фон Экштедта приведены слова императора, возмущенного поведением своего шурина, прусского короля: «Это не король; он нам портит наше дело... У всех нас один враг: революция. Если станут продолжать нежничать с нею, как это делают в Берлине, то пожар скоро сделается всеобщим. Здесь я пока ничего не боюсь. Пока я жив, никто не пошевелится. Потому что я солдат, а мой господин шурин никогда им не был. Таков, как вы меня видите, я служу 38 лет... Да, я солдат, это дело по мне. Другое же дело, которое возложено на меня Провидением — я исполняю его потому, что должен исполнять и потому, что нет никого, кто бы меня от него избавил. Но это не по мне дело». Саксонский посланник так прокомментировал это заявление императора: «Было что-то трагическое в этом признании. Видно было, каким тяжким бременем лежали на императоре Николае правительственные заботы, которые он в продолжение 27 лет один должен был нести»⁷⁰.

Вообще, знакомясь с отзывами иностранцев об императоре Николае I, замечаешь одну особенность: до личной встречи с ним почти все они предубеждены против него, в этом немалую роль играла репутация России как страны с сохранившимся рабством, страны, походившей в представлении многих иностранцев на средневековую восточную деспотию. После встре-

чи с русским монархом, очарованные им собеседники старались совместить благоприятное впечатление, произведенное Николаем, со своим представлением о его тиранической власти.

В этом отношении характерны письма английской королевы, которая не сомневается в искренности русского царя, по ее мнению, он «искренен даже в наиболее деспотических своих поступках, будучи убежден, что таков единственно возможный способ управлять». Виктория уверена, что Николай I «не подозревает ужасных случаев личного несчастья, столь часто им причиняемых, ибо [она] усмотрела из различных примеров, что его содержат в неведении о многих делах, совершаемых его подданными в высшей степени продажными путями, тогда как он считает себя чрезвычайно справедливым». Королева была убеждена, что Николай, к своему несчастью, «помышляет об общих мерах и не входит в подробности», и поэтому «многое никогда не достигает его слуха да и не может достигнуть». Принц Альберт полагал, что русский император, кроме того, «слишком расположен следовать душевному импульсу или чувству, что заставляет его часто поступать несправедливо»⁷¹.

Подобное наблюдение сделал в России и другой иностранец, считавший, что русский монарх «слишком охотно вмешивается во все сам, слишком часто полагается на себя и слишком редко на других» и, как «слабый человек... зависит от огромных расстояний и незнания фактов, от местных обычаев и нравов подданных»⁷².

Еще одно наблюдение касается взгляда иностранцев на неограниченную власть императора в Российской империи. Многие из них признавали сам факт существования такой власти совершенно необходимым для России. «В бедах империи и пороках правительства несправедливо было бы винить императора: не по силам людским задача, стоящая перед государем, который вдруг возжелал бы человечно царствовать над нечеловечным народом», – так категорично высказался Кюстин⁷³. Более определенно звучат слова официального донесения французского дипломата из Петербурга: «император обходится

со своей империей отчасти как с полком и рассматривает малейшее неповиновение своим приказам как самое важное нарушение правительственной дисциплины», но, вместе с тем, «пассивное сопротивление – есть единственная связь, которая может соединить в единую массу и сделать управляемыми многочисленные народы, рассеянные по неизмеримым пространствам, нецивилизованные или почти нецивилизованные, которым нечего сообщать ни защищать, ни завоевывать»⁷⁴.

В заключение еще раз обратимся к самому «обстоятельному» из иностранных мемуаристов, посвятившему Николаю I большую часть своих записок, – маркизу Астольфу де Кюстину. Его никто не назовет апологетом российского монарха, между тем, его пиетет по отношению к этому самодержцу очевиден. В своих «письмах» Кюстин отмечал, что «император ослепил» его; хотя маркиз «изо всех сил» противился влечению, которое он в нем вызывает, тем не менее, в нем «поднимается волна почтения к этому человеку», он восхищается «императором Николаем: задачу, какую возложил он на себя, может исполнить только человек гениальный». Кюстин признает российского самодержца «великим государем», которого создали «просвещение и воля»⁷⁵. Подобное отношение к русскому царю, как мы убедились, было свойственно большинству зарубежных наблюдателей, писавших о нем.

К сожалению, долгие годы в нашей историографии Николай I предстával почти исключительно как «Николай Палкин», душитель всего и вся; многие конструктивные стороны его личности и деятельности были обойдены молчанием. Для восстановления объективной картины необходимо привлечение свидетельств иностранных современников этого государя, которые, несмотря на различное отношение их авторов к своему герою, безусловно, рисуют образ человека не совсем обыкновенного («единственного на земле», «единственного в своем роде»⁷⁶), обладающего целым рядом черт, вызывающих уважение и даже восхищение. Проявление некоторых характерных для Николая I качеств наблюдатели склонны были усматривать в его деятельности, воспринимая эту деятельность как орга-

ничное продолжение личных достоинств и недостатков императора. Именно поэтому свидетельства тех, кто видел русского монарха или общался с ним, являются ценным источником для воссоздания более полной картины жизни России второй четверти XIX в.

- ¹ *Готье Ю.В.* Император Николай I (Опыт характеристики) // Три века: Россия от Смуги до нашего времени. Т. 5. М., 1913. С. 308-309.
- ² *Соловьев В.С.* Памяти императора Николая I // Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 606.
- ³ *Брэ Оттон де.* Император Николай и его сподвижники // Русская старина. 1902. № 1. С. 122 (Карл Людвиг Фикельмон занимал этот пост в 1829-1839 гг.).
- ⁴ *Высочков Л.В.* Император Николай I. Человек и государь. СПб., 2001. С. 41.
- ⁵ *Кюстин Астольф де.* Россия в 1839 г. М., 1996. Т. 1-2.
- ⁶ *Резэ (Рейзе) Г.-А.А. де.* Граф Рейзет в России в 1852-1854 гг.: (извлечено из его воспоминаний) // Русская старина. 1903. № 6. С. 697-713; № 7. С. 215-232; *Бургоэн П.-Ш.-А.* Воспоминания барона Бургоэна, французского посланника при С.-Петербургском дворе с 1828 по 1832 г. // Отечественные записки. 1864. № 11. С. 189-236; № 12. С. 824-858; *Брэ Оттон де.* Указ. соч. С. 115-139; [*Фицтум фон Экиштедт*]. В виду Крымской войны: Заметки дипломата при Петербургском и Лондонском дворах, 1852-1855 гг. // Русская старина. 1887. № 5. С. 364-404.
- ⁷ Напр.: О пребывании великого князя Николая Павловича в Англии: Из письма леди Пемброк в Москву к графине М.В. де Бальмен, 26 февраля 1817 г. // Русский архив. 1877. № 11. С. 292. Леди Пемброк — дочь графа С.Р.Воронцова, описывала не только свою, но и реакцию окружающих ее англичан на визит великого князя.
- ⁸ *Высочков Л.В.* Указ. соч. С. 32.
- ⁹ *Татищев С.С.* Император Николай I и иностранные дворы: Исторические очерки. СПб., 1889. С. 27-31.
- ¹⁰ Император Николай I и папа Григорий XVI // Николай Первый и его время. М., 2000. Т. 2. С. 339; *Кюстин Астольф де.* Указ. соч. Т. 1. С. 213.
- ¹¹ *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 27.
- ¹² *Кюстин Астольф де.* Указ. соч. Т. 1. С. 162. Рост Николая I составлял 189 см.

- ¹³ *Гаффнер Венцель Вольфганг*. Три недели в России // Исторический вестник. 1914. № 1. С. 267.
- ¹⁴ *Молчанов А.Н.* Пленные англичане в России: (воспоминания лейтенанта Альфреда Ройера) // Николай Первый и его время. М., 2000. Т. 2. С. 379, 380.
- ¹⁵ *Даллас Д.М.* Американский посланник при дворе Николая I // Там же. С. 192.
- ¹⁶ [*Фицтум фон Экштедт*]. Указ. соч. С. 376-377.
- ¹⁷ *Кюстин Астольф де*. Указ. соч. Т. 1. С. 162. Даже А.И.Герцен был вынужден признать «античность» облика Николая Павловича; говоря о скульптурной галерее Ватикана, он писал: «Это тип военачальников, в которых вымерло все гражданское, все человеческое, и осталась одна страсть – повелевать».
- ¹⁸ [*Фицтум фон Экштедт*]. Указ. соч. С. 376.
- ¹⁹ Цит. по: *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 7.
- ²⁰ *Даллас Д.М.* Указ. соч. С. 192.
- ²¹ Император Николай I и папа Григорий XVI. С. 335.
- ²² *Кюстин Астольф де*. Указ. соч. Т. I. С. 162.
- ²³ *Сэр Чарльз Муррей*. Королева Виктория и Николай I // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 328, 332.
- ²⁴ Из письма Э.К.Л.Витгенштейна к отцу. Эмилий Витгенштейн после 1848 г. вступил в русскую службу (*Резэ (Рейзе) Г.-А.А. де*. Указ. соч. С. 219).
- ²⁵ *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 28.
- ²⁶ *Пасси де*. Император Николай и его царствование. СПб., 1859. С. 45.
- ²⁷ *Кюстин Астольф де*. Указ. соч. Т. 2. С. 13.
- ²⁸ Записки Михаила Чайковского (Мехмед Садык-паши) // Русская старина. 1896. № 4. С.172. Чайковский добавлял: «Ах, если бы Польша имела такого короля!»
- ²⁹ *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 27.
- ³⁰ Там же. С. 28.
- ³¹ Там же. С. 31.
- ³² *Guizot F.* Memoires pour servir a l'histoire de mon temps. Т. VI. Paris. P. 208-209.
- ³³ *Кюстин А.* Указ. соч. Т. 1. С. 210. См. также: Там же. С. 208.
- ³⁴ *Резэ (Рейзе) Г.-А.А. де*. Указ. соч. С. 219.
- ³⁵ *Брэ Оттон де*. Указ. соч. С. 118.
- ³⁶ [*Фицтум фон Экштедт*]. Указ. соч. С. 376.
- ³⁷ *Бургоэн П.-Ш.-А.* Указ. соч. С. 190.
- ³⁸ *Резэ (Рейзе) Г.-А.А. де*. Указ. соч. С. 219.
- ³⁹ Император Николай I и папа Григорий XVI. С. 339.

- 40 Петербургская жизнь в 1825-1827 гг.: (По письмам англичанки) // Русская старина. 1904. № 1. С. 205. Эдвард Дисброо прослужил в России с апреля 1825 по сентябрь 1827 г.
- 41 [Фицтум фон Экиштедт]. Указ. соч. С. 377.
- 42 Татищев С.С. Указ. соч. С. 29.
- 43 Кюстин Астольф де. Указ. соч. Т. 1. С. 163.
- 44 Татищев С.С. Указ. соч. С. 28-29.
- 45 Там же. С. 30.
- 46 Там же.
- 47 Там же.
- 48 См.: *Борицк И.К.* Восстание декабристов в освещении французского дипломата: (По неизданным материалам) // Парижский вестник. 1925. 25 июля (№ 69); 19 августа (№ 89); 30 августа (№ 90). Эта работа содержит перевод донесений французского посланника в Санкт-Петербурге Ла Ферронэ за 1826 г., в которых рассказывается о событиях 14 декабря и последующих; Огюст Пьер Мари Феррон Ферронэ или Ферроне – французский посол в России в 1819-1827 гг.
- 49 *Тарле Е.В.* Николай I и крестьянский вопрос в России по неизданным донесениям французских дипломатов 1842-1847 гг. // *Тарле Е.В.* Соч.: в 12 тт. Т. 4. М., 1958. С. 571.
- 50 Кюстин Астольф де. Указ. соч. Т. 1. С. 245.
- 51 Маркиз Кастельбажак об императоре Николае Павловиче // Русский архив. 1893. Кн. 2. № 7. С. 22.
- 52 Барон Проспер Брюжьер де Барант был посланником в Петербурге в 1837-1841 гг. По мнению В.Мильчиной и А.Осповата, многими сведениями о России А. де Кюстин обязан именно Баранту (*Кюстин Астольф де.* Указ. соч. Т. 1. С. 55).
- 53 *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 572.
- 54 Там же.
- 55 Там же. Ср.: «Император не совершает всего, что может, ибо, поступай он всегда в соответствии со своими желаниями, он очень скоро лишился бы трона...» (*Кюстин Астольф де.* Указ. соч. Т. 2. С. 172).
- 56 Там же. С. 576. Казимир Перье был аккредитован при русском дворе в 1841-1842 гг.
- 57 Ср.: *Кюстин Астольф де.* Указ. соч. Т. 2. С. 292: «как всякий истинный реформатор, император наделен той настойчивостью, какая в конце концов всегда приносит успех».
- 58 *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 576.
- 59 Там же.
- 60 *Кюстин Астольф де.* Указ. соч. Т. 2. С. 217-218, 328.

- ⁶¹ *Резэ (Рейзе) Г.-А.А. де.* Указ. соч. С. 220.
- ⁶² Маркиз Кастельбажак Бартелеми-Доминик Жан-Арман был посланником Франции в России в 1849-1854 гг.
- ⁶³ Маркиз Кастельбажак об императоре Николае Павловиче. С. 421.
- ⁶⁴ Там же. С. 422.
- ⁶⁵ *Брэ Оттон де.* Указ. соч. С. 118, 123.
- ⁶⁶ Император Николай I и папа Григорий XVI. С. 334-335.
- ⁶⁷ Цит. по: *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1997. С. 366.
- ⁶⁸ *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 28.
- ⁶⁹ *Кюстин Астольф де.* Указ. соч. Т. 2. С. 173.
- ⁷⁰ [*Фицтум фон Экиштедт*]. Указ. соч. С. 376-377; разговор состоялся в 1852 г.
- ⁷¹ *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 28-29.
- ⁷² *Кюстин Астольф де.* Указ. соч. Т. 2. С. 328. См. также: Там же. С. 173.
- ⁷³ Там же. Т. 1. С. 158.
- ⁷⁴ *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 586 (из донесения Рейневаля).
- ⁷⁵ *Кюстин Астольф де.* Указ. соч. Т. 1. С. 212, 219, 291. См. также: Там же. С. 245.
- ⁷⁶ Там же. Т. 2. С. 14, 53.

II. МИР В РОССИЙСКОМ ЗЕРКАЛЕ

Богданов А.П.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА МИРА В ПОНИМАНИИ РУССКОГО УЧЕНОГО XVIII В.

В последней трети «бунташного» столетия Россия либо вела тяжелую войну с Турцией и Крымом (1673-1681, 1686-1700), либо усиленно готовилась к ней. Борьба с Османской империей и ее вассалом понималась русскими политиками и мыслителями того времени как геополитическая задача, требующая координации позиций и действий многих государств. Империя Габсбургов, Речь Посполитая, Венеция и Бранденбургско-Прусское княжество на Западе, Иран на Востоке рассматривались в качестве реальных военных союзников. Папский престол признавался моральным центром объединения европейских стран в Священную лигу. С целью создания и сохранения антитурецкого союза русская дипломатия активно воздействовала на позиции Швеции, Дании, Голландии, Англии, Франции и Испании. Вне этого комплекса внешнеполитических действий, но в связи с ним велась традиционная политика на Кавказе и в Средней Азии, с 1680-х гг. активно строились дипломатические отношения с Китаем¹.

Взаимосвязь событий и противоречий в христианской Европе была вполне очевидна со времен общеевропейской Тридцатилетней войны (1618-1648). Новая война Империи, Испании, Голландии и Пруссии против Англии, Франции и Швеции (1672-1679), похоронившая международные планы правительства А.С.Матвеева, подчеркнула хрупкость и ненадежность

понятия «христианский мир» как политической категории. Предательское поведение Речи Посполитой, в защиту которой Россия и начала войну с Турцией, серьезно охладило пыл сторонников идеи «славянского единства». С другой стороны, острая реакция мусульманских подданных России на перипетии антитурецкой войны потонула в волне восстаний инородцев, прокатившейся в конце 1670-х гг. от Поволжья и Урала до Даурии и Камчатки. Мы, заявляли возмущившиеся башкиры и татары, с «турскими и крымскими людьми... одна родня и душа», поэтому должны с ними на одной стороне «битца и воевать». На той же стороне, «родней» туркам и татарам проявили себя калмыки и ногайцы, киргизы и тувинцы, тунгусы, ханты, самоеды и коряки². Серьезная попытка анализа глобального противостояния, выходящего за политические и религиозные рамки, была предпринята московским дворянином Андреем Ивановичем Лызловым в фундаментальной «Скифской истории», завершенной в 1692 г.³

Объектом исследования в «Скифской истории» являются главным образом кочевые народы Юго-Восточной и Восточной Европы, связанные своим происхождением и протяженностью государственных образований с Азией, Аравийским полуостровом и Северной Африкой. Но описание свойств и деяний «скифов» дано Лызловым в более широком контексте взаимодействий с земледельческими племенами и государствами Европы. Определенным автором предметом исследования служит история «скифских» завоеваний и порабощения земледельческих народов в Европе. Однако по сути своего метода Лызлов не может обойтись без геополитического синтеза в рамках исторически обозримого пространства Вселенной⁴. Оно включает Евразию (за вычетом Юго-Восточной Азии), Аравию и Северную Африку: то есть пространство сильных этногенетических, исторических и культурных взаимосвязей от Китая и Восточной Сибири, через Центральную Азию и Индию – до Атлантического океана.

Автор начинает повествование с мифологических времен, но последовательное описание событий ведется от Чингисхана

и завершается последней четвертью XVI в. Главной задачей историка Лызлов полагает не столько убедительное изложение актуальных взглядов на смысл и взаимосвязь событий, сколько поиск закономерностей в бурных исторических коллизиях, непосредственно затрагивающих Россию. Задача автора состояла в обоснованном выявлении, отборе и изучении событий и явлений, характеризующих «скифов» и систему их взаимоотношений с оседлыми народами с древности до новейшего времени с целью понять причины успехов и поражений сторон и определить перспективы этого развивающегося конфликта. Именно достижение понимания – если не всего механизма истории, то отдельных его сторон – делало «Скифскую историю» исключительно важной в глазах читателей и ученых последователей автора.

«Скифская история» должна была, по замыслу автора, дать ответ на вопрос о происхождении и перспективах развития сложившейся к XVII столетию ситуации ожесточенного противоборства славянского, христианского, оседлого мира с огромной Османской империей и воинственными причерноморскими ордами. Слагаемыми проблемы генезиса этой конфликтной геополитической системы были вопросы о происхождении и истории многих народов и государственных образований, их гибели и поглощении, о развитии конкретных политических коллизий, роли отдельных ключевых событий и личностей и т.п.

Лызлов совершенно справедливо выдвинул на первый план проблему «скифов» как постоянно действующего в обозримый исторический период фактора политической ситуации, которая имела, как чувствовал историк, прочную основу в общественной организации ряда народов. Автор не имел научных оснований, чтобы определить внутренний смысл общности татаро-монгольских и османских завоевателей и связал государственные образования, представлявшие угрозу независимости и самому существованию оседлых христианских народов, в первую очередь этногенетически. Он углядел тюркскую общность, выходящую за пределы племен, обобщенно именуемых

татарами, и турками-османами (между прочим, справедливо отнеся к ней болгарскую языковую группу). К тому же автор убеждал читателя, что происхождение общности, названной им «скифами», сказалось не только в языке: ее отличают «единачо наречие, единакий обычай, единакий порядок военный». «Единачий» означает однотипный, сходный, подобно русскому и польскому языкам. Этот-то обычай и военный порядок ряда государственных образований позволил Лызлову создать капитальное исследование, логично объединяющее события с древних времен до конца XVI в.

Авторское оглавление предлагает довольно четкую картину четырех разделов или этапов истории «скифов». Первый этап начинается с античных упоминаний о собственно скифах, с рассказов о сарматах, массагетах, саках, бактрийцах, парфянах, персах, о легендарных амазонках и знакомых уже по русским источникам венграх, хазарах, печенегах и половцах. Второй этап простирается от вторжения Батыя в Европу до падения Большой Орды. Третий раздел книги основательно раскрывает историю Казанского и Астраханского ханств. Четвертый повествует об истории и состоянии Крымской орды и Османской империи. Три из этих условных этапов уже завершились прекращением «пакостей» соседям-земледельцам со стороны народов, которые «чуждими трудами и граблением непрестанно жили». Четвертый, по упованию Лызлова, в скором времени должен был окончиться аналогично. И с ним, следовало надеяться, шла к концу сама «скифская история». Историк было необходимо как можно нагляднее провести отождествление истории турок и орд, основная часть которых уже прекратила свое «скифское» существование, превратившись в мирные народы и мирных подданных Российской державы.

В труде Лызлова были рассмотрены древнейшие сведения о борьбе греков, персов и римлян с кочевниками от Черного до Аральского морей, об обороне Руси от хазар, печенегов и половцев, о гуннах, готах, гепидах, о прародителях славян и прочих народов, об образовании Венгерского и Болгарского государств. Особое место в книге занимает история Монгольской

империи, а также взаимоотношений Руси, великого княжества Литовского, Польши, Германии, Молдавии, Валахии и Рима с монголо-татарскими ордами. В духе ученой историографии своего времени Лызлов стремился решить проблемы этногенеза разных народов, тщательно разбирал мнения различных ученых, старался понять, как и почему сложились условия для монголо-татарских завоеваний, образования Золотой Орды и ее распада. При анализе политической обстановки особое внимание уделено позициям Москвы, Литвы и Польши, выступлению на политическую арену Крыма и Турции. В орбиту этой проблемы включено было множество государств и народов Центральной и Южной Европы, Кавказа, Ближнего Востока, Средней Азии, Приуралья и Сибири, взгляд Лызлова простирался до Китая и Индии.

Подробнее автор рассмотрел историю Казанского ханства, учитывая происхождение разных народов, оказавшихся на его территории, вникая в детали внутривосточной борьбы и взаимоотношений этого государственного образования с многочисленными соседями и соседями соседей. Книга последовательно знакомит нас с длительной политической и вооруженной борьбой Московского государства против орд, завершившейся разгромом Казанского, Астраханского и Сибирского царств и освобождением подвластных им народов от наиболее варварского угнетения.

Еще более тщательно прослежена в книге история Крымского ханства — последнего осколка Золотой Орды. Лызлов описывает географию, природные богатства и древнюю историю Крыма, где ордынцы явились лишь завоевателями культурного разноречивого населения. Политическую историю Крымского ханства он последовательно характеризует со второй половины XV в., а генеалогию ханов ведет с эмира Эдигея. Сведения исторических источников автор дополняет современными наблюдениями, превращая свое исследование в своеобразную энциклопедию знаний о жестоком и сильном противнике. Лызлов приводит много интересных сведений о быте крымских татар, их вере и обычаях, в особенности — военном

строе. Его интересует и выносливость их лошадей, и способы переправы через водные преграды. Он отмечает опасность их внезапного, дисциплинированного наступления и слабость обороны, предостерегает от военных хитростей татар, подчеркивает их силу, мужество и презрение к смерти, скрытое от поверхностного наблюдателя широким употреблением приемов ложного отступления и заманивания.

Любопытно представлены в «Скифской истории» события конца XV в., когда в ходе борьбы с генуэзскими колониями ханство попало в вассальную зависимость от вызвавшейся помочь ему Турции, захватившей не только Кафу и другие крепости в Крыму, но также Белгород, Очаков и Азов, близ которых жили покорные ханам (и более оседлые) причерноморские татары. Лызлов продемонстрировал, как с 1475 г., то есть с захвата Кафы, турки оказывали все более сильное влияние на политику Крыма и использовали его военные силы для развития своей агрессии, в том числе и в Российские пределы. Политические взаимоотношения Бахчисарая со Стамбулом и Москвой представлены в «Скифской истории» в системе взаимоотношений этих столиц с Казанским ханством, Ногайской ордой и кавказскими княжествами, Литвой и Польшей, Молдавией и Валахией, а также в контексте связей с более отдаленными соседями, включая ханства Туркестана.

В каждой части своего труда автор учитывал внутреннюю историю изучаемых государственных образований, их историческую географию, давал характеристику хозяйственной деятельности, обычаев и верований, военной организации, детально реконструировал развитие ситуации на международной арене, стараясь выяснить все, что могло, по его мнению, заметно отражаться на ходе исторических событий.

Значительная часть «Скифской истории» посвящена анализу происхождения и истории турок-осман. Подробно рассматривая историю вторжения турок в Европу, историк учитывает деятельность не только непосредственно столкнувшихся с завоевателями народов, но и правителей Франции, Испании, римских пап, султанов Марокко и Алжира, рассказывает о

борьбе за господство на Средиземном море. В результате читателю становится ясно, что успехи турок зависели не только и даже не столько от их силы и военной слабости непосредственных противников, сколько от разобщенности, взаимной вражды, корыстолюбия, недальновидности, а порой просто глупости и предательства христианских правителей. Для характеристики проникновения автора в материал важно заметить, что под международной ситуацией он подразумевает политические, экономические и религиозные связи в регионе от Северной Африки и Испании до Индии и Китая. Говоря именно в четвертом, заключительном разделе «Скифской истории» об исламе, Лызлов приводит подробные сведения о его зарождении, источниках (манихейство, иудаизм, христианство ряда сект, элементы язычества), о первоначальной социальной базе, о способах его распространения, в особенности на завоеванных землях, об основных течениях этой религии и специфике ее усвоения народами.

Структура и содержание книги свидетельствуют о главенствующем в концепции Лызлова желании видеть единый объект, развивающийся во времени. Идея развития составляет краеугольный камень исторического метода Лызлова и лежит в основе всей его концепции. Богосозданную статику отстаивало в «бунташном веке» только крайне реакционное, «мудроборческое» и изоляционистское крыло русских духовных писателей и пастырей. Сторонники внутренних реформ и внешней экспансии Российской державы исходили из представления о необходимости построения царства Божия на земле (конечно, под скипетром православных самодержавных государей) и горячо надеялись на качественные изменения в геополитической ситуации.

А.И.Лызлов стремился доказать, что уже многие столетия эти перемены идут в нужном направлении, подкрепляемые некоторыми закономерностями (вроде тенденции постепенного перехода кочевников-грабителей к оседлости и нормальному хозяйствованию, основанному на земледелии) и факторами, главный из которых – неустанная борьба Российского государства и других народов, имеющая основания завершиться победой.

Согласно «Скифской истории», сила завоевателей не есть нечто постоянное и неизменное, даже если рассматривать ее саму по себе, вне реальных обстоятельств (например, внутренней смуты, которая нередко могла привести к гибели турецких войск). Османская империя прошла период подъема, нанесла европейским странам мощные удары в эпоху наивысшего расцвета и постепенно стала клониться к упадку в военном, политическом и экономическом отношениях. Султаны давно перестали быть крупными полководцами и государственными деятелями. Ожесточенная борьба за власть «в верхах» (очевидцем которой Лызлов был и в России, где с 1676 по 1689 г. было свергнуто четыре правительства), дворцовые, в том числе вооруженные перевороты (особенно яркий из которых на родине историка произошел в 1689 г.), — все это ставит политику в зависимость от мелочных соображений, лишает государственных деятелей стратегической инициативы, разлагает армию, в которой хваленые янычары, по мнению автора, уже более опасны для трона, нежели для врагов. По этим и многим иным причинам некогда грозная Османская империя теряет боеспособность.

«Скифский» характер самих завоевателей, благосостояние которых рождалось войнами и поддерживалось грабежом покоренных народов, подрывает саму основу государственной экономики: сельское хозяйство и промыслы, ремесло и торговлю. Говоря об отсутствии стимулов у производителя, неуверенного, что может сохранить не только результаты своего труда, но свободу и саму жизнь, Лызлов считает, видимо, разумным, что, как вообще заведено у «скифов», таких стимулов нет и у хозяев-турок, ибо все в стране фактически принадлежит султану. Османская империя еще очень сильна, она держит в своих руках огромные богатства, имеет многочисленную армию и флот, развитое производство вооружения и военного снаряжения. Но в ней уже процветает казнокрадство, трещит по швам система управления, доходы пожираются огромными расходами на содержание султанского двора, наконец — золото прячется в глубокие колодцы под дворцом, как это делали византий-

ские правители, обрекшие свое государство на разорение и гибель.

Богатейшие аналогии приведены историком при детальном исследовании проблемы. В первую очередь они касались, разумеется, сложной военно-политической ситуации двух войн с Турцией и Крымом, в которых автор участвовал, пребывая в непосредственном окружении князя В.В.Голицына. Это и близкие примеры удачных походов русских войск к Перекопу в XV в., их вторжения в Крым и побиения россиянами самих турок в XVI в. Это высокая оценка роли крепостей вообще и в частности – «городового строения» при Борисе Годунове, положившего конец крупным вторжениям крымского хана на Русь. Кроме того – это раскрытие значения дипломатии и международных союзов, спасительности мудрых и гибельности необдуманных, а в особенности предательских договоров. Это стремление, вопреки летописной традиции, подчеркнуть независимость казанского взятия от влияния православной церкви на государственные решения. Это объяснение побед и поражений в длительной борьбе с татарами, которая, как показывало уже заверщенное покорение большей части «Скифии», окончится умиротворением последнего в Европе ханства: Крымского.

Содержит «Скифская история» и массу все более сложных примеров и аналогий, вплоть до анализа остро волновавшего русских книжников XVII в. вопроса, каким образом государство ширится и богатеет, а при каких условиях распадается и гибнет. Для русского читателя примеры крушения орд и ханств из-за борьбы за власть и внутренних раздоров среди населения были достаточно понятны. Тем более близко воспринимались читателями «бунташного века» обстоятельства падения Византии «несогласия ради и междоусобных нестроений царей греческих (писал Лызлов, заметим, при *двух* царях на Руси. – А.Б.), паче же всего того государства жителей», когда спорам внутри императорского «синклита» сопутствовало озлобление против «верхов» обнищавших «всенародных человек».

Следует учитывать и чисто дворянскую направленность авторских наблюдений и оценок, отражавших настроения ис-

кавшей более прочного места в государстве группы мелких и средних феодалов, призванных реформами Федора Алексеевича на регулярную и обязательную, преимущественно военную, службу. Лызлов упорствует во мнении, что Золотая Орда погибла от «ее междоусобных браней и нестроения», но «паче же от пленения воинства Российскаго». Судьбоносная роль армии подчеркивается историком постоянно. Причем армии регулярной: недаром много места отводится похвалам организации турецкого воинства и заботам султанов о его вооружении и снабжении, в особенности их попечительности над оружейными и судостроительными мануфактурами, стараниям достичь превосходства турецкой артиллерии и флота, роль которых хорошо раскрыта.

Автор отдает должное военной реформе великого визиря Мехмет-паши Соколлу, хоть тот и был злым врагом Руси. Также и военные реформы времен Ивана IV и Бориса Годунова описаны в «Скифской истории» в качестве залога последовавших за ними успехов русского оружия. «Ибо и гигант без обороны и оружия, — со знанием дела констатирует автор, — аще бы и лютейший и сильный был, побежден бывает от отрока, оружие имущего». Регулярная армия базировалась не только и не столько на поместном землевладении, организацию коего в Турции конца XVI в. автор склонен приукрашивать, сколько на деньгах, составлявших в Новое время «кровь войны». Лызлов, — а вместе с ним, надо полагать, изрядная часть дворянства, — горячо приветствовал умножение государственных доходов за счет развития экономики и политики меркантилизма, однако склонен был считать, что при перераспределении средств армию обделяют.

Он неоднократно подчеркивал, что власти, «мужи благородные и нарочитые» вкупе с всякими богатеями становились «губителями сущими своего Отечества», не раскошелившись на армию. В Византии «сами греки въконец объюродеша: изволиша с сокровищами вкупе погибнути, в землю их закопывающе, нежели истощити их на оборону свою и имети жен и детей и прочее стяжание во всякой свободе». Лызлов сочувст-

венно приводит слова султана Мехмеда II Фатиха (Завоевателя) обреченным на казнь константинопольским вельможам: «О народе безумный! Где ваш прежде бывший разум? Ибо сим сокровищем не точию мне, но и не вем кому, могли бы есте не токмо отпор учинити, но и одолети». Не без удовольствия приводит историк и сведения о том, как сами султаны стали прятать под землю огромные богатства, явно готовя себе погибель.

Грозная армия, по мнению Лызлова, стоила очень дорого, требовала современного вооружения, наилучшего снаряжения и щедрого снабжения. Если, конечно, государство не стремилось к гибели. Эта мысль вскоре стала неотъемлемой частью петровской идеологии «государственной пользы», созданной в противовес концепции царя Федора Алексеевича о «пользе всенародства». Надо ли говорить, что состоящему на строевой службе дворянству требовался царь-полководец: «бодро осмотрительный» и благочестивый законный монарх, который, советуясь с синклитом, однако самодержавно повел бы страну к новым территориальным приобретениям, подобно излюбленному Лызловым Ивану Грозному.

Не скрывает автор и восхищения перед властью великих султанов-завоевателей, поддерживавших в армии железную дисциплину и постоянную готовность к войне. Но мы не будем обвинять в этой связи историка, который, в конце концов, предупреждал, что когда «паши и иные султанские начальники, яко пиявицы, высасывают кровь из подданных своих», наступает гибель «трудов и промыслов», возникает «зело много пустынь безмерных и опустошенных стран», страдают города, хиреет в руках иноземных посредников торговля, приходит «ко убожеству... общенародство». Значит — оскудевает государственная казна и меньше становится «золотых солдат», слабеет армия и в результате появляется великолепная возможность разгромить главный оплот «скифов». В равной мере это касалось татарских орд и ханств, чей путь якобы повторяли османские завоеватели: тот самый путь, который после ужасных страданий многих народов и долгих кровавых войн волей-

неволей вел «скифов» в покорение «российским православным самодержавным государям».

«Скифская история», задуманная в сражениях у Днепра, книга, о которой мечтал автор в горящих степях Дикого поля и под стенами Перекопа, стала фундаментальным историческим трудом, обеспечившим царскому стольнику высокое место в числе первых подвижников отечественной науки, и, одновременно, крупным публицистическим сочинением, обосновавшим политику России по отношению к мусульманскому миру на основе мирового опыта отношений оседлых народов со «скифами».

Всегда помня о дидактическом значении истории, автор стремился донести до «неленостного читателя» представление «о многом подвиге и мужестве предков своих, сынов Российского царствия». Но, даже повествуя о жестокости ордынских нашествий, о трагической судьбе покоренных народов и обращаемых в рабство пленников, о «зловерии» и таких неприятных обычаях, как нелюбовь к чистоте и поедание сырого мяса, Лызлов не пытается представить «скифов» некими зверями лютыми. Напротив, он воздает должное подвигам их героев, мудрости военачальников, подчеркивает сильные стороны самых «закоренелых в грабительстве» народов и их правителей, отмечает такие положительные, по его мнению, моменты их истории, как строительство городов, развитие ремесел и торговли, дипломатические успехи. Достоинства неприятеля, естественно, возвышали в глазах историка заслуги соотечественников, сумевших «воспятить оных варваров лютое на ны уготование». Однако весьма сильно в книге проявляется и любопытство ученого, стремившегося полнее представить реальную жизнь людей.

Горячее стремление к избавлению народов от агрессии и неволи (вкуче с приобретением в поместья и вотчины плодородных населенных земель), трезвый расчет историка и военного породили призыв Лызлова к народам, объединенным Священной лигой, покончить с Османской империей и Крымским ханством «во дни наша», завершив тысячелетнюю «скиф-

скую историю». Все менее устойчивым становилось положение османских завоевателей, против которых готовы были восстать десятки попираемых ими народов. И политика, и публицистика подтверждали, казалось, правоту Лызлова, призывавшего российских ратоборцев идти на помощь этим народам: «Уже бо тамо нас убози христиане, братия наша, с радостью и надеждою ожидают, готовы суще на своих и наших супостатов помощь подати». Эта уверенность автора «Скифской истории» во всеобщем выступлении против османского ига опиралась на многовековой опыт героической борьбы славян с завоевателями. Лызлов близко воспринимал трагедию не только славянских народов, с одинаковой болью повествуя о разорении русских городов и земель болгар, сербов, молдаван, поляков, албанцев, греков и др. Его книга рассказывает, как эти народы сражались с турками и татарами, в то время как «крали и властители христианские изволяху между собою жестокие брани простираи»⁵.

«Скифская история» давала читателям не только обоснованные политические и военные уроки, но и новое представление о происходящих в мире событиях. Не злая воля и тем паче не искрни злодейственное свойство татар и турок, а исторически сложившиеся обстоятельства жизни народов привели к смертельной борьбе на рубежах от Азова до Адриатики. Выражая надежду на скорое освобождение народов Венгрии, Болгарии, Молдавии, Валахии, Сербии, Хорватии, Албании, Македонии и Греции от османского ига, призывая многие страны подать своим поработленным братьям «помощь и свободу», русский историк отнюдь не призывал к уничтожению «агарянского семени», к тотальной войне за веру. Не истребление «неверных», а обуздание агрессора – вот пафос книги Лызлова. Ведь и венгры, и многие народы Поволжья были прежде «скифами» (сами поляки-шляхтичи считали себя сарматами), а затем стали жертвами «скифов», нуждающимися в совместной защите. Освободительная война, помощь борющимся против завоевателей исторически оправдана – показывает «Скифская история». В то же время автор порицает покорение мирных на-

родов, на конкретных примерах демонстрирует гибельность нарушения международных договоров, в том числе и с «басурманами».

Руководствуясь, прежде всего, не предвзятыми идеями, а конкретным историческим материалом, Лызлов не впадает в присущие многим политическим трактатам утопии. Он видит сложность международной ситуации и необходимость вооруженной борьбы с агрессором. Однако историк сумел увидеть и другое. Согласно «Скифской истории», справедливый мирный договор – такое же оружие, как сильная армия. Конечная победа над «скифами» – это мирное сосуществование народов и даже религий. Такой урок ученый и публицист извлек из вековой череды кровавых войн, вражды племен и государств, истории героических подвигов и страшных преступлений.

Именно благодаря глубине осмысления исторических фактов книга Лызлова приобрела большое значение в истории русской общественной мысли, стала необходима читателям. Множество рукописей «Скифской истории» не сохранилось, но и сейчас Е.В.Чистяковой удалось выявить 32 ее списка⁶. Рукописная традиция книги оказалась богаче, чем всех остальных исторических сочинений конца XVII – начала XVIII в., включая популярные краткие летописцы. Переписывать «Скифскую историю» начали незамедлительно. По крайней мере 3 рукописи относятся к периоду до начала Северной войны⁷ и 7 – к следующим годам царствования Петра I⁸. Многие ранние экземпляры книги прекрасно написаны, иллюминированы и дорого оформлены. За несохранившийся до наших дней экземпляр, проданный в конце XVII в. Игнатию Римскому-Корсакову, запрашивали огромную по тем временам сумму в 9 руб. 50 коп.⁹ В крепких досках, обтянутых дорогой тисненой кожей, и в простых картонных переплетах, экземпляры книги бережно хранились и старательно переписывались до последней четверти XVIII в., когда «Скифская история» была издана Н.И.Новиковым¹⁰. Первое издание выдающийся просветитель посвятил Петру Хлебникову (заказавшему в 1770 г. для себя список книги с рукописи академика Г.Ф.Миллера¹¹). Были рукописи

«Скифской истории» в библиотеках дворян (А.П.Волынского, Н.М.Муравьева и др.), в собраниях духовенства, у купцов и промышленников, распространялись в России и за ее пределами. Они сохранились в Москве и Петербурге, Твери и Ярославле, Великом Новгороде и Самаре, в Вильнюсе и Париже.

Преизрядное впечатление произвело сочинение Лызлова на историков. Первые ссылки на «Скифскую историю» обнаружены уже в «Подробной летописи от начала России до Полтавской баталии». В 1713 г., как раз после Прутского похода, по тексту книги была издана «Повесть о Царьграде»¹². Василий Никитич Татищев внимательно читал и правил, видимо, готовя к изданию, принадлежавший ему список; в 1745-1746 гг. по указанию историка с него была снята не сохранившаяся до нашего времени копия¹³. Близкое знакомство со «Скифской историей» Татищев проявил в переписке с П.И.Рычковым, утверждая, между прочим, что «она к татарской истории много нужна»¹⁴. Рычков был согласен с этой оценкой и, как показала Чистякова, «в своих работах о татарах, об истории Оренбургского и Астраханского краев и главным образом в «Опыте казанской истории древних и средних веков»... использовал материалы «Скифской истории». В рецензии на «Опыт...», — продолжает современный историк, — помещенной в «*Gotttingische Gelehrte Anzeigen*» (1760. Bd. 2. S.1340-1349) А.Шлецер писал, что ее недостатки проистекают из того, что автор использовал труд А.И.Лызлова, а не западноевропейских историков. Рычков отвечал, что рецензия Шлецера показывает «самовольство сочинителя ее», а «неуважение тех писателей, которых я, в некоторых местах, употреблял, не заслуживает возражения»¹⁵.

Другой немецкий член Российской Академии Наук, Герард Федорович Миллер, отнесся к сочинению Лызлова с большим вниманием. Он тщательнейше выправил текст, отметив на полях «погрешности»¹⁶, и, как указала Чистякова, переводил на немецкий язык фрагменты «Скифской истории». Рост интереса к книге среди ученых и читателей во время русско-турецких войн 1768-1774 и 1787-1791 гг. и присоединения к России

Крыма в 1783 г. вполне понятен. С этим интересом и было связано издание «Скифской истории» Новиковым, несколько исправившим текст в интересах читателей (и затруднившим его использование учеными). Позже, на рубеже XVIII и XIX столетий книгой интересовались граф Н.П.Румянцев и члены его кружка, Н.А.Мурзакевич и Евгений Болховитинов. Весьма внимательно отнесся к содержанию «Скифской истории» Николай Михайлович Карамзин, 15 раз использовавший ее сообщения в примечаниях к своей «Истории государства Российского»¹⁷.

К сожалению, позднейшие исследователи постепенно забыли о «Скифской истории», упоминавшейся в основном в словарях среди произведений древнерусских писателей (Е.Болховитинова, А.Старчевского, Г.Геннади и др.). Редкие специалисты при углубленном изучении частных проблем привлекали сведения «Скифской истории» уже в советское время¹⁸, пока труды Е.В.Чистяковой не вернули Лызлову известность как наиболее крупному из первых русских ученых историков. Именно ее попечением и неустанным тщанием «Скифская история» вошла не только в учебные курсы¹⁹, но и в серию «Памятники исторической мысли», где занимает ныне достойное место среди произведений, проложивших пути развития нашей науки.

¹ Бабушкина Г.К. Международное значение Крымских походов // Исторические записки. Т. 33. М., 1950; Греков И.Б. «Вечный мир» 1686 г. // Краткие сообщения института славяноведения АН СССР. М., 1951. № 2; Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. Т. 2. М., 1972; Демидова Н.Ф. Из истории заключения Нерчинского договора 1689 г. // Россия в период реформ Петра I. М., 1973; Богданов А.П. Василий Васильевич Голицын // «Око всей Великой России»: Об истории русской дипломатической службы XVI-XVII вв. М., 1989; Он же. Первые российские дипломаты. М., 1991; Он же. В тени Великого Петра. М., 1998; и др.

² Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею императорской Академии Наук. Т. 5. СПб., 1842. № 40, 44, 53; Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные

- Археографическою комиссиею императорской Академии Наук. Т. 7. СПб., 1859. № 61; Т. 8. СПб., 1862. № 15, 44.I-XXV; и др.
- ¹ Лызлов Андрей. Скифская история. М., 1990. Творчеству Лызлова посвящена часть 3 в нашей книге «От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века». (М., 1995).
 - ⁴ Более широкое географическое пространство было вполне очевидно представлено популярными в России картами (ими даже украшали стены), подробными атласами и глобусами.
 - ⁵ Автор отдавал должное и подвигам конкретных героев этой борьбы, причем выбор Лызлова, его оценки были, как правило, справедливы: Владислав Ягелло и польские короли-рыцари, великие князья литовские Альгирдас и Витаутас, венгерские короли Бела IV, Янош и Матиаш Хуньяди, молдавские господа Стефан Великий и Ион Водэ, сербы Лазарь Хребелянович, Милош Обилич и Стефан Лазаревич, босниец Степъен Вукчич, албанец Георгий Скандербег, генуэзцы Джованни Джустиниани и Андреа Дориа, – все они и ныне известны далеко за пределами своих стран.
 - ⁶ См.: Лызлов Андрей. Скифская история. С. 345-354, 386-390.
 - ⁷ ГИМ. Синодальное собр. № 460; РГБ. Собр. В.М.Ундольского. № 83; БАН. 32.4.27.
 - ⁸ ГИМ. Музейное собр. № 2368 и 3408; Собр. Вострякова. № 868; Собр. Уварова. № 538; Собр. Хлудова. № 227; Научная библиотека МГУ. 5.Gh 27; Государственный архив Тверской области. № 187.
 - ⁹ Оглоблин Н. Бытовые черты начала XVIII в.: XIV. Дело об «Истории Скифской» // ЧОИДР. 1904. Ч. III. Смесь. С. 11 и сл.
 - ¹⁰ Скифийская история... от Андрея Лызлова прилежными труды сложена и написана лета 1692. Ч. 1. СПб., 1776; Ч. 1-3. СПб., 1787.
 - ¹¹ ГИМ. Собр. Уварова. № 145.
 - ¹² В том же столетии она была переиздана в Болгарии: *Сперанский М.Н.* Из истории русско-славянских литературных связей. С. 211-224.
 - ¹³ БАН. 32.4.27; Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела БАН. М.; Л., 1956. С. 186.
 - ¹⁴ Пекарский П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова // ИОРЯС. Т. II. СПб., 1867. № 1. С. 20.
 - ¹⁵ Лызлов Андрей. Скифская история. С. 387.
 - ¹⁶ РГАДА. Ф. 181. Собр. МГАМИД. № 56.
 - ¹⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского (любое изд.). Кн. III. Прим. 367; Кн. V. Прим. 40, 287, 289, 383, 384; Кн. VIII. Прим. 319, 325, 327, 338, 341-344; Кн. IX. Прим. 391.
 - ¹⁸ Семенов-Зусер С.А. Скифская проблема в отечественной науке. Харьков, 1947. С. 11-12; Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI-

XVII вв. С. 47; Очерки по истории изучения ислама в СССР. М., 1954; и др.

- ¹⁹ *Чистякова Е.В.* Историография XVII и первой четверти XVIII века // Историография истории СССР: с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1961. Гл. 3.; *Она же.* Освещение проблем исторической мысли XVII в. в общем курсе истории СССР // Изучение и преподавание истории в высшей школе. Калининград, 1981. С. 66-71.

СВИДЕТЕЛЬСТВА РУССКИХ, ПОБЫВАВШИХ В ШВЕДСКОМ ПЛЕНУ ВО ВРЕМЯ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ (1700-1721 гг.)

Начало Северной войны оказалось для русских трагическим: 19 ноября 1700 г. в сражении под Нарвой русская армия была разбита, причем шведы взяли в плен несколько сот человек. И в дальнейшем «нарвские» пленные составляли большинство захваченных русских, поскольку сравнимых с нарвской неудач уже не было ни до Полтавской победы, ни, тем более, после нее¹. Так, в 1710 г. в Швеции находились в плену 4 генерала, 43 офицера и около 1100 солдат и гражданских лиц². Причем средства на содержание в плену у неприятеля своих подданных выделяли и Россия, и Швеция. У нас вопросы, связанные с содержанием в России шведских и в Швеции русских пленных решались на самом высоком уровне: Правительствующим Сенатом по докладу собственно Сенатской и Военной канцелярий.

Бежавшие из шведского плена русские обязаны были являться в Петербурге в Военную канцелярию или канцелярию Сената и сообщать сведения о себе. Военнослужащие называли свои чин и войсковую часть, а гражданские сообщали о своем социальном статусе и роде занятий. Все они рассказывали о том, где, когда и при каких обстоятельствах были пленены. Русское военное командование, естественно, интересовали разведданные. Поэтому беглецы сообщали о своем месте (местах) нахождения в плену, когда и как из него бежали, а некоторые говорили о том, где и какие неприятельские укрепления, корабли и войска находятся. Свидетельства бывших русских пленных обнаружены в делопроизводственной документации Правительствующего Сената и хранятся в соответствующем фонде Российского Государственного Архива Древних актов

(Ф. 248). Они представляют собой донесения Военной канцелярии Сенату или записки чиновников канцелярии Сената, сделанные со слов беглецов.

14 сентября 1713 г. семеро бывших пленников сообщили в Военной канцелярии следующее. Среди них были и солдаты, и гражданские лица: торговый человек из Олонца Дмитрий Попов, крестьянин стольника И.Мотовилова Андрей Дмитриев, крестьянин Г.Елчанинова Никита Борисов, «человек» генерала Чернышева Василий Козмин, солдат Галицкого полка Гаврила Лайчин, драгун Вологодского полка Федор Гнудилов и уфимский казак Федор Юркин. Гражданских лиц брали в плен шведские пехотные «партии» в 30-450 чел. в январе 1711 г. (В.Козмина на дороге в Выборг) и в марте 1713 г. (Д.Попова, А.Дмитриева и Н.Борисова на дороге в Петербург). Военнослужащие попали в плен по-разному. Двое — весной 1711 г. Г.Лайчин был захвачен шведской пехотной «партией» в 50 чел. в трех верстах от Выборга (как он там оказался, неизвестно). Ф.Гнудилов со сводным отрядом в 300 драгун стоял в трех верстах от Кексгольма (современный Приозерск в Карелии). Неожиданно им пришлось вступить в бой с двумя полками шведской пехоты. В результате Гнудилов в числе пятнадцати русских драгун оказался в плену. Казак Ф.Юркин осенью 1712 г. вместе с пятьюдесятью товарищами был послан из Выборга за восемь миль к дому местного пастора для «собраний его... пожитков». Юркин с другим казаком отстали от отряда, и их захватили в плен шведские рейтары.

По сообщениям большинства бывших пленников (Ф.Гнудилова, Ф.Юркина, А.Дмитриева, Н.Борисова и В.Козмина), шведы их не расспрашивали и отправили в г. Або (на юго-западном побережье Финляндии), а затем в Стокгольм. Г.Лайчина спросили о том, сколько в Выборге русских войск. Он сказал, что шесть полков (явно преувеличив численность русского гарнизона). Судя по ответам, наиболее тщательно допросу подвергся самый смывленный и опытный из пленников, А.Попов. Он был захвачен с товаром, и шведы верно определили, что от него можно получить важные сведения. Наш ге-

рой упоминает о генералах Либекере и Амарфелте, присутствовавших при допросе. На вопрос о том, сколько русских войск в Петербурге, Выборге и Кексгольме, Попов сказал, что в столице войск много, а в других городах свыше шести полков. (Налицо также стремление убедить противника в превосходстве русских войск.)

Себе в заслугу Попов ставил и то, что, находясь «в караульне», услышал разговор караульных солдат, из которого следовало, что у шведов в Финляндии только шесть тысяч чел. (Значит, он понимал шведский язык!) Позже и Г.Лайчина, и Д.Попова также отправили через Або в Стокгольм.

Так все семеро оказались в числе «русских невольников» в шведской столице. Об их жизни там поведал все тот же Д.Попов. Всего русских пленных в то время в Стокгольме было 400 чел. Среди них генерал И.Ю.Трубецкой, пять офицеров, остальные – рядовые и гражданские лица. Рядовым пленникам, к которым относились и наши семеро, выдавался ежедневно «королевского поденного корму» 1 алтын (3 к.). Причем Попов сетовал на то, что «хлебного жалования им не было» и на алтын приходилось покупать также и хлеб. Бойкий торговец сообщил в Военной канцелярии важные разведданные. В Стокгольме стоит только королевская гвардия, численностью в 1 тыс. чел. (один полк). Крепости в шведской столице не было. В трех милях от нее, «на морском устье», имелась на одном берегу старая каменная крепость «Ваксолм» с пушками, а на другом берегу стояли две новые деревянные батареи с 20 большими орудиями. Он все это видел сам, поскольку посылался с другими пленными на строительство тех новых батарей.

Весьма любопытны обстоятельства освобождения из плена этих семерых. О них поведал также Д.Попов. 23 августа они, сговорясь, очевидно, вечером, «сошлись при русском Гостином дворе с разных работ». Затем вышли из города и в одной миле от него нашли шлюпку. На ней они прошли вдоль берега восемь миль и, никем не замеченные, пристали к острову, на котором отсиживались семь дней. Затем беглецы, опять-таки никем не замеченные, шли на шлюпке вдоль шведского берега

и 7 сентября достигли г. Гапсала (современный Хаапсалу в Эстонии), то есть территории, контролируемой русскими войсками. Здесь впервые упомянут местный житель, некто Христофор Келсвик, которому они оставили шлюпку, очевидно, в знак признательности за кров и пищу. 12 сентября присланные из Ревеля русские унтер-офицер и солдаты взяли их с собой. Кто сообщил в Ревель о бежавших пленниках — не сказано (может быть, все тот же Х.Келсвик?). Добавим от себя, что уже 14 сентября все семеро явились в Петербурге в Военную канцелярию. Их судьбу определил Сенат: Ф.Гнудилова и Г.Лайчина отослали в их полки, выдав им «за полонное терпенье» по 1 р. Д.Попова и Ф.Юркина отпустили по домам, а А.Дмитриева, Н.Борисова и В.Козмина вернули помещикам³.

Таким же образом бежали еще 17 человек. Произошло это в том же 1713 г., но чуть позже. Как видим, шведов не беспокоил побег семерых, и никаких дополнительных мер они не приняли (возможно, не могли принять).

19 и 21 декабря в канцелярию Сената явились сначала четырнадцать, а затем еще трое. Среди них были также военно-служащие и гражданские. Шестеро назвались казаками «полку Бахметева». В плен они попали: Гаврила Григорьев и Давыд Алексеев в 1712 г. под Выборгом, Павел Кириллов, Денис Степанов и Василий Касимов в 1711 г. за Карелой (Кексгольм), Иван Токмак томился в плену «лет с семь» (то есть с 1706 г.), «как была баталия с Вишневецким» (очевидно, его полк входил в конный корпус А.Д.Меншикова, посланный на подмогу польскому королю Августу II⁴). Еще больше шведской неволи изведal Ермолай Иванов — солдат «Аристова полка», который входил в состав вспомогательного корпуса генерала кн. Д.М.Голицына, направленного в 1704 г. на помощь все тому же Августу II. Е.Иванов «взят в полон» в «баталии с Реншилтом», «тому лет с девять». Три других солдата оказались в плену тогда же, что и казаки: «Апраксина полку» солдат Афанасий Жуков пленен был под Карелой «тому третий год», а Азовского и «Островского» полков солдаты Григорий Васильев и Григорий Сапожников захвачены в 1712 г. под Выборгом. Там же, «тому

третий год», попали в плен крестьяне: Троице-Сергиева монастыря Алексей Прокофьев, ростовского митрополита Никита Петров и Василий Михайлов, дворцовый Семен Романов, А.Ф.Нарышкина Петр Дементьев, П.Волынского Филипп Григорьев. Крестьянин И.Шетенева Иван Федоров был пленен там же, но в 1713 г. Всех их шведы содержали в Стокгольме.

В сентябре 1713 г., очевидно, предварительно сговорившись, они «с работы ушли» днем «для того, что караульщиков было за ними мало». «Шесть ночей» пленники шли от Стокгольма «берегом, лесами» и пришли в неизвестную им деревню, которая располагалась на островах в шести милях от шведской столицы. В деревне они беспрепятственно взяли лодку и дошли морем до Курляндии, а оттуда пришли в Ригу. Местный русский губернатор выдал им подорожную до Петербурга.

Эти семнадцать беглецов подтвердили сведения упомянутых ранее семерых: они сказали, что из русских пленных тогда в Стокгольме находился генерал князь Трубецкой и 350 чел., а шведской пехоты там один полк. Сверх того, они прибавили, что, как говорили их «хозяева», всего русских в Швеции 1700 чел. Русский резидент, князь А.Я.Хилков, содержался в г. Вестерос, генерал А.М.Головин – в 20 милях от Стокгольма, а русские офицеры «разведены» в разные города. У шведов летом были сделаны 11 полугалер, вооруженных двумя пушками каждая, и они вышли в море. Бывшие пленники также подметили, что с приходом русских войск к г. Або, многие шведы «со всеми пожитки и скарбом» приехали в Стокгольм. А местных «всяких чинов людей учили военному строю и ружье всем было роздано». То есть шведы оказались вынужденными создать ополчение.

Судьба семнадцати беглецов решена была таким же образом, что и предыдущих. В январе 1714 г. Сенат распорядился солдат и казаков отослать в их полки, а крестьян отпустить по домам⁵.

Других бывших пленников объединяет то, что они бежали со шведской территории в Данию. Там они являлись в Копен-

гагене к русскому резиденту, князю В.Л.Долгорукому, который и организовывал их отправку до Риги на кораблях. После чего беглецы прибывали в Петербург.

12 ноября 1714 г. пришедший в Сенатскую канцелярию солдат Ингерманландского пехотного полка Илья Шванковский сообщил, что взят был шведами раненым под Гродно в 1705 г. В плену находился девять лет и содержался в Швеции, в г. Ландскруна. «Из полону его вывез дацкой земли купецкой человек» в Копенгаген.

9 июля 1715 г. в ту же канцелярию явились пятеро. Из плена они бежали врозь, а прибыли в Ригу на корабле вместе. Василий Казаков, сорока лет, солдат полка «Матвея Трейдина», плененный в 1701 г. под Ригой, сначала содержался в Курляндии (в 30 верстах от Риги). Оттуда бежал, но его настигли и отвели в Либаву, затем перевели в Ригу, где содержали год. После пленника отвезли в Швецию, где он находился в г. Гетеборге «за караулом». В октябре 1714 г. Казаков «из того полону ушел» в Данию. Иван Вихарев, 39 лет, солдат полка «Дениса Бильса», попал в плен раненым в 1704 г. под г. Шкловом. Сразу же его отправили в Швецию, где он провел 11 лет, из них семь в г. Хальмстад. «И из того городу, из полону вышел в Дацкую землю». Иван Шпаев, 40 лет, солдат полка «Алексея Келина», захвачен шведами зимой 1704 г. под г. Гродно вместе с восемью солдатами, охранявшими обоз. В Швеции содержался 11 лет в разных местах, а последним из них было местечко «Буксон», откуда он «ушел в Дацкую землю». Двое, ярославец Яким Холщевников и крестьянин Пафнутьева-Боровского монастыря Яким Лодыгин, 26 и 30 лет, оказались в составе команды рыболовного судна. Весной 1714 г. оно было захвачено шведами в море «за Выборхом, против Песоченских островов». Их сразу же отвезли в Стокгольм, а затем послали в Хальмстад. И уже оттуда они сбежали в Данию.

Из того же Хальмстада в 1718 г., тайно... в боте, ночной порой, через море» в Данию пришли шестеро русских. Один из них, солдат «Аристова полка» Матвей Зайцев, попал в плен в 1705 г. в Польше, а пятеро (драгун Вятского полка Данилов,

Шлиссельбургского полка «фурьер» Сидор Васильев и солдаты Пещоров, Котельников и Катаев) были пленены в 1714 г. «на море, недошед Або» (то есть плыли на русском судне). Все они прибыли в Военную канцелярию 21 августа 1718 г.

В документах, касающихся этих беглецов, специально поднят вопрос об их жаловании за время пребывания в плену. И.Шванковский просто просил выдать ему денежное жалование «за его полонное терпенье, за прошедшие годы». Пятеро освободившихся из плена в 1714-1715 гг. сказали, что в плену им выдавали по 3 к. в день «кормовых денег». Причем солдатам (В.Казакову, И.Вихареву и И.Шпаеву) было прислано из России в качестве жалованья первому 11 р., а двоим по 6,4 р. Из шестерых бежавших в 1718 г. только М.Зайцев успел получить в виде жалования из России 15 р. Всем военнослужащим было выдано «за полонное терпенье» по 2 р. человеку, и они, очевидно, возвращались в свои части. Двоих гражданских же просто отпустили по домам⁶.

Как видим, среди беглецов были солдаты, драгуны, казаки, горожане и крестьяне, относившиеся к рядовым пленникам. Они использовались в Швеции на различных работах, причем не только для казенных надобностей, но и у частных лиц (упоминание о «хозяевах»). Ежедневно им выдавались по 3 к. на пропитание, а солдатам еще и выплачивалось жалование. Мы видим, что содержание рядовых пленников было достаточно свободным. Если к ним и приставлялся караул из шведских солдат, то небольшой, а временами, по-видимому, их вообще никто не охранял. Это могло быть связано с тяжелым положением шведской армии после потери ее наиболее боеспособной части под Полтавой. Сил у Швеции для продолжения Северной войны не хватало, каждый солдат был на счету, столицу охранял лишь один гвардейский полк, и шведские власти приступили к созданию ополчения. Отсюда ощущение легкости, с которой русские бежали из плена. Они могли свободно собираться и договариваться о побеге. Но, заметим, что даже младших офицеров, не говоря уже о старших офицерах и генералах, в числе беглецов не было. Они не использовались на каких-либо

работах, им высылалось жалование из России, и их, разумеется, стерегли намного серьезнее.

В использованных нами свидетельствах ничего не говорится о каких-либо истязаниях русских пленных. Да и выполняемая ими работа, очевидно, была отнюдь не каторжной. Среди беглецов встречаются и 30-, и 40-летние, то есть люди пожилые, по представлениям того времени, прошедшие в плену годы, а то и более десяти лет, но, между тем, обладавшие достаточными физическими кондициями для длительного путешествия по суше и по морю.

Итак, побег из плена. Те пленники, которые содержались в Стокгольме, беспрепятственно выходили из города и шли вдоль берега моря день или несколько дней. Причем они ничего не сообщали о каких-либо контактах с местным населением. Во всяком случае о враждебном отношении последнего к беглецам не говорится. Затем они находили шлюпку или лодку и продолжали на них многодневное путешествие до прибалтийских берегов, которые в описываемое время, по большей части, были заняты русской армией. На дорогу домой требовались недели, а то и месяцы. Как и чем беглецы питались — не сказано. Возможно, они могли либо скопить какие-то съестные припасы, будучи в плену, либо имели деньги для их приобретения. Причем, ни на суше, ни на море шведы их, очевидно, реально не преследовали. Томившиеся в плену в южных шведских портовых городах и местечках (Гетеборг, Ландскруна, Хальмстад и т.д.), от которых было рукой подать до побережья Дании, бежали туда. Причем русские могли пользоваться помощью датских купцов и уходить на их судах и разыскать бот, чтобы самим добраться до датского берега. На побег им много времени не требовалось. Но вот у русского резидента в Копенгагене они могли отсиживаться долго, пока их не пристраивали на корабль, шедший до Риги.

У нас, вместе с тем, не должно сложиться впечатление о полной беспечности шведов. Ведь бежать удавалось десяткам,

а отнюдь не сотням русских пленников. Все зависело от конкретной ситуации, готовности к побегу данных людей и, разумеется, от удачи. Когда все три компонента совпадали – смельчаки избавлялись от плена на чужбине.

¹ История Северной войны, 1700-1721 гг. М., 1987. С. 47-170.

² Полное Собрание Законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 4. № 2335.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 28. Л. 421-422 об., 430.

⁴ История Северной войны... С. 66.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 37. Л. 267-270.

⁶ Там же. Л. 292-292 об., 295-301, 313-317.

РОССИЯ И ТУРЦИЯ В ЭПОХУ ЕКАТЕРИНЫ II: ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАПИСОК РУССКОГО ДИПЛОМАТА П.А.ЛЕВАШЕВА

Многовековое соседство двух государств и народов предопределило тот факт, что взаимное узнавание, возрастание интереса каждого из соседей к государственному-политическому устройству, хозяйственной, общественной и культурной жизни друг друга стало главной формой русско-турецких связей на протяжении столетий.

Время со второй половины XV до конца XVIII в. можно считать периодом, когда в русском обществе происходило накопление основных знаний о Турции и турках. Для допетровской Руси главными источниками сведений об Османской Турции были устные рассказы, путевые записки паломников к Святым для христиан местам, купцов, участников турецких походов¹. Немало разнообразных сведений о событиях в Турции поступало в Москву от церковных иерархов, ездивших к константинопольскому патриарху, от канцелярий запорожских и донских казаков, а также через европейские страны от представителей последних в столице. В образованном при великом князе Иване III Посольском приказе была учреждена должность специального толмача, свободно владевшего разговорным и письменным османско-турецким языком. Таким образом, языкового барьера для общения с турками не существовало.

С началом регулярных дипломатических связей между Россией и Турцией, т.е. с рубежа XV-XVI вв. для правительственных кругов Московского государства важнейшим источником информации о событиях в Турции становятся отчеты и донесения послов. В составе русских посольств были и группы купцов, и лица духовного звания, а потому доставляемые ими сведения имели самый разнообразный характер². В посольских книгах кроме межгосударственных отношений отражались

живые наблюдения посольских людей о внутренней жизни Османской империи, о самих турках, их нравах и обычаях³.

XVII столетие стало одним из переломных моментов в истории связей между двумя странами. Несмотря на события Смутного времени, наличие множества проблем внутри- и внешнеполитического характера, а также прекращения официальных контактов с Турцией, российская дипломатия не упускала из поля зрения Османскую империю. Турция также переживала непростые времена: ей пришлось практически одновременно вести войны с империей Габсбургов (1593-1606) и Персией (1603-1612), но интерес к своему ближайшему соседу – России – сохранялся. После воцарения в 1613 г. Михаила Федоровича Романова дипломатические отношения между Московским государством и Османской империей были восстановлены. Источники и современные научные изыскания свидетельствуют, что русско-турецкое сближение, пришедшее на смену конфронтации, было закономерным процессом, начавшемся за несколько лет до официального обмена посольствами, и нашло отражение в структуре штата Посольского приказа и делопроизводстве этого ведомства первой четверти XVII в.⁴

Начавшийся в XVIII в. распад Османской империи, вызванный отчасти и серией ее поражений в ходе русско-турецких войн, привел, с одной стороны, к усилению военно-политического противостояния, а с другой – к активизации русско-турецких дипломатических отношений, которые стимулировали интерес русского общества и государства ко всем сторонам жизни Турции, к ее прошлому и настоящему⁵.

Существующие источники показывают, что в русском обществе на протяжении многих столетий впечатления о турках, о мире ислама и его традициях формировались главным образом в результате личных наблюдений путешественников: паломников, купцов, дипломатов. Напротив, турецкое общество вплоть до XVII в. получало сведения о Руси и русских окольными путями через посредников – крымских татар или приезжих европейцев. Одним из источников информации о России и

русских для турок, по крайней мере, до XVIII в., были пленники, захваченные крымско-татарскими ордами во время набегов на Русь и проданные затем на рынках Кафы генуэзской. Эвлия Челеби был первым турком, который в середине XVII в. сообщил турецкому обществу свои личные впечатления о «московитах» и их обширном государстве⁶. Практически до рубежа XVII-XVIII вв. османские турки, как мусульмане, видели в русских, да и в христианах вообще лишь объект экспансии и завоевания.

Таким образом, Россия и Турция находились на разных ступенях не только их общеисторического развития, но и осведомленности друг о друге. Лишь в начале XVIII в. начался новый этап в культурном узнавании и ознакомлении русского и турецкого народов. Стремление как можно больше знать о Турции побуждало русское общество проявить определенные усилия для ознакомления России и русских с турками. Объективные предпосылки для интенсификации этого процесса сложились в эпоху Екатерины II.

Интерес России к Турции в это время был тесно связан прежде всего с внешнеполитическими задачами государства Российского: усилилось влияние России в Закавказье и среди кочевников казахских степей, появились планы дальнейшей экспансии в Среднюю Азию, проникновения в Восточную Индию. Дипломатическое и военное продвижение в Азию, несомненно, способствовало самому пристальному вниманию к восточному региону со стороны русского правительства и общества. Разнородные и отрывочные сведения поступали неравномерно: с перерывами в десятилетия.

Восточные темы не сходили со страниц литературно-научных журналов того времени (См.: Санкт-Петербургские ведомости, а также издания: Географический лексикон Российского государства Ф.А.Полунина (1773), Полный географический лексикон К.Г.Лангера (1791) и др.). В самом начале русско-турецкой войны 1768-1774 гг. появились первые русско-турецкие словари и был издан перевод турецкой грамматики И.Т.Гольдермана. В последней четверти XVIII в. в русских пе-

риодических изданиях появилось множество сообщений о Турции. Среди них дневники капитанов, участников архипелагской экспедиции С.П.Хмелевского и Т.Г.Коковцева, С.Плещеева, а также книги Ф.А.Эмина о состоянии османской Турции и ее историческом развитии и др.⁷ На последнюю треть XVIII в. приходится и служба в Турции таких видных дипломатов, как А.М.Обресков, Н.В.Репин, А.Стахийев, Я.И.Булгаков, М.И.Кутузов, В.П.Кочубей, В.С.Тамара, которые в своих донесениях сообщали много ценных сведений о внутриполитической жизни Османской империи. Деятельность посольств способствовала во многом развертыванию картографических работ по составлению атласов, карт Турции и прилегающих к ней стран и областей.

Между тем, отношение к странам Востока и миру ислама в целом складывалось противоречивое. С одной стороны, просвещенный человек XVIII в. с явным предубеждением относился к азиатскому деспотизму и суевериям. С другой – он с особенным любопытством присматривался к нравам и обычаям иных народов, приходя к выводу, что для понимания чужой культуры необходимо освободиться от предрассудков и не спешить судить о народе, исходя лишь из того, что многие обычаи его одежды, быта и нравов кажутся странными европейцам.

Записки Павла Артемьевича Левашева – члена русской дипломатической миссии в Стамбуле, действительного статского советника, находящегося при Государственной коллегии иностранных дел и назначенного в 1763 г. поверенным в делах в Константинополе, появились как раз на волне этого интереса к Востоку.

Современники справедливо считали П.А.Левашева знатоком турецких и крымских дел. Его перу принадлежат несколько произведений, тематически связанных с Турцией: «Краткое историческое описание некоторых знатных приключений, случившихся в Турции от начала сей войны 1768 года сентября с 25-го 1771 года октября по 10-ое» (рукопись. Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-

Щедрина. Ф. 609. Ед. хр. 4337); «Плен и страдание россиян у турков, или Обстоятельное описание бедственных приключений, претерпенных ими в Царь-граде при объявлении войны и при войске, за которым влачили их в своих походах, с приобщением дневных записок, о воинских их действиях в прошедшую войну и многих страшных, редких и забавных приключений» (СПб., 1790); «Поденные записки некоторых происшествий во время прошедшей с турками войны от дня объявления оной по 1775 г. (СПб., 1790); «Картина или описание всех нашествий на Россию татар и турков и их военных тут дел, начавшихся в половине X века и почти непрерывно через 800 лет продолжающихся, с приложением нужных примечаний и разных известий касательно Крыма и берегов Черного моря» (СПб., 1792); а также «Цареградские письма о древних и нынешних турках и о состоянии их войск, о Цареграде и всех окрестностях оного, о Султанском Серале или Хареме, о обхождении Порты с Послами и Посланниками Иностранными, о любовных ухищрениях турков и турчанок, о нравах и образе жизни их, о Дарданеллах, проливах и проч.; о Царедворцах, о Султанах и их важных делах от самого начала монархии их поныне, с обстоятельным известием о славных Кастриотовых подвигах; о державе их; о различных народах, поработенных игу их и о их вере, языке и проч.; о Греческих Патриархах и избрании их; о гражданских, духовных и воинских чинах о многих иных любопытных предметах» (СПб., 1789), которые находятся в центре внимания настоящей статьи⁸. Они отражают широкий спектр проблем, интересовавших Россию и русских в Турции, дают информацию о том, как складывались в ней представления об окружающих странах, их обычаях, культурах, конфессиональных особенностях, являя собой ценный исторический источник, свидетельствующий о накоплении, систематизации и эволюции интересов и знаний о Востоке в России екатерининского времени. А кроме того, подчеркивают роль виднейших представителей отечественной дипломатии в формировании внешнеполитического образа «своего» и «чужого», столь важного для понимания проблемы в целом.

Об авторе — Павле Артемьевиче Левашеве (1700/1719-1820) — нам многое известно благодаря усилиям исследователей жизни и творчества дипломата, хотя дату его рождения удалось установить пока только приблизительно⁹. Известно, что П.А.Левашев происходил из знатного дворянского рода. Его отец служил в Коллегии иностранных дел, в 1758 г. состоял в звании коллежского советника и сумел дать сыну хорошее домашнее образование¹⁰. Павел Артемьевич знал итальянский, французский, немецкий языки и прожил долгую, насыщенную интересными событиями жизнь. Карьера его развивалась стремительно. На военную службу поступил 6 января 1737 г. Эта дата подтверждается и документом, согласно которому в 1775 г. исполнилось 39 лет его «добропорядочной службы»¹¹. Уже в 1750 г. канцлер граф А.П.Бестужев-Рюмин затребовал его из Военной коллегии и перевел в Коллегию иностранных дел. В 1751 г. поручик П.А.Левашев был отправлен в российское посольство в Копенгаген в чине капитана. Он служил в Стокгольме у графа Н.И.Панина, чрезвычайного посланника при шведском дворе, в Дрездене, в «министерской канцелярии» при графе Кейзерлинге, посланнике при польском короле. В свите графа Кейзерлинга он прибыл в Вену, где служил сначала как «кавалер посольства», а затем как «советник посольства». С апреля 1761 г. по май 1762 г. П.А.Левашев был аккредитован «Российского двора министром» (т.е. полномочным послом) при Германском императорском собрании в Регенсбурге. Затем около двух лет провел в Петербурге, оставаясь на службе в дипломатическом ведомстве. 19 августа 1763 г. П.А.Левашев получил назначение в качестве поверенного в делах в Константинополе в помощь заболевшему посланнику А.М.Обрескову, который страдал лихорадкой, осложненной подагрой, и чувствовал себя так плохо, что «ложку супа до рта донести не мог, расплескивал».

Между тем, отношения России и Османской империи крайне осложнились. Недовольная той ролью, которую играла Россия в избрании на польский престол бывшего фаворита Екатерины Станислава Понятовского, Турция подумывала о войне.

К этому подстрекали и посол Версаля в Константинополе граф Вержен, и крымский хан Керим-Гирей, непримиримый враг России. В этих условиях политико-дипломатическое обеспечение продвижения русского кандидата на польский престол после смерти короля Августа III было возложено на Никиту Ивановича Панина – воспитателя великого князя Павла Петровича. 27 октября 1763 г. он был назначен «первоприсутствующим» в Коллегии иностранных дел. В трудные времена, наступившие после осложнения польских дел, Н.И.Панину было необходимо присутствие в Константинополе надежного человека, поэтому А.М.Обресков, несмотря на болезнь, был оставлен.

Туркам не понравился такой оборот дел. Они не намерены были держать в Константинополе одновременно посланника и поверенного в делах. Реис-эффенди (министр иностранных дел) Осман в письменной форме потребовал немедленного отзыва П.А.Левашева в Петербург, что по сути означало объявление Павла Артемьевича персоной нон грата. Начались долгие объяснения. Вскоре, после согласования с Н.И.Паниным было решено П.А.Левашева в Константинополе оставить, но на официальные встречи с турками не посылать.

Словом, дипломатическая карьера П.А.Левашева в турецкой столице складывалась неудачно. Так и не признанный Портой как официальное лицо русского посольства, П.А.Левашев в условиях начавшейся осенью 1768 г. войны с Турцией и заключения (прямо с аудиенции у великого визиря) русских дипломатов во главе с послом А.М.Обресковым в тюрьму – так называемую Семибашенную крепость – фактически принял на себя всю тяжесть ответственности за дела посольства и судьбы соотечественников, оказавшихся в тот период в Константинополе. Рискуя жизнью, он смог отправить в Россию двух курьеров с зашифрованными донесениями об этих событиях – одного через киевского генерал-губернатора Воейкова, а другого – через посла в Варшаве князя Репнина. Если бы курьеры были перехвачены, то П.А.Левашеву по турецким законам грозила бы смерть, ведь турки категорически запрещали дипломатам стран, находившихся в состоянии войны с Османской империей.

ей, дипломатическую переписку. Заслуживает упоминания и тот факт, что у П.А.Левашева была возможность вернуться в Россию морским путем. Это брался устроить английский посол в Константинополе Муррей. Однако Павел Артемьевич предпочел разделить участь А.М.Обрескова и других дипломатов, находившихся в Семибашенной крепости и уже в октябре 1768 г. вместе с переводчиком посольства Денисом Мельниковым был туда препровожден. В течение последующих двух лет П.А.Левашев и другие сотрудники русского посольства в качестве заложников содержались при ставке великого визиря и сопровождали в обозе турецкую армию, выступившую в поход против России. Лишь в мае 1771 г. они были выпущены на свободу. По именному указу Екатерины II от 15 ноября 1771 г. П.А.Левашеву был пожалован чин статского советника. В реестре личного состава Коллегии иностранных дел осталась пометка: «При пожаловании его в сей чин на именном Ее Императорского Величества указе хотя и предписано, чтобы быть ему по-прежнему при делах Коллегии иностранных дел, но при том о жаловании ничего не указано»¹². При Коллегии иностранных дел он занимался подготовкой драгоманов. Неоднократно встречался с Г.А.Потемкиным и с одним из его помощников Василием Степановичем Поповым («главным правителем фельд-маршальской канцелярии»), лелеял надежду при правительстве В.С.Попова и Г.А.Потемкина стать во главе «дирекции города Одессы по коммерческой части»¹³. После подписания в июне 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мирного договора, завершившего войну, П.А.Левашев отходит от дел. Он поселился в своем поместье «Старое село» в Могилевской губернии, переписывался с графом А.Р.Воронцовым, занимался литературным творчеством и публикацией записок о Цареграде.

Последние годы жизни П.А.Левашева были несчастливы: при дворе не прижился, служба не принесла желаемого достатка, опубликованные книги не были оценены по достоинству, а начавшаяся тяжба с родственниками из-за белорусских имений отняла остатки сил. Скончался П.А.Левашев 11 июля 1820 г. в чине действительного статского советника¹⁴.

В предисловии к «Цареградским письмам» автор писал, что его цель – рассказать «о турецкой силе и богатствах, також о нравах и характере нации»¹⁵. Став очевидцем кризиса грандиозной державы, претендующей на политическое и духовное лидерство в исламском мире, он стремился дать возможно более полный обзор истории и современного ему состояния Османской империи, описывая не только финансы и придворную жизнь, но и жизнь черни, положение греческой церкви и другие проблемы. Публикуемые ниже фрагменты этого сочинения обнаруживают одаренность русского дипломата.

П.А.Левашев сообщает о турках следующие подробности.

- «Турки и ныне столь же могущественны и столь же исполнены мужеством, как и были за полтораств лет пред сим при султанах: Солимане, Амурате и Магомете втором... Народ сей весьма великодушен, учтив, милостив, верен, праводушен и легко в поле поставить может до полумиллиона войска. Но все те, которые имели случай познать их хорошо, ведают, что они теперь всего сего чужды, быв большею частию малодушны, грубы, жестокосердны и в своих обещаниях не токмо не верны, но и обманчивы, и когда в войне от неприятеля своего весьма отягощены бывают, то для получения времени к приведению себя в лучшее состояние всегда прибежище имеют к перемириям и, таким образом проводя его, стараются между тем всячески привести силы свои в надлежащее состояние и потом часто среди самого перемирия врасплох на него нападают» (глава «О различии древних и нынешних турков»).

- «Великолепнейшие тут здания суть мечети или мошеи и при них минареты или башни, гостиные дворы... или постоялые дворы, а также и бани: все они с куполами и покрыты свинцом. Из мечетей: великолепнейшая Софийская, построения Юстиниана, греческого императора, где прежде над большими воротами поставлено было его изваяние, а напротив оногo изваяние царя Соломона с надписью в сих уничижительных словах: Я Соломон, а не ты. Там же было четыре медных коней, которые по взятии венецианами Константинополя увезены

с прочими многими редкостями и ныне находятся в Венеции, поставленные над дверьми церкви святого евангелиста Марка; величина оных обыкновенной большой лошади. Храм сей со-
оружен из разноцветного мрамора, а столпы его из самого лучшего порфира и египетского гранита и в оном более десяти тысяч человек легко поместиться могут... Христианские же церкви, существующие ныне в Константинополе, почти все развалились, поелику оных отнюдь починивать не велено и которые еще держатся, имеют самый худой вид. Лучшая здесь площадь та, которая именуется по-гречески Ипподром, а по-турецки Атмейдан, то есть конное рыстание; на сей площади находятся еще некоторые остатки древности: 1. Пирамида из ви-
финского мрамора, сделанная с иероглифическою надписью; 2. Колосс из квадратных камней сделанный; 3. Медный литой треугольный обелиск с тремя перевившимися змеями, о коих сказывают, что сделаны с волшебною силою в то время, когда в Константинополе безмерно много было змей и люди претерпевали много вреда, и кои по явлении сих трех все погибли; 4. Столп императора Феодосия, украшенный превосходною резьбою и утвержденный на холме среди улицы, ведущей от Ипподрома к Адрианопольским воротам» (глава «О Цареграде»).

• «Турки не имеют ни малейшего понятия о народных правах, почитают себя особенным от прочих на земле обитающих народов и держатся иных правил в рассуждении других, почему и вовсе не уважая как должно трактатов и обязательств своих с другими дворами, не уважают и особ, представляющих лица своих государей и поступают с ними нередко как с простолюдинами... Кроме безмерного при аудиенциях посрамления и уничижения можно послу, впрочем, жить в Константинополе в хорошем почтении, увеселении и удовольствии, только бы он не имел никакого неприятного дела вообще с Портою или особенно с частными людьми сего государства. К сему остается еще присовокупить, что турки христианских министров не довольно, что никогда не уважали, но многих из них бесчес-

тили, мучили и умерщвляли» (глава «О обхождении турков с послами и министрами чужеземными»).

- «Турки почти все холерики, каковыми они и быть должны, поелику обитают в весьма жаркой стране: на лицах их разум изображен и варварство. Янычары же имеют отменно свирепый вид и христиан не терпят толико, что если бы не удерживало их сколько-нибудь правосудие, то каждый бы день были великие от них кровопролития, ибо у турков одинаковый суд как для христиан, так и для магометан» (глава «О вспыльчивости турков и странном примере оной и о разных других свойствах, нравственность их изъясляющих»).

- «Между живущею в Царьграде турецкою чернью ничего нет обыкновеннее, как принимать опий, приготовляемый из сгущенного незрелых маковых головок соку, который производит сперва веселость, а потом глубокий сон... Табаку курят везде много и почти спят всегда с трубкою, никогда, однако же, не плюют... На охоту весьма мало ездят и любят легкий труд, предоставляя тяжелые работы для невольников. Молодые люди у них полагают в главную себе забаву воинские упражнения, занимаются по большей части борьбою, конским ристанием, плаванием, стрельбою и метанием копий. В прочем они великие лицемеры, и никто не превосходит их в чванстве; ибо если получают именитое какое звание или чин по благоволению начальства или по заслугам, тотчас же приемлют на себя такой вид, как бы состарились уже в той степени, в какую недавно возведены. Также когда возымеют благополучный в чем успех, становятся непомерно горды и уподобляются совершенно полякам. Корыстолюбие действует тут сильнее нежели в других местах и у многих превращается во владычествующую страсть» (глава «О образе жизни турков»).

- «Со стороны образа жизни турок похвальна особливо в нем почти повсеместная трезвость, удерживающая их от премногих бесчиний, коим невоздержание подвергает столь многих наших соотечественников и других европейцев. Турки вообще преданы сладострастию, но в такой мере, которая не истощает их сил и не расстраивает чувств. Они убегают хлебного

и виноградного вина и умеренны большею частию в пище, которую разделяют на многие приемы... Подобострастие их к власти основывается единственно на предувении о святости всего, предписанного Магометом, нежели на чувствовании в оном необходимости к сохранению союза и благоустройства в обществе, что самое произвело у них ту жестокость в наказаниях, которая уподобляется более лютости плотоядных зверей, нежели самой величайшей строгости правосудия» (глава «Образе жизни турков»).

• «Младенцы... приуготовляемые для службы султана и для важных государственных должностей, должны быть породы христианской или иноплеменные из дальних стран, кои пленены турками на войне или захвачены татарами, лезгинцами, алжирцами и иными, разбой и набеги производящими народами, и должны быть благообразны и не иметь никаких на теле пороков: прежде принятия обыкновенно представляют их визирию, и от его изволения зависит в каком заведении... быть им должно, и в самом ли Цареграде или предместии оного Перу, либо в Адрианополе, где обретаются главные для них обиталища. По принятии поручаются капа-аге, главе белых евнухов, коим предоставлено иметь о всем, что до них ни касается, бдение, или, лучше сказать, производить над ними всю ту жестокость, какой они вообще причастны... Немые, глухие и карлы составляют также тут немалое число, и должность их состоит в том же почти, в чем многих италианских позорищных действователей, провожающих век свой в кривлениях и иных необычайных телодвижениях... Султаны и их наперсники употребляют сих людей для своей забавы и велят им часть бороться, ввергать друг друга в пруды и исторгать себя оттуда таким образом, чтоб было странно и смешно. Если кто из карлов от природы глух и нем и притом скоплен, таковой весьма уважается, и ему не возбранено пресмыкаться во все те места, кои сам султан посещает» (глава «О царедворцах и ближних султанских служителях»).

• «Греки имеют в Царе-граде, Галате и Пере 25 церквей. Армяне 6, а католики 2 в Пере. Титул митрополитов и архиепископов заключается в слове Святейший, а епископский: Друг Божий. Если кто пишет к ним из архиереев равного с ними достоинства, то называет их только Святый или Друг Божий или Брат в Боге такого или другого престола. Патриархи в посланиях своих пишут полный свой титул. Они друг от друга не зависят; и если когда который из них случится в местах, находящихся под управлением другого, то не может ни служить, не проповедовать без согласия на то обладающего там патриарха или его наместника» (глава «О избрании патриархов и о нынешнем состоянии греческой церкви в Цареграде и во всех турецких областях»);

«...Нынешние греческие церкви чрезвычайно бедны и недостаточны. Нет у них ни одной довольно пространной и не было, включая в Царе-граде святой Софии, и в самое цветущее состояние их империи. Некоторые из оставшихся поныне старинных церквей имеют два притвора покрытые: колоколья поставлена на передней стене в середине между двумя башнями и только для одного вида и вовсе без колоколов, коих не позволено иметь. Все сии строения почти одинаковы и построены большею частию в виде четвероколенного креста. Греки сохранили еще древнее употребление куполов и глав, которые строят не худо. Алтарь обращают всегда на Восток, и служение совершают точно таким образом, как и в России... Вынос и похороны одинаковы с нашими; впрочем все молодые люди, щеголи и щеголихи не упускают ни одного случая, чтобы не быть на похоронах; и сие есть лучшее их место свидания; притом хотя они тут и одеваются в лучшие свои платья, однако ж сие не препятствует им плакать по обычаю. Признаться должно, что греки и гречанки имеют весьма нежное и чувствительное сердце; и если где кто умрет, то все друзья, родственники, соседи, большие и малые собираются туда друг перед другом проливать слезы; в таком случае непременно уже должно плакать или по крайней мере притворяться плачущим, чтобы не показаться не знающим благопристойности» (глава «О избрании патриархов и о нынешнем состоянии греческой церкви в Цареграде и во всех турецких областях»)¹⁶.

Таким образом, на протяжении XVIII столетия в русской культуре происходят постепенные, но значительные изменения в отношении к Востоку, в том числе к мусульманскому. Прежнее противостояние исламскому миру, воспринимавшемуся как воплощение зла и жестокости или место обитания конфессионально неприемлемых басурман, уступает место симбиозу и признанию той или иной степени допустимости иных духовных измерений. Очевидно, что такие тенденции не были случайны. Они сопровождали процесс формирования полиэтнического и поликонфессионального государства имперского типа, в котором уже на государственном уровне ограничивался антагонизм по отношению к другим народам и конфессиям. И в этом смысле последние годы правления Екатерины, идеи Просвещения, которые расширяли кругозор, освобождали человека от религиозных предубеждений и предрассудков национальной ограниченности стали важной вехой во взаимоотношениях двух великих держав – России и Турции.

¹ С самого начала формирования двух могущественных государств-соседей – Руси и Османской империи Русь была более осведомлена о турках, чем турки о русских. Давние контакты жителей Киевской, а затем и Московской Руси с тюрками способствовали получению информации о Турции регулярно, в значительном объеме, и что особенно важно, из первых рук. Подробнее см.: *Малетю Е.И. Хождения русских путешественников XII-XV вв. М., 2000; Россия и Восток. СПб., 2000. С. 75-103.*

² См.: *Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. X. СПб., 1824. С. 175-176.* Возможно, эти процессы имели двусторонний характер. Так, В.О.Ключевский, анализируя представления иностранцев о Московской Руси, отмечал, что «сравнение с Турецким султаном стало даже общим местом для иностранных писателей при характеристике Московского государя». См.: *Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1866. С. 70-71.*

- ³ *Рогожин Н.М.* Посольские книги России конца XV-XVII вв. М., 1994.; *Он же.* Место России XVI-XVII веков в Европе по материалам посольских книг // Место России в Европе. Будапешт, 1999; *Он же.* Посольский приказ – колыбель российской дипломатии. М., 2003; *Флоря Б.Н.* Османская империя, Крым и страны Восточной Европы в конце XVI – начале XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998; Очерки истории Министерства иностранных дел России, 1802-2002: В 3 т. Т. 1: 860-1917 гг. М., 2002. С. 74-143, 193-195.
- ⁴ *Лисейцев Д.В.* Русско-турецкие отношения в начале XVII века: от конфронтации к сближению // Отечественная история. 2002. № 5. С. 169-177.
- ⁵ См.: Очерки истории СССР. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. С. 349-387; *Данциг Б.М.* Русские путешественники на Ближнем Востоке. М., 1965; *Он же.* Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973. С. 43,74-75; *Витол В.А.* Османская империя (начало XVIII в.). М., 1987; *Мейер М.В.* Османская империя в XVIII в.: (черты структурного кризиса). М., 1991; Образ России. Русская культура в мировом контексте. М., 1998. С. 37-45.
- ⁶ См.: *Эалия Челеби.* Книга путешествия. Вып. 1: Земли Молдавии и Украины. М., 1961; Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья, Подонья. М., 1979.
- ⁷ См.: *Данциг Б.М.* Ближний Восток... С. 78-79, 84.
- ⁸ Первоначально книга была опубликована анонимно. [*Левашев*] П.А. Цареградские письма. СПб., 1789. Ныне авторство книги документально подтверждено. См.: *Кессельбреннер Г.Л.* Хроника одной дипломатической карьеры: (Дипломат-востоковед С.Л.Лашкарев и его время). М., 1987. С. 58. В Архиве внешней политики Российской империи хранится список печатных работ П.А.Левашева, составленный им в 1811 году. См.: АВПРИ. Фонд «Административные дела V-16». 1811. Д. 42. Л. 9.
- ⁹ *Бекетов П.П.* Краткое историческое описание жизни действительного статского советника Павла Артемьевича Левашева, находящегося при государственной коллегии иностранных дел. М., 1816. С. 3-8; *Перминов П.* Пасынок фортуны: К биографии П.А.Левашева // Альманах библиофила. Вып. 25. М., 1989. С. 154-164.
- ¹⁰ См.: Сборник Московского Главного Архива МИД. 1893. Вып. 5. С. 254.
- ¹¹ См.: *Кессельбреннер Г.Л.* Указ. соч. С. 52.
- ¹² *Александренко В.И.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Варшава, 1897. Т. 2.

- ¹³ Левашев П.А. Любопытная история славного города Одессы. М., 1819. С. 10-11.
- ¹⁴ См.: АВПРИ. Фонд «Административные дела IV-15». 1820 г. Д. 7. Л. 4.
- ¹⁵ В настоящей статье «Цареградские письма» П.А.Левашева цитируются по изданию «Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II» (М., 1995. С. 36-100).
- ¹⁶ Там же. С. 39-95.

ОБРАЗЫ «ДИКАРЕЙ» В ЗАПИСКАХ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ НАЧАЛА XIX ВЕКА: АБСТРАКЦИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Записки путешественников давно и широко используются исследователями для изучения процессов межкультурного восприятия. Объясняется это тем, что путешествие является распространенной формой непосредственного взаимодействия представителей разных культур. Путешествие предполагает пребывание в чужой – иноэтничной, инокультурной среде, что уже само по себе стимулирует процесс восприятия этого чужого, диалога с ним.

История русских путешествий насчитывает несколько столетий. Особое место в этой истории занимает начало XIX в. В первые же годы нового столетия, после смерти Павла I, когда был отменен запрет на выезд русских подданных за границу, за пределами России оказалось довольно большое количество россиян. Среди них были и праздные молодые люди, отправлявшиеся в Европу для ознакомления с природой и искусствами, и студенты Московского университета, намеревавшиеся продолжить образование в Германии, и дипломаты, и морские офицеры, оказавшиеся за границей по долгу службы. Все это были очень разные люди, побывавшие в разных странах с самыми разными целями. Объединял же их не только сам факт заграничной поездки, но и то, что впоследствии почти все они намеревались поведать об этой поездке соотечественникам. Во время путешествия они вели дневники и составляли записки в расчете на последующую их публикацию в той или иной форме. Конечно, публикация записок, описание путешествий возникло задолго до XIX в., однако, именно в конце XVIII – начале XIX в. заграничная поездка начинает восприниматься большинством путешественников как некий «текст», нечто, требующее последующего описания, рассказа.

Отчасти это объясняется тем, что в указанный период рассказы о путешествиях пользуются большой популярностью в русском образованном обществе. Литература путешествий находит все больше приверженцев, как среди читателей, так и среди авторов. Причем, речь идет не только о собственно литературных произведениях особого жанра, а вообще о всех текстах, содержащих рассказ о пребывании за пределами своей страны, описание чужеземных нравов, природы, искусства и пр. В журналах появляется все больше материалов, знакомящих читателей с иными странами и народами и затрагивающих самые разные темы: политику, экономику, историю, литературу, искусство, традиции и обычаи.

Этот рост интереса к иным странам и народам представляется вполне закономерным в контексте формирования русского национального самосознания. Известно, что в основе всякого группового самосознания (в том числе национального) лежит противопоставление «мы – они», причем, взаимосвязь этих двух позиций такова, что фиксация образа «мы» в сознании автоматически отсылает ко второму члену оппозиции – «они». Определение (буквально – как «положение пределов», ограничение) собственной общности уже само по себе указывает на все то, что остается за этими пределами, за границей. *Свое* обретает значение только в противопоставлении *чужому*, поэтому поиск *своего* по необходимости предполагает и поиск *чужого*¹.

Таким образом, путешествие, предусматривающее пребывание в чужой среде, не является только фактом личной биографии путешественника; информация об иных странах и народах, индивидуальный опыт восприятия иного оказывается актуальным для общественного сознания, а сам путешественник выступает в роли посредника между своей и чужой культурой².

Путешествия начала XIX в. отличались от предыдущих еще и своими маршрутами. Если раньше пребывание русского человека за пределами страны чаще всего ограничивалось посещением ряда городов Европы, то в начале XIX в. русские пу-

тешественники волею судьбы оказались в самых отдаленных уголках мира. В первую очередь это касалось морских путешественников.

В 1803-1806 гг. на кораблях «Надежда» и «Нева» под командованием И.Ф.Крузенштерна и Ю.Ф.Лисянского было совершено первое русское кругосветное плавание, во время которого участники экспедиции побывали в Дании, Англии, на Канарах, в Бразилии, на Маркизских и Гавайских островах, на Камчатке, Сахалине, на Алеутских островах, в Японии, в Китае, на острове Св. Елены – то есть как в других странах, так и на отдаленных окраинах Российской империи. Это путешествие было описано в нескольких сочинениях, из которых в данной статье в качестве источников используются записки обоих капитанов и одного из лейтенантов «Надежды» Е.Е.Левенштерна.

Другая группа морских «путешествий» связана с пребыванием эскадры Д.Н.Сенявина в Средиземном море в 1805-1812 гг. Основная миссия этой эскадры заключалась в усилении обороны Ионических островов, бывших базой русского флота. Русские моряки участвовали в боях с французами на побережье Адриатического моря и с турками в Эгейском море. На обратном пути россияне побывали в Португалии, Италии, некоторые команды возвращались в Россию сухим путем через Каринтию, Крайну, Венгрию, Польшу и Западную Украину. Пребывание русских моряков в Средиземноморье также нашло довольно широкое освещение в записках участников: В.Б.Броневского, Н.М.Клемента, П.П.Свиньина, Г.М.Мельникова, П.И.Панафидина, Н.Коростовца.

Один из офицеров эскадры Д.Н.Сенявина В.Б.Броневский проникательно заметил, что «морское путешествие при многих неприятностях, доставляет одно удовольствие... мгновенно переноситься из страны в страну и в короткое время ознакомиться с народами, живущими на противоположных концах земного шара, и в сем переходе мученики любопытства, если смею назвать так всякого путешественника, находят новую пищу для своих наблюдений»³. И действительно, перед глазами русских

мореплавателей начала XIX в. прошла череда самых разных, в том числе и незнакомых, «экзотических» народов. То, что раньше было известно только из книг, теперь можно было наблюдать собственными глазами. Однако и это наблюдение не обходилось без своеобразного «посредника»: между глазом путешественника и наблюдаемой реальностью находились плохо осознаваемые, но очень устойчивые ментальные конструкции, оказывавшие непосредственное влияние на восприятие путешественником окружающего мира.

Общеизвестно, что философия Просвещения оказала значительное влияние на развитие русской культуры XVIII – начала XIX в. В сознании русского образованного общества рубежа веков доминировала просветительская картина мира. Процесс восприятия иной культуры также в основе своей определялся историко-этнографическими концепциями, выработанными в рамках философии Просвещения.

Так, русским путешественникам в полной мере был присущ просветительский универсализм, в соответствии с которым все народы и культуры оценивались по единой шкале. Крайними точками на ней были с одной стороны «дикость», а с другой – «цивилизация». Каждый раз, наблюдая ту или иную культуру, путешественник оценивал степень ее «дикости» и «цивилизованности» и отводил ей соответствующее место на этой шкале. Европоцентристское мышление признавало наиболее цивилизованной современную Европу, к которой причислялась и Россия.

Таким образом, противопоставление своего и чужого в рамках просветительской картины мира представляло в том числе как противопоставление дикости и цивилизации. И если «цивилизованный» полюс находил конкретное воплощение в близком и знакомом примере, то представление о «дикости» было гораздо более абстрактным, что, однако, не делало его менее внятным и убедительным.

Усилия европейских мыслителей по осмыслению абстрактного образа «дикаря» увенчались созданием двух различных моделей: одни (Руссо, Дидро) воспринимали «дикие» на-

роды как «счастливое детство человечества, беззаботно жившего по законам природы»; развитие же цивилизации представлялось им как искажение этих законов, победа пороков над добродетелями; другие (Вольтер, Фергюссон, Кондорсе), напротив, видели в истории «непрерывное развитие разума, движение человечества от дикости и варварства к светлому будущему»⁴. Обе эти концепции нашли непосредственное отражение в исследуемых материалах путешествий.

Идея «золотого века» человечества получила наиболее полное воплощение в творчестве Д.Дидро. «Вероятно, ни один автор не выразил так ярко и так односторонне, как Дидро, идею “счастливого детства человечества”, “естественного состояния”, “добродетельного дикаря”, – замечает С.А.Токарев и тут же добавляет: – Никто с такой решительностью, как он, не опирался при этом на этнографические факты»⁵. Дело в том, что памфлет Дидро «Добавление к путешествию Бугенвиля», содержащий наиболее полное изложение этой концепции, был написан, как следует из названия, на основе записок о кругосветном плавании Л.-А.Бугенвиля 1766-1769 гг., в которых, помимо прочего, находилось довольно подробное описание быта и характера населения о. Таити. Глубокая симпатия к островитянам и идеализация их быта были характерны уже для сочинения самого путешественника, Дидро же в своем памфлете, полностью восприняв идеалистический тон, создал на его основе весьма стройную теоретическую модель. Таитяне в его сочинении предстают кроткими и невинными детьми природы, не знающими прав собственности, нравы их мудры и добродетельны. «Природные» законы и обыкновения островитян противопоставляются философом неестественным европейским порядкам: «Я готов думать, что самый дикий из народов на земле, таитяне, которые строго придерживаются закона природы, ближе к хорошему законодательству, чем любой цивилизованный народ»⁶.

Преимущество дикарей перед цивилизованными европейцами, таким образом, объясняется их близостью к природе. Это свойство нагляднее всего проявляется в их физических

данных. Путешественники неоднократно отмечают физическое совершенство туземцев. Так, В.Б.Броневский говорит о черногорцах как об «исполинах, чудо-богатырях», с восхищением описывает их невероятную ловкость: «привыкши к трудам и недостатку, с веселостию и без утомления делают *Суворовские* марши; опираясь на конец длинного своего ружья, перепрыгивают широкие рвы и переходят такие пропасти, где для других войск должно бы строить мосты, с легкостью восходят на неприступные скалы, терпеливо сносят голод, жажду и всякие нужды. Когда неприятель разбит и ретируется, они обгоняют его так скоро, что сим заменяют конницу, которой в здешних горах иметь невозможно». Черногорцы непривередливы и выносливы: «Оружие, небольшой хлеб, сыр, чеснок, немного водки, старое платье и две пары сандалий из сыромятной кожи составляют весь багаж Черногорцев. В походе не ищут они защиты ни от солнца, ни от холода. Во время дождя Черногорец... на том же месте, где стоит, свернувшись в клубок, ничком и стоя на коленях, имея ружье под собою, спит весьма покойно. Три, четыре часа ему достаточны для подкрепления сил»⁷. Е.Е.Левенштерна удивила ловкость и быстрота, с которой жители острова Нука-Гива наполняли пресной водой бочки и переправляли их на корабль, он отмечает, что «дикари мастерски лазают» и «прекрасно плавают»⁸. Путешественника также поразило физическое совершенство тела островитян: «Каждого дикаря можно сравнить с Аполлоном Бельведерским»⁹.

Внешняя красота была явным признаком здоровья. Здоровье же мыслилось неотъемлемым свойством «дикаря». Изменение «дикого» состояния, происходившие в результате контактов с цивилизованными народами, влекло за собой ухудшение здоровья, что незамедлительно сказывалось на внешности. Так, путешественники обращают внимание на внешние свидетельства «любострастных болезней» у островитян Гавайев, которые, в отличие от «нукагивцев», давно контактируют с европейцами¹⁰. Изолированная Черногория, напротив, славится здоровьем своих жителей: «Болезни очень редки между Черно-

горцами: они обязаны сим своей воздержанности, чистоте воздуха, а более порядочной жизни. Они не танцуют на балах до утомления, страсти их не возбуждаются театральными представлениями, они не знают никаких наших прихотей модной жизни. От сего многие болезни даже по имени им неизвестны». То же самое касается и бокезцев, и «нукагивцев», и майнотов — народа, живущего в Греции в «неприступных ущельях» олимпийских гор: «умеренность, чистота нравов, деятельность и горный воздух хранят их здоровье»¹¹. Залогом здоровья этих народов является «природный» образ жизни, избавляющий их от вредных страстей, которым подвержен просвещенный человек. В.Б.Броневский внятно излагает эту позицию, объясняя физическое и душевное здоровье черногорцев: «Простая жизнь, чуждая сует и напряжений ума, сберегает их здоровье. Просвещенный... человек скорее делается жертвою страстей, вредных ему и противных природе. Обязанности обычаев, сидение за науками, редкое на открытом воздухе пребывание, неумеренность в употреблении жирной и лакомой пищи, излишество забав, прихотливость, изнеженность, славолюбие, стыд, зависть и многие другие страсти... мало помалу изнуряют телесные силы его... Но Черногорец, ограниченный в своих желаниях, которые удобно может удовлетворять, живет счастливо и довольно... Словом, воспитание, приближая его к природе, которой он есть простое чадо, избавляет от множества болезней, проистекающих от образа нашей жизни и нашей чувствительности»¹². Это почти абсолютное здоровье описанных народов является причиной отсутствия у них докторов и аптек, а также развития народной медицины («Аптека их на лугах, в лесу и в натуре...»¹³).

Описание физического совершенства «дикарей», как правило, сопровождается сопоставлением с европейцами¹⁴. Как видно из приведенного рассуждения В.Б.Броневского, противопоставление дикости и цивилизации осмысливается как оппозиция естественного и неестественного¹⁵. Причем, это касается не только здоровья, но и других сторон жизни. Так, «природная» дерзость черногорцев в сражении «торжествует над

искусством» (курсив мой. – П.К.) опытных Французов¹⁶. Кроме того, общество «дикарей» предстает как общество «неразвращенное»¹⁷, обладающее массой «коренных» человеческих добродетелей. Им свойственны гостеприимство, почтение к старшим, храбрость, добродушие и честность, стыдливость, целомудрие и – «к стыду просвещенных народов» – «уважение к жене ближнего»¹⁸. По представлению И.Ф.Крузенштерна, идеальному образу соответствуют айны. Он находит у них внутреннее согласие, кротость нравов и высокую нравственность: «Ни громкого разговора, ни неумеренного смеха, а еще менее спора не заметили мы вовсе. Они принимали нас с величайшим добродушием и наперерыв оказывали нам всякого рода услуги... Такие подлинно редкие качества, коими обязаны они не возвышенному образованию, но одной только природе, возбудили во мне то чувство, что я народ сей почитаю лучшим из всех прочих, которые донныне мне известны»¹⁹. Естественное происхождение добрых качеств акцентирует В.Б.Броневский и в случае с черногорцами – их остроумие, обходительность и изящество – врожденные качества, а не приобретенные в результате воспитания²⁰.

Другая теоретическая модель, в рамках которой осмыслялся абстрактный образ «дикаря», была во многом противоположна концепции идеальной первобытности. Она была сформулирована рядом мыслителей (Вольтер, Ж.А.Кондорсе, А.Фергюссон) в нескольких сочинениях и получила широкое распространение. Также противопоставляя мир «дикарей» и мир «цивилизации», эти мыслители находили идеал в последнем. Дикое состояние в данном случае является не «естественным золотым веком человечества», а лишь начальным этапом его развития. Основываясь на многочисленных этнографических и исторических фактах, мыслители пытались проследить ход материального, социального и умственного прогресса человечества (Тюрго, Кондорсе), а также выявить определенные стадии этого процесса. Последнее наиболее отчетливо удалось сделать английскому мыслителю А.Фергюссону. В своем «Опыте истории гражданского общества» он наметил три ста-

дии всемирно-исторического развития: дикость – варварство – цивилизация. Эта цепочка уже в то время стала широко популярной (во многом благодаря книге известного автора Ж.-Н.Деменье «Дух обычаев и нравов различных народов или наблюдения, почерпнутые у путешественников и историков», неоднократно издававшейся в Европе в 1770-1780 гг.), и отчасти используется даже в современной науке²¹.

Данная модель также нашла воплощение в записках русских путешественников. Не следуя строго указанной трехчастной схеме, и лишь иногда пытаюсь определить сравнительную степень «цивилизованности» разных народов (так, «кадьякские жители» менее искусны в китовой ловле, чем гренландцы²², а айны превосходят камчадалов и алеутов не только в приготовлении рыбы, но и во внутреннем убранстве своих домов²³), путешественники чаще описывают наблюдаемые ими явления в жизни неевропейских народов в контексте оппозиции «дикость – цивилизация». При этом «дикость» проявляется здесь в нескольких признаках. Одним из главных является степень чистоты в быту, на которую путешественники обращают специальное внимание. Так, японцам «в рассуждении чистоты нельзя сделать... никакого упрека»²⁴, Ю.Ф.Лисянскому было приятно отметить «чистоту и опрятность нукагивских жилищ» и большую чистоту в китайском храме²⁵. Вместе с тем, осмотрев королевский дворец на острове Овиги, он отметил, что, «кроме отвратительной неопрятности и нечистоты, мы ничего не видели». То же самое касается и домов простых жителей: «Собаки, свиньи, куры – неразлучные товарищи островитян. Они вместе с ними сидят, едят и прочее». Особенно поражает путешественника нечистота жителей о. Кадьяк: «кадьякцы не имеют ни малейшей склонности к соблюдению чистоты. Они не сделают лишнего шага ни для какой нужды... Правда, как мужчины, так и женщины большие охотники до бань, но они ходят в них только потеть, если же у кого голова слишком грязна, то он моет ее мочой. Впрочем, платье надевают прежнее, как бы оно ни было запачкано»²⁶. Как отмечает Ю.Л.Слезкин²⁷, отсутствие гигиены в быту того или иного народа было

обязательным атрибутом его «дикости» в этнографических описаниях XVIII в. Оно связывалось с «невыносимым запахом», объяснявшимся, помимо прочего, постоянным присутствием животных в непосредственной близости к человеку (ср. свидетельство Е.Е.Левенштерна о том, что у айнов «в каждом доме, в углу на навозной куче привязан молодой медведь»²⁸, а также – с пищей туземцев (ср. удивление Ю.Ф.Лисянского рациона китайцев: «китайцы едят все, что ни попало. Нет, кажется, такого произведения природы, которого этот народ не употребляет бы в пищу. Крысы, на которых каждый европеец смотрит с отвращением, у них составляют лакомство и продаются на рынках»; см. также описание жилища камчадалов у И.Ф.Крузенштерна²⁹). Особенное возмущение вызывает у путешественников обычай людоедства у островитян Тихого океана. Услышав от европейцев, живущих на островах, «с каким остервенением нападают они (туземцы. – П.К.) во время войны на свою добычу, с какой поспешностью отделяют от трупа голову, с какой жадностью высасывают кровь из черепа и совершают, наконец, мерзкий свой пир», узнав, что «во время голода убивает муж жену свою, отец детей, взрослый сын престарелых своих родителей, пекут и жарят их мясо и пожирают с чувствованием великого удовольствия», путешественники пришли к выводу, что островитяне «не людьми, но паче заслуживают быть называемы дикими животными»³⁰. К такому же выводу подталкивает И.Ф.Крузенштерна и способ ведения боевых действий: «Образ, каковым ведут войну, доказывает, сколь мало они отличаются от хищных животных»³¹. То же говорит В.Б.Броневский о черногорцах: «Понятие их о войне совершенно различествует от правил, принятых просвещенными народами. Они режут головы неприятелям, попавшимся в руках, и дают пощаду только тем, кои прежде сражения добровольно отдаются»³².

Жестокость является основанием для сравнения «дикарей» с животными: поведение черногорцев в Рагузе позволили Г.М.Мельникову говорить об их «врожденном зверском свойстве»³³. В отличие от «просвещенного» человека, «дикарь» не

может управлять своими страстями, ему свойственна «неумеренность», проявляющаяся, прежде всего, в жестокости. Жестокость и злость, таким образом, также выступают как явный признак «дикости». Поэтому применение жестоких пыток и «самой бесчеловечной и варварской казни» не позволяет считать Китай просвещенной страной³⁴. Примером «дикой» жестокости являются поступки «ситкинцев» (так Ю.Ф.Лисянский называет жителей острова Ситки). Подробно описывая их нападение на русскую Михайловскую крепость и последующее «отмщение» главного правителя Российских колоний в Америке А.А.Баранова, путешественник всячески противопоставляет вероломство и жестокость индейцев умеренности и честности русских³⁵. После долгой осады русским удалось заставить «ситкинцев» покинуть крепость и уйти в лес: «Сойдя на берег, я увидел самое варварское зрелище, которое могло бы даже и жесточайшее сердце привести в содрогание. Полагая, что по голосу младенцев и собак мы можем отыскать их в лесу, ситкинцы предали их всех смерти»³⁶. Подобный поступок классифицируется автором как «варварство». «Варвары» проявляют жестокость не только по отношению к людям, но и к животным: «Весьма жалкое зрелище представляется для человека чувствительного, когда промышленники гонятся за бобровой самкой, имеющей при себе малых детей. Материнская к ним привязанность должна бы тронуть каждого человека, но кадь-якский житель не чувствует ни малейшей жалости»³⁷. Чувствительность выступает здесь как признак просвещенности, «цивилизованности» и, в отличие от модели «благородного дикаря» (где она рассматривается как проявление изнеженности, не свойственной «природному» человеку), оценивается положительно.

По наблюдению Ю.Л.Слезкина, наряду с уровнем гигиены, другими признаками, по которым в XVIII в. определялась степень просвещенности народа, было отношение к «прекрасному полу» и склонность к трудолюбию³⁸. Частично это подтверждается и в материалах путешествий. Для И.Ф.Крузенштерна супружеские отношения являются одним из показателей, опре-

деляющих степень «варварства» жителей Вашингтоновых островов: выясняется, в частности, что они «установлением брака» уже «удалились от зверского состояния», но не поднялись еще даже до уровня прочих островитян Тихого океана, поскольку «нравственное понятие о взаимных обязанностях супружеского союза... чуждо нукагивцам вовсе»³⁹. Что касается трудолюбия, то оно считается свойством просвещенных народов, «диким» же приписывается праздность, проявляющаяся, прежде всего, в их удивительной склонности к пляскам, а также в созерцательном бездействии. Так, «пляска любимая забава Черногорцев... Вместо прогулки Черногорец, взошед на скалу, ложится ничком, и растянувшись на земле, проводит целые часы в созерцании бурного моря и прибрежных селений». Почти то же самое сообщает Ю.Ф.Лисянский относительно кадьякцев: «На другой день проснувшись вместе с рассветом, я... увидел многих мужчин на крышах своих жилищ. Это считается у них за первое удовольствие после сна, хотя они всегда любят сидеть и смотреть на море»⁴⁰.

Наконец, явным признаком «дикости» служит отсутствие собственно просвещения, проявляющееся в неграмотности и слабом развитии «Искусств и Художеств»: «Черногорцы совершенные невежды. Умеющие читать и писать почитаются между ними людьми учеными... Свободные ремесла, кроме необходимых в жизни, также все им неизвестны, ибо предметы роскоши становятся ненужными в грубом образе жизни, который ведут они, подобно самым необразованным народам»⁴¹. Отсутствие письменности у островитян Тихого океана, видимо, столь очевидно, что путешественники даже не упоминают об этом. Что касается ремесел и изящных искусств, то они являются однозначным указанием на «варварство» описываемых народов. Например, статуи на кладбище о. Нука-Гива служат «доказательством грубой работы неискусного художника»⁴². То же касается и музыки: «Состояние нукагивцев не может возбудить в них чувствования к волшебному действию музыки. Но как нет ни одного столь грубого народа, который бы не находил в оной некоего удовольствия, то сии островитяне не

совсем к тому равнодушны. Их музыка соответствует их свойствам. К возбуждению грубых чувств нужны орудия звуков пронзительных, заглушающих глас природы. Необычайной величины барабаны их диким громом своим особенно их воспламеняют»⁴³.

То есть «грубому» состоянию соответствует «грубое» искусство. Тем удивительнее для путешественников примеры, свидетельствующие об утонченном вкусе и умении туземцев. Так, Ю.Ф.Лисянского поразили ткани, изготовленные на Гавайях: «Увидев их в первый раз, я никак не мог поверить, чтобы первобытный человек имел столь изящный вкус»⁴⁴. То же самое касается греков некоторых островов в отношении кораблестроения и кадьякцев в отношении ткачества и резьбы по кости: «Это ремесло... было в хорошем состоянии, если принять во внимание, что оно принадлежало необразованным людям»⁴⁵. Точно такое же удивление вызывают у путешественников и обратные примеры – когда просвещенный народ проявляет себя «неподобающим образом». П.П.Свиньин описывает, как Д.Н.Сенявин, находясь с эскадрой на рейде в Портсмуте и негодуя по поводу невыполнения английской стороной подписанных конвенций, написал однажды местному морскому начальству, «что он два раза заключал конвенции с Турками, и варварский народ сей выполнял не только то, что было написано, но и то, в чем договаривались... на словах»⁴⁶. Здесь «просвещенным» англичанам указывается на «непросвещенное» поведение и ставятся в пример турецкие «варвары». Не менее «варварски» поступает и французская сторона, на что указывает тот же Д.Н.Сенявин в переписке с генералом Лористоном по поводу обмена пленными: «В переписке своей по сему случаю он не упустил изобразить Французскому генералу бесчеловечия и варварства, недостойного характера просвещенной нации, с коими поступают они с нашими пленными...»⁴⁷

Итак, налицо две модели, посредством которых в сознании русского путешественника начала XIX в. осмыслялся абстрактный образ дикаря. Основная их функция, как показывает анализ записок, заключалась в том, что они облегчали путеше-

ственнику процесс восприятия и описания иных народов. Ясно также, что эта инструментальная функция не осознавалась самими путешественниками, и это делало возможным использование обеих моделей одним человеком при описании разных народов.

Обе описанные модели были известны путешественникам заранее, еще до путешествия. Однако процесс восприятия путешественниками дикарей не сводился лишь к воспроизведению заранее известных теоретических конструкций. Он был сложнее и заключался в общих чертах в следующем.

Имея в сознании определенное умозрительное представление о «дикарях», путешественник при встрече с тем или иным народом воспринимает его в соответствии с этим абстрактным образом, видит в конкретном примере данного народа отражение общей теоретической модели. Такое восприятие сохраняется и в дальнейшем при условии, что сознание путешественника во время наблюдения не фиксирует каких-то таких ярких фактов, которые никак не укладываются в рамки изначального образа. В противном случае, то есть когда наблюдатель замечает несоответствие мыслимого и действительного, он чаще всего ограничивается указанием на это несоответствие, но иногда стремится доступными средствами найти ему какое-то рациональное объяснение.

Ярким примером подобной мыслительной операции является трансформация представлений И.Ф.Крузенштерна об островах Вашингтоновых островов. Сначала капитан «Надежды» был настроен очень благосклонно по отношению к туземцам: «В обращении своем с нами оказывали они всегда добросердечие. При мне были столь честны, что отдавали нам каждый раз кокосовые орехи прежде получения за оные по условию кусков железа. К рубке дров и налитию бочек водою предлагали всегда свои услуги... Общее всем островам сего океана воровство примечали мы редко. Они казались всегда довольными и веселыми. Открытые черты лица их изображали добродушие. В продолжение десятидневного нашего здесь пребывания не имели мы ни единой нужды выпалить по

ним из ружья... Все сие налагало на меня долг почитать сих диких добросердечными и добродушными людьми...»⁴⁸ Таким образом, путешественник склонен воспринимать местных островитян в рамках концепции «благородного дикаря». Однако вскоре он получил информацию, заставившую его «переменить о них свое мнение». Англичанин и француз, жившие также на острове, сообщили русским мореплавателям об обычае каннибализма, распространенном среди местных жителей. Понятно, что такое «зверское обыкновение» никак не соотносилось с образом «идеальной первобытности».

Ясно также, что изменение привычного представления должно основываться на достоверных фактах, поэтому И.Ф.Крузенештерн приводит одно за другим «верные доказательства» того, что данный обычай действительно существует на этих островах⁴⁹. Вслед за этими доказательствами путешественник переходит к выводам: «Из сего описания нукагивцев, которое покажется, может быть, невероятным, но в самом деле основано на совершенной справедливости, каждый удостоверится, что они не знают ни законов, ни правил общежития, и, будучи чужды всякого понятия о нравственности, стремятся к одному только удовлетворению своих телесных потребностей. Они не имеют ни малейших следов добрых наклонностей и, без сомнения, не людьми, но паче заслуживают быть называемы диким животными»⁵⁰. Итак, наблюдатель вынужден отказаться от своего первоначального представления. Но на смену ему тут же приходит новый образ: теперь он склонен воспринимать островитян в рамках иной модели, противоположной концепции «благородного дикаря». Если раньше их облик определялся добротой, честностью, услужливостью и доверчивостью, то теперь они описываются как жестокие, безнравственные полуживотные. Такое восприятие позволяет путешественнику тут же причислить этих островитян к другим *подобным*: «Хотя в описаниях путешествий Кука и выхваляются жители островов Товарищества, Дружественных и Сандвичевых, хотя Форстер и жарко защищает их против всякого жесткого названия, однако я... не могу иного о них быть мнения, как причис-

ляя их к тому классу, к какому господин Флерье причисляет людоедов, каковыми почитаю я всех островитян». Единственное исключение И.Ф.Крузенштерн делает для жителей островов Товарищества: «Одних их только признают вообще кроткими, неиспорченными и человеколюбивыми из всех островитян Великого океана. Они-то наиболее возбудили новых философов с восторгом проповедывать о блаженстве человеческого рода в естественном его состоянии»⁵¹. Итак, реальная картина, по представлению путешественника, такова: островитяне – дикие, жестокие полулюди-полузвери, а образ «доброго дикаря» – не что иное, как фикция, «мечтания» «восторженных» философов.

Фигура «восторженного» философа возникает здесь не случайно – противопоставление путешественников и философов было довольно широко распространено в текстах «путешествий». Полемика с философами была проникнута пафосом разоблачения умозрительных конструкций кабинетных ученых, которым противопоставляется практический опыт и реальное знание очевидцев. В «вину» философам вменяется условность и абстрактность их концепций. Однако, как показывает анализ записок путешественников, их собственные описания тоже редко выходили за рамки абстрактного, схематического восприятия. Как видно из приведенного выше фрагмента записок И.Ф.Крузенштерна, противоречия между абстрактной схемой и реальностью, подмечаемые наблюдателями, приводят не к более глубокому изучению этой реальности, а лишь к замене одной схемы на другую, столь же абстрактную⁵².

И все же, в реальности путешественник сталкивался иногда с такими фактами, которые не могли быть рационально объяснены ни одним просветительским теоретическим построением. Реальные дикари не вменялись в прокрустовы ложа просветительских моделей. Во время кругосветного плавания такая ситуация сложилась, например, при сравнении жителей Вашингтоновых и Сандвичевых островов. Проблема заключалась в том, что первые значительно превосходили вторых по степени

красоты и здоровья, но также сильно уступали им в уровне развития просвещения и в «умственных способностях»⁵³. Эта ситуация не укладывалась ни в какие рамки просветительских теорий. Как бы ни рассматривать островитян – как «благородных дикарей», ведущих естественный, здоровый образ жизни и не развращенных цивилизацией, или как «диких», неразвитых полуживотных, постепенно обретающих человеческий облик под благотворным влиянием европейцев, – все равно их полная характеристика не подпадает ни под одну из этих схем. Обе модели предусматривают соответствие внешности (телесной красоты, здоровья) уровню умственного развития (проявляющегося в уровне нравственности, развитии искусства, знаний). Полинезийцы же не соответствовали этому принципу. Разные признаки заставляли воспринимать одних и тех же людей в рамках двух противоположных моделей. Понятно, что такой расклад представлял собой неразрешимое противоречие – неразрешимое в рамках универсального просветительского мышления.

Конечно, такого рода ситуации в исследуемых материалах встречаются исключительно редко, однако, именно они расшатывали стройную просветительскую схему и заставляли путешественников искать собственные решения. Именно такие эпизоды лежали в основе эволюции просветительской парадигмы, определяя основной вектор этого процесса – от европоцентристского универсализма к утверждению идеи культурной самобытности.

¹ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для студентов ВУЗов по специальности «Психология». М., 1999. С. 209.

² Культурное пространство путешествий. СПб., 2003.

³ Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д.Н.Сенявина от 1805 по 1810 гг. Ч. III. СПб., 1819. С. 229.

⁴ Токарев С.А. Истоки этнографической науки. М., 1978. С. 113; Он же. История зарубежной этнографии. М., 1978. С. 22; Дюше М. Мир цивилизации и мир дикарей в эпоху просвещения. Основы антропологии у философов // Век Просвещения. М., 1970. С. 256.

- ⁵ Токарев С.А. Истоки... С. 118.
- ⁶ Цит. по: Там же.
- ⁷ Броневский В.Б. Указ. соч. Ч. I. СПб., 1818. С. 264-269.
- ⁸ Цит. по: Шафрановская Т.К., Комиссаров Б.Н. Материалы по этнографии Полинезии в дневнике Е.Е.Левенштерна // Советская этнография. 1980. № 6. С. 102, 104.
- ⁹ Там же. С. 104; См. также: Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Надежда» в 1803-1806 гг. М., 1950. С. 77. Примечательно, что геттингенский профессор И.Ф.Блуменбах, получив через некоторое время результаты антропологических обмеров островитян Вашингтоновых островов, установил, что они во многом совпадают с пропорциями статуи Аполлона Бельведерского (см.: Шафрановская Т.К., Комиссаров Б.Н. Указ. соч. С. 104.).
- ¹⁰ Шафрановская Т.К., Комиссаров Б.Н. Указ. соч. С. 105; Крузенштерн И.Ф. Указ. соч. С. 97.
- ¹¹ Броневский В.Б. Указ. соч. Ч. I. С. 228, 243; Крузенштерн И.Ф. Указ. соч. С. 77; Свиньин П.П. Воспоминания на флоте Павла Свиньиного. СПб., 1818. Ч. II. С. 91.
- ¹² Броневский В.Б. Указ. соч. Ч. I. С. 244-245.
- ¹³ Свиньин П.П. Указ. соч. Ч. II. С. 91; Броневский В.Б. Указ. соч. Ч. I. С. 228, 243-244; Крузенштерн И.Ф. Указ. соч. С. 77.
- ¹⁴ Шафрановская Т.К., Комиссаров Б.Н. Указ. соч. С. 102, 104; Броневский В.Б. Указ. соч. Ч. I. С. 243 и др.
- ¹⁵ Сравнивая Черногорию с Древней Грецией, В.Б.Броневский уподобляет первую полювому цветку, а вторую – «воспитанному в цветнике и в оранжерее» (Броневский В.Б. Указ. соч. Ч. I. С. 240).
- ¹⁶ Там же. С. 271.
- ¹⁷ Свиньин П.П. Указ. соч. Ч. I. С. 164.
- ¹⁸ Броневский В.Б. Указ. соч. Ч. I. С. 267, 273-275, 281; Ч. II. С. 6; Крузенштерн И.Ф. Указ. соч. С. 165, 239; Лисянский Ю.Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803-1806 гг. М., 1947. С. 82, 85.
- ¹⁹ Крузенштерн И.Ф. Указ. соч. С. 166-167; ср.: Левенштерн Е.Е. Об айнах // Советская этнография. 1985. № 1. С. 80.
- ²⁰ Броневский В.Б. Указ. соч. Ч. I. С. 273.
- ²¹ Леме Э. Рождение социальной антропологии во Франции: Ж.-Н.Деменье и изучение привычек и обычаев в XVIII в. // Век Просвещения. М., 1970. С. 226; Токарев С.А. Истоки... С. 126.
- ²² Лисянский Ю.Ф. Указ. соч. С. 183.
- ²³ Крузенштерн И.Ф. Указ. соч. С. 166, 202.
- ²⁴ Там же. С. 125.
- ²⁵ Лисянский Ю.Ф. Указ. соч. С. 100, 252.

- ²⁶ Там же. С. 114, 116, 191.
- ²⁷ *Slezkine Y.* Naturalists Versus Nations: Eighteenth-Centure Russian Scholars Confront Ethnic Diversity // *Representations*. 1994. P. 180-181.
- ²⁸ *Левеништерн Е.Е.* Указ. соч. С. 80.
- ²⁹ *Лисянский Ю.Ф.* Указ. соч. С. 245; *Крузеништерн И.Ф.* Указ. соч. С. 230.
- ³⁰ *Крузеништерн И.Ф.* Указ. соч. С. 90-91; *Лисянский Ю.Ф.* Указ. соч. С. 104.
- ³¹ *Крузеништерн И.Ф.* Указ. соч. С. 84.
- ³² *Броневский В.Б.* Указ. соч. Ч. I. С. 267.
- ³³ *Мельников Г.М.* Дневные морские записки, веденные на корабле «Уриил» во время плаванья его в Средиземном море с эскадрою под начальством вице-адмирала Д.Н.Сенявина состоявшею. Ч. I. СПб., 1872. С. 145-155. Обычай черногорцев отрезать головы врагов сильно поразил русских офицеров. Впечатления П.П.Свиньина от местных славян, наслаждающихся победой после взятия Рагузы, хорошо передают эмоциональное потрясение европейца, встретившегося с экзотикой: «Невозможно было равнодушно смотреть на Черногорцев и Бокезцев, в восторге возвращающихся домой с трофеями. Один из них одет был в женское платье, найденное им в Рагузе, на другом был Капуцинский капюшон, на третьем Сенаторская мантия и парик, а на плечах с одной стороны на крючках навешены живые гуси и куры, а с другой человеческие головы, книги, подушки и все, что только могли найти и унести с собою. Таким образом, несколько дней являлись сии странные фигуры на голых скалах Далматинских гор, пробираясь к хижинам своим с пляскою и распевая веселые песни, которые с ужасным криком гусей и уток... производили дикие отголоски! Сии победители представляли необыкновенно смешное и отвратительное зрелище» (*Свиньин П.П.* Указ. соч. Ч. I. С. 179).
- ³⁴ *Лисянский Ю.Ф.* Указ. соч. С. 252.
- ³⁵ Там же. С. 209.
- ³⁶ Там же. С. 184.
- ³⁷ Там же. С. 184.
- ³⁸ *Slezkine Y.* Op. cit. P. 182.
- ³⁹ *Крузеништерн И.Ф.* Указ. соч. С. 83.
- ⁴⁰ *Броневский В.Б.* Указ. соч. Ч. I. С. 283; *Лисянский Ю.Ф.* Указ. соч. С. 156, 172, 200, 204, 214. Сравни описание досуга крымских татар П.Палласом: «Сидя подряд несколько часов на скамейке в тени дерева или на холме с трубкой в руке, даже пустой, они смотрят без малейшего участия на лежащие перед ними красоты природы, на-

долго останавливают свою работу и даже вовсе ее прекращают, лишь только смогут» (*Паллас П.С.* Наблюдения сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793–1794 гг. М., 1999. С. 153).

⁴¹ *Броневский В.Б.* Указ. соч. Ч. I. С. 249.

⁴² *Крузенштерн И.Ф.* Указ. соч. С. 66.

⁴³ Там же. С. 88.

⁴⁴ *Лисянский Ю.Ф.* Указ. соч. С. 132.

⁴⁵ *Броневский В.Б.* Указ. соч. Ч. III. С. 9; *Лисянский Ю.Ф.* Указ. соч. С. 186.

⁴⁶ *Свиньин П.П.* Указ. соч. Ч. III. С. 75.

⁴⁷ Там же. Ч. I. С. 209; см. также: *Броневский В.Б.* Указ. соч. Ч. II. С. 242.

⁴⁸ *Крузенштерн И.Ф.* Указ. соч. С. 89.

⁴⁹ Там же. С. 90.

⁵⁰ Там же. С. 91.

⁵¹ Там же.

⁵² Такой механизм восприятия был широко распространен среди путешественников. Другими примерами могут быть: восприятие Китая обоими капитанами – И.Ф.Крузенштерном и Ю.Ф.Лисянским: полемизируя с идеальным образом Китая, они утверждают иное представление о нем как о бедной, неразвитой, непросвещенной стране с плохими законами и бездарными правителями (*Крузенштерн И.Ф.* Указ. соч. С. 259-260; *Лисянский Ю.Ф.* Указ. соч. С. 250-252) и восприятие В.Б.Броневским турок: отвергая представление о турках как о жестоких варварах, он изображает их – вполне в соответствии с концепцией «доброго дикаря» исполненными таких добродетелей, «которые могли бы украсить и самые просвещенные народы» (*Броневский В.Б.* Указ. соч. Ч. III. С. 147-148).

⁵³ *Крузенштерн И.Ф.* Указ. соч. С. 97.

БОРЬБА РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ С ТУРЕЦКОЙ ПРОПАГАНДОЙ СРЕДИ МУСУЛЬМАН СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (вторая половина XIX в.)

Проблема, затрагиваемая в статье, является актуальной по целому ряду причин. Во-первых, в связи с усилением влияния радикальных сил в мусульманском мире, в том числе и России. Во-вторых, в ряде регионов современной России с большой численностью населения, исповедующего ислам, довольно остро стоит вопрос восприятия мусульманами современной пропаганды идей панисламизма и пантюркизма из-за рубежа. Подобное положение подогревается и неразрешенностью чеченской проблемы, что порождает очень настороженное отношение населения России ко всем российским мусульманам. Подобные проблемы существовали в Российской империи и во второй половине XIX в. Наша задача состоит в рассмотрении восприятия мусульманами Среднего Поволжья пропагандистских идей, исходящих из Османской империи и направленных на магометан всех российских регионов. Это наиболее важно вследствие максимальной приближенности мусульманского анклава Среднего Поволжья к центру России.

Регулированием взаимоотношений духовной и светской власти занимался в Поволжье мусульманский комитет департамента духовных дел иностранных исповеданий и Оренбургское духовное магометанское правление с центром в городе Уфа. К нему были приписаны мусульмане Поволжья¹. Оренбургское духовное магометанское правление законодательно оформилось 22 сентября 1788 года². До этого не существовало какого-либо духовного органа, управлявшего мусульманами в России. Все издававшиеся законы имели запретительный характер. Во-первых, они были направлены на недопущение перекрещивания православных в мусульман (за что полагалась

смертная казнь), во-вторых, на ограждение православного населения от влияния исламского духовенства в местах компактного проживания³.

На протяжении первой половины XIX в., для предотвращения внешнего влияния, российские власти всячески регламентировали деятельность мусульманского духовенства на территории страны⁴. Официальная организация для мусульман была определена Уставом духовных дел иностранных исповеданий, принятом в 1857 году. Предусматривалось организовать управление в Оренбургском духовном собрании в составе муфтия (председательствующий) и трех членов (ахунов). Кандидат на место муфтия избирался мусульманским обществом и один из них по представлению министра МВД утверждался императором. Муфтий и ахуны должны были быть лично свободными и освобождались от рекрутской повинности и телесных наказаний за преступления⁵. Следующий Устав департамента духовных дел иностранных исповеданий, принятый в 1896 году, оставил управление мусульманами без изменений⁶.

Российские власти опасались усиления влияния мусульманского духовенства на население, исповедующее ислам, и пропаганды радикальных идей, что могло привести к росту сепаратистских настроений в обществе и усилению тенденций воссоединения со своими единоверцами в странах, где ислам был господствующей религией. Прежде всего имелась в виду Османская империя, отношения с которой оставляли желать лучшего на протяжении всего XIX века. Опасность была реальной, так как из анклавов, населенных мусульманами в Поволжье, поступала информация о появлении там агитаторов за переселение в Османскую империю. Как правило, это были люди, которые возвратились с хаджа⁷. Также распространение получила такая форма, как переписка мусульман, ранее проживавших в Российской империи, которые не захотели или не смогли вернуться с хаджа, со своими единоверцами в России с предложениями переехать в Османскую империю. Обычно говорилось о сказочной жизни в Османской империи и заботах о материальных нуждах переселенцев. Типичным образцом мо-

жет служить письмо татарина-невозвращенца из Саратовской губернии: каждого прибывшего в Османскую империю встретят подводы, на которых их отправят в дома-казармы и будут давать кормовых по 15 копеек⁸. Такая пропаганда имела большую эффективность, так как подпитывалась слухами о готовящемся массовом насильственном перекрещивании мусульман Поволжья в православие⁹. Подобные слухи поддерживали, как правило, муллы, а в пропаганде за переселение активно участвовали турецкие власти через своих агентов¹⁰.

Другой стороной подобной пропаганды и слухов явились массовые случаи перехода крещеных татар в мусульманскую веру. По законам того времени для этого необходимо было подать прошение в МВД. Во второй половине XIX века таких прошений набралось большое количество. Особенно много их было из Казанской, Самарской и Саратовской губерний. Так, в 1866 году только в Казанской губернии из православия в мусульманство перешли около 4 тысячи человек¹¹. Все эти действия заставляли правительство России искать выходы из создавшегося положения и, прежде всего, выяснить причины такой ситуации. МВД и Синод разослали письма губернским властям, архиепископам и митрополитам поволжского региона с целью разобраться с причинами усиления турецкой пропаганды и, в связи с этим, массовым переходом крещеных татар в магометанство, а также выработать эффективные меры противодействия подобным явлениям.

Если обобщить всю информацию с мест, пришедшую в центральные органы, то чаще всего назывались следующие причины.

Во-первых, нарушение правил строительства мусульманских мечетей. По существующему закону одна мечеть должна приходиться на 200 душ мужского пола. Необходимо было также решение общества, которое намеревалось составить новый приход, на их согласие, наличие необходимых средств на строительство и содержание мечети и духовенства, а также согласие руководства соответствующих губерний и мусульманского духовного начальства¹².

В Поволжье же (особенно в Казанской губернии) на 1866 год в списках населенных пунктов числилось 244 незаконно существующие мечети¹³. В татарской слободе города Казани построили 12 мечетей (практически через улицу)¹⁴. Это было связано с тем, что мечети строились при наличии десяти, пятнадцати, двадцати лиц мужского пола и самовольно. Поэтому на одно селение приходилось несколько мечетей. Это относилось только к соборным мечетям с минаретами. Количество же простых пятивременных (без минаретов, фактически молитвенных домов) было намного больше, к тому же они оставались незаметными. В то время как православных церквей в Казанской губернии насчитывалось одна на несколько сел, что в среднем составляло 1 церковь на 1,5 тысячи душ мужского пола, а в ряде мест и на 1800 душ.

В середине 60-х гг. XIX века в Казанской губернии православное население насчитывало 1180538 душ, из них мужчин – 585170 человек. Мусульманское население составляло в те же годы 447476 душ, из них мужчин 220196 человек. Церквей в губернии числилось 485, а мечетей – 710¹⁵. Большое количество мечетей давало возможность муллам открывать больше медресе. В итоге грамотность среди татарского, мусульманского населения была выше, чем у православного. Для татарских школ при типографии Казанского университета печатались часто даже на казенные средства учебные книги и Коран на арабском языке. Для русского населения такого не предусматривалось. В результате мусульманское духовенство имело больше возможностей не только для оборонительной, но и наступательной пропаганды и русское население тянулось к ним, как более грамотным по многим вопросам¹⁶.

Во-вторых, активная пропаганда со стороны мулл¹⁷. Они обходили деревни и уверяли, что крещеным татарам разрешен переход в магометанство и в верхних эшелонах власти готовится указ о свободе вероисповедания.

В-третьих, принятие татарами крещения по принуждению, либо для пользования льготами, которые дает правительство. Кроме того, нередко крещеные татары жили в одних селениях

с татарами-мусульманами. Часто в таких селах отсутствовали церкви, но были мечети¹⁸. Крещенные татары нередко не знали русского языка, а немногочисленное православное духовенство в регионе не знало татарского языка, относилось к вновь крещеным татарам сугубо официально, а нередко и пренебрежительно. За выполнение православных треб священники требовали значительного материального вознаграждения, а крещенные татары выполняли их больше из страха наказания. Детей крещеных татар за отсутствием православных школ обучало мусульманское духовенство, естественно, в духе исламского учения¹⁹.

Крещенные татары не знали догматов христианского учения, русского языка, многие не имели православных приходов ближе, чем за 40-50 верст. Поэтому церкви они не посещали, а, нередко, будучи крещеными, шли в мечеть, которая располагалась ближе церкви, где догматы ислама разъяснялись муллами²⁰.

Русские, православные простолюдины пренебрежительно смотрели на крещеных татар, называли их «крещеник» или «крещенка», а иногда и «крещенка лопатка». Наоборот, мусульмане обращались с крещеными татарами на равных. Это обстоятельство подталкивало последних к исламской вере²¹.

В-четвертых, уклад жизни крещеного татарского населения был в бытовом смысле схож с мусульманским.

Все эти причины указывают на формальное отношение местных властей и православного духовенства на вопросы крещения иноверцев. Основное внимание уделялось лишь количественным показателям, что порождало упрощенное восприятие мусульман и их проблем в регионе. После достижения в своих уездах определенного числа перекрещенных интерес к ним снижался. Мусульманское же духовенство продолжало активно вести работу и с крещеными в православие татарами, а, нередко, и усиливало ее. Этим незамедлительно воспользовались мусульманские пропагандисты, направляемые из Османской империи.

В таких условиях возрастала опасность роста популярности идей панисламизма, которую чрезвычайно опасались в Российской империи ввиду непростых, а нередко и враждебных отношений с Османской империей. МВД, с привлечением высшего мусульманского духовенства (оно было лояльно властям, так как получило массу привилегий, широкую власть над единоверцами и высокое денежное содержание) и властей регионов, населенных по преимуществу мусульманами, выработало целый ряд мер по усилению контроля над населением, исповедующим ислам, и, прежде всего, над низшим мусульманским духовенством в Поволжье.

Прежде всего, предусматривалось строгое соблюдение положения о строительстве мусульманских мечетей при числе душ мужского пола не менее чем 200 человек. Также запрещали строительство мечетей и возобновление старых в местностях, где живут крещеные татары, особенно если там нет православных храмов. Запрещалось строительство мечетей в центрах городов и на торговых площадях. Разрешение на строительство мечетей мусульманскому обществу стало выдавать гражданское начальство по согласованию с епархиальным. Мечети, поставленные с нарушением правил, признавались несамостоятельными. Такие мечети либо присоединялись к большим приходам, либо на их поддержание не позволялось выделять средства, вследствие чего они приходили в ветхость²².

Особо оговаривались требования к муллам и их числу при мечетях. Требовалось, чтобы они были только при самостоятельных мечетях из расчета один мулла на 200-1500 душ мужского пола. Муллы должны быть не моложе 22 лет (желательно 28-30), с уровнем образования не ниже гимназического²³. Для крещеных татар предусматривалась организация богослужения на татарском языке, воспрещалось брать с крещеных татар плату за требы и, одновременно, включалось требование в приговоры мусульманских обществ назначать жалование учителям русского языка в мектебах при мечетях. В районах, удаленных от православных приходов, где проживали креще-

ные татары, направляли священников с походной церковью для совершения христианских треб бесплатно²⁴.

Особое внимание уделялось подбору высшего мусульманского духовенства и, прежде всего, муфтия. Оренбургскому духовному магометанскому правлению с центром в городе Уфа подчинялись мусульмане Поволжья и Башкирии, которые доставляли наибольшее беспокойство. Поэтому главное требование к оренбургскому муфтию являлось – преданность центральным властям и проводимой им политики. К претендентам на пост муфтия выдвигались также следующие требования: быть российским подданным, знать русский и арабский языки, на высоком уровне разбираться в догматах веры, быть не моложе 30 лет и иметь образовательный ценз не ниже гимназии. Из всех кандидатов отбирались два человека, кандидатуры которых направлялись в МВД. Там отбирали одного, назначение которого должен был утвердить император. Во второй половине XIX века муфтием Оренбургского духовного магометанского правления был избран Тевкелев Салим Гирей Шангиреевич. В состав Оренбургского магометанского собрания назначался человек от правительства из русских чиновников, которые обязаны были участвовать во всех собраниях, как в духовных, так и в гражданских делах, наблюдать за соблюдением отчетности делопроизводства. В отношении мулл предусматривалось их умение читать и писать на русском языке, прежде всего, для ведения метрических книг²⁵.

На особом контроле у российских властей стояли вопросы паломничества российских мусульман в Мекку. МВД и департамент духовных дел иностранных исповеданий не без оснований считали, что из числа паломников турецкими властями вербуются люди для пропаганды идей панисламизма, радикального ислама и переселения в Османскую империю. Эти сведения подтвердило российское посольство в Константинополе в секретной записке в Министерство иностранных дел в ноябре 1874 года²⁶.

Чиновники МВД, департамента духовных дел иностранных исповеданий, члены российского посольства в Константинопо-

ле предложили ряд мер по упорядочению паломничества в Мекку и максимального ограждения российских мусульман от их единоверцев в Османской империи и, нередко, фанатично настроенных. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов хадж был запрещен. Хадж восстановили с 1879 года частично, с 1881 года – полностью. Хадж разрешили при соблюдении следующих условий: наличие основного капитала от 20 золотников золота или 140 золотников серебра; личная свобода самого паломника; отсутствие денежных долгов и умственных расстройств²⁷.

С ноября 1890 года ужесточились меры по выдаче загранпаспортов. Они предусматривали: выдачу загранпаспортов не волостными правлениями, а губернской канцелярией с точным описанием примет человека и восстановлением залога в 20 рублей с мусульман при выдаче им загранпаспорта; все паломники – российские мусульмане обязаны были явиться к консулу России в Константинополе для их регистрации. Российские губернаторы, которые имели значительные мусульманские анклавы на своих территориях, обязаны были два раза в год сообщать в Константинополь обо всех выданных загранпаспортах мусульманам. Ввели жесткие правила проживания российских мусульман в Константинополе²⁸. Наконец, в декабре 1900 года принимается решение по введению паломнических книжек на шесть месяцев, без которых паломничество не допускалось, также определялись маршруты, только по которым разрешалось паломничество. Особенность их состояла в том, что обслуживать маршруты должны были только Русское общество пароходства и торговли на Черном море и Общество добровольного флота²⁹.

Было внесено предложение об устройстве в Константинополе теккэ (путевого дома или караван-сарая) с мечетью и всеми необходимыми принадлежностями для совершения ежедневных молитв. Создание теккэ могло решить две задачи: резкое уменьшение контактов российских мусульман с турецкими, среди которых сильны идеи панисламизма и мусульманского фанатизма, и постоянный контроль со стороны россий-

ского консула и посольства. Главный минус создания теккэ виделся в возможном сосредоточении враждебной религиозно-политической пропаганды в одном месте. Контроль над такой пропагандой был крайне затруднителен, так как она велась в устной форме³⁰.

Благодаря принятым мерам к концу XIX века вопросы паломничества в Мекку удалось наладить. Практически прекратилось движение за переселение в Османскую империю. Люди, не имеющие достаточных средств на совершение хаджа и остававшиеся поэтому в турецких землях, не получали разрешение на паломничество. Вследствие почти постоянно свирепствующих в Аравии эпидемий (чумы и холеры) паломничество по сухопутным путям запрещалось, а разрешалось лишь на пароходах морем. Это давало возможность взять под контроль всех паломников из России.

Последней причиной, вызвавшей массовые волнения поволжских мусульман, стало введение всеобщей воинской повинности в 1874 году. После ее введения мусульманскому населению не были даны никакие разъяснения. В итоге среди них поползли слухи, что после прохождения воинской повинности татары и башкиры окажутся на положении крестьян, у них отберут землю, которой они владеют на правах вотчинников, в казну³¹.

Известие об отбывании воинской повинности еще больше вызвало брожение умов мусульман Поволжья и Башкирии, так как до этого они платили денежный взнос вместо прохождения рекрутчины и считали, что такой порядок сохранится и после введения всеобщей воинской повинности. Следствием стал отказ выдавать метрические книги под любым предлогом для определения возраста юношей-мусульман. Только вмешательство высшего мусульманского духовенства во главе с муфтием и их разъяснения разрядили ситуацию³².

Одновременно азиатский департамент МВД составил особую форму военной присяги для мусульман с учетом требований Корана и мусульманского права, так как содержание мусульманских законов дает возможность произвольно истолко-

вывать смысл всех постановлений, особенно если они налагают на них обязательства по отношению к христианам. Слово «должен» стало предшествовать клятве, как и положено по мусульманским законам, а словосочетание «законный Государь» заменено на «истинный» (у мусульман законным является только то, что исходит по праву халифатства³³). Все эти особенности были учтены специалистами по исламу и перекрыли возможность использовать расхождения в гражданском и мусульманском праве для уклонения от воинской службы.

В конце 70-х годов XIX века представители татарской знати выдвинули свои требования к властям Российской империи. Они обобщили предложения мусульманских крестьянских общин Поволжья и Башкирии и направили их в МВД. Многие из них сформировались в результате пропаганды Османской империи. Основными требованиями мусульман были следующие: раздел наследственного имущества мусульман должен осуществлять имамат по законам шариата без участия светских властей; освободить медресе и все мусульманские школы из ведения министерства народного образования и не считать русский язык обязательным для них; предоставить освобождение от воинской повинности учащимся мусульманских школ; предоставить право мусульманам-русскоподданным самим выбирать себе муфтия; выборы заседателей магометанского духовного собрания проводить одинаково по всем губерниям; прибавить жалование заседателям магометанского духовного собрания; сделать пятницу выходным для мусульман³⁴.

Все эти требования остались без удовлетворения и ответа. Главная причина отказа, по мнению правительства, состояла в том, что любая уступка породит в мусульманах желание не подчиняться властям, так как они почувствуют их слабость. Впоследствии мусульманские наказания повторяли в той или иной степени вышеизложенные, которые превратились в плохо управляемый поток после издания указа о веротерпимости 17 апреля 1905 года.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что в отношениях между духовной мусульман-

ской и светской властью в Поволжском регионе существовали значительные трения. Верховная российская власть медленно, но верно проводила политику ассимиляции нерусского населения. В отношении к мусульманской вере не проводилось насильственных мер по перекрещиванию, но строго следили за нераспространением ислама на новые слои населения и пресекались всякие контакты с зарубежными мусульманами.

Однако, контроль над внутренней жизнью региона, на уровне уездов и волостей, был формальным, что и породило нежелательные для властей тенденции. Они, в свою очередь, подогревались низшим мусульманским духовенством, видевшем в российских властях определенную сдерживающую силу для их влияния на свою паству. Простое мусульманское население опасалось лишь покушения на их стабильное состояние, не претендуя на большее. Многие же представители мусульманского духовенства стремились расширить сферу своего влияния за счет, прежде всего, крещеных татар. Активную позицию занимало в этом вопросе Османская империя, которая через поволжских мусульман, в основном совершивших хадж, оказывала активное воздействие на умы местных приверженцев ислама. Именно в этом и состоял основной конфликт между властью и мусульманским духовенством в Поволжье второй половины XIX века. В таком состоянии подобное восприятие перешло в век XX.

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8, 133, 150; Ф. 1022. Оп. 1.

² Свод законов Российской империи. Т. XI, ч. 1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1857. Статьи 1141-1142 (Далее – СЗРИ); Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. Пг., 1917. С. 3. Остальные мусульмане Российской империи управлялись: в Таврической губернии и Западном крае – Таврическим магометанским духовным управлением; на Северном Кавказе (в Кубанской и Терской областях) – кадиями и муллами, надзор за которыми был возложен на местную гражданскую администрацию и командующего войсками Кавказского военного округа. Подобное же управление было в Ахмолинской, Семиреченской, Семипалатинской, Тургайской и Уральской областях.

- ³ Полное собрание законов Российской империи. Т. I. Ст. 109; Т. VIII. Ст. 53333. П. 19; Т. XI. Ст. 8664; Т. XIV. Ст. 10597; и др. (Далее – ПСЗРИ). На протяжении первой половины XIX века российские власти всячески регламентировали деятельность мусульманского духовенства на территории страны. (ПСЗРИ. Т. XXIX. Ст. 24839; Т. XXXIV. Ст. 27106).
- ⁴ ПСЗРИ (тома с 1825 по 1880 год). Т. IV. Ст. 5033; Т. X. Ст. 8663, 8669; Т. XI. Ст. 8780, 8881; Т. XII. Ст. 9285а; 10303. П. 90; Т. XV. Ст. 13304; Т. XXV. Ст. 23932 и др.
- ⁵ СЗРИ. Т. XI, ч. 1. Уставы департамента духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1857. Статьи 1228, 1231, 1235, 1236.
- ⁶ СЗРИ. Т. XI, ч. 1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1896. Таковым оно оставалось до марта 1917 года.
- ⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1174. Л. 3.
- ⁸ Там же. Д. 754. Л. 3 об.
- ⁹ Там же. Л. 4-4об; 86-87.
- ¹⁰ Там же. Д. 743. Л. 100 об.
- ¹¹ Там же. Л. 22.
- ¹² СЗРИ. Т. XII, ч. 4. Книга II. Свод Уставов строительных. Гл. II: О постройке церквей иноверческих и мечетей. СПб., 1836. Ст. 683, 685. Фактически дублирует его: СЗРИ. Т. XII, ч. 1. Устав строительный. Гл. V: О постройке магометанских мечетей. СПб., 1900. Ст. 155.
- ¹³ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 743. Л. 19.
- ¹⁴ Там же. Л. 27.
- ¹⁵ Там же. Л. 19 об.-21.
- ¹⁶ Там же. Л. 21 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 45.
- ¹⁸ Там же. Л. 71 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 70-71 об.
- ²⁰ Там же. Л. 81, 89, 91.
- ²¹ Там же. Л. 96.
- ²² Там же. Л. 27-28.
- ²³ Там же. Л. 28 об.
- ²⁴ Там же. Л. 45, 58, 63.
- ²⁵ Там же. Д. 611. Л. 10-10 об.
- ²⁶ Там же. Д. 1174. Л. 17.
- ²⁷ Там же. Л. 87.
- ²⁸ Там же. Л. 119-120; Д. 754. Л. 12 об.-15.
- ²⁹ Там же. Д. 1174. Л. 72, 240 об.

- ³⁰ Там же. Л. 17-19 об., 45. Предложение о постройке теккэ было отклонено министром внутренних дел А.Е.Тимашевым в 1876 году.
- ³¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 754. Л. 40 об.
- ³² Там же. Л. 56 об.-57.
- ³³ Там же. Д. 1152. Л. 20 об., 30.
- ³⁴ Там же. Д. 754. Л. 123 об.-124 об.

АКТУАЛИЗАЦИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ: АМЕРИКАНСКАЯ ТЕМА НА СТРАНИЦАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ГАЗЕТ РОССИИ (1863–1867 гг.)

Изучение внешнеполитических образов – плодотворное направление гуманитарного знания, но в то же время необычайно трудоемкое и многомерное исследование. Для выявления и теоретического осмысления межнациональных представлений необходимо обследовать значительный массив источников, а также учесть пространственно-временные условия возникновения и циркуляции образов другой страны (народа, социальной группы, исторической личности и пр.). Задача многократно усложняется при рассмотрении стереотипов общественного сознания, так как в данном случае исследователи основываются на изучении образного ряда, транслируемого источниками массовой информации.

В эпоху, предшествовавшую электронным средствам коммуникации, печатное слово являлось основным каналом распространения сведений и идей в общественной среде. При достаточно высоком уровне развития публичной жизни пресса была представлена широким спектром изданий – от книг до газет. В таком случае встает интересная исследовательская проблема определения специфики представления внешнеполитического образа в каждом виде исторического источника – не периодических изданиях, альманахах, журналах, еженедельниках, ежедневных листках.

Однако ее решение для начальных (и основополагающих) этапов формирования общественного мнения в России и, соответственно, внешнеполитических стереотипов, утверждавшихся в нем, наталкивается на ряд трудностей. Дело в том, что практически за каждым печатным органом XIX века стояла конкретная яркая личность, в отношении которой можно ска-

зять, что она не транслировала общественные стереотипы, а продуцировала собственные. В результате образы других стран и народов становятся лично идентифицируемыми, уникальными, – в нашем примере, представлениями об Америке А.Лакиера, Н.Чернышевского, Э.Циммермана, а позднее М.Горького, В.Маяковского и др. Между тем внешнеполитические представления как феномен общественного сознания – это симбиоз множества мнений, суждений, оценок. Причем окончательный этнический образ не является суммой индивидуальных точек зрения, а усредненным нивелированным стереотипом, существующим в массовом сознании по собственным законам, один из которых можно определить как актуальность представлений о другой стране. Общественное мнение – это динамичная интеллектуально-чувственная среда, объект внешнеполитического восприятия должен постоянно находиться в поле зрения общественности для того, чтобы сохранить свое место в сознании каждого нового поколения.

Действительно, образ Америки присутствовал в общественной мысли России первой половины XIX века, но преимущественно, как социокультурное пространство, как набор символов (Новый Свет, Земля Обетованная, янки, кавалеры-южане, американский национальный характер и др.)¹. Изучение восприятия США нашими соотечественниками приводит к выводу о статичности этнического образа. Сложившиеся представления слабо коррелировались с реальностью, переходили в область мифологии, фольклора, с одной стороны, и в сферу теоретических схем и абстракций – с другой. Между тем внешнеполитические представления предполагают, помимо этнографической, социально-политическую составляющую, связанную с современным состоянием объекта восприятия и, как следствие, нуждающуюся в постоянной информационной подпитке и обновлении.

В России исторически сложилось так, что в пред- и пореформенную эпохи «толстые» журналы являлись органами формирования и выражения мнения образованной публики (что связано с замкнутостью, малочисленностью, а также интеллек-

туальной элитарностью русской интеллигенции). Представленные в них материалы об Америке (путешествия, аналитические обзоры, библиография и пр.) как бы находились вне времени, могли прийти к читателю и через год-два после написания, ибо обсуждали вечные вопросы – о природе и человеке, о рабстве и гуманизме, о свободе и равенстве, о государстве и личности. В такой трактовке публикации о США выполняли дидактическую и идеологическую функции. Иначе говоря, с подачи «серьезных» отечественных журналов американские образы в русском общественном мнении страдали отсутствием современности, сопричастности читателя текущим событиям за океаном.

Вспыхнувшая в США гражданская война (1861-1865) несколько изменила ситуацию – появилось больше информации, что стимулировало и питало интерес российской публики к Америке². Однако из сводок с поля боя и статистических таблиц не рождаются стереотипы сознания. Общественное мнение оперирует суждениями, мифами, образами, представлениями, выраженными в эмоционально-оценочной форме. «Толстые» журналы, известные фундаментальными публикациями и литературными достоинствами, заметно отставали от быстро меняющейся действительности, отечественные ежедневные издания принципиально не комментировали текущие события. В России, начиная с петровских «Курантов», газета – это источник информации, преимущественно официальной, ведомственной или придворной. То есть по своей концепции ежедневные листки не излагали мнения, а лишь сообщали факты, сведения, новости. Некоторые из них помещали статьи на американскую тему, по формату, стилистике, тематике не отличавшиеся от журнальных. В таком виде газеты не играли качественно отличной роли при складывании внешнеполитических стереотипов российской общественности.

Между тем в Западной Европе функцию трансляции в общественную среду современной информации с ее одновременной интерпретацией выполняли именно ежедневные газеты.

Нужно было дожидаться 1863-го года, чтобы в России появились их отечественные аналоги.

Два удачливых издателя, но заурядных публициста, М.Н.Катков (1818–1887) и А.А.Краевский (1810–1889), владельцы известных литературно-политических журналов умеренно-либерального толка, «Русского вестника» и «Отечественных записок», решили попробовать себя в газетном деле нового образца – прибыльном и популярном³. В январе 1863 года один из них возглавил национального долгожителя, «Московские ведомости», второй основал собственный «Голос»⁴.

Давно занимаясь издательским делом, они раньше других почувствовали изменение рыночной конъюнктуры, рост социальной активности, появление новых запросов читательской аудитории. И Катков, и Краевский были солидарны в том, что «в России труднее составляться общественному мнению, чем в другой стране, хотя в ней есть все элементы для здравого общественного мнения; еще труднее этому мнению найти соответствующее выражение»⁵. Они одновременно взялись за издание политических⁶ ежедневных газет с целью «верно и добросовестно служить общественному мнению, доставляя ему все нужные сведения, возбуждая его энергию и способствуя правильности его суждений»⁷. Итак, перед нами издания, взявшие на себя «скромную» функцию выражения общественных настроений. Тем не менее, в 1863–1870 годах они являлись самыми авторитетными общественно-политическими органами печати двух столиц⁸.

В результате исследования американских публикаций «Голоса» и «Московских ведомостей» удалось установить, что эти издания являлись почти идеальными медиаторами, воспроизводящими оригинальное общественное мнение о США или, в всяком случае, реагирующими в соответствии с ним⁹.

Во-первых, американская проблематика не имела для их редакторов принципиального значения, как, к примеру, для лидеров демократического лагеря. Для Н.Добролюбова, А.Герцена, Н.Шелгунова, М.Михайлова обращение к Америке было

поводом и способом изложения символов веры (демократия, республика, свобода, самоуправление, антикрепостническая пропаганда и пр.). Для наших героев далекая заокеанская страна имела третьестепенное значение¹⁰. «Голос» направил все свое красноречие против наполеоновской Франции, «Московские ведомости» сосредоточили основные усилия на выявления всемирного пропольского заговора¹¹. Поэтому в их восприятии Нового Света меньше концептуальной твердости, априорности суждений, как и схематизма, и догматизма. В американских сюжетах М.Н.Катков и А.А.Краевский шли вслед за конкретными событиями за океаном, их позиция колебалась в соответствии с изменением отношения российской общественности к происходящему в США.

Во-вторых, трудно однозначно ответить на вопрос, имели ли Катков и Краевский какое-либо собственное мнение о заокеанской республике. Одно несомненно – они давно и неоднократно соприкасались с американской тематикой. Еще в молодости М.Н.Катков по заказу Краевского перевел для «Отечественных записок» роман Ф.Купера «Онтарио» (1840 г.). А.А.Краевский же сотрудничал в «Отечественных записках», а потом и выкупил их (в 1838 г.) у Павла Свиньина, известного путешественника по США¹². В «Русском вестнике» и «Отечественных записках» печаталось довольно много рассказов русских и английских туристов¹³. Анализ оригинальных статей Каткова и Краевского об Америке не выявил особой личной позиции авторов, более того, можно сказать, что и глубокого понимания заокеанской действительности у них не было. Например, «Голос» с огромным упорством проводил мысль о наполеоновском честолюбии А.Линкольна (идею, почерпнутую из французской периодики). В статьях М.Н.Каткова можно было встретить такие высказывания: «Самарская губерния стоит к центральным губерниям почти в таком же отношении, в каком стоят в Северной Америке так называемые территории к штатам»¹⁴ или «положение небогатого белого на Юге лучше, чем на Севере, и потому демократические крайности на Юге не так заметны, как на Севере»¹⁵.

Примечательно, что в своих «толстых» журналах наши герои находились в положении коммерческих директоров, издателей, считались некомпетентными для написания «серьезных» (то есть наукоемких или теоретических) статей по внешней и внутренней политике¹⁶. Ежедневно издаваемая газета не требовала от авторов титанических интеллектуальных усилий, но актуальности, оперативности, эмоциональной выразительности, полемического задора. Передовые статьи и М.Н.Катков¹⁷, и А.А.Краевский¹⁸ писали лично, по вдохновению, под непосредственным впечатлением дня. В результате мы располагаем оригинальными отечественными откликами об Америке, так сказать, из первых рук¹⁹.

При этом газеты отражали особенности общественного мнения двух городов. Петербург являлся европейской столицей, «Голос» считался космополитической газетой, активно интересовавшейся международными отношениями²⁰. Москва же признавалась национальным центром страны, а «Московские ведомости» претендовали на лидерство в т.н. патриотической, ультра-русской партии, поэтому собственно внешняя политика мало привлекала внимание М.Н.Каткова²¹. Обзоры океанских событий он часто заполнял анализом высказываний об Америке европейских газет, но при этом старался прибавить что-нибудь от себя.

Таким образом, в лице «Голоса» и «Московских ведомостей» мы имеем органы общественного мнения, призванные выразить его и удовлетворить его потребности в современной информации о внешнем мире. Ежедневные газеты начали погоню за свежими новостями. С этой целью Катков изменил режим выпуска «ведомостей», сделав их вечерней газетой²². Все же в плане оперативности московская газета несколько отставала от петербургской²³.

Итак, с точки зрения информативности, оперативности, современности публикуемых материалов, а также способа их подачи политические ежедневные газеты следует признать оптимальным историческим источником для исследования пред-

ставлений об Америке и американцах российской общественности пореформенной эпохи.

Не менее, если не более, важным является выяснение условий, при которых далекая и, в общем-то, малопонятная страна оказывалась объектом внимания наших соотечественников, читателей «Голоса» и «Московских ведомостей». По утверждению А.А.Краевского, «мы, обитатели Старого света, во многих случаях решительно не в состоянии видеть в истинном свете события, совершающиеся у наших антиподов... Самая отдаленность театра борьбы значительно ослабляет интерес, который возбуждают в нас в гораздо сильнейшей степени события, хотя далеко не столь важные, но более близкие нам и собственным нашим интересам»²⁴. Таким образом, действительно актуальными, значимыми для общественных кругов могли быть американские сюжеты либо первостепенной важности, производящие ошеломляющее впечатление на русских современников, либо непосредственно связанные с Россией.

Указанным требованиям отвечает относительно немного событий изучаемой эпохи. Хронологически первое место занимала гражданская война в США, которую «Голос» и «Московские ведомости» освещали с января 1863-го по май 1865-го года. Из конкретных событий в этот период выделяются визит русских эскадр в США (осень 1863 г.) и убийство президента А.Линкольна (апрель 1865 г.). Отреагировали газеты на прибытие в Россию летом 1866 года делегации Г.Фокса с посланием конгресса в адрес Александра II, избежавшего смерти от руки террориста. Последним значительным инцидентом, получившим резонанс в прессе, стала продажа Аляски в 1867 году. После утраты Русской Америки, болезненно воспринятой российской публикой, публикации о США становятся единичными или вовсе исчезают с полос «Московских ведомостей» и «Голоса»²⁵. Хотя перечисленные события немногочисленны, они объединили собой гигантское колебание кривой эмоционально-оценочного восприятия американцев русскими – от вежливой симпатии через демонстративное дружелюбие к подозрительности и индифферентности.

Таким образом, в относительно короткий период – с 1863 по 1867 год – произошла актуализация американских представлений русской публики, обусловленная как объективными обще- и конкретно-историческими причинами (развитием двусторонних отношений, гражданской войной в США, всплеском общественной активности в пореформенную эпоху и пр.), так и усилиями повременных изданий нового образца.

Попытаемся охарактеризовать политические газеты пореформенной России как источник формирования и выражения общественного мнения о США.

Прежде всего, где в газете читатель мог найти информацию об Америке и американцах? Чаще в виде цитат из европейских газет в рубрике «новости заграничные». Однако гораздо большее влияние на восприятие подписчиков оказывали передовые, т.н. «горячие» статьи. По утверждению Каткова, «передовые статьи (leading articles, что наши знатоки английского языка перевели выражением *руководящие* статьи) сделались необходимой принадлежностью наших журналов, и нельзя уже ограничиваться пересказыванием и переименованием прений иностранных палат и журналов...»²⁶ Передовицы явились новым словом в отечественной журналистике, отражали мнение редакции по злободневным вопросам текущего момента. У того же Каткова стало обычаем писать по две заглавные статьи в номер: по проблемам внутренней политики и международных отношений. В случае цензурных проблем с передовицей, американские материалы появлялись в т.н. «задних» статьях на последней странице в форме познавательных историй о тамошних нравах, технических изобретениях янки, о российских владениях за океаном. В случае важности американской темы непосредственно для России и ее жителей, упоминания о США встречались в рубрике «фельетон» при пересказе городских толков²⁷.

Ни «Голос», ни «Московские ведомости» не имели собственных корреспондентов по ту сторону Атлантики, следовательно, получали сведения из третьих рук: от телеграфного агентства Рейтера из Лондона и из европейской печати.

М.Н.Катков прекрасно владел тремя европейскими языками, однако предпочитал немецкие издания «Кельнская газета», «National Zeitung», «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», из франкоязычных «Nord» и «Independance belge», субсидируемые российским правительством, из английских выделял умеренную газету «Times»²⁸. А.А.Краевский отдавал явное предпочтение парижской прессе всех оттенков, но чаще либеральной и демократической – «Journal des Débats», «Tems», «Presse». Доходили до России и собственно американские издания, но их информативность и долгий путь через океан к европейскому читателю не удовлетворяли отечественных редакторов-издателей²⁹. С середины 1866 года в нашей периодике появились депеши с пометкой «Передано по Трансатлантическому телеграфу», что позволило сократить время между происшедшим в Новом Свете и газетным откликом на него в России с 12-14-ти дней до трех суток.

На основе анализа комплекса публикаций об Америке «Голоса» и «Московских ведомостей», мы можем выделить особенности этнического образа, транслируемого политическими газетами изучаемого периода.

Из американских материалов обоих изданий можно почувствовать, как болезненна и всепоглощающа для русского общественного мнения пореформенной эпохи была проблема Польши. И если в отношении ура-патриотически настроенного М.Н.Каткова приоритет польской темы, озолотившей и прославившей его, закономерен, то позиция умеренного «Голоса» объективно отражает остроту «польского вопроса», сквозь призму которого преломлялись другие явления международной жизни. В разгар восстания в Польше обе газеты одновременно, но разными путями пришли к выводу если не о тождественности, то о схожести отделения южных штатов и польского мятежа: тогда как Катков в своих умозаключениях отталкивался от великодержавных, антипольских общественных настроений Москвы, издатель «Голоса» исходил из факта пропольских дипломатических демаршей европейских дворов, симпатизировавших и американским конфедератам.

Очевидно, что с исторической точки зрения мало общего между национально-освободительным движением и политическим сепаратизмом. Тем не менее, сопоставление антиномичных пар «Россия – Польша» и «Север – Юг» встречалось на страницах двух газет и в ходе восстания, и в дальнейшем. Разумеется, сложившийся стереотип восприятия повлиял на отношение редакций «Голоса» и «Московских ведомостей» к участникам гражданской войны в США. Подчеркнем важный смыслообразующий нюанс – либерально-консервативные круги русской общественности не имели ни сословной солидарности с южанами, ни сочувствия к аболиционистам (непримиримым противникам невольничества). В действительности, они отрицательно относились к польскому восстанию, а, идентифицируя его с мятежом рабовладельческих штатов, негативно воспринимали южан.

Для примера обратимся к отдельным американским публикациям российских газет. По утверждению «Голоса», «некоторые европейские газеты, сочувствующие Югу, превозносят решимость Девиса³⁰, как превозносили недавно мнимые победы повстанческих банд над русскими армиями»³¹. Спустя год журналист «Голоса» замечал, в частности, что «южане, подобно полякам, обладают несчастной способностью толковать в свою пользу самые пагубные для них события», что «невозможно без сожаления читать дикие толки их газет о правах южных штатов»³². По мере закрепления неприязни к Югу возрастали симпатии столичных изданий к вашингтонскому правительству. В том же «Голосе» читаем по поводу сближения двух стран: «В самих испытаниях, посылаемых народам Провидением, есть много общего между Россией и Американским союзом; и той и другому угрожали расторжением возмутившиеся провинции – и там и здесь сила государственного единства восторжествовала над мятежниками»³³. М.Н.Катков прямо заявлял: «Нельзя не признать аналогии между двумя политическими восстаниями текущего времени. Польское и американское междоусобия, оба произведены изменой и интригой, и вслед за кровавой борьбой оба получают одинаковый удар: ос-

вобождение холопов на Висле, освобождение негров в Северной Америке!»³⁴

Еще одна своеобразная черта американских материалов российских ежедневных газет – восприятие заокеанских событий в контексте современной международной политики. Ее можно считать спецификой данного вида повременных изданий, так как «толстые» журналы зачастую рассматривали Новый Свет сквозь призму ценностей (в первую очередь, в вопросе рабства негров), а также в русле политической философии либо всемирной истории.

Указанный подход газет к событиям за океаном выразился в следующих формах. С одной стороны, при существовавшем европоцентризме международных отношений и «Голос», и «Ведомости» отражали европейскую реакцию на происходящее за океаном, больше всего уделяя внимание геополитическому треугольнику Франция – США – Англия. Заявления Вашингтона в адрес двух европейских держав, угроза аннексии Канады, франко-американские отношения на фоне мексиканской авантюры долго и подробно обсуждались на страницах российских газет. «Голос» так сформулировал свою позицию: «Что ничего похожего на дружбу между этими тремя державами не существует – это всем известно; следовательно, вопрос только в том, настолько сильна их взаимная вражда, чтобы кончиться открытою войной?.. мы того мнения, что дело все-таки не дойдет до открытой войны, сделавшейся в последнее время слишком дорогой даже для самых богатых держав». Все же А.А.Краевский допускал возможность присоединения Канады и Мексики к американской федерации³⁵. М.Н.Катков считал, что конфликтные отношения Америки с европейскими державами сохранятся надолго из-за агрессивности США и двусмысленного положения Франции и, особенно, Англии, ибо «сепаратизм и вооруженное восстание южных штатов были, по меньшей мере, наполовину делом Англии, также как в свое время вооруженное восстание поляков против России»³⁶.

С другой стороны, приоритетное рассмотрение межгосударственных отношений столичными газетами привело к тому,

что в их интерпретации факты внутренней жизни Америки получали внешнеполитическое прочтение, наделялись статусом события мирового масштаба. Комментируя, к примеру, судебный процесс по делу убийцы А. Линкольна, арест главы южной конфедерации Дж. Дэвиса, ежегодные послания президента США, конфликт Джонсона с конгрессом, «Голос» и «Московские ведомости» выясняли, усугубляют или разряжают они международную напряженность, как отразятся на диалоге Старого и Нового Света и на европейских делах.

Наконец, русско-американские отношения в годы гражданской междоусобицы и в послевоенный период также оценивались в отечественной печати не сами по себе, а с учетом их европейского резонанса. Лучшая иллюстрация подобного подхода – освещение в прессе прибытия в США наших эскадр в связи с возможным российско-европейским конфликтом из-за Польши (1863). «Московские ведомости» писали в те дни: «В случае европейской войны американцы – наши естественные, верные и деятельные союзники. Система политического равновесия перестает быть только европейской и становится всемирной»³⁷. При обсуждении перспектив сближения двух стран, наметившегося в то время и получившего новый импульс в 1866 году, А.А. Краевский и, особенно, М.Н. Катков выделяли прочную, на их взгляд, основу солидарности двух стран – общность врагов (Англия и Франция). По убеждению влиятельных лидеров общественного мнения, при всех противоречиях между Россией и США, по отношению к западноевропейским государствам они больше, чем союзники, они – друзья. Тогда же появилось и закрепилось в журналистском лексиконе выражение «наши американские друзья».

Следующая особенность внешнеполитических представлений российских газет – стремление адаптировать американскую информацию для широкой читательской аудитории. Научно-публицистические статьи «толстых» журналов адресовались к специально интересующейся аудитории, или, по крайней мере, эрудированной. Общественно-политические газеты несли информацию в более низкую, но и более многочисленную

страту чиновников, служащих, купцов и лавочников, в кофейни и чайные. Отсюда характерное стремление находить уже знакомые образы для пояснения информации, связанной с далекой экзотической страной. Например, «Голос», описывая столицу США, указывал, что без заседаний конгресса Вашингтон «скоро превратился бы в американский Царевококшайск или Бугуруслан» (то есть в провинциальное захолустье. — *О.К.*)³⁸. В той же газете лаконично обрисовано положение главы государства и правительства США: «должность президента в Америке — настоящая каторга»³⁹. «Московские ведомости» рассказывали о «страшной битве при Мерфрисборо, равной битве Бородинской или Лейпцигской»⁴⁰. Часто в газетах упрощенно объяснялось то, что для «серьезных» журналов считалось прописной истиной⁴¹. Мы присутствуем при первых попытках адаптации публикаций к массовому городскому читателю — их авторы то опускались до утрирования, то поднимали до университетского уровня⁴².

Наконец, обращение к ежедневным изданиям дает возможность определить место изучаемых внешнеполитических образов в современном общественном мнении. Рассмотрение американских сюжетов в общем массиве газетных публикаций позволяет зафиксировать непосредственную реакцию на события за океаном в момент получения известий о них в России. К тому же контекстуальное исследование представлений о происходящем в Новом Свете выявляет дополнительные факторы, повлиявшие на восприятие заокеанских событий, добавившие новые краски и смысловые нюансы в отношение к ним со стороны русских современников.

Так, при анализе прессы выясняется, что новость об убийстве А. Линкольна прилетела в Россию в момент национальной скорби по наследнику престола, цесаревичу Николаю Александровичу. Газеты уже 25 апреля оделись в траурную рамку (известие из Америки пришло двумя днями позднее). Только демократическая «Народная летопись» нарочно воздала черной каймой последние почести покойному президенту (и была запрещена за неуважение к памяти наследника). Читаем в

«Голосе» тех дней: «Два печальные события – преждевременная кончина Государя Наследника Цесаревича и ужасное умерщвление президента Линкольна поглощают внимание всей Европы и вызывают сочувственные заявления со стороны всех серьезных и умеющих соблюдать свое достоинство... журналов»⁴³. Две трагедии наложились одна на другую, смерть наследника не оставила места для обособленного восприятия и осмысления убийства президента США.

Следующий наглядный пример – ажиотаж вокруг приезда в Россию в 1866 году американской делегации. В апреле произошло неудачное покушение на Александра II. Вашингтонский конгресс послал Г.Фокса в Россию с поздравлениями в адрес счастливо спасшегося царя. Прибытие делегации в столицу и ее путешествие по России вызвали многолюдные манифестации, патриотические и верноподданнические по своему характеру. Русские обыватели выражали не столько симпатию по отношению к американцам, сколько радость по случаю спасения монарха⁴⁴. Думается, поэтому визиты американцев в начале 1866 года (в Москву) и в 1867 году (в Петербург) не сопровождалось такими пышными приемами, общенародным ликованием и массовыми гуляньями.

Наконец, новость о продаже Аляски, распространившаяся в форме слухов на бирже, совпала с толками о передаче Николаевской железной дороги в частные руки. Одновременное появление тревожных известий произвело на общественность угнетающее впечатление глубокого финансового кризиса российского государства⁴⁵.

Обрисовав особенности представлений о США на страницах русских общественно-политических газет, на материале американских публикаций определим их конкретное содержание в изучаемый период.

Ежедневные издания под редакцией М.Н.Каткова и А.А.Краевского дебютировали в январе 1863 года, когда гражданская война за океаном была в самом разгаре. Однако значимая для русских наблюдателей проблема рабства потеряла остроту в связи с вступлением в силу прокламации об эманси-

пации, между тем кровопролитие продолжалось уже третий год. Закономерно, что интерес наших соотечественников к войне постепенно угасал; она, по определению Краевского, «утомила общественное внимание»⁴⁶. Поэтому газеты обращались к военной теме от случая к случаю, с самого начала обнаруживая свое отношение к распре в Новом Свете. «Московские ведомости» уже во втором номере заявили четкую позицию, считая антирабовладельческую пропаганду чрезмерной. «И, может быть, — предполагали в Москве, — миллионы северян предпочли бы иметь своим президентом вместо Линкольна самого Девиса и идти с ним в крестовый поход против абolicционистов»⁴⁷. По убеждению Каткова, невольничество имеет огромное значение в социальном, а не в политическом смысле, тогда как борьба между Севером и Югом идет именно за власть⁴⁸. Уже в начале 1863 года этот влиятельный публицист заявлял о бессмысленности войны, ибо не стоит «истощать свои силы на бесплодное подчинение мятежников, готовых на все, лишь бы отстоять свою независимость»⁴⁹.

«Голос» занял менее определенную позицию. С одной стороны, он не оправдывал «грязных и бесчеловечных плантаторов», с другой, не соглашался пожертвовать «лучшим и благороднейшим из приобретений (свободой. — *О.К.*) в пользу своекорыстных интриг» французской и английской буржуазии. «Итак, не надо признавать южные штаты независимыми? Мы не то хотим сказать, — пояснял редактор свою точку зрения. — Мы желаем только, чтобы общечеловеческому вопросу в этой борьбе дали первое место...»⁵⁰ В последнем случае речь шла об отмене рабства, однако ей не придавалось абсолютного значения. Сам А.А.Краевский признавал, что «вопрос об освобождении невольников — это не главный спорный пункт», указывал на борьбу республиканской и демократической партий и на конфликт Юга и Севера из-за таможенного тарифа как на дополнительные причины войны⁵¹.

Лейтмотивом американских публикаций газет в 1863–1865 годах стала идея бессмысленности и бесполезности войны, катастрофического ослабления государства, с одной сто-

роны, и призрачных перспектив его восстановления – с другой. Читаем в «Голосе»: «Соединенные Штаты и в сто лет не залечат ран, нанесенных этой молодой нации зверской войной, войной брата с братом, из которых каждый был каинном-братоубийцей. А все-таки и жертвы Севера, и конечное разорение Юга сделаны совершенно напрасно. Пословица “нет худа без добра” в этом случае оказывается ложью; никакого добра из четырехлетней бойни не вышло»⁵². «Во всяком случае, – как бы вторит М.Катков, – благосостояние Соединенных Штатов утрачено навсегда»⁵³. Уверенные мрачные прогнозы пытались в данном случае историческими аналогиями, в прошлом России и Европы гражданские войны всегда имели катастрофические последствия для экономики страны.

Редакция «Московских ведомостей» не верила и в восстановление федерации, «которой непрочность так поразительно обнаружилась в нынешнем междоусобии», предсказывала ее распад. «Не мятеж, так интрига, – не интрига, так мятеж, – но раздробление совершится», – писал Катков на исходе победоносного для северян 1864 года⁵⁴. «Голос» считал, что «доведенная до излишества» децентрализация власти в США привела к войне. Поэтому, лишь «введя некоторые ограничения в автономии южных штатов, великий американский Союз восстанет с новым величием и блеском»⁵⁵. Современницы капитуляции армии генерала Ли, обе газеты подчеркивали формальный характер насильственного восстановления союза, предвидя и трудности межрасового общения и партизанско-террористическое движение на Юге⁵⁶. Последние пророчества, казалось, начали сбываться в апреле 1865 года – убийство президента А.Линкольна явилось мстью фанатика за поражение Конфедерации.

«Московские ведомости», как и «Голос», не могли не отреагировать на трагическую весть. Они опубликовали правительственное заявление, помещенное в «Journal de St.-Peterbourg», где, в частности, говорилось: «сочувствие (русских. – О.К.) в особенности было связано с высокой личностью президента Линкольна... нигде (как в России. – О.К.) не отдавали та-

кой справедливости обнаруженным им качествам в этом грозном кризисе...» Надо сказать, что обе газеты попали в двусмысленное положение, так как их собственная позиция отличалась от официальной. Президент США описывался ранее «Московскими ведомостями» как «слабохарактерный Линкольн» и «бедный Линкольн»⁵⁷. «Голос», в свою очередь, отзывался о нем как о «человеке негениальных способностей», «честолюбце и деспоте», «ничтожестве», «представителе большой части американского общества», считал, что Линкольн, очевидно, стремится к диктатуре⁵⁸.

Краевский и Катков возглавили издания в тот момент, когда шестнадцатый президент США третий год состоял в должности, стал известной политической персоной, популярным государственным деятелем. Тем не менее, обе газеты прямо или косвенно осуждали его личные качества и действия по руководству страной. Например, «Голос» так комментировал переизбрание Линкольна: «Для людей, глубоко уважающих законность, для людей, находящих, что всякое *навязанное насильно* преобразование, как бы либерально оно ни было, есть нарушение права и свободы, — вторичное избрание Линкольна покажется истинным бедствием»⁵⁹. В данном вопросе позиция «Голоса» была принципиальной и последовательной: «Для некоторых читателей, может быть, кажется странным наш недостаток сочувствия к правительству Линкольна», но «оно с беспримерной нецеремонностью идет дорогой насилия и нарушения всевозможных прав к своей цели, и оправдывает это тем, что сама цель его прекрасна»⁶⁰.

В новых обстоятельствах, получив ошеломляющую новость из-за океана, газеты поступили по-разному. М.Катков в тот момент был озабочен кончиной наследника престола, А.Краевский пытался все же отстоять свою правоту в американском вопросе. Отвечая на нападки «Торгового сборника», он подчеркивал: «мы не отрицали “чистую и непорочную личность” Линкольна. Но и чистота, и непорочность еще не делают человека вполне прозорливым, знающим...»⁶¹ «Голос» откликнулся на убийство большой редакционной статьей, оценив

его как напрасный шаг, ибо «личность Линкольна почти ничего не значит, он действительно был могущественен, но не сам по себе: он был только представителем национального могущества; имя его блистало славой, но блистало отражательным светом... он был рычагом огромной и сложной машины, приводимой в действие народной волей». И в этой апологетической по тону статье Краевский возвращается к болезненному для него сюжету. «Линкольн, конечно, не чужд был некоторых недостатков; в его управлении, без сомнения, есть темные стороны, — утверждал автор, — но и сами враги не отказывают ему в блистательных государственных способностях, в непоколебимой энергии, в преданности делу свободы»⁶². Весь май 1865 года «Голос» публиковал подробности похорон, поимки убийц и суда над заговорщиками (по материалам американских газет).

«Московские ведомости» следили за ходом событий по европейской прессе⁶³. Их редактор отреагировал лично лишь через неделю после получения известия об убийстве американского президента. Подробно пересказывая отклики иностранной печати, он заметил от себя: «Не победы северных армий были главным преступлением Линкольна и Сьюарда в глазах заговорщиков, а напротив того, принятая ими в последнее время политика умеренности и мудрости». М.Н.Катков не намерен был объясняться с читателями, а позаимствовал выдержки из биографической статьи Ложеля из французского «Журнала двух континентов» (№ 115 от 29 мая 1865).

Самого же Михаила Никифоровича теперь заботит будущее США. «Внезапная смерть Линкольна ставит Соединенные Штаты в критическое положение, — писал он в очередной передовице. — Заменить такого человека, который действительно мог спасти американскую свободу и от диктатуры, и от анархии, чрезвычайно трудно»⁶⁴. Автор указывал на два повода для беспокойства. С одной стороны, он подозревал нового президента Джонсона, занявшего жесткую позицию в отношении конгресса⁶⁵, в диктаторских замашках, с другой, предвидел войну США с Англией и Францией из-за их прежней полити-

ки, «оскорбившей великий американский народ». «Ожесточенная междоусобная война не может пройти, не оставив по себе глубоких следов в нравах, привычках и наклонностях. Если и вообще янки склоны к отважным предприятиям, то теперь эта склонность должна еще более развиться», — делал вывод московский публицист⁶⁶.

В дальнейшем, когда тревожные предсказания отечественных журналистов не сбылись, американская тема уходит из редакторских колонок двух газет, переместившись в раздел телеграмм и иностранных известий. Вопрос о русско-американских отношениях, напротив, вышел на первую полосу. В 1866 году светлый образ «наших заатлантических друзей», казалось, не сходил со страниц «Голоса» и «Московских ведомостей». Но уже на следующий год, ознаменовавшейся продажей Аляски, журналисты разжаловали «друзей» в «приятелей», несколько раз едко иронизировали по поводу алчных и вероломных «янки»⁶⁷, чтобы надолго потерять интерес к американской проблематике.

Русско-американские отношения обратили на себя внимание отечественной прессы в 1863 году в связи с легендой о заключении союза двух стран. Она не имела реального основания, но отталкивалась от факта визита в США русских кораблей⁶⁸. Осенью 1863 года эскадры под командованием контр-адмиралов С.С.Лесовского и А.А.Попова прибыли в Нью-Йорк и Сан-Франциско для того, чтобы в случае войны России с Англией и Францией нарушать морские коммуникации противника. Офицеры судов превратились в добровольных корреспондентов российских изданий. Их письма из Америки помещались в специализированных «Морском сборнике» и «Кронштадтском вестнике», которым принадлежал информационный приоритет в освещении визита эскадр. На долю интересующих нас газет пришлось лишь общие комментарии событий.

«Голос» скептически отнесся к идее русско-американского сближения, считая, что «перо, которым будет подписан союзный договор, не только не очинено, но еще и не выросло».

Препятствием служат объективные противоречия, начиная с соперничества в Тихом океане и кончая ценностными различиями. По мысли Краевского, если для янки «дружба с нами приносит материальную выгоду (за счет ограбления российского побережья Америки и территориальных вод. — *О.К.*), которая одна только трогает его меркантильную душу», то «у русского человека душа нараспашку». В таком случае изначально неравноправный союз явился бы нежелательным⁶⁹.

Однако события, произошедшие в 1866-1867 годах, придали теме русско-американского сближения свежий импульс и новый ракурс. В России побывали две делегации из США — Г.Фокса и адмирала Д.Фаррагута⁷⁰, в начале 1866 года Москву посетили члены американского посольства генерал Клей и секретарь Куртин. Были опубликованы брошюры, посвященные этим событиям, газеты подробно освещали путешествия иностранных гостей по стране. Двенадцать лет спустя, в дни юбилея «Голоса», редакция с удовольствием вспоминала свою тогдашнюю реакцию, высказавшись в 1866 году «с особенной выразительностью по поводу “дружбы” России с Североамериканскими Штатами». По свидетельству одного из сотрудников, «в приезде в Петербург американского посольства и в торжествах, бывших у нас по этому поводу, газете хотелось видеть победу начал прогресса и гуманности»⁷¹.

Задолго до приезда делегации конгресса, по случаю визита в Москву Клея и Куртина М.Н.Катков высказался следующем образом: «Их (русских и американцев. — *О.К.*) происхождение, их судьбы и нынешний быт представляют много несходств, много разительных контрастов... Оба народа одушевлены чувством будущности, оба готовы на всевозможные жертвы для сохранения своего государственного единства, оба исполнены духа патриотизма»⁷².

Двухмесячное путешествие по России посланцев американского конгресса было поистине триумфальным. Северная столица встретила их фейерверками, зваными обедами и пышными балами. Из Петербурга делегация направилась в Москву. «Голос» выразил беспокойство по этому поводу. «Москва —

центр убеждений, идущих слишком вразрез с идеями американцев, — читаем в редакционной колонке. — Впрочем, мы, может быть, и ошибаемся, может быть, оракулы и барометры московского общественного мнения, “Московские ведомости”, до сих пор довольно сдержанно отзывавшиеся об американском посольстве, сочтут удобным подать сигнал к энтузиазму»⁷³. Действительно, катковский орган так подробно и восторженно описал прием американцев москвичами, что «Голос» перепечатал мнение своего давнего оппонента.

Визит делегации Г.Фокса заметно изменил общественные настроения в отношении заатлантической республики и ее граждан. Личное знакомство, многочисленные персональные контакты позволяли отечественным авторам претендовать на лучшее понимание американцев, их души, характера, их страны и ее политики, а продемонстрированные симпатии — на особые, теплые отношения России и США. В начале следующего, 1867 года, «Голос» доказывал, что «кроме материальной силы, Соединенные Штаты имеют и нравственную силу. В Европе привыкли смотреть на американца, как на человека, преданного исключительно коммерческому расчету, и это совершенно неосновательно...»⁷⁴ Русские журналисты теперь подчеркивали, что двум странам нечего делить. А.А.Краевский раскрывал геополитические планы двух стран: «Сочувствие между нами и американцами естественное и потому прочное. Распространив свои владения до северного полюса, мы не станем мешать американцам распространять свои владения до южного полюса, а, владея Америкой, американцы не будут мешать нашему владычеству в Азии. В Америке и Азии столько земли, что и через тысячу лет обоим народам не будет там тесно»⁷⁵. В данном вопросе «Ведомости» были солидарны с «Голосом». «Глубокие симпатии связывают эти две юные нации, соседние у полюса, где оканчивается их экспансивность, и на всем остальном пространстве целым миром отделенные одна от другой», — торжественно заявляли они⁷⁶. Чем глубже в общественном мнении России укоренялись представления об обоюдных симпатиях народов и взаимопонимании двух дер-

жав, тем большим ударом оказалось для него известие о продаже Аляски США⁷⁷.

Мы располагаем лишь внятной позицией «Голоса», так как Катков в поисках врагов страны вышел из цензурных рамок, получил серию предупреждений и был лишен права на передовые статьи на два месяца. Из более поздних его высказываний можно сделать вывод, что он считал сделку не просто бесполезной, невыгодной, но и наносящей вред российско-американским отношениям⁷⁸. В апреле же 1867 года по поводу продажи Аляски «Московские ведомости» перепечатали заметки из английских газет и опубликовали текст трактата, причем так небрежно, что Дмитрий Завалишин, специалист по проблемам Дальнего Востока и Русской Америки, был вынужден написать в газету⁷⁹.

«Голос», напротив, реагировал живо и бурно, как он сам подчеркивал, синхронно и в соответствии с общественным мнением⁸⁰. Первые толки о продаже были скептически восприняты редакцией. «Мы не верим этим слухам и ждем официального опровержения», — заявляла она⁸¹. Когда официоз «Journal de St.-Petersbourg» сообщил о политических и экономических выгодах продажи Аляски американцам, «Голос» выразил надежду, что переговоры только ведутся⁸². Окончательно подтвердившийся факт сделки вызвал резкий протест газеты в форме полемики с полуофициальными «Санкт-Петербургскими ведомостями». «Если северо-американские колонии следует продать, потому что они неустроены и малопродуктивны, то на этом же основании можно продать не только Восточную Сибирь, но еще и все наши земли на юг от Урала, — возмущался автор статьи. — Почему не продать какой-нибудь Царицын? Почему не уступить запустелый и обезлюдивший Крым?» «У американцев северо-американские колонии процветут как ааронов жезл! — цитировал журналист «Голоса» доводы оппонента. — Очень верим! Но почему же процветут? Потому что в них есть все данные для процветания? Мы не умеем, стало быть, пользоваться этими данными! Но где ручательство, что потомки наши унаследуют нашу неумелость?»⁸³

В условиях ужесточения цензурного режима, имея на счету серию предупреждений, штрафов, запретов розничной продажи и т.п., газеты не решились развивать критику в адрес правительства России. Однако при этом столичные публицисты выместили раздражение на новых владельцах Русской Аляски, припомнив им и бесчинства в промысловых районах, и хлебную конкуренцию. В итоге восприятие недавно обретенных «заатлантических друзей» вернулось в рамки привычного образа «предприимчивого янки» с той разницей, что теперь жертвой его «совершенно американской расчетливости» оказались сами русские⁸⁴.

Итак, в 1863-1867 годах произошла актуализация отечественных внешнеполитических представлений об Америке и американцах. При сохранении пласта статичных этнических стереотипов, унаследованных от предыдущей эпохи и поддерживаемых журнальными публикациями, путешествиями и романами, в русском восприятии Нового Света наметился новый горизонт, тесно связанный с современностью, текущими событиями, активизацией двусторонних отношений. При этом четко фиксируются и интерес публики к происходящему в мире в настоящее время⁸⁵, и появление новых средств массовой информации и коммуникации – независимых, оперативных политических газет – призванных удовлетворить возникшую общественную потребность, а также событийная и смысловая насыщенность американских сюжетов изучаемой эпохи.

Анализ американских публикаций политических газет помогает услышать общественное мнение России в отношении далекой страны. Во второй половине 1860-х годов «Московские ведомости», причислявшие себя к «разумному консерватизму», и умеренно-либеральный «Голос» действительно отражали внешнеполитические представления большинства русской публики.

Изучение газетных материалов позволяет уточнить и расширить спектр американских сюжетов, актуальных, значимых, интересных для общественных кругов России, а также обна-

ружить и объяснить особенности их восприятия нашими соотечественниками.

Исследование ежедневных газет дает возможность зафиксировать малейшие колебания и нюансы общественных настроений – самой трудноуловимой части общественного мнения, к примеру, по поводу русско-американских отношений от визита эскадр до продажи Аляски.

Установленная траектория изменения представлений русской общественности о США не совпадает с официальной линией: при улучшении дипломатических отношений двух государств имидж американцев в России ухудшился. Полученные данные, на наш взгляд, позволяют оспорить положение о зачаточном состоянии общественного мнения пореформенной эпохи и его зависимости от позиции Зимнего дворца.

Контекстуальное прочтение внешнеполитических представлений открывает большие перспективы для научного, исторического осмысления этнических образов, но, вместе с тем, предъявляет достаточно высокие системные требования. Комплексный подход к американским публикациям органов массовой информации и коммуникации с учетом мировоззрения авторов, степени и источников знакомства с США и интереса к ним, привходящих факторов (цензурных условий, международных отношений и пр.) позволяет не только констатировать наличие или смену тех или иных внешнеполитических представлений, но и попытаться объяснить их, то есть перейти от эмпиризма имагологических исследований к теоретическому анализу.

¹ См. подробнее: Казакова О.Ю. Америка и американцы в оценке русского общества (конец 1850-х – 1867 г.): социокультурные аспекты восприятия: Канд. дис. Орел, 2000.

² Русские газеты в качестве исторического источника о США использовал, к примеру, М.М.Малкин («Гражданская война в США и царская Россия» (М.; Л., 1939)). Совершенно справедливо он отдал предпочтение «Санкт-Петербургским ведомостям», имевшим собственных корреспондентов в США (большая редкость для российской прессы того периода).

³ Надо сказать, что газетный опыт у них уже был. А.А.Краевский с 1847 года редактировал «Русский инвалид», в 1852-1862 гг. возглавлял «Санкт-Петербургские ведомости». Однако, как человек практичный, он понял, что возможности казенных изданий ограничены, и основал собственный независимый «Голос» в 1863 году. М.Н.Катков, не менее предприимчивый издатель, с 1851 года редактировал «Московские ведомости» в ее традиционном формате, что его совершенно не устраивало. Еще в 1856 году он хотел открыть собственную газету в Москве, но ему запретили составлять конкуренцию казенным «ведомостям». Лишь составив капитал на издании популярного «Русского вестника», Катков арендовал «Московские ведомости» в 1863 году.

⁴ Сразу же возникает проблема дублирования, или, во всяком случае, взаимопроникновения американской тематики и ее интерпретации в печатных органах одного издателя. По нашим наблюдениям, в отношении «печатных империй» М.Н.Каткова и А.А.Краевского этого не произошло. Оба деятеля все творческие силы отдавали своим газетам, лишь формально оставаясь редакторами-издателями «толстых» журналов. М.Н.Катков поручил ведение дел в редакции «Русского вестника» коллеге, профессору Н.А.Любимову, и много лет даже не читал его. Убыточную «Современную летопись» «Русского вестника» он сделал воскресным приложением к «Московским ведомостям» (под редакцией П.М.Леонтьева), придав ей, соответственно, познавательную-развлекательную направленность с публикацией «зигзагов и арабесок русских туристов». А.А.Краевский оставил «Отечественные записки» компаньону С.С.Дудышкину, а в 1868 году продал права на издание Н.А.Некрасову.

⁵ Голос. 1863. 29 апреля (№ 86).

⁶ Для обсуждения внутрироссийской и зарубежной проблематики издания, начиная с 1857 года, были обязаны конституировать себя «политическими». См. подробнее: Казакова О.Ю. Указ. соч.

⁷ Цит. по: Михаил Никифорович Катков и его историческая заслуга: По документам и личным воспоминаниям Н.А.Любимова. СПб., 1889. С. 217.

⁸ Тираж «Московских ведомостей» в лучшие времена достигал 12 тыс. экземпляров (лето—осень 1863 г.), «Голоса» — 5—6 тысяч. При этом в Петербурге из-за цензурных репрессий «Голос» оказался самой левой газетой (хотя и верноподданнической). В Москве И.С.Аксаков («День») признавал приоритет катковского органа, даже сам А.А.Краевский указывал, что «московская газета занима-

ет теперь видное место в русской литературе благодаря ее новой редакции» (№ 51 от 1 марта 1863 года).

- ⁹ С учетом всех нюансов (статус издания, тираж, направление, отношение с властями, позиция авторов по американской проблематике и др.) можно считать, что в изучаемый период именно «Голос» и «Московские ведомости» в наибольшей степени отражали общественное мнение обеих столиц. В связи с этим американские посланники в России заблуждались, посылая в Вашингтон переводы статей о США из «Санкт-Петербургских ведомостей», как газеты, выражающей «мнение средних классов русского народа», «независимой» и «запечатлевающей рост общественного мнения в России» (Цит. по: *Малкин М.М.* Указ. соч. С. 222 прим.). «Ведомости» – казенное, фактически официальное, издание Петербургского университета. В.Ф.Корш (в отличие от Каткова), возглавив редакцию не по конкурсу, а по приглашению, не претендовал на особое мнение. К тому же материалы об Америке в «Санкт-Петербургские ведомости» присылал из Нью-Йорка собственный корреспондент газеты А.Гуровский.
- ¹⁰ Лишь однажды «Голос» четко обозначил причину интереса к США. «Американская война подействовала на русскую торговлю не так сильно, как на английскую, – писал А.А.Краевский, – тем не менее и наши бумагопрядильни и ситцебумажные фабрики значительно терпят вследствие прекращения подвоза американского хлопка, и у нас американское междоусобие повело к многочисленным банкротствам, и для нас весьма важно истинное понятие о положении дел в Североамериканских Штатах» (№ 269 от 29 сентября (11 октября) 1864 года).
- ¹¹ Термины «заговор», «измена», «интриги» прочно вошли в лексикон М.Н.Каткова и даже переключались в его американские статьи («изменнические интриги Бьюкенена», «заговор южан», «иностранный интрига в Америке» и т.п.).
- ¹² Павел Петрович Свиньин (1787-1839) – писатель и журналист. Результаты своих заграничных наблюдений он изложил в «Опыте живописного путешествия по Северной Америке» (1815) – первой русской книге об Америке, главы из которой он помещал в основанных им же «Отечественных записках» (Взгляд в историю – взгляд в будущее. Русские и советские писатели, ученые и деятели культуры о США. М., 1987. С. 640–641).
- ¹³ Например, в «Русском вестнике» печатались Э.Р.Циммерман («Путешествие по Америке», 1859), Г.Матиль («Из Америки», 1859-1860), А.В.Дружинин («Английский наблюдатель в Северной Америке» и «Рассказы новейших туристов о Юге США», 1863),

И.И.Беллюстин («Религиозная жизнь в США», 1866), А.Костромитинов («Два события в Сан-Франциско в 1855–1856 гг.», 1866); в «Отечественных записках» – А.Лакиер («Путешествие по Северо-Американским Штатам, Канаде и о. Кубе», 1859), В.А.Риттер («Калифорния во время завоевания ее американцами», 1866), а также статьи «Жизнь в Соединенных Штатах» (1865), «Пешеходное странствование по Америке английского геолога» (1865) и др.

¹⁴ Московские ведомости. 1865. 18 февраля (№ 37).

¹⁵ Там же. 1863. 17 февраля (№ 37).

¹⁶ По свидетельству современника, «если руководствоваться исключительно статьями Каткова, то можно прийти только к выводу, что их писал человек, очень мало подготовленный и неспособный к зрелому обсуждению государственных и общественных вопросов» (М.Н.Катков. Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк Р.И.Сементковского. СПб., 1892. С. 5). См. также: Емельянов Н. «Отечественные записки» Н.А.Некрасова и М.Е.Салтыкова-Щедрина (1868–1884). Л., 1986.

¹⁷ По воспоминаниям сотрудников «Московских ведомостей», М.Н.Катков диктовал передовицы с полуночи до двух часов, при этом статьи получались импровизациями, вызванными либо каким-то событием, либо стечением обстоятельств (Михаил Никифорович Катков и его историческая... С. 241.)

¹⁸ К работе над руководящими статьями на внешнеполитические сюжеты А.А.Краевский привлекал своего сына, Евгения Андреевича, во всем согласного с отцом (*Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1895. Т. XVI. С. 483–484.)

¹⁹ В отношении демократической прессы мы этого сказать не можем, так как внешнеполитические обзоры для журналов «Русское слово» и «Дело» писал выдающийся французский публицист Эли Реклю (под разными псевдонимами), демократические же газеты практически сразу запрещались цензурой (как, например, «Современное слово»). Именно в интересах выявления самобытного русского взгляда на Америку мы не анализируем «Современную летопись», бывшую приложением (впрочем, малоуспешным и убыточным) к «Русскому вестнику» и «Московским ведомостям». Известно, что внешнеполитический отдел «летописи» вел франко-бельгийский экономист и публицист Густав де Молилари.

²⁰ По заявлению редакции, «об отношении “Голоса” к международной политике необходимо сказать настолько, насколько вопросы этой политики могут иметь близкое соприкосновение к основным русским задачам и интересам» (1863–1877. Пятнадцатилетие газе-

ет теперь видное место в русской литературе благодаря ее новой редакции» (№ 51 от 1 марта 1863 года).

- ⁹ С учетом всех нюансов (статус издания, тираж, направление, отношение с властями, позиция авторов по американской проблематике и др.) можно считать, что в изучаемый период именно «Голос» и «Московские ведомости» в наибольшей степени отражали общественное мнение обеих столиц. В связи с этим американские посланники в России заблуждались, посылая в Вашингтон переводы статей о США из «Санкт-Петербургских ведомостей», как газеты, выражающей «мнение средних классов русского народа», «независимой» и «запечатлевающей рост общественного мнения в России» (Цит. по: *Малкин М.М.* Указ. соч. С. 222 прим.). «Ведомости» – казенное, фактически официальное, издание Петербургского университета. В.Ф.Корш (в отличие от Каткова), возглавив редакцию не по конкурсу, а по приглашению, не претендовал на особое мнение. К тому же материалы об Америке в «Санкт-Петербургские ведомости» присылал из Нью-Йорка собственный корреспондент газеты А.Гуровский.
- ¹⁰ Лишь однажды «Голос» четко обозначил причину интереса к США. «Американская война подействовала на русскую торговлю не так сильно, как на английскую, – писал А.А.Краевский, – тем не менее и наши бумагопрядильни и ситцебумажные фабрики значительно терпят вследствие прекращения подвоза американского хлопка, и у нас американское междоусобие повело к многочисленным банкротствам, и для нас весьма важно истинное понятие о положении дел в Североамериканских Штатах» (№ 269 от 29 сентября (11 октября) 1864 года).
- ¹¹ Термины «заговор», «измена», «интриги» прочно вошли в лексикон М.Н.Каткова и даже переключались в его американские статьи («изменнические интриги Бьюкенена», «заговор южан», «иностранный интрига в Америке» и т.п.).
- ¹² Павел Петрович Свиньин (1787-1839) – писатель и журналист. Результаты своих заграничных наблюдений он изложил в «Опыте живописного путешествия по Северной Америке» (1815) – первой русской книге об Америке, главы из которой он помещал в основанных им же «Отечественных записках» (Взгляд в историю – взгляд в будущее. Русские и советские писатели, ученые и деятели культуры о США. М., 1987. С. 640–641).
- ¹³ Например, в «Русском вестнике» печатались Э.Р.Циммерман («Путешествие по Америке», 1859), Г.Матиль («Из Америки», 1859-1860), А.В.Дружинин («Английский наблюдатель в Северной Америке» и «Рассказы новейших туристов о Юге США», 1863),

И.И.Беллюстин («Религиозная жизнь в США», 1866), А.Костромитинов («Два события в Сан-Франциско в 1855–1856 гг.», 1866); в «Отечественных записках» – А.Лакиер («Путешествие по Северо-Американским Штатам, Канаде и о. Кубе», 1859), В.А.Риттер («Калифорния во время завоевания ее американцами», 1866), а также статьи «Жизнь в Соединенных Штатах» (1865), «Пешеходное странствование по Америке английского геолога» (1865) и др.

¹⁴ Московские ведомости. 1865. 18 февраля (№ 37).

¹⁵ Там же. 1863. 17 февраля (№ 37).

¹⁶ По свидетельству современника, «если руководствоваться исключительно статьями Каткова, то можно прийти только к выводу, что их писал человек, очень мало подготовленный и неспособный к зрелому обсуждению государственных и общественных вопросов» (М.Н.Катков. Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк Р.И.Семетковского. СПб., 1892. С. 5). См. также: Емельянов Н. «Отечественные записки» Н.А.Некрасова и М.Е.Салтыкова-Щедрина (1868–1884). Л., 1986.

¹⁷ По воспоминаниям сотрудников «Московских ведомостей», М.Н.Катков диктовал передовицы с полуночи до двух часов, при этом статьи получались импровизациями, вызванными либо каким-то событием, либо стечением обстоятельств (Михаил Никифорович Катков и его историческая... С. 241.)

¹⁸ К работе над руководящими статьями на внешнеполитические сюжеты А.А.Краевский привлекал своего сына, Евгения Андреевича, во всем согласного с отцом (*Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1895. Т. XVI. С. 483–484.)

¹⁹ В отношении демократической прессы мы этого сказать не можем, так как внешнеполитические обзоры для журналов «Русское слово» и «Дело» писал выдающийся французский публицист Эли Реклю (под разными псевдонимами), демократические же газеты практически сразу запрещались цензурой (как, например, «Современное слово»). Именно в интересах выявления самобытного русского взгляда на Америку мы не анализируем «Современную летопись», бывшую приложением (впрочем, малоуспешным и убыточным) к «Русскому вестнику» и «Московским ведомостям». Известно, что внешнеполитический отдел «летописи» вел франко-бельгийский экономист и публицист Густав де Молинали.

²⁰ По заявлению редакции, «об отношении “Голоса” к международной политике необходимо сказать настолько, насколько вопросы этой политики могут иметь близкое соприкосновение к основным русским задачам и интересам» (1863–1877. Пятнадцатилетие газе-

ты «Голос». Издание редактора газеты А.А.Краевского. СПб., 1878. С. XIX).

²¹ Неведенский С. Катков и его время. СПб., 1888. С. 381.

²² М.Н.Катков писал в анонсе в 1862 году: «Газета будет выходить не утром, как было до сих пор, а пополудни, около пяти часов – это даст возможность представить самые свежие новости и не отстать в этом от петербургских – то, что появится в Петербурге по телеграфу до 2-х часов пополудни, появится в “Московских ведомостях” тем же днем» (Московские ведомости. 1862. 25 ноября (№ 258)).

²³ Дело в том, что все иностранные газеты распространялись в России только через Петербург, в Москву они попадали по Николаевской железной дороге, поезда которой хронически опаздывали. В отношении телеграфных сообщений складывалась похожая ситуация. Все телеграммы из-за рубежа поступали в агентство Трубинова в северной столице, а потом дежуривший там сотрудник «Московских ведомостей» пересылал их по телеграфу в редакцию.

²⁴ Голос. 1864. 4 (16) марта (№ 64). («Голос» в датировке номеров указывал сначала старый стиль, а в скобках – новый, «Московские ведомости» использовали старый стиль. Интересно, что в американских материалах последнего издания временная разница вызывала эффект одновременности событий в США и России. Так А.Линкольна убили вечером 14 апреля, а 15 апреля (по старому стилю) «Московские ведомости» сообщили об этом.)

²⁵ Указатель статей «Голоса» предлагает следующую статистику: 1863 г. – 5 публикаций, так или иначе касавшихся США, в 1864 – 18, 1865 – 38, 1866 – 21, 1867 – 5 (1863–1877. Пятнадцатилетие газеты «Голос»...). М.Н.Катков обращался к американской теме в 1863 г. 9 раз, в 1864 г. – 6, в 1865 – 4, в 1866 – 4, в 1867 – 0 (Собрание передовых статей «Московских ведомостей». М., 1897).

²⁶ Собрание передовых статей «Московских ведомостей»... Т. 1: 1863 год. С. 733.

²⁷ В концепции фельетона русские издатели данного периода отличались от своих европейских коллег. На Западе газетный «подвал» заполнялся авантюрными романами, сентиментальными новеллами, здесь успешно дебютировал детектив. Отечественные газеты, определив себя как «издания общественные и политические», отдели рубрику городской хроники («Отовсюду», «Повседневная жизнь», «Парижская жизнь», «Московская хроника»). При этом корреспонденты писали заметки с натуры, со слов прохожих, благодаря чему мы можем узнать, что же думали об Америке и американцах обыватели. Например, из фельетона «Голоса» (Столбовой.

Повседневная жизнь // Голос. 1866. 31 июля (12 августа) (№ 209)) мы узнаем об успехе пароходных увеселительных прогулок на федеральное судно «Миантонома», об организации «обеда-монстра» в честь американцев, о попытках русских общаться с чернокожими «несчастливыми страдальцами» и о презрительной реакции на это белых матросов. Через две недели фельетонист рассказал о беседе с извозчиком, которому он объяснял, что «мериканцы» не «черные с лица» и как они живут без короля. Мужик отозвался: «Должно, тихий же народ, эти мериканцы, не озорник, коли так без короля обходится».

²⁸ Первоначально, в 1863 году, текст давался без ссылок, с ремарками «уверяют, что...», «извещают...», «говорят...», позднее указывались цитируемые издания, что позволяет составить представление об источниках американской информации «Московских ведомостей».

²⁹ Например, читаем в «Голосе» (№ 99 от 11 (23) апреля 1865 года): «В полученных сегодня иностранных газетах мы не нашли ни одного сколько-нибудь связного описания кровавых битв, окончившихся падением Ричмонда. Американские газеты наполнены отрывочными депешами генералов с поля сражения, по которым невозможно составить сколько-нибудь верного понятия о битвах...»

³⁰ Имеется в виду Джефферсон Дэвис (1808-1889), президент Конфедерации южных штатов, отделившихся от США и развязавших Гражданскую войну 1861-1865 годов.

³¹ Голос. 1865. 1 (13) апреля (№ 91).

³² Нынешнее положение Соединенных Штатов // Там же. 1866. 24 ноября (6 декабря) (№ 325).

³³ Там же. 30 июля (11 августа) (№ 208).

³⁴ Московские ведомости. 1864. 3 марта (№ 50).

³⁵ Политика Соединенных Штатов в отношении Франции и Англии // Голос. 1865. 28 мая (9 июня) (№ 145); см. также: Там же. 6 (18) апреля (№ 94).

³⁶ Московские ведомости. 1865. 22 января (№ 17).

³⁷ Там же. 1863. 4 октября (№ 215).

³⁸ Празднества в Америке по случаю вторичного вступления Линкольна в должность президента // Голос. 1865. 27 марта (8 апреля) (№ 86).

³⁹ Политическая система президента Джонсона // Там же. 1865. 21 сентября (3 октября) (№ 261).

⁴⁰ Московские ведомости. 1863. 30 мая (№ 116).

⁴¹ Например, в «Голосе» по поводу политики Джонсона разъяснялось, чем президент отличается от монарха (Голос. 1867. 4 (16) апреля (№ 4)).

- ⁴² Например, в «Голосе» Е.А.Краевский, питомец историко-филологического факультета университета, так писал о южанах: «Потомки якобитов, некогда в бессильной ярости против Вильгельма Оранского, дававших апельсины и составлявших заговоры против “похитителя”, то есть своего законного государя – потомки подобных предков способны посягнуть и на жизнь человека, четыре года боровшегося против рабства и мятежа...» (Известие об умерщвлении президента Линкольна // Там же. 1865. 16 (28) апреля (№ 104).
- ⁴³ Там же. 18 (30) апреля (№ 106).
- ⁴⁴ Любопытна ремарка хроникера «Голоса»: «Наш патриотизм иногда сказывается самым простодушным образом. Так я подслушал в толпе следующее восклицание: «“Ура” России и Америке! России большое “ура”, а Америке маленькое!» (Там же. 1866. 18 (30) августа (№ 227)).
- ⁴⁵ Там же. 1867. 25 марта (6 апреля) (№ 84).
- ⁴⁶ Там же. 1864. 4 (16) марта (№ 64).
- ⁴⁷ Московские ведомости. 1863. 4 января (№ 2).
- ⁴⁸ Там же. 17 февраля (№ 37).
- ⁴⁹ Там же. В данном случае мы видим первоначальную позицию автора. 16 февраля в Польше вспыхнуло восстание, Катков в одночасье кардинально изменил свои взгляды на «мятежников» всех частей света.
- ⁵⁰ Положение дел в Америке // Голос. 1867. 6 (18) июля (№ 171).
- ⁵¹ Там же. 1864. 1 (13) ноября (№ 302); 1865. 17 (29) сентября (№ 257).
- ⁵² Там же. 1865. 6 (18) апреля (№ 94).
- ⁵³ Московские ведомости. 1864. 28 сентября (№ 212).
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Библиография. «Обзор конституций» А.Лохвицкого // Голос. 1865. 26 июня (8 июля) (№ 174).
- ⁵⁶ См., например: Голос. 1865. 6 (18) апреля (№ 94); Московские ведомости. 1865. 28 февраля (№ 45).
- ⁵⁷ Московские ведомости. 1863. 4 января (№ 2).
- ⁵⁸ Голос. 1863. 24 июля (5 августа) (№ 189); 1865. 14 (26) августа (№ 223), 1 (13) ноября (№ 302), 11 (23) ноября (№ 312), 11 (23) декабря (№ 342), 24 декабря (5 января) (№ 355).
- ⁵⁹ Там же. 1864. 1 (13) ноября (№ 302); 1865. 10 (22) марта (№ 69).
- ⁶⁰ Там же. 7 (19) ноября (№ 308).
- ⁶¹ Там же. 1865. 17 (29) сентября (№ 257).
- ⁶² Там же. 16 (28) апреля (№ 104).
- ⁶³ Там же. 15 апреля (№ 80), 17 апреля (№ 82), 20 апреля (№ 83).
- ⁶⁴ Московские ведомости. 1865. 21 апреля (№ 84).

- ⁶⁵ Там же. 19 октября (№ 229).
- ⁶⁶ Там же. 19 мая (№ 107).
- ⁶⁷ См. например: Голос. 1867. 20 апреля (2 мая) (№ 108).
- ⁶⁸ Подробно идея русско-американского союза проанализирована в монографии М.М.Малкина «Гражданская война в США и царская Россия».
- ⁶⁹ Голос. 1863. 8 (20) октября (№ 265), 18 (30) октября (№ 275).
- ⁷⁰ Подробности визита см.: *Куропятник Г.П.* Россия и США: экономические, культурные и дипломатические связи, 1867-1881. М., 1981.
- ⁷¹ 1863-1877. Пятнадцатилетие газеты «Голос»... С. XXII.
- ⁷² Московские ведомости. 1866. 8 января (№ 6).
- ⁷³ Голос. 1866. 14 (26) августа (№ 223).
- ⁷⁴ Там же. 1867. 30 января (11 февраля) (№ 30).
- ⁷⁵ Там же. 1866. 30 июля (11 августа) (№ 208).
- ⁷⁶ Московские ведомости. 1866. 29 июля (№ 159).
- ⁷⁷ Подробнее о сделке и реакции на нее общественных кругов России см.: *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1832-1867. М., 1990.
- ⁷⁸ Собрание передовых статей «Московских ведомостей»... Т. 7. С. 714.
- ⁷⁹ В «Московских ведомостях» вместо Командорских островов напечатали «Корондорские» (*Д.З.* Заметка по поводу трактата // Московские ведомости. 1867. 23 апреля (№ 88)).
- ⁸⁰ Голос. 1867. 9 (21) апреля (№ 99).
- ⁸¹ Там же. 23 марта (4 апреля) (№ 82), 25 марта (6 апреля) (№ 84), 27 марта (8 апреля) (№ 6).
- ⁸² Там же. № 87. 28 марта (9 апреля).
- ⁸³ Там же. 9 (21) апреля (№ 99).
- ⁸⁴ Рады ли американцы покупке наших владений в Америке // Голос. 1867. 14 (26) апреля (№ 104).
- ⁸⁵ Свидетельством чего являются большие по тем временам тиражи газет, притом, что подписка на них стоила столько же, сколько и на «толстые» журналы.

БРИТАНСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОПЫТ В ОЦЕНКЕ РУССКИХ ЛИБЕРАЛОВ

Англия по праву считается родиной классического парламентаризма. Британскому государственному устройству уделялось особое внимание исследователями разных стран и разных исторических эпох. Но в России данной проблемой серьезно заинтересовались лишь в 1830-1850-е гг. представители западничества. Этот интерес был далеко не праздным в силу оживленных дискуссий, происходивших в то время в стране по поводу будущего политического устройства России. Именно западники – представители широкого общественно-политического направления – стали задумываться о применимости английского опыта к российской действительности.

Преемник западничества, отечественный либерализм, перенял многие его идеи, в том числе ориентацию на европейский путь развития. Полагая, что страны Запада смогли создать правовое государство, обеспечивающее наиболее гуманные условия для развития человеческой личности, русские либералы активно обращались к их опыту. Среди них ведущее место отводилось Великобритании. О том, какие политические достижения этой страны привлекали внимание либералов второй половины XIX века и насколько глубоко и серьезно рассматривалась проблема их заимствования для России, мы узнаем из работ Н.И.Кареева, М.М.Ковалевского, М.Я.Острогорского, Б.Н.Чичерина и редакторских статей журнала «Вестник Европы». Внимание к британскому историческому и политическому опыту прослеживается в трудах Чичерина «Курс государственной науки» (1894-1898), «О народном представительстве» (1866), «Очерки Англии и Франции» (1858), «Собственность и государство» (1882-1883), в семитомном труде Кареева «История Западной Европы в новое время» (1893-1917) и его работе «Основные вопросы философии» (1883). Преимущества и не-

достатки, тенденции развития британской представительной демократии анализировались в фундаментальном труде Острогорского «Демократия и политические партии» (1901) и ряде исследований Ковалевского: «Английская конституция и ее историк» (1880), «Кризис в западных конституциях» (1886), «Происхождение современной демократии» (1895-1897), «Учение о личных правах» (1895).

Широкий спектр вопросов, рассматриваемый вышеперечисленными авторами, сводился прежде всего к двум основным связанным и одновременно самостоятельным проблемам: конституционализм (подразумевает рассмотрение прав гражданина, законности, истории, структуры и функций народного представительства) и парламентаризм (включает анализ разделения властей и механизма их соединения, способ формирования правительства и контроля за его деятельностью)¹. Классической конституционной и парламентской страной являлась, по их мнению, Англия, в которой основные характеристики конституционализма – законность, гарантия прав человека, политическая свобода, народное представительство – были налицо.

Классифицируя западные страны по степени реализации в них свободы, М.Ковалевский на первое место ставил США. Только в последней индивидуальная свобода охраняется конституцией; в Англии же и континентальных странах ее существование ставится в зависимость от закона. Поскольку «английский парламент ежечасно в праве принять меры к упразднению личных вольностей»², постоянно вмешивается в права частных лиц для общественной пользы, он представляет постоянную угрозу правам гражданина и самой законности. Нейтрализовала же «произвол закона», по мнению мыслителя, судебная система. Поэтому она являлась главной гарантией личных прав и позволяла считать Англию страной развитого конституционализма и политической свободы.

Российские либералы подробно останавливались на структуре и функциях, позитивных и негативных сторонах деятельности британского парламента, являвшегося разновидностью

представительного собрания. Наибольшее внимание этому уделялось в работах Б.Н.Чичерина. Мыслитель справедливо называл британскую парламентскую монархию конституционной, так как конституция, хотя и не оформленная в виде отдельного документа, все же присутствовала в виде большого количества различных законов и постановлений и была основана на обычае. Он писал: «Не существует закона, которым бы устанавливались две палаты. Это устройство вытекло из жизненных потребностей и утвердилось практикою. В этом отношении важное значение имеют так называемые прецеденты, то есть прежние решения однородных тел. Они служат руководящими началами для новых случаев»³.

Верховная власть в стране принадлежала королю и двум палатам парламента. Король – это глава государства, «в нем содержатся все отрасли власти. Он утверждает законы... назначает и сменяет министров. Он же назначает судей, и от его имени отправляется правосудие. Король есть лицо безответственное; ответственность же за все действия управления принимают на себя министры»⁴. Кроме того, монарх, хоть и номинально, являлся верховным собственником земли⁵.

Как носитель законодательной власти, парламент вырабатывал и обсуждал различного рода законопроекты. Но стиль его повседневной работы был несовершенен из-за мелочности многих обсуждавшихся биллей. Это происходило, по мнению Чичерина, потому, что между основными и обыкновенными законами, а также между законами и постановлениями не видели особых отличий; все они предварительно рассматривались палатами. Через парламент проходили даже так называемые частные билли, то есть «решения, касающиеся частных или корпоративных интересов, например проведение и устройство железных дорог, различного рода постройки, учреждение и перенесение кладбищ и т. п.» «Исторически установившееся могущество парламента и чрезмерное стеснение правительства» вело к «обременению парламента огромным количеством дел, к которым он совершенно не способен»⁶. Выход был найден в создании специальных комиссий, деятельность которых,

по мнению Чичерина, была очень важной, так как позволяла выяснить все точки зрения по поводу того или иного вопроса.

М.П.Айзенштадт, занимавшаяся изучением процедуры создания и деятельности парламентских комиссий и комитетов, отметила, что при одинаковом написании – *committee* – разница между ними заключалась в том, что первые назначались королем, а вторые избирались или утверждались парламентом⁷. В работах Чичерина упоминается о некоторых из типов комитетов, выделенных исследовательницей. В частности, мыслитель писал о заседаниях парламента на правах комитета (*Committee of the Whole House*), которые использовались для рассмотрения наиболее важных дел с целью создания менее формальной обстановки при обсуждении больших по объему биллей, как правило, касавшихся сложных финансовых вопросов. Упоминались им и выборные комитеты (*Select Committees*), по его терминологии, «избранные комиссии», которые создавались «для некоторых дел, в особенности для предварительных исследований... обыкновенно из 15 членов, с весьма обширными полномочиями». Постоянные же комитеты (*Standing Committees*), по сведениям Чичерина, выбирались палатой общин в начале каждой сессии или назначались председателем с подачи палаты «для некоторых дел»⁸. Сравнивая информацию с той, которая получена у современных исследователей, отметим точность, достоверность и объективность российского либерала.

Другим недостатком английской представительной системы считался характер верхней палаты, отношение к которой было неоднозначным и вполне соответствовало тем широкомасштабным дискуссиям, которые велись британскими политическими деятелями со второй половины 1880-х гг. Весь спектр мнений укладывался в два основных подхода. Первый был связан со скорейшим упразднением палаты лордов, которая стала тормозом английской представительной системы, и совпадал с видением судьбы верхней палаты лидером английских либералов В.Гладстоном. Ведь именно лорды тормозили реализацию основного направления его политического курса – гомруля, или частичного самоуправления Ирландии. Второй

подход был не столь категоричен и разделялся большим количеством представителей русской либеральной мысли. Палата лордов, по их мнению, хотя и является архаичным учреждением, соответствует некоторым чертам британского национального сознания. Поэтому ее надо не ликвидировать, а постепенно лишать наиболее значимых функций. Эта идея нашла практическую реализацию в 1912 г., когда верхняя палата лишилась права абсолютного вето и утверждения финансовых законопроектов.

Защитников этого, второго подхода мы находим в лице Б.Чичерина и М.Ковалевского, хотя надо учитывать различное понимание ими функций лордов. Чичерин полагал, что однопалатное представительное собрание возможно лишь в небольших государствах. И лишь двухпалатный орган выступает посредником и предупреждает столкновения между монархом и нижней палатой. Более того, в идеальном государстве необходимо сочетание монархического, демократического и аристократического начала. Последнее необходимо для успешного развития государства, так как аристократия «есть правление лучших людей или способнейшей части общества»⁹. М.Ковалевский же полагал, что главной функцией верхней палаты является противовес деспотизму нижней¹⁰. Отмечая, что недовольство политических сил палатой лордов было связано не с фактом ее существования, а аристократическим характером, он предлагал превратить ее со временем в выборную.

Наконец, среди недостатков британской представительной системы, называлась и ограниченность избирательного права. Русские либералы очень подробно анализировали избирательные реформы, проведенные в Великобритании в 1832, 1867 и 1884-1885 гг. Полагая, что ведущей фигурой в проведении первой избирательной реформы был король Вильгельм IV, а не премьер-министр Ч.Грей, Чичерин отозвался о ее результатах достаточно критично. По его мнению, избирательный закон 1832 г. «не внес новых начал в государственное устройство, не заменил прежнего исторического развития новыми отвлеченно-либеральными формами... был составлен не по теоретиче-

ским соображениям, а на основе практических данных. Поэтому возникшие исторические несообразности далеко не были устранены». Хотя мыслитель видел и позитивные результаты Акта 1832 г., заключающиеся в «существенных изменениях в составе нижней палаты», ликвидации «гнилых местечек» и предоставлении избирательного права «городам и классам, прежде исключенным из представительства»¹¹. Более восторженные оценки первой парламентской реформе прозвучали из уст Н.И.Кареева, среди достижений которой назывались «большее соответствие нижней палаты общественному настроению и более верное выражение общественного мнения», сокращение злоупотреблений членов палат, расширение гласности парламентских слушаний и голосования. «Одним словом, — заключал историк, — от реформы 1832 г. в Англии несомненно выиграла политическая свобода»¹². Гораздо критичнее он подошел к оценке результатов избирательного закона 1867 г., который «благоприятствовал только городам и не изменил суть самого участия в выборах»: оно по-прежнему рассматривалось не как право, а как «особая привилегия (franchise), зависящая от известных условий». Кареев назвал новый закон о выборах «вторым, исправленным и дополненным изданием реформы 1832 года»¹³, хотя и признал, что «с 1867 г. Англия решительно вступила на путь демократизации своих учреждений»¹⁴.

Такой же неоднозначностью характеризовалась и его оценка третьей избирательной реформы. С одной стороны, Н.И.Кареев справедливо подметил, что она не затронула «некоторых старинных особенностей английского избирательного права». В частности, сохранилась связь права голоса с жилищем, а не с лицом; поэтому в стране даже среди мужчин не имели этого права около 2 млн человек. С другой, прогрессивным изменением было относительно пропорциональное распределение избирательных округов; поэтому реформа 1884-1885 гг. «сильно демократизировала английскую избирательную систему»¹⁵.

Б.Н.Чичерин не был противником демократизации парламентской системы Великобритании, но считал, что она должна быть умеренной: «...если даже принять, что народное предста-

вительство должно быть выражением не общего мнения об общем деле, а совокупности отдельных, существующих в народе интересов – земледельческих, торговых и т.п., то все же каждый элемент должен быть представлен в парламенте соответственно со своей значимостью»¹⁶. Власть, по его мнению, нужно давать только тем людям, которые способны ее принять и реализовывать в соответствии с интересами общества. Для этого он предлагал ввести равный для всех образовательный ценз. В целом, оценки избирательных реформ XIX века в работах российских либералов второй половины столетия были позитивными и не столь значительно отличались друг от друга.

Вышеперечисленные недостатки британской представительной системы компенсировались ее достоинствами, к коим относился, во-первых, выборный характер формирования представительства. Несмотря на отсутствие всеобщего избирательного права нижняя палата все же «несла в себе демократическое начало, являясь выборной и состоя из народных представителей»¹⁷. Во-вторых, демократический характер британского представительства был обусловлен, по мнению либералов, объемом властных полномочий парламента и характером отношений с короной. Парламент осуществлял законодательную деятельность, располагал правом утверждения бюджета и контроля над управлением, то есть обладал полномочиями, достаточными для выражения воли нации. Корона играла далеко не формальную, хотя и не ведущую роль¹⁸. Королевской власти удалось занять достойное место в системе представительной демократии в викторианскую эпоху. Благодаря авторитету королевы Виктории наряду с ростом демократических учреждений в стране в XIX столетии корона стала общепризнанной нравственной силой¹⁹. Либеральные мыслители, таким образом, полагали, что сильная монархия не противоречила, а была гарантом демократического характера английского государства.

Помимо парламента, как законодательной власти, и монарха, как главы исполнительной власти, важной составляющей парламентского правления являлась судебная власть. Частично

ею обладали палаты и король, однако основные обязанности исполняли независимые и несменяемые судьи, назначаемые главой государства пожизненно. Чичерин отмечал: «При несменяемости судей, единственным способом влияния остается повышение, которое возбуждает честолюбие. В Англии и этому путь отрезан. Там коронные судьи весьма немногочисленны и получают скромное содержание, идти им далее некуда, так как они занимают важные судейские места»²⁰. Подобное устройство служило одной из сдержек, предупреждающих произвол со стороны двух других ветвей власти.

Еще одним элементом властных структур в государстве является кабинет министров, носивший функции правительственной власти. Английское правительство, за исключением финансовых вопросов, было лишено законодательной инициативы. Но поскольку министры сами значились депутатами парламента, то любой законопроект они могли представить через членов своей партии, то есть косвенно тоже обладали данной привилегией²¹. В отличие от Ш.Монтескье, считавшего, что разделение властей составляло основу британской представительной системы, российские либералы полагали, что спецификой представительной демократии является соединение исполнительной и законодательной власти. Связующим звеном между ними является кабинет министров, который по своему происхождению (формируется из среды членов парламента) является законодательным органом, а по своим функциям – исполнительным.

Отличительной чертой парламентской формы правления являлось назначение министерства из партии, составляющей большинство в нижней палате. Таким образом, министерство пользовалось поддержкой большинства народных представителей. По мнению Чичерина, как только оно лишалось этой поддержки, должно было сразу уйти в отставку или же, с санкции короля, распустить палату и устроить новые выборы. Но если избиратели снова проголосовали за большинство, враждебное министерству, то последнее должно было уступить²².

Помимо прямого подчинения правительства народным избранникам, важной особенностью британского правительственного режима являлось отсутствие бюрократии. Частая смена министров — реалия парламентаризма — хотя и ослабляла преемственность исполнительной власти, была для либеральных мыслителей меньшим злом, чем засилье профессиональных чиновников. И это вполне объяснимо: для российской государственно-политической действительности именно бюрократизм был наиболее слабым звеном.

В своих представлениях о природе британского парламентаризма либеральные знатоки учитывали исторически длительный и этапный характер его становления. Специфику британской политической истории мыслители связывали прежде всего с ее островным положением²³, отличным от континентального сословным строем, наконец, слабым развитием городов и сильными позициями аристократии²⁴. Обращаясь к истокам английского парламентаризма, Б.Чичерин делал акцент на истории представительных учреждений в мировом масштабе, рассматривая политический строй Англии как пример народного представительства в условиях конституционной монархии. Мыслитель справедливо полагал, что английский парламент во времена его становления не являлся типичным сословным учреждением²⁵. В целом, несмотря на некую упрощенность изложения процесса становления британского сословно-представительного учреждения, схематизм и специфику юридического мышления, концепции и идеи Б.Чичерина, М.Ковалевского и Н.Кареева находятся в русле современных тенденций понимания этого процесса. Их взгляды на процесс складывания прерогатив парламента, несмотря на отдельные расхождения по частным вопросам, совпадали. Отправной точкой они считали Великую хартию вольностей 1215 г., среди же ведущих прав парламента называли право вотирования субсидий, законов и право контроля над королевскими советниками. Справедливо отмечалось, что к середине XV века установилась компетенция парламента в английской политической жизни. В то время, как на материке постепенно стал укреп-

ляться абсолютизм и исчезли сословно-представительные учреждения, палаты Англии, несмотря на временный упадок, выдержали это испытание.

Наиболее тяжелая ситуация сложилась в XVI веке, в период Реформации и правления Тюдоров, когда монархия усилила свою власть в государстве, а парламентские постановления нарушались. М.Ковалевский отметил временное падение доверия народа к деятельности представительства и поворот общественного мнения в сторону единоличного правления²⁶. Но палаты время от времени созывались, и в ряде случаев Тюдоры даже шли на уступки. Особенно дальновидной, по мнению Н.Кареева, была политика Елизаветы I, во времена которой была установлена депутатская неприкосновенность членов парламента²⁷. В целом, по мнению Чичерина и Кареева, у английского абсолютизма не было шансов на существование²⁸.

Постепенное восстановление прежнего влияния английского парламента началось в середине XVII века, в период Английской революции. Кульминацией борьбы монархии с парламентом стали события «славной революции» 1688-1689 гг., которая завершилась окончательной победой парламента. В дальнейшем, по мнению Чичерина, противостояние короля и палат перешло на новый уровень и проявилось в виде борьбы двух партий – тори и вигов²⁹. Завершающим событием в истории английского парламентаризма русские либералы считали появление традиции формирования правительства из членов победившей на выборах партии, лидер которой становился премьер-министром. Впервые данная практика была применена в начале XVIII века при королеве Анне и окончательно утвердилась в конце того же столетия. Таким образом, со второй половины XVIII века «последовательная смена политических партий в управлении страной создала между королем, парламентом и министерством отношения, близкие к тому парламентскому режиму, полное осуществление которого выпало на удел нашему времени»³⁰. То есть сложившиеся формы парламентаризма приобрела в викторианскую эпоху.

Важной составляющей политической системы Великобритании являлось местное самоуправление, которое подробно анализировалось либеральными мыслителями. Длительное время, по свидетельству Чичерина, в нем отсутствовало выборное начало. Мировые судьи, объединявшие в своем лице судебную и административную власть, назначались правительством по представлению пожизненно занимавшего свою должность лорда-лейтенанта. В графствах эти должности не оплачивались и редко занимались компетентными людьми. Столичные же мировые судьи получали жалованье, так как от них требовалось больше специальных знаний и больше ответственности. Центральная власть не оказывала влияния на областную, так как мировыми судьями становились независимые местные землевладельцы.

После реформы 1832 г. в местном управлении стал устанавливаться контроль государственной власти и вводилось выборное начало. Важным рубежом явилась реформа 1888 года, которая закрепила последнюю тенденцию. «Во главе графств, — отмечал Чичерин, — был поставлен Совет (Country Council), избираемый всеобщим голосованием, даже с приобщением женщин... выборные советы могут, впрочем, подлежать большему или меньшему контролю со стороны государства»³¹. Власть на местах переходила от аристократии к средним классам. Но вплоть до конца XIX в. местное самоуправление было сословным, представляло привилегированные слои. Реформа 1888 г., а также билль 1893 г., увеличивавший права приходских советов, были высоко оценены в либеральной печати, которая расценила произошедшее как революцию в английском стиле: ничего не разрушилось, просто функции перешли к другим учреждениям, «оставив старые существовать в виде декоративных переживаний»³². Отличием британского самоуправления от континентального либералы считали отсутствие бюрократических «этажей» между местным и центральным управлением³³ и в целом полагали, что «своей свободой Англия была обязана местному самоуправлению»³⁴.

Необходимым условием классического парламентаризма являлась, по мнению отечественных либералов, двухпартийная система. Б.Н.Чичерин создал оригинальную теорию происхождения и развития партий. По его мнению, появление последних на политической арене было закономерным для каждого государства на определенном этапе его развития: «Источник партий лежит в самом существе государственного организма, так и в составе общества, и наконец, в свойствах человеческого развития... Государство есть сложное тело: в нем сочетаются не только различные, но и противоположные элементы, которые могут совмещаться только при взаимном ограничении»³⁵. Мыслитель полагал, что настоящие партии возникают только там, где политическая жизнь и общественное мнение приобрели некоторое развитие, и где существует политическая свобода. «Чем партии устойчивее, тем более они срослись с историей народа, чем более определилась их программа, тем правильнее течет политическая жизнь, основанная на свободе»³⁶.

Но партия, по мнению Чичерина, становится таковою только тогда, когда «ее поприщем является представительное собрание, в котором противоположные интересы призываются к общественному решению дела». В случае споров каждая партия стремится к привлечению большинства на свою сторону, и в результате возникает «постоянное, дружное действие при взаимных уступках». Таким образом, полагал либеральный теоретик, «партии составляют необходимое условие всякого правления, которое допускает в себе начало политической свободы и требует содействия народного представительства»³⁷.

Чичерин неоднозначно оценивал роль партий в политической жизни. Позитивным являлось то, что данные политические группы выносят на государственный уровень обсуждение общественных проблем, действуя в соответствии с интересами своих избирателей. Негативными же сторонами были односторонность проводимой политики, периодически возникающая оппозиция власти, острая внутренняя борьба, партийная лояльность в ущерб справедливости и патриотизму³⁸. Но он прекрасно понимал, что появление партий – закономерный про-

цесс для политической жизни любой страны, существенная сторона в развитии парламентаризма, и парламентское правление невозможно, «пока партии не выработались и не доказали свою способность управлять государством»³⁹.

Эволюция британской партийно-политической системы подробно рассматривалась в работах Б.Н.Чичерина, Н.И.Кареева и М.Я.Острогорского. Не каждому удалось уловить отличие современных им партий от парламентских группировок предшествующих веков⁴⁰. В частности, Чичерин относил появление английских партий ко второй половине XVII века, периоду правления Карла II⁴¹, полагая, что отличия вигов и тори прослеживались как в политических взглядах (первые были «народной партией», выступавшей за свободу и развитие конституционных начал; вторые – придворной партией, поддерживающей королевскую прерогативу), так и в социальной базе (тори были преимущественно представлены земельной аристократией и высшими чиновниками англиканской церкви; виги же опирались на аристократию, связанную с финансовыми и торговыми кругами)⁴².

Н.И.Кареев связывал начальный период существования партий с еще более отдаленным временем – Английской революцией середины XVII века. Мыслитель имел в виду появившиеся в начале 1640-х гг. в Долгом парламенте группировки «кавалеров», выступивших на стороне короля, и «круглоголовых», поддерживавших расширение прав народного представительства. Через 40 лет, по его мнению, данные «партии» возродились в виде партий тори и вигов, а те впоследствии превратились в консервативную и либеральную партии. Полагая, что «в истории Англии поражает нас непрерывность ее учреждений с древнейших времен до вчерашнего дня», Кареев пытался доказать, что консерваторы и либералы существовали с 1640-х гг. до конца XIX столетия⁴³.

Б.Чичерин высоко оценивал аристократизм группировок вигов и тори, сохранявшийся и в первой половине XIX в., видя в этом залог единства и сглаживания противоречий: «Аристократия разделялась между обоими направлениями, сохраняя

между ними должную связь и устраняя всякие крайности»⁴⁴. Политическая зрелость либеральной партии, считал он, была связана с тем, что она «прошла свою политическую школу под руководством аристократии, которая воспитала в ней истинно политический дух»⁴⁵.

Просуществовав на политической арене Великобритании почти сто лет, виги и тори во второй половине XVIII в. испытывали серьезный кризис. В 1784 г. в рядах обеих группировок произошел раскол, который стал причиной реорганизации данных политических образований⁴⁶. Произошедшие перемены в партиях оценивались положительно русскими либералами, т. к. они укрепили мирное взаимодействие и взаимопонимание между вигами и тори и способствовали превращению «прежних распрей» в «правильную деятельность свободных учреждений»⁴⁷.

Оригинальную интерпретацию эволюции британской партийной системы предложил М.Острогорский, обративший внимание, что во второй половине XIX века произошли значительные изменения в организации партий. До середины XIX века они существовали лишь в парламенте, а «избиратели являлись только личной свитой соперников, объявлявших друг другу дуэль»⁴⁸. Со второй половины столетия с расширением избирательных прав населения и включением в политическую жизнь новых слоев, партии стремятся увеличить свое влияние в обществе за счет мобилизации сторонников путем целенаправленных усилий. Возникают массовые партийные организации, создаются специальные центры по проведению предвыборной кампании в интересах той или иной партии. Возникает «кокус» – первоначальная организационная ячейка партии нового типа, которая обеспечивала связь центрального руководства с массами. Начинается консолидация партии, ее централизация и бюрократизация, сопровождаемые расцветом политического цинизма, абсолютизацией партийных интересов: «кокус... скоро становился фракционной крепостью для группы людей, полной сектантского духа»⁴⁹.

Острогорский был одним из немногих, кто в то время поставил вопрос об отношении демократии и тирании, отметив, что демократия – это скорее проблема, чем решение. Однако британская демократия, по мнению мыслителя, выжила в силу наличия в политической культуре нации демократических ценностей: «Свобода чересчур укрепилась в английских нравах, она защищена национальной совестью, распространенными привычками и понятиями крепче, чем какими бы то ни было законодательными постановлениями»⁵⁰. Глубина и обстоятельность анализа механизма образования и деятельности партий сознания сделало М.Острогорского одним из основателей политической социологии, хотя во время выхода в свет его книга была известна лишь узкому кругу лиц.

Большинство российских либералов полагало, что демократизм британской представительной системы связан с двухпартийностью, то есть наличием двух больших партий, последователь сменяющих друг друга у власти⁵¹. Анализируя тенденции эволюции партий в последние десятилетия XIX века, обозреватели «Вестника Европы» подчеркивали, что различие между двумя главными партиями Британии становятся менее резкими, изменения в правительственной политике после смены правящей партии – менее радикальными. Отличие консерваторов и либералов заключалось уже в оттенках, в степени реформаторской смелости и предприимчивости⁵². В этой тенденции российские либералы усматривали отход от узкопартийных интересов и прогресс британской партийной системы.

В целом партийная система считалась главным элементом политического устройства Британии, так как именно она обуславливала сложившийся здесь парламентский тип представительной демократии. К концу XIX века наблюдался существенный отход либералов от позиции Б.Чичерина, который если и не отвергал категорически надобности в политических организациях, то сомневался в их необходимости. В борьбе партий, по мнению Чичерина, крылась величайшая опасность, ведущая к потере политической свободы⁵³. Новое поколение либералов полагало, что политические партии – это аксиома демократии.

Очевидной для них была прямо пропорциональная зависимость между уровнем развития партийной и демократической системы в целом.

Таким образом, британская демократия в глазах российских либералов представляла сочетание достаточно развитого, хотя далеко не совершенного конституционализма, высшей формы парламентского правления и динамично демократизирующегося местного самоуправления. Они разделяли идею Ш.Монтескье о том, что в Англии «свобода и власть, права личности и привилегии, народ, монархия и аристократия сливаются в одно гармоничное целое». Единодушным было убеждение, что исчезновение аристократических пережитков – ограниченного избирательного права и консервативной верхней палаты – лишь вопрос времени. Соответствие политической системы типу и уровню развития национального самосознания являлось, по их мнению, одной из причин эффективности представительной демократии в Англии.

В целом уровень анализа государственно-политического развития Англии российскими либералами второй половины XIX века был высоким для своего времени. Парламентская Англия вызывала одновременно и одобрение, и критику. И хотя британский парламентаризм и конституционализм были далеки от совершенства, они были притягательны в сравнении с архаическим государственным режимом в России. В английском варианте политического развития российских либералов привлекала законность и монархизм. «Представительная монархия, будучи произведением нового быта народов... это самый искусственный из образцов правления, требующий особого умения, тонкости и благоразумия со стороны всех его участников. Она возможна только при весьма высоком развитии народа», – отмечал Б.Чичерин⁵⁴, полагая, что для России это дело отдаленного будущего. Либералы учитывали, что в силу исторических и геополитических причин «ни в одном конституционном государстве монархическая власть так не стеснена, как в Англии», где она «не развилась в чистую форму самодержавия, как в других великих европейских государствах»⁵⁵.

В целом российские либералы не были сторонниками механического переноса британской политической модели в Россию, полагая, что необходимо использовать элементы представительной демократии различных стран. В иерархии западных стран по степени влияния их опыта на идеологию отечественных либералов Англия занимала второе после Германии место⁵⁶. Выбор элементов заимствования в государственных устройствах европейских стран диктовался российскими условиями.

-
- ¹ Селезнева Л.В. Западная демократия глазами российских либералов начала XX века. Ростов н/Д, 1995. С. 96-97.
- ² Ковалевский М. Учение о личных правах. М., 1895. С. 121.
- ³ Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч. 1. М., 1894. С. 301.
- ⁴ Он же. Собственность и государство. Ч. 2. М., 1883. С. 360-361.
- ⁵ Он же. Курс государственной науки. Ч. 1. С. 115.
- ⁶ Он же. О народном представительстве. М., 1866. С. 157-158.
- ⁷ Айзенштадт М.П. Парламентские комитеты и комиссии в первой половине XIX века // Из истории европейского парламентаризма. Великобритания. М., 1995. С. 125-126.
- ⁸ Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч. 1. С. 312.
- ⁹ Там же. С. 170.
- ¹⁰ Ковалевский М. Происхождение современной демократии. Т. 1. М., 1895. С. 287.
- ¹¹ Чичерин Б. О народном представительстве. С. 264.
- ¹² Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. 5. СПб., 1903. С. 84-85.
- ¹³ Там же. Т. 6, ч. 1. М., 1910. С. 33.
- ¹⁴ Там же. С. 34.
- ¹⁵ Там же. Т. 5. С. 87; Т. 6, ч. 2. С. 215-216.
- ¹⁶ Чичерин Б. Очерки Англии и Франции. М., 1858. С. 23-24.
- ¹⁷ Он же. Курс государственной науки. С. 323, 172; Он же. Собственность и государство. Ч. 2. С. 361-362.
- ¹⁸ Вестник Европы. 1897. № 7. С. 397. См. также: Там же. С. 384-385.
- ¹⁹ Там же. С. 379, 380, 382.
- ²⁰ Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч. 1. С. 327.
- ²¹ Там же. С. 176-177.
- ²² Там же. С. 179.
- ²³ Чичерин Б. О народном представительстве. С. 223; Ковалевский М. Английская конституция и ее историк. М., 1880. С. 20.

- 24 Кареев Н. История Западной Европы в новое время. Т. 1. СПб., 1892. С. 77.
- 25 Чичерин Б. О народном представительстве. С. 109-110.
- 26 Ковалевский М. Происхождение современной демократии. Т. 1. С. 567.
- 27 Он же. Английская конституция и ее историк. С. 12.
- 28 Кареев Н. История Западной Европы в новое время. Т. 2. М., 1893. С. 426-427, 429, 431. Эти данные подтверждаются современными исследованиями. См.: Репина Л.П. Формирование демократических принципов в английском парламенте XIV-XVII веков // Из истории европейского парламентаризма... С. 26-27.
- 29 Чичерин объяснял данный факт отсутствием у английских королей постоянного войска, что «англичане считали главным оплотом своей свободы»: Чичерин Б. О народном представительстве. С. 243.
- 30 Там же. С. 255.
- 31 Ковалевский М. Происхождение современной демократии. Т. 1. С. 567.
- 32 Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч. 1. С. 410.
- 33 Вестник Европы. 1895. № 9. С. 96.
- 34 Там же. 1901. № 9. С. 98-99.
- 35 Там же. 1895. № 9. С. 96.
- 36 Чичерин Б. О народном представительстве. С. 58.
- 37 Там же. С. 171, 464.
- 38 Там же. С. 59.
- 39 Он же. Собственность и государство. Ч. 2. С. 365.
- 40 Он же. О народном представительстве. С. 465.
- 41 Наиболее удачная периодизация партийно-политического развития Великобритании дана В.В.Согриным, полагавшим, что становление партий либералов и консерваторов в подлинном смысле слова охватывало длительный период с 1830 по 1870-е гг.: Согрин В.В., Зверева Г.И., Репина Л.П. Современная историография Великобритании. М., 1991. С. 182.
- 42 Чичерин Б. О народном представительстве. С. 255.
- 43 Он же. Очерки Англии и Франции. С. 58-59.
- 44 Кареев Н. История Западной Европы... Т. 2. С. 467.
- 45 Чичерин Б. О народном представительстве. С. 255.
- 46 Он же. Собственность и государство. Ч. 2. С. 369.
- 47 Он же. О народном представительстве. С. 262.
- 48 Там же. С. 263.
- 49 Острогорский М. Демократия и политические партии. Т. 1. М., 1927. С. 47.
- 50 Там же. С. 71.

⁵¹ Там же. С. 275.

⁵² Ковалевский М. Происхождение современной демократии. Т. 1. С. 545.

⁵³ Вестник Европы. 1892. № 8. С. 861; Вестник Европы. 1891. № 7. С. 385.

⁵⁴ Чичерин Б. О народном представительстве. С. 57, 62.

⁵⁵ Там же. С. 95.

⁵⁶ Там же. С. 135, 241.

⁵⁷ Селезнева Л.М. Указ. соч. С. 141.

МОНАРХИЧЕСКАЯ И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ (начало XX века)

В последнее время историки, философы, психологи, представители других гуманитарных наук все чаще обращаются к проблеме восприятия одного народа другим. Имидж этноса, сложившийся в общественном сознании, может влиять на отношения между нациями и государствами. При определенных обстоятельствах эти представления имеют даже больший политический вес, чем реальные, но мало понятные обществу отношения сторон. образу чужого отводится роль, не изведенная собственным восприятием, — заменителя действительности. Сила подобных образов состоит в том, что в них верят, а не в том, отражают ли они реальность.

Периодическая печать России, в частности, так называемые «толстые» журналы, в начале XX века активно формировала общественное мнение большинства народа, посредством сообщений корреспондентов у широкой читательской аудитории создавалось впечатление о том или ином государстве, его населении. Такие общественно-политические журналы, как «Вестник Европы», «Мир Божий», «Русское богатство», «Русская мысль», наиболее долговременные издания второй половины XIX — начала XX века, являлись «своеобразным дневником» эпохи, синхронно отражающим основные события мировой истории. Русские корреспонденты в начале XX века в силу ряда причин испытывали большой интерес к проблемам Великобритании. Одни видели в этом государстве опасного врага и соперника, другие считали государственную и правовую систему Англии главным примером для подражания. Несмотря на то, что Великобритания оказывала различное воздействие на журналистов в зависимости от их индивидуального мировоз-

зрения, было много общего в восприятии этой страны. Так, корреспонденты, находившиеся в Великобритании, отмечали сосуществование двух разнонаправленных тенденций в общественно-политическом сознании англичан: при все большем распространении демократических идей не теряли силу и монархические убеждения населения.

На рубеже XIX-XX столетий в Великобритании произошла перемена царствования и династий. Королева Виктория, скончавшаяся 22 января 1901 г., была последней представительницей Ганноверского дома на английском престоле; ее преемник, король Эдуард VII, принадлежал по отцу к фамилии Кобургов. В сознании англичан, по объективному мнению журналистов, уход королевы завершал эпоху, названную викторианской, эпоху политического процветания и могущества Великобритании¹. Свои выводы обозреватели русских общественно-политических изданий делают, наблюдая за общим настроением населения во время похорон королевы. В субботу, 2 февраля, все улицы, ведущие к Гайд-парку, были залиты «живым морем». «Не работали все лавки, фабрики, дома, конторы, банки. Сотни тысяч занятых людей вышли на улицы. Кроме того, еще с предыдущего дня поезда привозили провинциалов, которые провели всю ночь на улице. На крышах, балконах, в окнах, на карнизах, везде, где можно было поставить скамьи, находились тысячи зрителей, явившихся с биноклями, корзинками со съестными припасами и с бутылками виски. Все деревья усыпаны зрителями»². «Эра золотого преобладания была окончена, — писала “Дэйли Телеграф” в номере за 23 января 1901 г. — Никогда еще не было в Англии потери такого уровня, ушла лучшая из самых лучших...”³ Бальфур в своей речи, произнесенной по случаю смерти королевы, говорил о трагическом значении этого «всеобщего горя» для монархии в целом и для каждого англичанина в частности: «Горе простирается от одного конца империи к другому. Горе это чувствует каждый гражданин, не только как национальную потерю, но и как личное горе. Не было случая, когда чувство национальной печали было бы так велико, это универсально и самопроизвольно... И эта

печаль у нас не просто потому, что мы потеряли большую личность, а потому, что период, начало которого за пределами нашей памяти, закончился». «Ее царствование примечательно не только своей продолжительностью. За эти 63 года, – рассуждал он далее, – произошло больше изменений, чем в любой такой же по длительности период в мировой истории. Изобретения, инвестиции, большие экономические изменения, открытия в науке и пр. Все, чего достигла Великобритания – заслуга Виктории... У нее не было периодов отдыха или отпусков. Ни внутреннее горе, ни болезнь не отвлекали ее от работы...»⁴ Такое же пессимистическое настроение, опасение, что «век уходит», отмечал Д.Голсуорси в «Саге о Форсайтах»⁵. Корреспондент К.Острогорский в своем очерке спустя несколько лет верно отметил, что «смерть последних двух монархов – Виктории и Эдуарда VII – сослужила государству не меньшую службу, чем их жизнь. Она вызвала во всех слоях общества взрыв лоялизма, принявший характер настоящего апофеоза»⁶. Обозреватель И.В.Шкловский, писавший под псевдонимом Дионео, анализируя материалы английской периодической печати, отмечал, что пресса в большом количестве «статей в черных рамках» по случаю смерти королевы Виктории воспевала имя последней. При этом употреблялось огромное количество прилагательных в превосходной степени: «величайшая», «мудрейшая», «гениальнейшая» и пр. Авторы этих статей даже дожди, лившие в последнее время в Англии, объясняли, тем, что «само небо оплакивает величайшую из монархинь». Много говорилось об убитых горем англичанах, о «мраке отчаяния, нависшем над Лондоном», о «великой утрате страны» и т.д.⁷ Смерть королевы, как подтверждал другой корреспондент, вызвала со стороны английских обозревателей систематическое обращение к истории правления королевы Елизаветы, которое сравнивалось с «эпохой Виктории», когда «английский империализм в первый раз определился». «Развитие национальной идеи и интеллектуальных сил, которым отличалась эпоха Елизаветы, может быть сравнено лишь с таким же развитием в эпоху Виктории», – цитирует русский наблюдатель английскую газе-

ту «Таймс» за 7 февраля 1900 г. Далее в этом же номере отмечалось, что если Елизавета была типичной представительницей Англии феодального периода, то Виктория – типичная женщина современных средних классов: такая же отличная мать, заботливая хозяйка и такая же «большая скопидомка». Секрет почитания Виктории русские обозреватели видят в том, что королева стала своеобразным идеалом женщины, матери и хозяйки, образом, который импонировал представителям среднего класса. «С развитием средних классов в Англии король стал скорее символом, чем активной властью. Виктория хорошо поняла это и устранилась от дел...»⁸

Корреспонденты русских общественно-политических изданий в своих очерках анализировали время правления королевы Виктории, отмечая, что в первые годы царствования последняя была «очень непопулярна» среди населения. Ко времени вступления Виктории на престол престиж королевской власти в Англии резко снизился, благодаря скандальному поведению ее предшественников и их антиконституционному вмешательству в управление делами государства. Ряд событий вооружили население против молодой королевы. Например, так называемый «заговор статс-дам», желавших погубить фрейлину, леди Флору Гастингс. В феврале 1839 года статс-дамы королевы обвинили леди Флору в безнравственном поведении. Королева приказала своему лейб-медику освидетельствовать фрейлину. Освидетельствование восстановило репутацию фрейлины, но вызвало сильное нервное потрясение для девушки, что послужило причиной ее смерти. О происшествии говорили всюду, оно объяснялось ревностью и завистью. Статс-дамы были крайне непопулярны после дела Флоры Гастингс, всюду говорили о том, что королева подчинилась всецело их влиянию. Тут, по мнению журналиста, столкнулись интересы различных придворных партий, интриговавших друг против друга. Описываемые события происходили на фоне широкого общественного движения. Во время колоссальных чартистских митингов для иллюстрации нравов высших классов приводилась история леди Флоры⁹. Но еще более негативной была реакция общества

на замужество королевы. Она выбрала себе супругом принца Альберта Кобург-Готского. Молодой принц воспитывался в дореформенной Германии. Имея неопределенные представления об английской конституции, он был большой знаток военного артикула и даже любил сам придумывать военные формы для солдат. Германия тогда была для среднего англичанина страной, которая дала Англии четырех Георгов. К ним же, особенно к первым двум, англичане не питали особых симпатий. Всем было известно, что Георги ненавидели английскую конституцию и хотели бы снизить ее значимость, если бы только сумели. Говорили, что принц Альберт будет убеждать королеву продолжать дело четырех Георгов. Враждебное отношение парламента к супругу королевы проявилось сразу же. Последний стал вмешиваться в государственные дела, и это вызвало в парламенте сильное раздражение. Благодаря прессе конфликт стал достоянием общественности. В адрес принца-супруга не раз устраивались враждебные демонстрации. Жертвой их становилась также и королева¹⁰. «Мир Божий» пишет о том, что страшный голод в Ирландии в 1847 г. и ужасающая смертность еще более увеличили непопулярность королевской четы: несмотря на жестокие бедствия, принц Альберт продолжал относиться к ирландцам, как к «бунтовщикам». Правительство королевы обвинялось в голодной смерти 2 млн ирландцев¹¹.

Виктория практически не интересовалась делами правления (о чем свидетельствуют ее дневники, доведенные до 1882 г.). Даже войны, которые вела Англия, волновали Викторию не столько как королеву, сколько как даму, родственники которой могут подвергаться опасности¹². Королева удалилась от дел и в течение 49 лет жила исключительно в своей семье, вдали от общества. В это-то время именно благодаря «бездействию» королевы и стал складываться «культ» Виктории, с ее именем стали связывать все положительные достижения. Английская печать говорила про «почту королевы», про «церковь королевы», про «армию и флот королевы». Были даже гимны королевы. Английский язык именовался «Queen's English», хотя Виктория выражалась по-английски не совсем правильно.

Даже была особая «погода королевы». В результате «имя королевы – стало символом всего того, чем жила страна, тем более, что за ним не было сильной государственной личности...» – отмечал русский корреспондент¹³. Но нельзя полагать, что у королевы не было своих политических убеждений. Она многому научилась от выдающихся британских политиков этой эпохи. Она была весьма компетентна по всем политическим вопросам, если только желала обратить на них свое внимание. Дипломаты и политические деятели, имеющие к ней доступ, нередко были поражены ее обширными познаниями, ясностью взглядов и удивительной памятью. «Но ее пассивная роль, – пишет современник событий, – гораздо пассивнее, чем того требует конституция, – ее отчужденность от всего мира лишали ее влияния и омрачали все эти блестящие качества»¹⁴.

Нам представляется, что в значительной степени создание культа Виктории объясняется не только глубоким уважением к семейным и хозяйским добродетелям королевы, но и силой привычки, которая так могущественна в Англии. Несколько поколений привыкло видеть на престоле Викторию. Она казалась им нераздельной частью империи. «The longest Reign» (самое долгое царствование) – так называли период правления Виктории.

Вечером 22 января 1901 г. в загородном поместье Осборн королева Виктория доживала свои последние часы. Близкие окружали королевское ложе, а врач и германский император Вильгельм II, внук умиравшей, держали ее голову, чтобы облегчить прерывавшееся дыхание. Грузная 82-летняя женщина, передвигавшаяся с помощью кресла-коляски, не утратила иллюзий об особом предназначении своей власти и желания править. «Я не хочу умирать, я должна завершить еще несколько дел», – говорила она¹⁵.

В наследство Эдуарду VII осталось много неразрешенных вопросов. Его первые шаги вызвали полемику в печати: англо-бурская война, вопросы англиканской церкви, ирландский вопрос...¹⁶ Одна из французских газет, как сообщает корреспон-

дент, назвала тогда Эдуарда «старым дебютантом», в Англии думали, что он слишком стар и слаб, чтобы править. Но не только дебют был удачен, делает свой вывод журналист, но и всю назначенную ему судьбой роль он провел с дарованием и энергией «настоящего человека на своем месте» («The right man in the right place») ¹⁷.

«Принимая тяжелое бремя, которое ныне будет лежать на мне, я твердо решил быть воинственным монархом, в самом строгом смысле слова и до последнего моего вздоха работать на благо и преуспевание моего народа», — заявил Эдуард, вступая на престол. И он не только был конституционным государем в самом полном значении этого термина, но больше того, конституционным монархом в «современном стиле», по выражению С.Лоу ¹⁸. Уже в 1903 году «Русская мысль» отмечала заслуги Эдуарда VII: «Английский король не играет в жизни государства такой крупной роли, как, например, германский император, но во всяком случае представляет почетную и заметную силу, которая может высоко подниматься благодаря личным достоинствам государя...» ¹⁹ Англо-французское соглашение было воспринято как большая личная заслуга короля. «Англо-французское соглашение является в значительной степени делом Эдуарда VII. Когда умерла королева Виктория, над Англией тяготела трудная и несправедливая война с бурами; Европа не симпатизировала Великобритании, Франция была раздражена известным эпизодом с Фашодой. Теперь все это изменилось к лучшему, и этому во многом помогла личная деятельность Эдуарда VII...» ²⁰

Автор одного из очерков, опубликованных в русском журнале уже после смерти короля, пытается отобразить портрет Эдуарда VII, делая свои выводы при этом на основе писем Сары Литман, гувернантки короля. Эти письма позволяют определить, что дало Эдуарду воспитание, которое состояло из системы приказов, меморандумов, скрепляющихся подписями обоих родителей. Маленького принца подвергали жесткой муштровке. Ему не давали ни одного свободного часа. Игры, забавы, были для других детей, но не для принца. Сначала его

отправили учиться в Германский университет, затем в Кембриджский. Декан отмечал в 18-летнем студенте недостаток энтузиазма, слабое воображение, отсутствие поэтического элемента. В молодые годы характерной чертой для Эдуарда VII была простота в обращении и природное добродушие короля. Вот почему придворные отзывались о короле как о «the best of King and the best of fellows» («одним из лучших добрых малых»)²¹. По словам «Revue de Paris», он был чужд высокомерной английской исключительности, являясь в то же время образом английского джентльмена и спортсмена. Благодаря всем этим достоинствам, конституционный монарх Соединенного королевства быстро приобрел широкую власть в жизни политических партий Великобритании и имя его окружало всеобщее и глубокое уважение.

Очень много писали о решающем влиянии Эдуарда VII на важные политические вопросы. Иногда даже говорили, что он был своим собственным «министром иностранных дел»²². Континентальные газеты совершенно серьезно вспоминали дипломатические разъезды Эдуарда VII и придавали им большое значение. Внутреннее развитие Великобритании в период правления Эдуарда VII характеризовалось все большей и большей демократизацией. По конституции роль короля должна была ограничиться лишь примирением слишком резких противоречий. И Эдуард VII, несмотря на активное участие в государственных делах, ни разу не вышел из таких рамок, какие ему были определены конституцией. Поскольку он должен был участвовать во внутренней политике, он проявил тот же «common sense» и тот же такт, какой отличал его и во внешней, комментирует К.Вейдемюллер²³.

После смерти Эдуарда VII, как и после кончины королевы Виктории, выразители общественного мнения начали воспевать годы его правления. Известный английский журналист Филипп Джибс в статье «Две великие исторические недели», описывает, как приняла лондонская толпа сообщение о смерти Эдуарда VII. «Народ был поражен будто ударом молнии. На каждом лице читалось выражение страшного отчаяния. Все как

бы окаменели. Можно было подумать, что каждый в толпе только что испытал удар, как от прикосновения сильной электрической батареи. Слезы текли по щекам не только у женщин, но и у мужчин. Никогда раньше я не видел, чтобы лондонская толпа была так потрясена. Узнав о новости, они закрывали лица платками и истерически рыдали. Король скончался. Как много это означает для империи и для судеб всей Европы!»²⁴

Другая журнальная статья, которую анализирует Дионео, начинается словами: «Катастрофа постигла Англию и Империю!» «Не только империя, но и сама природа была потрясена смертью короля, — спешила подчеркнуть пресса национальное горе. — Природа проявила прямую жестокость: небо было ослепительно ясным, но в час дня произошла сильная перемена: голубое небо омрачилось, серебристые облака сменились грозowymi тучами. Солнце скрылось, как будто внезапно потушили свет. В начале мая стал падать снег, белые хлопья закружились вокруг дворца, в котором лежало тело короля. И вдруг высоко в небесах загрохотал гром, который казалось, вот-вот разорвет их на части. Как обнаженные клинки засверкали молнии, пять, шесть, семь громовых раскатов потрясли землю. В этом грохоте население Лондона видело салют незримых сил в честь покойного короля. А затем небо опять прояснилось. Солнце снова засияло. Странное явление природы потрясло умы...» Английский наблюдатель отметил понимание народа Англии того, что со смертью короля на карте стоит безопасность империи. В стране — общее впечатление, что история примет иной ход вследствие того, что «Эдуард-миротворец» умер слишком рано и притом в крайне критический момент²⁵.

Во время вступления на престол Георга V, в настроении англичан наблюдалось опасения, что он может возвратить страну ко временам Георга III. Георга V отличала болезненность и угрюмый характер. В стране говорили о его консервативных взглядах, что он в связи с этим будет все решения парламента оставлять в соответствии решением своей воли. Положения эти серьезно обсуждались в континентальной прессе. Четыре Георга оставили нехорошую память после себя. Для

активного вмешательства в дела государства требуется, чтобы корона была представлена энергичным, честолюбивым, властным человеком. Но характер Георга V совсем другой. Это был человек скорее нерешительный, не обладающий ярко выраженной индивидуальностью. Георг V (1865-1936), король Великобритании, родился 3 июня 1865 г. в Мальборо-Хаус (Лондон), был вторым сыном принца и принцессы Уэльских (позже Эдуарда VII и королевы Александры), при крещении получил имя Георг Фридрих Эрнст Альберт. Не предполагая, что сможет занять трон, он получил военно-морское образование и служил на флоте. В 1892 г. преждевременная смерть старшего брата, герцога Кларенса, сделала его наследником престола. Королева Виктория нарекла его герцогом Йоркским. В июле 1893 г. он женился на принцессе Виктории Марии Текской, которая ранее была помолвлена с его старшим братом. Как наследник престола, Георг получил герцогство Корнуолл, а 9 ноября 1901 г. стал принцем Уэльским – после коронации своего отца Эдуарда VII. После смерти Эдуарда 6 мая 1910 г. Георг был провозглашен новым королем и короновался 22 июня 1911 г. в Вестминстерском аббатстве²⁶.

Правление Георга V началось во время конституционного кризиса в палате лордов, которая отказалась утвердить билль парламента, ограничивающий ее полномочия относительно наложения вето на решения палаты общин. Для урегулирования кризиса Георг V пообещал поддержку правительству либералов, однако, после победы либеральной партии на выборах 1910 года, билль был утвержден. В 1911 году Георг V посетил Индию. Это был единственный британский монарх, совершивший подобный шаг за всю историю британского господства над Индией. Во время первой мировой войны король посетил свыше 450 воинских частей и свыше 300 больниц с ранеными военными. Он часто выезжал на военные британские базы, отправляя в поход армии и корабли, лично вручал награды. Самым эффективным в смысле поднятия боевого духа британских вооруженных сил были пять поездок суверена во Францию в действующую армию. Королевские пря-

мота, искренность и простота в обращении и в быту трогали солдат²⁷. Во время войны общественные обязанности монархов как главы государства приобрели новое значение. Английский король, Георг V, был двигательным «механизмом» патриотизма.

Таким образом, можно считать, что личности королевы Виктории, Эдуарда VII и Георга V в сознании англичан являлись примером соблюдения норм не только конституционных, но и этических. Одним из условий доверия со стороны народа к монарху является определенный уровень нравственности и характера, который должен быть у монарха. Особенное значение имеет живое и сильное чувство ответственности в душе короля. Монарх в Великобритании, по словам Гладстона, являлся символом национального единства и «вершиной социального здания». В сознании англичан он был творцом законов, высшим правителем церкви, источником справедливости, единственным источником всех почестей, лицо, которому служат все военные, морские и гражданские служащие²⁸.

К монарху в Англии питали полноту доверия и возлагали на него полноту ответственности. В сознании англичан сильны были монархические убеждения, а для монархического правосознания не характерно требовать от монарха, чтобы он все делал сам; напротив — монарх может дать народу самоуправление, конституцию и даже парламентаризм с ответственным министерством; но монархическому правосознанию свойственно предоставлять монарху (и в этом также заключается полнота доверия) право и возможность изменить это самоуправление, отменить эту конституцию и погасить парламентаризм и ответственное министерство. Важно не то, чтобы вся власть в государстве была функционально связана волей монарха; а важно, чтобы она была в порядке закона ему подчинена, что и наблюдалось в целом в Великобритании в течение долговременного периода царствования королевы Виктории и почти десятилетнего правление Эдуарда VII.

В общественно-политической жизни почти каждой страны играют немалую роль традиции, а для островной Англии с ее

изоляциялизмом монархическая традиция всегда имела особую значимость. С традицией связаны исторические мифы о подвигах королей, передающиеся из поколения в поколение. По британской традиции демократический дух конституции более важен, чем ее буква. В период царствования королевы Виктории твердо установились конституционные правила и традиции, которыми управляется британская государственная машина. Учреждения преобразовывались, партии перерождались до неузнаваемости, но демократический дух (неизбежная тенденция времени) присутствовал не только в воле парламента, но и в действиях королей: Виктории, Эдуарда VII, Георга V. Король Англии сам был конституционным обязательством, объединяющим вместе отдельных граждан Империи. Острые внутривластные вопросы в Великобритании не исключали возможность беспорядков в стране, но мало кто в начале двадцатого столетия мог подумать о ликвидации монархии. Однако монархическая традиция ушла бы в прошлое, если бы этот институт власти не изменялся и не сумел адаптироваться к новым тенденциям, преобладавшим в общественном сознании. И как высоко ни поднялся престиж монархии в Англии, он не мог препятствовать конституционной эволюции веков. Эта эволюция сопровождалась утверждением демократии в Англии. Еще полвека назад слово «демократия» не произносилось в «хорошем» обществе, и сами радикалы признавали, что «стечение обстоятельств сделало демократию невозможной для Англии». Но демократия развивалась сама собой. То, что представлялось как препятствие для нее, давало ей импульс. Общественное движение было направлено не столько против монарха, сколько против господства меньшинства, против господства отдельных лиц или классов, аристократии, преобладания буржуазии²⁹.

Демократизация была неизбежна, хотели того правительства или нет. Особое значение в Англии приобрели политические митинги. Но это значение пришло не сразу, а только тогда, когда правительство убедилось, что «свободное обсуждение, из которого познается истина, есть право народа. Ему

принадлежит право собираться. Если у него есть неудовольствие, он имеет право заявить о них, чтобы они сделались известными и могли быть устранены. Правительствам нечего опасаться открытого выражения общественного мнения; бояться приходится тогда, когда люди вынуждаются к тайным соединениям»³⁰. В одной из радикальных газет по случаю 60-летнего юбилея королевы Виктории в 1897 году в одной из статей отмечалось: «Демократия в период шестидесятилетнего царствования королевы Виктории, сделала громадный успех и демократические идеи глубоко проникли в английскую общественную жизнь, но тем не менее английский престол стоит теперь в 1897 прочнее, чем в 1837. Нельзя не видеть в этом результат разумной сдержанности, которую показала королева Виктория в своем отношении к внутренней политике государства, а также нежелание английского народа, довольного ее царствованием, прибегать к экспериментам и делать скачок в темноту»³¹.

Для английской печати также не было практически ничего запретного или заповедного. Печать свободно подвергала тщательной критике деятельность министров, наместников и короны. Эту полную свободу англичане считали абсолютно необходимой для общественной безопасности. Английская печать, отстаивая общественные интересы, также свободно касалась деятельности короны, которая не могла и подумать о том, чтобы через полицию или путем запрещения прекратить критику³².

Таким образом, в сознании англичан, как это практически единодушно отмечали корреспонденты русских общественно-политических журналов, в начале XX века наблюдались два, на первый взгляд противоположных явления: укрепление демократической направленности при сохранении монархической идеи. В связи с этим гражданскому обществу Великобритании удалось без революций, эволюционным путем заменить господствовавшую в общественном сознании идею аристократической монархии идеологией конституционализма, при сохранении уважения к традиционным монархическим институтам.

- ¹ См.: Вестник Европы. 1901. Кн. 3. С. 244; Мир Божий. 1901. Кн. 2. С. 38; Русское богатство. 1901. Кн. 2. С. 115.
- ² Русское богатство. 1901. Кн. 3. С. 117.
- ³ *Montgomery J.* The end of an era. L., 1968. С. 6.
- ⁴ Great Britain: the lion at home. A documentary history of domestic policy. N.Y., 1974. С. 2533.
- ⁵ *Голсуорси Д.* Сага о Форсайтах. М., 1973. Т. 1. С. 564.
- ⁶ Вестник Европы. 1902. Кн. 11. С. 159.
- ⁷ *Дионео.* Очерки современной Англии. СПб., 1903. С. 224.
- ⁸ Вестник Европы. 1901. Кн. 3. С. 246.
- ⁹ Русское богатство. 1901. Кн. 2. С. 115.
- ¹⁰ *Дионео.* Очерки современной Англии. С. 233.
- ¹¹ Мир Божий. 1901. Кн. 4. С. 34.
- ¹² Русское богатство. 1901. Кн. 2. С. 244.
- ¹³ Мир Божий. 1901. Кн. 2. С. 38-39.
- ¹⁴ Письма графа П.Василия. Лондонское общество. СПб., 1886. С. 8.
- ¹⁵ *Остапенко Г.С.* Наследники королевы Виктории и первые британские монархи XX века // Новая и новейшая история. 1999. № 6. С. 131.
- ¹⁶ Мир Божий. 1901. Кн. 3. С. 36.
- ¹⁷ Русская мысль. 1910. Кн. 6. С. 198.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. 1903. Кн. 6. С. 250.
- ²⁰ Там же. 1904. Кн. 6. С. 229.
- ²¹ Современный мир. 1910. Кн. 5. С. 62.
- ²² Русская мысль. 1911. Кн. 7. С. 76.
- ²³ Современный мир. 1910. Кн. 5. С. 64.
- ²⁴ Русское богатство. 1910. Кн. 8. С. 11.
- ²⁵ Русская мысль. 1911. Кн. 1. С. 209.
- ²⁶ *Остапенко Г.С.* Указ. соч. С. 135.
- ²⁷ Там же. С. 149.
- ²⁸ *Dangerfield, G.* The strange death of liberal England. N.Y., 1980. С. 114.
- ²⁹ *Остапенко Г.С.* Указ. соч. С. 165.
- ³⁰ Цит. по: Вестник Европы. 1905. Кн. 12. С. 324.
- ³¹ Мир Божий. 1901. Кн. 2. С. 41.
- ³² *Дионео.* Свобода печати. СПб., 1906. С. 9.

III. ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

Пушкарев А.Н.

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАНЦАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА (вторая половина XVI-XVII в.)

История взаимовосприятия народов России и зарубежных стран (то, что на Западе именуется имиджинологией) немислима без изучения вопроса о том, как и на каком языке происходило взаимообщение и народов, и культур. И для того, чтобы подробно и плодотворно исследовать этот сложный и большой вопрос, необходимо предварительно установить, где, когда и как именно русские изучали и осваивали чужие для них языки – и вместе с тем, где, как и когда иностранцы знакомились с особенностями и трудностями русского произношения и языка.

В этой двусторонней проблеме гораздо более основательно и подробно изучена первая часть, а именно – изучение русскими людьми иностранных (главным образом, западных) языков. Появилось уже довольно много исследований лингвистов, филологов и историков культуры, давно уже начавших работать в этой области¹. В то же время вопросы изучения иностранцами русского языка исследованы явно не достаточно. Поэтому первойшую задачу настоящей статьи составляет приведение в известность самих фактов давнего интереса зарубежных деятелей к русскому языку и их попыток освоить трудный для них и

построенный на иных лингвистических основах язык «диких московитов».

Интерес к русскому языку на Западе особенно возрос после установления так называемого Северного морского пути во второй половине XVI в. Этот путь вел по морю в обход Европы с севера к Белому морю. В Англии в 1555 г. была образована специальная «Московская компания» для торговли с Московской Русью². Когда в 1581 г. шведам удалось отвоевать у Москвы Нарву и оккупировать Балтику, Северный морской путь стал основным средством сообщения со странами Западной Европы. Уже через два года по решению Ивана Грозного было начато строительство нового города на Двине, на месте, где ранее стоял Михаило-Архангельский монастырь. Новый город Архангельск уже в царствование Федора Иоанновича стал главным центром русской заморской торговли³.

С конца XVI в. все большее и большее число западных купцов, военных и разного рода специалистов стало прибывать в нашу страну – «для ловли счастьем и чинов», как позднее сказал об этом М.Ю.Лермонтов. Все они – и это естественно! – в гораздо большей мере нуждались в знании русского языка, чем русские в изучении языков иностранных. М.П.Алексеев правильно указал, что в то время (т.е. в XVI–XVII вв.) западноевропейцы изучали русский язык неизмеримо больше, чем в последующие два века (XVIII и XIX), когда иностранные языки начали широко распространяться в России⁴.

Конечно, знание русского языка было необходимо в дипломатических сношениях: иностранным дипломатам были нужны грамотные переводчики («толмачи» – по русской терминологии того времени). Уже в 1573 г. Иван Грозный писал шведскому королю: «...а ваши толмачи преже сего у нас в нашем государстве нашей русской грамоте учивались же»⁵. А несколько позже, в 1595 г., русские послы обращали внимание шведского короля, что «многие» датчане приезжают в Московскую Русь для «науки русского языка и грамоты», и особо подчеркивали при этом, в каких условиях они проходят обучение:

«...в поволности и во чти (т.е. в чести. — Л.П.) и в береженье лет по пяти и по шти и болши»⁶.

И действительно, русские люди оказывали всяческую помощь и поддержку тем, кто приезжал в их страну для изучения их родного языка. Интересное подтверждение мы находим в наказе русским послам в Англию в 1613 г. А.И.Зюзину и дьяку А.Витовтову. В наказе приводились данные о том, что «как началась с английскою королевою» Елизаветою и с нынешним королем любовь и дружба», то в Московию стали прибывать «английские гости» вместе с «малыми робятами» — «для науки русского языка и грамоте», и они жили в Москве «в науке лет по шти и по десяти, и приезжают и отъезжают по воле»⁷.

Семнадцатый век ознаменовался в России значительным расширением экономических, политических и культурных связей нашей страны с сопредельными государствами. Укрепились и стали регулярными дипломатические сношения со странами Западной Европы, с Турцией и Персией. Знание русского языка стало для иноземных дипломатов первоочередным условием успеха. А в Московии воеводы пограничных областей получили специальное указание, предписывавшее им «беспрепонно» пропускать в Москву (т.е. не запрашивая предварительного разрешения правительства) тех лиц, которые ехали в нашу страну для обучения русскому языку (ранее таким правом пользовались лишь те, у которых были специальные жалованные грамоты на право беспрепятственного проезда в Московскую Русь). В качестве одного из многочисленных примеров можно привести переписку князя Д.М.Пожарского, которую он вел, будучи уже новгородским воеводою. Князь запросил Москву — разрешать ли ему пропускать в столицу иноземцев, «которые учнут впредь, приезжая в Великий Новгород, бити челом нам о ученье русской грамоте». 19 февраля 1629 г. он получил указ, разрешавший ему не только принимать тех, кто приезжал «для науки русской грамоты», но и организовывать это изучение прямо на месте («учить их русской грамоте на посаде церковным дьяком»), причем разрешать им беспрепятственный обратный проезд на родину⁸.

Отметим, что подобная практика существовала и ранее. Так, новгородские воеводы кн. Г.А.Ромодановский и кн. И.И.Одоевский уже организовывали у себя на месте обучение иностранцев русскому языку, но, правда, испрашивали на это разрешение из Москвы. Так, в 1624 г. было разрешено учиться «руския грамоты» в Новгороде торговцу «Любския земли» Анцу Меверту и колыванину (т.е. жителю Ревеля) Пантелею Федорову. В 1628 г. в Новгороде обучались русской грамоте зарубажные «торговые люди из Любския земли Пантелей Филимонов и Мартын Андреев, да Андрей Борисов из Выборга» — их обучали чтению и письму церковные дьячки⁹. Правда, в марте 1629 г. шведские послы, приехавшие в Москву, жаловались русскому правительству, что новгородские воеводы вовсе не всегда способствовали шведским подданным, приезжавшим в Новгород «для научения языку, и грамоты, и письма, а в том де им запрещают и впрямь в том отказывают». Посольский приказ живо откликнулся на этот инцидент: «О том государев указ послан, и ныне по тому государеву указу учинить»¹⁰.

И действительно: указ московского правительства 1629 г. о «беспрепонном» разрешении приезжать в нашу страну иностранцам для изучения русского языка быстро вошел в жизнь¹¹. Уже в 1633 г. нарвский губернатор Н.А.Маннершильдт выдал шведскому торговцу А.Мейеру проезжую в Новгород грамоту, указав в ней, что он едет «в Новгород... для ученья руссково языку». Ссылаясь на Стокгольмский мирный договор, А.Мейер просил разрешения у властей отъехать на родину после завершения образования «назад без задержанья»¹² — эта просьба была вызвана тем, что по Стокгольмскому договору давалось лишь право на ведение торговых операций: о праве на изучение русского языка в договоре не упоминалось.

Конечно, не только в Новгороде, но и в других русских городах было организовано обучение иностранцев русскому языку. Прежде всего, это были порубежные города (такие как Псков, Холмогоры, Архангельск, Кола, Кольский острог и др.). В них уже с конца XVI в. иностранцы активно учились знанию

разговорного русского языка. Так, в 1592 г. копенгагенский бургомистр Петер Мунк отправил в Колу шестнадцатилетнего паренька для обучения русскому языку – с ним стал заниматься купец Василий¹³. Там же в Кольском остроге, обучался русскому языку агент уже упомянутой выше «Московской кампании» Джосиян Логен. Он приехал в Колу в 1603 г. и прожил в ней пять лет, основательно изучил язык и впоследствии помогал Олеарию собирать сведения о сибирских землях и торговых путях из Сибири в Китай¹⁴. В 1619 г. датские купцы направили в Кольский острог «двух робят учиться русской грамоте»¹⁵. В 1628 г. голландский купец Симон Артемьев оставил в Коле своего племянника Якова Петрова для освоения русского языка¹⁶. В 1630 г. датский король снова просил разрешения послать в Колу мальчиков для обучения русскому языку¹⁷.

Заметным центром изучения русского языка иностранцами были и Холмогоры. Еще в 1592-1593 гг. при царе Федоре Иоанновиче и датском короле Христиане IV велась дипломатическая переписка относительно двух мальчиков, Люткена и Броквальта, которым московское правительство разрешило изучать язык в Холмогорах¹⁸. Наряду с этими городами иностранцы изучали русский язык также и в Архангельске. Нам известно, что в 1586 г. именно в Архангельске был составлен французско-русский словарь, получивший название «Парижский словарь московитов»¹⁹, а в 1619-1619 гг. в Архангельске же был составлен русско-английский словарь Ричарда Джеймса²⁰, для которого были сделаны записи русских народных песен²¹. Несколько позднее, в 1637 г., переводчик-немец Иван Англер был направлен Посольским приказом в Архангельск («для толмачества»), а с ним поехал некий Тимофей фан Немин «для научения русского языку и грамоте»²².

Но, конечно, главным притягательным магнитом для иностранцев, желавших изучить русский язык, была Москва. Это и понятно, Москва обладала самыми большими возможностями в этой области. В столице были хорошие собрания необходимых учебных пособий, опытные «мастера грамоты», а главное, были люди со знанием иностранных языков, которые охотно

помогали иноземцам в освоении русской грамоты. Нам известно, что уже в 1564 г. в Москве жили «датские робята», оставленные последним датским посольством специально для изучения русского языка²³. В самом конце XVI в. «на Москве учились русскому языку» юноши-иноземцы (француз Жан Паркет и англичанин Уильям Колер), которых в 1600 г. вывез из столицы агент «Аглинской кампании» Джин Мерик²⁴. В том же году в Москву приехал из Любека голштинiec Ганс (Анц) Лаксман, поставивший своею целью «навыкнуги русскому языку и обычаю». Он прожил в Москве почти шесть лет во дворе посольского дьяка А.И.Власьева вместе с другим иноземцем «Баженем Французениным»²⁵. После возвращения на родину Г.Лаксман служил переводчиком при датском короле Христиане IV²⁶. Нам известно также, что в 1618 г. из Дании в Москву был направлен и «для познания рускова языка» некий Яков Петерсен, а за ним и Моргенс Петерсен; они проучились в столице до 1629 г., когда выехали к себе на родину²⁷. Приехавший в 1639 г. в Москву посланник датского короля И.Голмер, уезжая, оставил «Малова своево Дацкия же земли Индрика Ондреева на Москве для научения рускова языку у иноземца у Ивана Адамова Фан Делена»²⁸. Выбор был сделан хорошо: Делен был довольно известным датчанином, образованным полиглотом и путешественником²⁹. Он впоследствии служил при русском дворе главным переводчиком, ездил с царским послами И.И.Баклановским и дьяком Иваном Михайловым в Вену в 1654 г. По возвращении он купил себе в Москве отдельный двор в Немецкой слободе и выполнял ответственные дипломатические поручения. В том же 1639 г. был оставлен голштинским посольством «малой Яганко Брун для научения русскому языку». Этот Иоганн Брун впоследствии выехал из Москвы вместе с Олеарием на родину. С 1684 г. в Москву со шведским посольством приехал иноземец Андрей Николаев «для учения рускова языка» и остановился у иноземца же Ивана Еремеева, женился на его дочери и занялся торговлей³⁰.

В заключение упомянем о далекой Астрахани – там тоже существовала практика обучения русскому и восточным языкам «на Бухарском дворе». В 1642 г. из Москвы в Астрахань выехала вдова переводчика Бака Септа Абдулова с двумя сыновьями. При отъезде она сообщила, что «в Астрахани казыл-башских и бухарских и юргенских людей много», а при Бухарском дворе есть люди, «которые арапскому и фарсовскому (т.е. персидскому. – Л.П.) языку и грамоте умеют»³¹. Иноземцы из восточных стран охотно приезжали в Астрахань для получения практических навыков в русской разговорной речи.

Все вышеперечисленные свидетельства повышенного интереса иноземцев к изучению русского языка в XVI-XVII вв. давно уже были известны исследователям. Однако, разбросанные по разнообразным научным изданиям, они до сих пор не были сведены воедино. В настоящем сообщении и делается попытка показать с фактами в руках, как нарастало с течением времени стремление иностранцев изучать русский язык и какие меры принимало русское правительство для того, чтобы создать необходимые условия для этого изучения.

Но до сих пор исследователи не обнаружили в наших архивах документов о том, как на Московской Руси было организовано обучение иностранцев русскому языку – где они обучались, кто были их учителя, как проходил сам процесс обучения, какие приемы и методы использовали учителя – ничего этого точно мы не знаем. Можно лишь делать предположения и высказывать догадки. Так, В.О.Ключевский полагал, что учителями иноземцев были церковные дьячки³². Об этом есть упоминания в некоторых документах (они приведены в настоящем сообщении), но точного подтверждения этому факту у нас нет. Правда, в пользу этого предположения говорит присутствие во многих известных нам словарях-разговорниках XVII в. цитат и отрывков из Священного писания и других церковных книг – таких как молитвословы, псалтыри и пр. Известная немецкая исследовательница Э.Гюнтер, например, обнаружила церковную тематику в семи из 15-ти выявленных и описанных ею разговорниках³³.

Только в самом конце XVII в. появляются пособия для изучения русского языка иностранцами (буквари, учебники русского письма и грамматики – знаменитая «Русская грамматика», изданная в 1696 г. в Оксфорде Лудольфом³⁴, или печатный букварь для иностранцев 1690 г.³⁵ Поэтому скорее всего освоение русского языка иностранцами шло бытовым путем, практически, в порядке общения в жизни и деловой деятельности, самостоятельно. В качестве учебных пособий обучающиеся могли пользоваться широко бытовавшими в Московии того времени рукописными и печатными азбуками, букварями и часовниками (а более «продвинутые» и уже освоившие первичную грамоту также и псалтырями, апостолами, евангелиями и другими церковно-учительными книгами). Подтверждением этого факта служит, во-первых, наличие значительного количества «русских старопечатных книг, обнаруженных в частных руках и государственных собраниях Западной Европы»³⁶, а во-вторых, анализ дошедших до нас словарей-разговорников: все они составлены на основе бесед с окружавшими иностранцев людьми на бытовые и светские (большею частью торговые) темы. Эти разговорники были предназначены для тех «многочисленных иностранцев, которые имеют нужду приезжать в Россию» и «кто захочет научиться разговорному русскому языку»³⁷.

Нам известны имена и некоторых ученых иностранцев, изучавших русский язык у себя на родине – в надежде на работу в Московской Руси. Таков англичанин врач Марк Рэлей, изучавший русский язык у себя на родине, или Ричард Джеймс, освоивший русский язык настолько, что был переводчиком на том корабле, что совершал переход из Англии в Московию. Хорошо изучили русский язык и известный в свое время шведский лингвист И.Г.Спарфенфельд, и популярные ученые И.В. и Г.В.Лудольфы. А датский дипломат и политический деятель Гильдебрандт фон Горн «был высокообразованный господин, который владел наряду с прочими и русским языком в совершенстве»³⁸.

Многие из иностранцев, изучавших русский язык у себя на родине, а затем побывавших в Московии, ближе узнав нашу страну и населявший ее народ, часто становились их искренними друзьями. Вот лишь один из примеров: известный в XVII в. немецкий поэт П.Флеминг³⁹, приехавший вместе с Олеарием в Москву, так писал о нашем крае и о населявшем его народе:

Не зная этот край, бранит его иной.
Но ты воспользуйся годов своих рассветом,
сам правду всю узнай, не верь чужим наветам!

* * *

Но не могу молчать. Таких людей я встретил
здесь на своем пути, что их хвалой б отметил,
бесспорно, всякий. Тот с великими сравним,
кто в жизни сам себе обязан всем своим.

* * *

Так, значит, здесь, здесь сошла ты в наше поколение
святая простота, святое украшение,
ушедшее от нас! Так, значит, вот страна,
что честью, правдою и до сих пор полна!⁴⁰

¹ Не останавливаюсь на историографии этого вопроса, уже освещенного Н.Г.Савич. См.: *Савич Н.Г.* Из истории русско-немецких культурных связей в XVII в.: (Немецко-русский словарь-разговорник Г.Невенбурга) // Исторические записки. М., 1978. Т. 102. С. 246-286; *Она же.* Изучение иностранных языков русскими в XVII в. // Историографические и исторические проблемы русской культуры. М., 1982. С. 35-78.

² *Гамель И.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1865. Т. I. С. 10-16.

³ *Костомаров Н.И.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1862. С. 231.

⁴ *Алексеев М.П.* Английский язык в России и русский язык в Англии // Ученые записки / ЛГУ. Серия филологических наук. Л., 1944. Вып. 9. С. 75-76.

⁵ *Савва В.* Несколько случаев изучения иностранных языков русскими людьми во второй половине XVI века. Харьков, 1913. С. 7.

- ⁶ Русская историческая библиотека (РИБ). СПб., 1897. Т. XVI. № 63. С. 275, 278.
- ⁷ Пекарский П.П. Известие о молодых людях, посланных Борисом Годуновым для обучения наукам в Англии в 1602 году // Записки Академии наук. СПб., 1867. Т. II, кн. 1-2. С. 95.
- ⁸ Акты археографической экспедиции. СПб., 1837. Т. III. № 184. С. 265.
- ⁹ Там же. С. 266.
- ¹⁰ Русско-шведские экономические отношения в XVII в.: Сборник документов. М.; Л., 1960. № 13. С. 43.
- ¹¹ См. об этом: Мулюкин А.С. Приезд иностранцев в Московское государство: Из истории русского права XVI и XVII веков. СПб., 1909. С. 52-54.
- ¹² Русско-шведские экономические отношения в XVII в. № 51. С. 82.
- ¹³ Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене, 1326-1690 гг. / Извлечены Ю.Н.Щербачевым // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1893. Кн. I. С. 145.
- ¹⁴ Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII-XVII вв. Иркутск, 1941. С. 214.
- ¹⁵ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России. М., 1894. Ч. I. С. 26.
- ¹⁶ РГАДА. Ф.150. Дела о выездах иноземцах в Россию. Д. 5. Л. 1-2.
- ¹⁷ Датский архив... С. 201.
- ¹⁸ Там же. С. 136
- ¹⁹ Ларин Б.А. Парижский словарь москвитов. Рига, 1948 (см. рецензию на это издание А.В.Исаченко: Slavia. Praha, 1961. Roc. XXX, seš. 4. S. 628).
- ²⁰ Slavia. Praha, 1961. Roc. XXX, seš. 4. S. 630-633; Филин Ф.И. Об источниках изучения устной речи Московской Руси // Вестник ЛГУ. 1961. Серия истории, языка и литературы. № 2, вып. 1. С. 152-155; Unbegaun B.O. The Language of Moscovite Russia in Oxford Vocabularies // Oxford Slavonic Papers. 1962. Vol. X. P. 46-59.
- ²¹ См. об этом: Данилов В.В. Сборник песен XVII столетия – Ричарда Джемса и П.А.Квашнина // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Л., 1931. Т. II. С. 165-180; Малин А. Англо-русские культурные и научные связи (до основания Петербургской Академии наук) // Вестник истории мировой культуры. Л., 1957. № 3. С. 102-103.
- ²² РГАДА. Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служивших в нем. 163-1638 гг. Д. 6. Л. 135.
- ²³ Датский архив... С. 54.

- ²⁴ Арсеньев А.В. История посылки первых русских студентов за границу при Борисе Годунове. СПб., 1887. С. 8-9. См. также: РИБ. СПб., 1883. Т. 38. С. 420.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 53. Сношения России с Данией. 1617 г. Д. 1. Л. 1-3.
- ²⁶ Датский архив... С. 186.
- ²⁷ Там же. С. 185-186, 199.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 53. Д. 1. 1638. Л. 186 об.
- ²⁹ См. о нем: *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 260-261.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 50. Сношения России с Голландией. 1684. Д. 10. Л. 30.
- ³¹ Там же. Ф. 138. Д. 4. 1642. Запись от 28 июня.
- ³² Ключевский В.О. Западное влияние в России XVII в. М., 1897. С. 10.
- ³³ Günther E. Zwei russiesche Gesprächbücher aus dem 17 Jh. Diss. philologic (Humboldt-Universität. 1965). S. 22.
- ³⁴ Ларин Б.А. Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 24, 33.
- ³⁵ Флоровский Л.В. Первый русский печатный букварь для иностранцев 1690 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. XVII. С. 482-494.
- ³⁶ Сапунов Б.В. О культурных связях России с другими странами в XVI-XVII вв. (по материалам печатных книг) // Там же. М.; Л., 1957. Т. XIII. С. 245.
- ³⁷ Лудольф Г.Л. Русская грамматика. Оксфорд, 1696. Л., 1937. С. 108, 114.
- ³⁸ Шлессингер Г.А. Полное описание России // Вопросы истории. 1970. № 1. С. 123.
- ³⁹ См. о нем и о его пребывании в Московии: Алексеев М.П. Немецкий поэт в Новгороде // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. М., 1935. № 6. С. 43-54.
- ⁴⁰ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию... С. 350-351.

ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ И ИНОСТРАННАЯ КУЛЬТУРА

Для отечественной культуры XVII в. характерен целый ряд особых, переходных процессов. Один из них – разрушение средневековой ксенофобии, формирование открытого отношения к иностранному опыту. Этот процесс шел на разных уровнях и направлениях. Ключевую роль в нем, безусловно, играла государственная власть, царский двор, который «не исчерпывая собою всей общественной жизни страны... был в это время средоточием, своеобразным фокусом этой жизни в наиболее яркой и броской форме сконцентрировавшим в себе все явления духовной культуры правящего класса того времени»¹. От настроения монарха, его готовности воспринимать иностранный опыт во многом зависела судьба международных контактов, заимствований. Ярчайший пример – петровская политика привлечения иностранного опыта в Россию.

Возникает вопрос: насколько объективно сложившееся в общественном сознании мнение о том, что активный диалог с иностранной культурой начинается только с правления Петра I? Какое место в отношениях России с культурами Запада и Востока занимает XVII век? Ответить на эти вопросы мы попытаемся, проанализировав некоторые черты мировоззрения царя Алексея Михайловича (1645-1676), восприятие им иностранцев и иностранного.

Для мировоззрения людей позднего русского средневековья свойственны две крайних позиции, между которыми и находилось реальное отношение царя Алексея Михайловича ко всему иноземному. Первая позиция – отрицание и неприятие культурного контакта с представителями других национальностей, а особенно других конфессий. Другая – ощущение насущной потребности в восприятии и использовании иностранного опыта для развития России.

Общий анализ мировоззрения царя Алексея Михайловича показывает, что оно имело переходный характер. Многие средневековые стереотипы уступали место элементам мировоззрения человека нового времени. Для второго Романова характерно сочетание элементов религиозного провиденциализма и рационалистических взглядов на мир и человека.

Анализ произведений царя, в основном писем, его деятельности, фактов из жизни Москвы XVII в. приводит к выводу, что Алексею Михайловичу свойственно особое отношение к иностранному, рациональный практицизм в использовании чужого опыта и иностранной помощи.

Расширившиеся при втором Романове культурные и технические контакты не означали общей активизации внешнеполитических связей России. Отношения со странами Европы зависели от политической конъюнктуры, выгоды тех или иных союзов для России, реализации представлений об ее особой роли в мировом историческом процессе. «Русское царство предстает само по себе как изоморфное всей вселенной и поэтому ни в каком распространении или пропаганде своих идей не нуждается. [...] Эта идеология претерпевает коренные изменения в царствование Алексея Михайловича. Москва утвердилась в своем качестве православной столицы, и на этом этапе концепция Москвы третьего Рима получает не теократический, а политический смысл»².

Главенство России на мировой арене – главный принцип внешней политики царя Алексея. Из него можно понять и политические, и конфессиональные идеи. Так, в 1649 г. Алексей Михайлович в ответ на казнь английского короля Карла выступил инициатором создания коалиции против английской революции для защиты монархии. Но вот конъюнктура поменялась: на Украине началось восстание под руководством Б.Хмельницкого. И русский царь не только поддержал восстание казаков против своего монарха, но и лично возглавил войско в походах 1654-1656 гг. Войну России с Польшей инициировал лично царь Алексей, не желая «отдать святой хлеб соба-

ке»³. Для него эта война была событием неординарным, священным. Она должна была стать началом реализации исторического призвания – объединить под своей властью вселенское православие. «Идеи особой ответственности за судьбы истинного христианства» осмысливались царем Алексеем в качестве «возможности и обязанности устройства на Руси “града Божьего”, начала “новаго небесе и новой земли”, где правда живет»⁴. Но вот снова смена ситуации. По прошествии 5 лет после подписания в 1667 г. Андрусовского перемирия царь Алексей пытается создать антитурецкую коалицию христианских государств, в которой главным действующим лицом наряду с католическим «цесарем» стал недавний кровный враг – польский король. «Во окресные государства к братьям нашим великим государям мы, великий государь, наше царское величество, писали, чтоб они, великие государи, видя над государством брата нашего его королевского величества, от тех общих христианских неприятелей... своими ратными людьми от наступления их бусурманского учинили, не отлагая никакой меры»⁵. Создание христианской коалиции получает даже астрологическое обоснование. «Знаки, виденные в небе в Венгерской земле», символизируют складывающийся союз. В фонде Приказа тайных дел сохранилось «Описание знаков, на небе виденных в Венгрии в 1672 г.» с рисунком⁶. Объяснение этого астрономического явления тесно связано с тогдашними внешнеполитическими планами царя Алексея. «Три солнца, через которые три солнца толкуют трех монархов христианских его царского величества, цесаря христианского и короля полского. Те три солнца совокупят... меж собою союз... имея четвертое солнце в себе знак полмесяца, герб турской против дву крестов, то значит салтана турского войну на дву христианских государей на короля...» Кроме того, там же показалась «сабля турецкая, пробитая, воющая на крест христианский», а также «на копии знаме турецкое с знаками с шестью месяц, объявляя войну едва не на шесть лет, хотя б токмо на шесть месяцев. И с того знамя и копыя огонь падал на землю, объявляя войну огнем и оружи-

ем»⁷. Знак, появившийся в Венгрии 15 октября 1672 г. и виденный до 15 ноября, означал символ грядущей борьбы и победы христианских государей над турками.

Все попытки создать политический союз предпринимались исходя из позиции непоколебимого и недостижимо высокого положения русского православного монарха. Алексей Михайлович отнюдь не стремился к развитию и углублению устойчивых политических связей. Это подтверждается тем, что в годы его правления не было открыто ни одного иностранного торгового представительства в России. Из постоянных дипломатических представительств только в поздний период правления, после завершения войн, были открыты представительства Швеции (1666 г.), Дании (1672 г.) и Польши (1673 г.). При этом не было открыто ни одной постоянной миссии России в европейских государствах, не были установлены новые дипломатические отношения ни с одной новой страной Европы и Азии⁸.

Россия, по мнению царя Алексея, стояла выше и была значимей для мировой истории, чем остальная Европа. Поэтому особое внимание уделялось имиджу страны в глазах иностранной общественности. Государь внимательно и трепетно относился к тому, как воспринимались за границей события в России. В связи с этим царь стремился усилиями резидентов и послов за рубежом изменить новости в выгодное для престижа России русло⁹.

Оставаясь преданным вере и православной традиции, «Тишайший» отнюдь не исключал применения в своей стране опыта других народов и при свободе общения с представителями других конфессий никогда не предавал интересов православия. Привлекая иностранный опыт, он не боялся за устои православной культуры, потому что считал их вне идеологической конкуренции. Элементы иностранного опыта проходят строгий отбор, из них приемлемы только те, которые идут на пользу развитию русской культуры, но не подменяют ее собой. Для Алексея Михайловича было свойственно потребительское, практичное отношение к иностранному опыту, который ис-

пользовался исключительно для укрепления независимости России. Стремление привнести в русскую практику больше положительного из достижений других стран объясняет активное развитие контактов с Европой. Насыщенность этого общения удивляла современников. Я.Рейтенфельс отмечал: «Никто почти из бывших до него московских царей не посылал столь много и столь блестящих послов в Азию и по всей Европе, как нынешний царь Алексей Михайлович»¹⁰.

При Алексее Михайловиче служил специально определенный «комисариус и резидент» англичанин Иван Гебдон, которому поручали нанимать зарубежных специалистов. Сохранился огромный комплекс переписки с ним¹¹. «Гебдон посылался не для одной какой-либо более или менее определенной комиссии, а с тем, чтобы до известной степени вообще блюсти за русскими интересами в Голландии и других государствах»¹². Таких посланников в Европу было много¹³. По праву можно сказать, что «царь Алексей Михайлович был первым московским царем, который вполне сознательно шел навстречу всякой возможности шире и ближе привлечь западноевропейскую культуру на службу московским интересам»¹⁴. Европейцы живо откликались на приглашения.

Алексей Михайлович «приручил пугливую русскую мысль к влияниям, шедшим с чужой стороны»¹⁵, но так, чтобы ничем своим не жертвовать¹⁶.

Желание использовать иностранные материальные блага и достижения техники было обусловлено тем, что «эстетическая и балованная натура влекла царя Алексея к красивой новизне, украшавшей дворцовый быт, увеличивший и его комфорт»¹⁷. Для библиотеки царя Алексея характерно появление книг светского характера. «Распространены переводы на русский язык грамматик, лечебников, арифметик и научных трудов». Книги поставлялись в основном из Польши¹⁸.

Основным источником для исследования отношения царя Алексея к иностранному опыту являются материалы приказа Тайных дел, хранящиеся в РГАДА. Приказ как самостоятельное учреждение «вырос» из личной канцелярии к 1654 году,

через него проходили все дела, так или иначе интересовавшие лично царя Алексея. В фонде приказа – многочисленные документы о поручениях, дававшихся посланникам, хозяйственные записи о привезенных из-за рубежа предметах быта, об открывавшихся под руководством иностранцев производствах и т.д.

В использовании достижений иностранной культуры важнейшее место занимала медицина. При царе Алексее резко, по сравнению с предыдущим правлением, растет численность придворных врачей. Все они – выходцы из Западной Европы, в основном из Англии. В 1658 г. Алексей Михайлович «указал торговому иноземцу Ивану Гебдону в английской земле призвать дохтура доброва и навычного, да ему Ивану указал государь призвать прежнего аптекаря Романа Тиу»¹⁹. Огромным авторитетом при дворе пользовались врачи Семюзль Коллинс (служил с 1659 по 1666 г.) и Томас Вильсон (с 1665 по 1667 г.). В списке чинов Аптекарского приказа 1663 г. числились «дохтур» Андрей Энгельгардт, аптекари Роман Тиу, Крестьянус Энглер, Ондрей Гезениос, Роман Биниан. Алхимиисты Фрянс Слатюр, Марко Юрьев, лекари Симон Зомер, Иван Албанус, Фрол Дияклер и 21 человек «лекарского дела учеников»²⁰. Они не только лечили царя и придворных, но вообще выполняли важные культурные функции. В 1664 г. вернувшийся из Англии С.Коллинс представил сочинение «В какие дни полезно жильную кровь отворять». Он переводил царю газеты, которые регулярно присылали друзья из Англии, вел самые различные коммерческие, технические, политические и дипломатические дела. Об авторитете врачей-иностранцев при дворе царя Алексея свидетельствуют данные об их жаловании. А.Энгельгардт получал по 940 рублей жалования в год, в то время как воевода князь Я.К.Черкасский – 850 рублей. Особо доверенные врачи – Иоанн Блеу, Артемий Дий в разные времена имели по 1114 руб. денежного дохода в год. В «Дневальных записках приказа тайных дел» прием аптекарей и врачей упоминается наряду с описаниями приемов восточных патриархов, грузинского царевича, иноземных послов.

Помимо медицинских знаний Алексей Михайлович получал от иностранцев сведения по астрологии и астрономии. По мнению исследователей, «интерес к астрологии возрос с политическими трудностями, когда с утратой стратегической инициативы в войне ситуация все больше выходила из-под рационального контроля»²¹. В конце 1664 г. царь заинтересовался природой комет, просил доктора Андреаса Энгельгардта разъяснить следующие вопросы: что представляет собой комета и каково ее влияние для дел земных; что врач думает о предстоящих летом болезнях; хотя ничто не предвещало грядущего хлебного недорода, но не известно ли доктору каких-либо указаний на такую возможность; предастся ли польский король Ян Казимир вновь монашеской жизни; какова судьба польской короны; следует ли ожидать мира с Польшей. По предсказанию на 1665 г. в Лондоне должна вспыхнуть эпидемия, которая охватит Западную Европу, а также будет заключен мир с Польшей. Интересна реакция царя Алексея на письма А.Энгельгардта, полученные 24 декабря 1664 г. Он не только поверил в предсказание, но и предпринял карантинные меры. Запретил торговлю на границах (соответствующие указы были направлены воеводе Архангельска О.И.Щербатову и новгородскому – В.Г.Ромодановскому). Был задержан прием голландского посольства, прибывшего в Москву 10 января 1665 г., а в письме Карлу II от 25 августа 1665 г. Алексей Михайлович предупредил, что ни один английский корабль не будет впущен в гавань Архангельска²². Нельзя утверждать, что причиной этих действий была только информация А.Энгельгардта. Чума появилась в Европе уже в 1663 г., охватив нидерландские города Амстердам и Роттердам. Но, тем не менее, астрологический прогноз подтвердил опасения эпидемии и вызвал соответствующую реакцию.

Алексей Михайлович отправлял за границу агентов с целью прислать на царскую службу «военных полковников и поручиков», ремесленников. В одном 1652 г. он отправил в Голландию и «Цесарию» иностранцев Лента, Гебдона и Буша с поручением выслать оттуда на царскую службу в Москву

«разных добрых искусных людей»²³. Иностранцев привлекали не только к военному делу. Они возглавляли многие производства царского хозяйства. Например, заведующим царскими соляными варницами в Ростове и Переяславле Залесском был назначен полковник Сторм, а на Девичьем поле, в Хамовниках, и под Коломенским – полуголова К.Кром²⁴. Интерес Алексея Михайловича к производству стекла в Москве проявлялся еще в 50-е гг. В 1656 г. он поручал «вывести к Москве из Виницей золы лутчей, в чом скляничные всякие суды делать на хрустальный цвет, с тысячу пудов»²⁵. В 1657-1658 г. вновь поручение – «прислать из-за границы земли, в чем делается вницейское стекло» и мастеров стеклянных самых добрых»²⁶. Строительство стекольного завода было закончено к 1669 г. 14 января 1669 г. подьячий Тайного приказа М.Ватолин купил к стекольному заводу «у иноземки у Ивановы жены Фон-Стадена у вдовы Овдотьи» на 138 р. 20 к. «горшков и сковород медных и иных всяких медных снастей и золы». В 1669 г. на Измайловском заводе работали мастера «виницеяне» Ян Арцытухор, Петер Балтус, Индрик Лерик «с товарищи». Главным строителем Измайловского завода был Ловис Моэт, прозванный по-русски Иваном Мартыновым. 26 февраля 1672 г. Алексей Михайлович распорядился отпустить Ивана Мартынова и Бориса Григорьева из Измайлова «на старой их стекляной завод», а вместо них найти мастеров из Юго-западных районов: из Путивля, Севска и Трубчевска. Но ответ на это распоряжение царя оказался неожиданным: в указанных городах стекольных мастеров никогда не было. Таким образом, опыт, принесенный иностранцами, иногда оказывался без продолжения в России.

Исследователь царского хозяйства А.И.Заозерский отмечал такую черту мировоззрения Алексея Михайловича, как «наивная уверенность в техническом, почти всеобъемлющем могуществе мастера-иноземца»²⁷. Не имея точного представления об основах материальной культуры Запада и восприняв ее результаты, главным образом, в виде всяких, как он сам однажды выразился, «дикивинок, каких в Московском государстве нет»,

царь Алексей был склонен вообще источник культурно-бытовых отличий сводить к умению и изобретательности мастера.

В Россию из-за рубежа привлекались мастерские люди самых разных профессий, которые могли принести реальную пользу материальному процветанию страны. Алексей Михайлович просил везти из-за рубежа «инженеров самых добрых», «огнестрельных мастеров разумных», «гранатных мастеров отзывных», «подкопщиков самых учоных, которые б умели подкоп вестъ по реки и под водою и сквозь горы каменные и на горы вверх и сквозь воду», «мастеров, которые б умели из болот воду высосать, также б и изо рвов воду мельницами вымолоть...», «каменнова дела мастеров, которые б умели разными обрасцы полаты строить», «резцов, которые б умели на дереве и на камени резать всякие фряские рези», «серебреников», «золотова дела добрых мастеров», «алхимистов самых учоных», «точильников», «мастеров стекляшных самых добрых», «родознатцев серебряных руд и медных и железных», «мастера, чтоб всякую траву знал, которая к чему пригодитца, также и камень», «часовых мастеров дву человек», «мастеров, чтоб птицы пели на деревьях, также и люди играли в трубы», мастеров «канительных трунцалом и канителью шить», мастеров «комедию делать»²⁸. Таков круг иностранных мастеров, которых должен был привезти в Россию Иван Гебдон в 1661 г. Хозяйственные заботы породили «умение ценить специалиста, мастера своего дела»²⁹. Алексей Михайлович верил в почти неограниченные возможности талантливого человека, хорошо знающего свое дело, независимо от его национальной или конфессиональной принадлежности.

Другой важный аспект привлечения на службу в Россию зарубежного опыта – создание в 1672 г. первого придворного театра. Его создатель Иоганн Готфрид Грегори собрал небольшую труппу из жителей Немецкой слободы и начал работать с ними над постановками пьес на библейскую тематику. 17 октября 1672 г. царь вместе с царицей смотрел первый спектакль «Артаксерксово действо».

Поиск и приглашение иноземных специалистов проходил не только в Европе. Около 1675 г. посланнику к индийскому шаху Евреинзебу было поручено: «если отыщутся в Индии самые художные мастера каменных мостов и иных дел, то тех мастеров приговаривать в службу великому государю»³⁰.

Система взглядов царя Алексея на иностранцев ярко просматривается в его градостроительной деятельности. Событием в «московской» политике царя Алексея Михайловича стало создание за официальной границей города места компактного проживания выходцев из Западной Европы – Немецкой слободы. Царским указом 1652 года она была воссоздана в Заяузье, на том месте, где существовала до пожара 1611 года. Созданию слободы предшествовал всплеск ксенофобии москвичей. После Смутного времени они относились к иноземцам более чем осторожно. Храм, в который вошел человек другой веры, считался оскверненным и подлежал совершению «чина на очищение церкви от неверных внидет кто»³¹. С 1628 года иностранцам было запрещено иметь православных слуг³². В 1629 г. старосты и сотские черных слобод обратились к царю Михаилу с просьбой не ставить привезенных на службу иностранцев на постой в их слободы. В 1643 году 11 священников сообщали царю о том, что иноземцы скупают дворы в городе и ставят там свои молитвенные дома³³.

Законодательным разрешением напряженной ситуации стал царский указ о запрещении иностранцам покупать, а русским людям продавать и закладывать дворы в Москве, Китай-городе, Белом и Земляном городах и загородных слободах³⁴. Суть указа была повторена в статье 40 главы XIX Соборного Уложения, запрещающей Земскому приказу оформлять купчие при продаже дворов иностранцам, а им самим, живущим в городе, – строить на своих дворах церкви. За нарушение нормы Уложение предусматривало для русских людей «за то от государя быти в опале»³⁵.

Нужно заметить, что все эти явления ксенофобии касались сравнительно небольшого количества иностранцев: по переписи г. Москвы 1638 года в районе их наиболее компактного

проживания, между Маросейкой и Мясницкой, было 57 иноземных дворов, не считая дворов военных³⁶. По мнению С.К.Богоявленского, к середине XVII века иноземцы владели 400 дворами и составляли около 1% населения Москвы³⁷.

Наступил 1652 год. Это был год истинного торжества православия в Москве. Тогда в город были привезены мощи митрополита Филиппа и патриарха Иова, перенесены из Чудова монастыря в Успенский собор мощи патриарха Гермогена, обретенны мощи Даниила Московского и Саввы Сторожевского, наконец, церковь обрела нового пастыря – патриарха Никона. Все эти события способствовали реализации царем Алексеем Михайловичем концепции создания из Москвы города-храма, центра мирового православия. Безусловно, даже небольшое количество выходцев из Западной Европы, и тем более наличие их церквей в городе, никак не вписывались в происходящее. Иноверцы, по идее, также оскверняли своим присутствием Москву, как отдельные их представители, входя в православный храм.

Москва середины XVII века – место проведения массовых богослужений прямо под открытым небом. Не случайно указ о создании Немецкой слободы был издан одновременно с другим указом, запрещающим иностранцам носить русское платье, дабы патриарх во время благословения народа на улицах не благословлял по ошибке еретиков-иностранцев.

Но выведение европейского этнокультурного элемента за пределы города при Алексее Михайловиче вовсе не означало изгнания их из города. Процесс был детально продуман и имел цель не просто изолировать, но и сохранить этот элемент для пользы Москвы и России. Переселение оказалось довольно дорогим для казны. За Язу за казенный счет переносились постройки из Москвы. Безвозмездно, в зависимости от общественного положения, жители получали от 48 до 800 кв. сажен земли³⁸. Там же, в Заяузье, выше по течению реки, расселялись наемные иноземные воинские части.

Создание новой Немецкой слободы именно на старом месте объяснимо не только следованием традиции. Город был за-

щищен от возможной агрессии со стороны иноземцев: с юга от слободы Москву защищал Андроников монастырь и православная греческая слобода, а военные слободы отделялись от Немецкой Преображенским монастырем³⁹.

Выделив иноземцев в отдельное поселение, Алексей Михайлович тем самым способствовал развитию их культуры. За короткое время было построено 4 иноверческих церкви для лютеран и кальвинистов. К 1665 г. в Немецкой слободе уже было 204 двора⁴⁰.

Создание Немецкой слободы позволило, не вызывая недовольства москвичей и не нарушая философски-религиозного единства пространства города, привлекать иноземцев на службу в Москву, использовать их талант и знания для России.

Немецкая слобода была не единственной, созданной Алексеем Михайловичем для выходцев из других государств. В конце его правления, в 1670/71 г. за Сретенскими воротами Земляного города рядом с дворцовой Напрудной слободой была основана Мещанская слобода. «Подлинный указ о создании Мещанской слободы утрачен, на деле сохранилась одна обложка»⁴¹, поэтому у нас нет возможности детально проследить механизм формирования слободы. 11 сентября 1672 г. был опубликован царский указ, согласно которому для «поляков и литовцев» определялись условия выхода в Мещанскую слободу: не имели права выселяться только те, кто женился и пришел жить в тяглые дворы черных слобод города⁴². Слобода была подчинена Посольскому приказу⁴³. Она создавалась для выходцев из белорусских и литовских городов, «чтобы поставить их в лучшие условия»⁴⁴.

В данном случае за пределы города были поселены иноземцы, попавшие в Москву из польских городов в ходе войны 1654-1667 гг., «которые вышли на его государя имяя»⁴⁵. Другие были взяты в плен «всяких чинов людьми», а многие «взяты к Москве по государеву указу»⁴⁶. Таким образом, в Мещанскую слободу были поселены иноземцы, попавшие в Москву по принципиально другой причине, чем жители Немецкой слобо-

ды. Это были выходцы из региона геополитических интересов царя Алексея Михайловича.

До создания Мещанской слободы выходцы из Белоруссии, Украины, Польши проживали в Старопанской слободе, в районе Земляного вала, у Воронцова поля, Панской слободе в Замоскворечье на Якиманке (у Калужских ворот). Кроме того, «белорусские крестьяне, ремесленники, торговцы пополняли население слобод и сотен Москвы (Бронной, Гончарной, Дмитровской)»⁴⁷.

Мещанская слобода с первых лет своего существования оказалась густонаселенной. В переписной книге 1676 г. указаны 105 семей бездворных мещан, 552 тяглых двора и 15 дворов церковных причетчиков. И это не полные сведения: в книге утрачены последние листы⁴⁸.

Интересен национальный состав слободы: из 552 владельцев дворов и 105 бездворных соответственно 412 и 75 семей были выходцами из Белоруссии, т.е. области, по Андрусовскому перемирию оставшейся в составе Речи Посполитой, а выходцев из-под Смоленска и украинских городов было относительно мало: 140 дворов и 30 бездворных⁴⁹. Текст указа от 11 сентября 1672 г. «О записке поляков и литовцев»⁵⁰, изучение географии мест, откуда прибыли новопоселенцы⁵¹, не позволяют согласиться с положением о том, что слобода была населена «преимущественно выходцами из завоеванных у Польши земель»⁵². Таким образом, просматривается идея создания Мещанской слободы: за границу города были выселены выходцы из иностранного государства, областей, хотя и затронутых военными действиями, но не вошедших в Россию в ходе войны 1654-1667 гг. Представители же Украины, частично попавшей в состав России, никакой специально организованной слободы не получили, поскольку как стали новыми подданными русского царя.

Основание Мещанской слободы отстоит во времени от основания Немецкой почти на 20 лет, тем не менее, эти события были звеньями одной цепи, шагами в реализации одной градостроительной концепции. Столь позднее, по сравнению с Не-

мецкой слободой, основание Мещанской слободы можно объяснить несколькими фактами. Это война с Польшей, которая продолжалась до 1667 года, и неопределенность в вопросе об избрании Алексея Михайловича на польский престол. Решение этих вопросов в пользу России могло сделать выходцев из польских областей подданными русского царя, а созданных государством национальных слобод народов, живших в России, в Москве не существовало. Подписание в 1667 г. Андрусовского перемирия поставило точку во всех вопросах: для выходцев из Польши была создана Мещанская слобода.

Таким образом, Алексей Михайлович продолжил создание вокруг Москвы своеобразного «кольца» поселений иноземцев. Город благодаря этому становился столицей, концентрирующей вокруг себя представителей разных культур и государств, сохраняя при этом православную чистоту центральной части.

Приведенные факты позволяют сделать выводы о некоторых важнейших мировоззренческих принципах царя Алексея Михайловича в отношении иностранцев. В целом «XVII век нарушил замкнутость русской культуры на всех уровнях, начиная с государственного и кончая индивидуальным. При Алексее Михайловиче открытым стал царский двор со своей придворной культурой, при Петре I открытость распространилась на всю культурную систему»⁵³. Но при всей открытости к использованию достижений и знаний иностранцев, их общение с носителем высшей власти России при Алексее Михайловиче можно считать наиболее сложным из всей истории России. Издавна торжественный обряд приема послов приобрел черты сложнейшего церемониала. Таким образом, подчеркивался недостижимый, высокий статус русского царя, в том числе на международной арене.

Фундаментальным мировоззренческим положением царя Алексея было убеждение, что он служит Богу, а все подданные служат государю. Иностранцы в этой мировоззренческой схеме не были чуждым явлением. Они – часть мира, центральным элементом которого был православный царь. Иноземцы служат царю, приносят практическую пользу процветанию право-

славного царства. Не желая затрачивать что-либо, и уж тем более жертвовать чем-либо национальным, царь Алексей Михайлович активнейшим образом привлекал и использовал достижения иностранной культуры для процветания России, поддержания ее ведущего положения в мире.

Алексея Михайловича нельзя однозначно отнести ни к типу западников, ни сторонников восточной или византийской культуры. Он принадлежал к типу людей, которые «проявляли интерес не столько к западному образу жизни, сколько ко всему новому и полезному в технике, военном деле, экономике, торговле, политике и т.д., независимо от того, откуда оно приходило – с Запада или с Востока»⁵⁴.

¹ *Пушкарев Л.Н.* Общественно-политическая мысль России, вторая половина XVII века. М., 1982. С. 159.

² *Успенский Б.А.* Царь и Бог // *Успенский Б.А.* Избранные труды. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. М., 1996. С. 220-222.

³ *Соловьев С.М.* История России. Кн. 6. М., 1991. С. 179.

⁴ *Андреев И.Л.* «Хотим царя восточного...» // *Родина*. 1999. № 8. С. 65.

⁵ Записки отделения русской и славянской археологии. Т. 2. СПб., 1861. С. 776-777.

⁶ РГАДА. Ф. 27. Д. 312.

⁷ Цит. по: *Гурлянд И.Я.* Приказ великого государя тайных дел. Ярославль, 1902. С. 380-382.

⁸ *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России, СССР за тысячу лет. С. 193-196, 201-202.

⁹ *Заозерский А.И.* Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг., 1917. С. 282.

¹⁰ Утверждение династии. История России и Дома Романовых в мемуарах современников. М., 1997. С. 287-288.

¹¹ РГАДА. Ф. 27. Д. 118. Ч. 1-8.

¹² *Гурлянд И.Я.* Иван Гебдон: комиссариус и резидент. Ярославль, 1903. С. 14.

¹³ РГАДА. Ф. 27. Д. 232. «Проезжая грамота иноземцу фон Сведену, обязанному призывать в Россию ремесленников».

¹⁴ *Гурлянд И.Я.* Иван Гебдон... С. 4.

¹⁵ *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 3. М., 1957. С. 309.

¹⁶ *Гурлянд И.Я.* Иван Гебдон... С. 3-4.

¹⁷ *Пресняков А.Е.* Российские самодержцы. М., 1990. С. 132.

- ¹⁸ *Талина Г.В.* Литературные вкусы двора Алексея Михайловича // Проблемы истории и культуры зарубежного и отечественного средневековья. М., 1993. С. 61.
- ¹⁹ Материалы для истории медицины в России. Вып. 4. СПб., 1885. С. 700.
- ²⁰ Там же. Вып. 1. СПб., 1881. С. 232-233.
- ²¹ *Богданов А.П. Симонов Р.А.* Прогностические письма доктора Андреаса Энгельгардта царю Алексею Михайловичу // Естественно-научные представления Древней Руси. М., 1988. С. 184.
- ²² *Симонов Р.А.* Российские придворные «математики» XVI-XVII вв. // Вопросы истории. 1986. № 1. С. 76-84; *Богданов А.П., Симонов Р.А.* Указ. соч. С. 151-204.
- ²³ *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев в Московское государство. СПб., 1909. С. 128.
- ²⁴ *Заозерский А.И.* Указ. соч. С. 167.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 27. Д. 118. Ч. II. Л. 39.
- ²⁶ Там же. Л. 2.
- ²⁷ *Заозерский А.И.* Указ. соч. С. 161.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 27. Д. 118. Ч. 2. Л. 1-6.
- ²⁹ *Заозерский А.И.* Указ. соч. С. 116.
- ³⁰ *Мулюкин А.С.* Указ. соч. С. 128.
- ³¹ *Цветаев Д.* Протестанты и протестантство в России до эпох преобразования. М., 1890. С. 334.
- ³² *Богоявленский С.К.* Научное наследие о Москве XVII в. М., 1980. С. 223.
- ³³ *Звягинцев Е.* Слободы иностранцев в Москве XVII века // Исторический журнал. 1944. № 2-3. С. 81.
- ³⁴ Российское законодательство X-XX вв. Т. 3. М., 1985. С. 384.
- ³⁵ Там же. С. 208.
- ³⁶ Переписная книга города Москвы 1638 г. М., 1881. С. 234.
- ³⁷ *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 222.
- ³⁸ Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. СПб., 1830. № 85.
- ³⁹ Русское градостроительное искусство. Древнерусское градостроительство. М., 1993. С. 342.
- ⁴⁰ *Звягинцев Е.* Указ. соч. С. 83.
- ⁴¹ *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 17.
- ⁴² Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. СПб., 1830. № 530. С. 911.
- ⁴³ *Абцедаарский Л.С.* Белорусы в Москве XVII века. Минск, 1957. С. 17.
- ⁴⁴ История Москвы. Т. 1. М., 1952. С. 472.
- ⁴⁵ Дополнения к актам историческим. Т. 6. СПб., 1856. С. 184.

- ⁴⁶ Курин И. Евреи в Москве во 2-й пол. XVII века // Еврейская старина. 1913. Вып. 1. С. 96.
- ⁴⁷ Абецедарский Л.С. Указ. соч. С. 8.
- ⁴⁸ Материалы для истории московского купечества. Т. 1. М., 1889. Прил. 20.
- ⁴⁹ Абецедарский Л.С. Указ. соч. С. 17.
- ⁵⁰ Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. СПб., 1830. С. 911.
- ⁵¹ Абецедарский Л.С. Указ. соч. Приложения.
- ⁵² Богоявленский С.К. Московские слободы и сотни в XVII в. // Московский край в его прошлом. М., 1930. С. 121.
- ⁵³ Черная Л.А. Русская культура переходного периода от средневековья к новому времени. М., 1999. С. 114-115.
- ⁵⁴ Там же. С. 176.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ОБРАЗЦЫ И ЦЕРЕМОНИАЛЫ РУССКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА XVIII В.

XVIII век отмечен резким переустройством жизни русского двора на европейский лад. В это столетие были изменены церемониалы официальных событий государственного и государственно-семейного характера – рождение царских детей, коронации монархов, царские браки, траурные торжества членов правящего дома. Принятые в Московском государстве нормы во многом были отброшены и заменены на европейские. Замена происходила в основном в начале века и вызвала особый интерес русского правительства к иностранным формам придворной жизни. Информацию о них русская элита получала из нескольких источников. Некоторые европейские придворные церемониалы она видела что называется своими глазами при поездках в Европу, например, с Великим посольством или в период поездки Петра I в 1716-1717 гг. Другим источником являлись приглашенные на русскую службу и обладавшие соответствующими знаниями иностранцы, которые привлекались к организации церемониалов русского двора. Это – лица, имевшие специальные чины герольдмейстера, обер-церемониймейстера и церемонийместеров или занимавшие иные должности, среди которых выделяются фигуры помощника герольдмейстера, а впоследствии обер-церемониймейстера графа Ф.Санти, готовившего в 1723 г. похороны царицы Прасковьи Федоровны, в 1724 г. под патронатом П.А.Толстого коронацию Екатерины I, в 1745 г. – свадьбу великого князя Петра Федоровича и др., барона Габихсталя, составлявшего церемониалы к придворным действиям времени Петра II – на похороны великой княжны Натальи Алексеевны, имп. Петра II, и другие лица. Свой вклад внесли в оформление европеизированных

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 01-01-00126а

церемоний и служившие в России архитекторы и художники — Д.Трезини, Г.Маттарнови, В.В.Растрелли, Хр. Марселиус и др.

Еще одним исключительно важным для начала XVIII в. каналом поступления информации, касающейся европейского придворного церемониала, являлись постоянные русские посольства за границей. В связи с их появлением в 1700-х годах во всех ведущих странах Европы стал возможен специальный целенаправленный сбор информации для русского правительства о нормах придворной жизни Запада, являвшейся внешней визитной карточкой страны и говорившей о его «цивилизованности» и просвещенности, а также той сферой, в которой происходили формальные контакты между европейской элитой самого высокого уровня — семьями монархов, дипломатами и высшими государственными чинами. Документы, касающиеся этого особого явления придворной и дипломатической жизни России, сохранились в фондах РГАДА и других архивов¹.

Дошедшие до наших дней источники позволяют выявить, по каким вопросам в области придворно-государственного быта обращались к западным образцам в начале XVIII в., из каких стран получали описания образцов требуемых церемоний, когда данный интерес появился и когда он стал угасать. Сравнение европейских «образцов» с воплощенными в жизни церемониалами русского двора может дать ответ на вопрос о степени использования полученных из Европы материалов и заимствования наследия допетровского московского двора. В данной работе для рассмотрения использования европейских образцов и каналов получения нужной информации при формировании новшеств церемониальных действий русского двора объектом изучения избраны такие явления придворной жизни и жизни дома Романовых, как их бракосочетания и траурные торжества, ибо смерть членов правящей фамилии была превращена в XVIII в. из обставленного обрядами трагического события именно в торжества, хотя и печального характера.

Междинастические браки Романовых с семьями европейских монархов явились, пожалуй, первым поводом (помимо посольских приемов, достаточно хорошо освоенных уже в

предшествующие столетия), по которому при русском дворе стали выяснять европейские нормы в XVIII в. В петровскую эпоху состоялись бракосочетания царевны Анны Иоанновны с герцогом Курляндским (1710 г.), царевича Алексея Петровича с принцессой Вольфенбюттельской (1711 г.), царевны Екатерины Иоанновны с герцогом Мекленбургским (1717 г.) и планировались браки царских дочерей Анны и Елизаветы. Затем на 2-ю четверть века пришлось браки цесаревны Анны Петровны (1725 г.), принцессы Анны Леопольдовны (1739 г.) и брак наследника престола великого князя Петра Федоровича (1745 г.), в ходе которых и возник в императорской семье новый устоявшийся церемониал бракосочетаний.

Возобновление династических браков в правление Петра Великого потребовало соотнесения юридических норм и церемониалов европейских и русского дворов и выработки компромиссных решений в связи с разностью как вер вступающих в брак, так и свадебных обычаев. Нормы европейские русская сторона могла выяснить как при предварительных переговорах о союзах, так и из публикуемых на Западе заключаемых до свадьбы брачных трактатов между дворами. Очевидно, что в 1710-1711 гг. при подготовке браков царевны Анны Иоанновны с герцогом Курляндским и брака царевича Алексея с принцессой Вольфенбюттельской использовалась информация о европейских межгосударственных брачных договорах, в которых фиксировались вопросы религии (возможность сохранения супругами принадлежности к разным конфессиям), имущественные обязательства и пр. Возможно, что именно в связи с этими событиями обратились к немецкой брошюре, описывающей церемониал брака 1694 г. курфюрста Баварского с польскою принцессою Терезою Кунигундою (состоялся в Варшаве), а также к копиям и выпискам из западноевропейских брачных договоров — документам более раннего времени, возможно, появившимися в царском архиве в XVII в. Сохранились такого рода документы, касающиеся брачного договора французского короля Людовика XIII с Анной Австрийскою 1612 г. и брачного договора английского короля Карла I с француз-

ской принцессой Генриеттой-Мариєю 1625 г.² Утверждать, что именно эти документы запрашивались в начале 1710-х годов, нельзя, однако они дают представление о том, с какими европейскими нормами столкнулась русская сторона и что ею было учтено.

Заключаемые Романовыми брачные трактаты показывают, что европейские документы оказались важны русской стороне, так как свидетельствовали о возможности сохранения своих вер вступающими в брак, а именно – православной религии для русских царевны и царевича. Европейские источники, в частности, подобные договору английского короля с французской принцессой – верующими англиканской и католической церковью, дали образец решения этого вопроса. Английский король сохранял свою веру, его невеста – свою. Эта норма была сохранена в договорах Анны Иоанновны и герцога Курляндского, царевича Алексея и принцессы Вольфенбюттельской (ей позволялось, будучи в России, остаться в Евангелической вере, иметь «каплицу» /церковь/ и пр.), договорах царевны Екатерины Иоанновны и герцога Мекленбург-Шверинского, Анны Леопольдовны и принца Антона Ульриха Брауншвейгского. В юридические документы включались пункты о сохранении за невестой ее веры (за русскими царевнами – православной), о пребывании при ней после брака в стране супруга священника ее исповедания и служителей двора – единоверцев, устройство церкви, о непринуждении смены веры³.

Укрепление позиций России на европейской политической арене и снятие барьеров в восприятии русской греческой веры привело к отрицанию данной европейской нормы. В середине века стало возможным новое юридическое оформление этого пункта, касающегося религиозности немецких невест русских великих князей. Впервые при заключении брака наследника русского престола великого князя Петра Федоровича в 1745 г. немецкая принцесса София-Фридерика Ангальт-Цербская по собственному желанию приняла православие с именем Екатерины Алексеевны. После этого прецедента все немецкие невесты великих князей принимали православие и заключению

браков предшествовали обряд принятия православной веры с новым русским именем и одновременным присвоением титула государыни великой княжны (менялся при заключении брака на титул великой княгини). После Екатерины Алексеевны в XVIII в. приняли православие обе жены ее сына великого князя Павла Петровича – принцесса Вильгельмина Гессен-Дармштадтская, нареченная Натальей Алексеевной (1773 г.), и принцесса София Доротея Виртембергская, нареченная Марией Федоровной (1776 г.), жены великих князей Александра Павловича принцесса Баденская Луиза, принявшая имя Елизаветы Алексеевны (1793 г.), и Константина Павловича – Юлиана Генриетта Ульрика принцесса Саксен-Кобургская, нареченная Анной Федоровной (1796 г.).

Таким образом, если в начале века при заключении первых брачных союзов русская сторона вынуждена была считаться с мнением европейской стороны и ориентироваться на норму разности вер супругов, то во второй половине века ситуация изменилась и отказ от принятия греческой веры невестой при предварительных переговорах о браке вел к их прекращению. Так было при выборе жены цесаревичу Павлу Петровичу, когда принцесса Луиза Саксен-Готская отказалась принять православие⁴.

Важный в начале столетия вопрос, по какому церковному обряду – жениха или невесты – проводить бракосочетание, решался на Западе компромиссом, это зафиксировано в уже упоминавшемся договоре английского короля Карла I, бракосочетание которого проходило в Париже по обряду Римско-католической церкви⁵. Такой подход вполне устраивал русскую сторону, так как позволял настаивать на православном обряде бракосочетания. В результате браки русских принцесс проходили по обряду религии невесты, но с компромиссными элементами. Так, при заключении первого для России междинастического брачного союза царевны Анны Иоанновны бракосочетание Анны Иоанновны с герцогом Курляндским проходило по православным канонам, однако, как отмечал датский посланник Ю.Юль, венчавший новобрачных Феодосий Янов-

ский обращался к невестке по-славянски, а к жениху по латыни, к тому же в ходе обряда царь приказал Яновскому поскорее его завершать и «тогда (Яновский) немедленно благословил жениха ... потом... невесту и венчание окончилось». Как пишет Ю.Юль, «других обычных (венчальных) обрядов соблюдено не было: так (бракосочетающиеся) не пили за здоровье друг друга, не (обходили) в пляске кругом (аналоя) и не держали в руке свечей». Далее датский мемуарист отметил, что, возможно, «царь нарочно так устроил, чтобы (всеми) этими странными, чуждыми обрядами не слишком досадить герцогу, который (и без того уже) весьма неохотно согласился венчаться по русскому (чину)»⁶. По православному обряду отправлялось бракосочетание в Данциге и Екатерины Иоанновны. Возможно, что там также были компромиссы, так как его проводил Феодосий Яновский⁷.

Среди европейских норм заключения брака следует указать на то, что не было принято в России. Это – заключение брака заочно при отсутствии жениха (например, венчание Карла I проходило в Париже через его депутата)⁸ и заключение договоров о браках относительно малолетних детей.

Вопрос о религии детей решался следующим образом. По договору 1710 г. Анны Иоанновны с герцогом Курляндским родившиеся в браке мальчики принимали веру отца (лютеранскую), девочки – веру матери (греческую)⁹. Дети от брака Екатерины Иоанновны с герцогом Шверинским принимали лютеранство. В случае наследования неправославными детьми Романовых российского престола, а такая ситуация сложилась в России дважды, проходило их крещение в православную веру. Так, приехавшая в 1722 г. Россию малолетняя дочь герцогини Шверинской Екатерины Иоанновны лютеранка Елизавета Екатерина Христина приняла греческую веру с именем Анны Леопольдовны¹⁰. Принимал греческую веру в России и крещенный в лютеранстве сын цесаревны Анны Петровны герцог Голштинский Петр (великий князь Петр Федорович, будущий Петр III)¹¹.

Важной частью брачных соглашений являлись вопросы наследования имущества и материального содержания. Европейские договоры дали образцы для их решения, то есть содержания двора царевны и принцессы, их приданого и пр. Договором определялся двор невесты, будущей супруги наследника престола или монарха. Эта часть брачного договора представлялась монархам важной, так как состав и количество придворных определяли ранг хозяина или хозяйки двора. Например, пункт о будущем придворном штате невесты в договоре английского короля Карла I с французской принцессой Генриеттой-Марией звучал следующим образом: «Штат королевы убудет ни в чем не менши того, какой когда ни есть был для королевы аглинской», то есть речь шла о соблюдении чести представительницы дома французских Бурбонов¹². В России к данному пункту соглашения могла быть приложена роспись двора невесты, как это, например, было сделано в договоре супруги царевича Алексея Петровича принцессы Шарлотты-Софии Вольфегбюттельской, двор которой, подчеркивавший высокий статус принцессы, включал 54 наименования чинов и служителей, которые имели 133 человека¹³.

Ту же подоплеку имели пункты о материальном содержании невесты, которой выделялось приданое в заранее оговариваемом размере. Так, супруга царевича Алексея Петровича должна была ежегодно получать 50 тысяч ефимков да на украшение 25 тысяч¹⁴. Важным пунктом, пришедшим в брачные трактаты Романовых, стало положение об отказе наследовать корону, земли и имущество у себя на родине вступающих в брак принцесс. Этот пункт встречается в европейских договорах XVII – начала XVIII в. Например, в Мадридском брачном договоре Людовика XIII с Анной Австрийской 1612 г. было записано: «Реченная инфанта довольствуясь сим приданным (Анна получала 500 тысяч золотых крон ценою по 16 реалов каждая в Париже за день до свадьбы. – О.А.), отказывается от всяких других прав, имений, наследств и проч. Сие отречение немедленно после свадьбы она подтвердит купно с христианнейшим королем»¹⁵. Аналогичный пункт об отказе от наслед-

ства своей семьи вошел в договора европейских невест русских великих князей. Например, от прав наследовать владения своих родственников в Европе отказались по брачным трактатам Екатерина Алексеевна, обе невесты Павла I и др.

Церемониал свадьбы на европейский, немецкий манер при разрушении единого для всех слоев общества комплекса древнерусской свадебной обрядности и «государского чина» свадьбы царей сложился уже в 1710-х годах при заключение первых брачных союзов Романовых с европейскими правящими домами. Появились новая европейская одежда жениха и невесты, новое название свадебных чинов (свадебные маршал, шаферы), новое убранство свадебных покоев – царские чертоги сменило место под малиновым балдахином, венки над головами брачующихся. Среди увеселений появились европейские танцы – бал, новые развлечения за столом, например, на свадьбе Анны Иоанновны выход из пирогов карликов, станцевавших менуэт, фейерверки. Практически сразу ушли в прошлое многочисленные обряды, имевшие ранее сакральный смысл, – украшение сорока соболями покоев и мест брачующихся, возжигание богоявленских свечей, ритуальное расчесывание и покровение головы невесты, осыпание зерном и хмелем, обрядовое разрезание и раздачу сыра и перепечи, символизировавшие помолвку и любовь (их сменило светское угощения закусками и конфетами), ушли в прошлое обереги – «бережение» мест жениха и невесты, и т.д.¹⁶ Сохранилось время свадебных торжеств – три дня, хотя сама свадьба обставлялась вереницей несвадебных светских приемов и балов, длившихся несколько месяцев, и кроме того могла включать церемонию обручения, предшествовавшую браку.

Таким образом, для начального периода подключение к европейскому миру монархов было характерно в свадебном церемониале использование европейских церемониальных форм и развлечений, с одной стороны, с другой – отказ от древнерусских обычаев, имевших сакральный смысл и казавшихся суеверными и варварскими представителям новоевропейской культуры.

Начиная с 1720-1730-х годов изменение свадебных церемониалов было связано только с увеличением количества дней, более пышным художественно-декоративным убранством свадьбы и большим разнообразием увеселений. Так, трехдневная свадьба Анны Петровны, прошедшая достаточно скромно в связи с трауром по Петру Великому, в котором пребывал двор и который был снят ради этого повода (императрица оставалась в трауре и весьма умеренно присутствовала на мероприятиях), все же выделялась постройкой специальной торжественной залы и украшенным «поездом» из барок, шествовавшим по воде от Летнего сада до Троицкой пристани и пр.¹⁷ Что касается свадьбы принцессы Анны Леопольдовны 1739 г., начавшейся на следующий день после объявления о предстоящем браке и обручения, то она праздновалась уже не 3, а 5 дней с перерывом на 1 день, на который была назначена отпуская аудиенция цесарского посла, и отличалась множеством новых европейских увеселений. Новшествами свадьбы 1739 г. стали пышный свадебный поезд лиц первых рангов, обязанных обзавестись богатыми экипажами цугом и богатой ливреей (поезд прошеествовал от Зимнего дворца до церкви), вечернее кушанье в галерее Зимнего дворца при пущенных фонтанах, сыгранная в придворном театре пастораль, маскарад в четырех кадрилях, кушанье в саду, угощение народа вином из фонтанов и жареными быками, фейерверк и иллюминация¹⁸.

Следующая свадьба великого князя Петра Федоровича, наследника и родного племянника Елизаветы Петровны (будущий Петр III) с принцессой Ангальт-Цербстской (в будущем – Екатерина II), состоялась в 1745 г. За год до нее в Москве в день св. апостолов Петра и Павла состоялось восприятие греческой веры принцессой Ангальт-Цербстской и на следующий день ее обручение с Петром Федоровичем¹⁹. Сама же свадьба прошла год спустя в Петербурге по тем же канонам, что и свадьба Анны Леопольдовны, но только еще более пышно. Подготовка свадьбы заняла 6 месяцев при самом пристальном внимании Елизаветы Петровны, неоднократно правившей церемониал торжеств. Длелись торжества 10 дней, с 21 по 30 августа²⁰.

Организация свадебных торжеств великого князя Петра Федоровича показала, что вопрос о копировании церемониалов на Западе уже потерял былую остроту, но связано это было с тем, что в самой России новые проевропейские нормы придворно-государственного быта уже устоялись. При длительной подготовке этого брака, с одной стороны, был традиционно проявлен особый интерес к европейскому бракосочетанию. На это указывают дипломатические документы, в частности, несколько ведомостей и реляций, присланных из Парижа русскими дипломатами кн. Антиохом Кантемиром и Генрихом Гросом, о венчании в Мадриде в 1744 г. и Версале в 1745 г. французского дофина с испанской инфантой. Эти документы присылались по указу из Петербурга от 16 марта и содержали подробные описания происходивших церемоний²¹. Однако, с другой, любопытна ситуация с распоряжением Елизаветы Петровны, отданным готовившему церемониал брака обер-церемониймейстеру графу Ф.Санкти. Императрицей было указано «церемониальное расположение... учинить на таком основании, как их высочеств... герцога Голштинского и государыни цесаревны Анны Петровны супружественное сочетание здесь в Санкт-Петербурге в 1725 году торжествовано было»²².

Таким образом, к этому времени уже стало возможным потребовать от лиц, занимавшихся организацией церемонии, обращения к своему вполне европейскому отечественному опыту начала XVIII в. Пикантность данного указания состояла в том, что Елизаветой было указано использовать церемониал свадьбы своей родной сестры и матери великого князя, при том что последняя более пышная свадьба свергнутой с престола и находившейся в ссылке правительницы Анны 1739 г. как бы не существовала.

Распоряжение Елизаветы выполнено не было, так как, когда обратились с запросом в Придворную канцелярию, то там в архиве ни церемониала, ни дел не нашли. В ответе обер-гофмаршала Д.А.Шепелева было указано, что бумаги отсутствуют, видимо, по причине того, что свадьба 1725 г. готовилась под ведением А.Д.Меншикова, а не придворным ведомством²³.

В результате вариант свадьбы, составленный обер-церемониймейстером графом Ф.Санти, походил на свадьбу свергнутой принцессы Анны Леопольдовны, превосходя ее только пышностью убранства и разнообразием увеселений, включавших балы, маскарад-кадриль, застолья под итальянскую музыку, оперу «Сципион» в придворном театре, лотерею на одном из балов, орденский праздник Александра Невского, фейерверк. Венчание Петра Федоровича происходило в том же соборе – Рождества Богородицы – Казанском на Невском проспекте, где венчалась Анна Леопольдовна, также был обставлен и его свадебный поезд²⁴.

Новой относительно допетровского времени чертой всех свадеб Романовых XVIII в. был новый состав русского общества, участвовавшего в церемониалах или присутствовавшего в качестве зрителей. Теперь все роли распределялись среди новой элиты, которая после Табели о рангах 1722 г. была организована строго по рангам.

В начале XVIII в., налаживая отношения с европейскими дворами, русский двор соприкоснулся и с этикетом Европы относительно *печальных поводов*.

В это время при европейских дворах, связанных тесными династическими узами, в печальных случаях было принято, во-первых, информирование о случившемся дипломатического корпуса и в ответ – этикетное выражение соболезнования через послов правящему дому. Во-вторых, обычным было ношение при дворах траура по своим родственникам, а также по иностранным монархам. Наконец, в-третьих – организация по неким общим правилам длительных похоронных торжеств, которые в Европе во многом отличались от принятых в допетровской России. Все эти формы были учтены и быстро, в течение 1700-х – начала 1720-х годов, освоены русской стороной.

Что касается информирования послов и выражение ими соболезнования родственникам усопших, то эта норма зафиксирована в дневнике Ф.-В. Берхгольца за октябрь 1723 г., когда официальные визиты с соболезнованием в связи с кончиной царицы Прасковьи Федоровны были нанесены ее дочерям, а

также состоялся визит маршалка, распорядителя погребения майора Румянцева, к иностранным представителям с извещением о кончине царицы и предстоящих похоронах²⁵.

С начала XVIII в. при русском дворе начали носить трауры по европейским монархам, а чуть позже вести специальные книги записей о ношении трауров по русским и европейским коронованным особам. Например, в сохранившейся тетради трауров за 1719-1728 гг. содержатся записи о ношении траура при русском дворе по шведскому королю Карлу XII, погибшему в 1719 г. (траур был объявлен несмотря на то, в это время Россия находилась в состоянии войны со Швецией), о ношении траура в 1720 г. по римскому цесарю Карлу VI, в 1724 г. по датской королеве, затем в 1723 г. по царице Прасковье Федоровне, в 1724 г. по испанском короле Людовике I и т.д. Еще одна тетрадь содержит полученные от дипломатов сведения 1725-1740 гг. о траурах, которые объявлялись по русским императорам и императрицам при дворах прусском, французском, датском и др.²⁶

Следует сказать, что ношение траура являлось довольно сложным с обрядовой стороны явлением и было обставлено многочисленными правилами. Так, существовали особые правила траура для разных категорий лиц — одни касались венценосной семьи и высших придворных чинов, другие — мужских и женских персон первых классов, третьи — мужских и женских особ классов более низких, и наконец, всех остальных. Разными, зависевшими от статуса покойного, являлись в объявляемых траурах их длительность (различались трауры, длившиеся год, полгода, 3 месяца, нескольких недель). Различались трауры и по форме — существовали траур, полутраур, глубокий траур и камер-траур, выражавшиеся в различных траурных элементах одежды, в убранстве домов, карет, в ливрее слуг.

Усвоить все эти правила было довольно сложно, и в России до начала 1720-х гг. информация и о том, как носили траур в Европе, набиралась постепенно. Так, 18/29 мая 1719 г. после получения указа из России о наложении траура по царевиче

Петре Петровиче в русском посольстве в Гааге посол кн. Б.И.Куракин отписал 22 мая в Петербург, что распоряжение выполнено – траур при посольстве наложен «с примеру дворов французского и английского» так, как он носится по французскому дофину и принцу Уэльскому, а далее подробно описал, в чем этот траур состоит, то есть его длительность, особенности в одежде господ и слуг, убранстве карет и комнат²⁷.

Основательно вопрос о введении при русском дворе европейских обычаев в области траура был поставлен, по-видимому, в 1723 г.: в русские посольства в Европе 4 апреля был разослан царский указ о присылке сведений о траурах при европейских дворах. Затем в течение нескольких месяцев были получены в донесениях послов: от 23 марта из Берлина – от графа Александра Головкина, от 29 апреля из Стокгольма – от камер-юнкера Михаила Бестужева, от 25/6 мая из Парижа – от кн. Александра Куракина и от 16 ноября из Вены – от камер-юнкера Людвиг Ланчинского²⁸.

По-видимому, полученных сведений было достаточно, так как уже со второй половины 20-х годов при русском дворе стали складываться собственные нормы ношения траура по членам семьи Романовых и в дальнейшем составители указов обращались к собственно русским прецедентам. Так, по правившим особам обычно накладывался траур на год, первый раз был наложен по Петру I, исключением из этого правила стал траур по Екатерине I, отмененный Петром II уже через 3 месяца после ее кончины²⁹.

По близким родственникам монарха траур налагался на 8 месяцев или на полгода, по лицам менее значимым или политически нежелательным – на 3 месяца и меньше. Так, тот же Петр II наложил траур по своей родной сестре великой княжне Наталье Алексеевне на 8 месяцев, а по родным сестрам императрицы Анны Иоанновны царевнам Прасковье и Екатерине траур носили по полгода и при этом печатные указы о трауре сестер были совершенно идентичны и списывались один с другого³⁰. Эта норма по политическим или психологическим со-

ображениям не была выдержана относительно цесаревны Анны Петровны, высланной из страны летом 1727 г. и скончавшей за границей в 1728 г. Судя по печатному указу, его предполагали определить только длительностью в 3 месяца. Очевидно, что этот срок занижал статус преставившейся дочери Петра I, сын которой мог по праву претендовать на российский престол³¹.

После смерти в 1733 г. несколько десятилетий при русском дворе не было оснований для наложения траура по взрослым царевнам, цесаревнам или великим княгиням. В связи с этим интересно, что когда в 1776 г. скончалась жена цесаревича Павла Петровича великая княгиня Наталья Алексеевна, составитель церемониала обер-церемониймейстер М.Ф.Кашталинский по указу Екатерины II делал экстракты – выписки из русских (!) дел о траурах такого рода предшествовавшего времени³². Этот документ с собственноручными пометками императрицы сохранился и представляет собой выписки о трауре по Анне Петровне 1728 г. на 3 месяца, Прасковье Иоанновне на полгода и указание, что траур по герцогине Мекленбургской Екатерине Иоанновне был таким же, как и по ее сестре Прасковье³³. Из представленных вариантов Екатерина II выбрала траур на 3 месяца по образцу траура Анны Петровны, внося лишь одно изменение об отмене шпилек в траурной одежде. Таким образом, траурный указ Натальи Алексеевны повторял траурный указ по Анне Петровне³⁴. Отмеченное явление – обращение к русским документам предшествовавшего времени свидетельствует об утверждении собственных новых традиций при русском дворе.

Что касается траурных новых проевропейских церемониалов погребения членов дома Романовых, то они оказались выработаны почти полностью уже к 1725 году, и также не без обращения к зарубежным аналогам и иностранцам, служившим при русском дворе.

Утверждение новых норм произошло в течение всего одного десятилетия. Первые похороны, относительно которых имеются сведения и на которых отмечены новшества, – погре-

бение вдовствующей царицы Марфы Матвеевны 3 января 1716 г. По свидетельству ганноверского резидента Х.Ф.Вебера, в печальной процессии царицы тайный советник П.А.Толстой нес «всю усыпанную драгоценными камнями богатую корону», впереди процессии шло русское духовенство, всего же провожало царицу 500 человек, из которых 200 были в печальных плащах. На этих похоронах Петр отменил традиционный для русских ритуальный плач³⁵.

Достаточно большой комплекс документов сохранился относительно похорон сестры Петра I царевны Натальи Алексеевны 17 ноября 1717 г., причем среди делопроизводственных бумаг находится и первая из сохранившихся росписей шествия с обозначением порядка следования групп (их было 22) и имен участников. Роспись позволяет утверждать, что процессия уже была организована на западноевропейский манер, в ней находились специальные траурные чины – маршалы с их атрибутами – штабами (жезлы), на европейский манер была представлены государственная символика – корона и царский балдахин. Но вот гроб на санях (допетровский элемент) не несли, а по-европейски везли 8 лошадей. В колонне присутствовало 4 иностранных министра³⁶. Автор церемониала погребения не известен, но из делопроизводственных бумаг следует, что к убранству кортежа – саней и гроба – привлекался архитектор Г.Маттарнови, траурным убранством лошадей ведал поручик Ржевский, короны и гроба капитан – Мазовский и т.д.

Новые элементы европейских обычаев отмечены на похоронах царицы Прасковьи Федоровны 1723 г., подробно описанных в дневнике голштинского камер-юнкера Ф.-В.Берхгольца. Из него следует, что для погребения были назначены специальные принятые в Европе чины – двумя «первыми маршалами» стали генерал Алларт и генерал-лейтенант Ласси, маршалами также были назначены Дмитриев-Мамонов и Измайлов, возглавлявший 8 траурных шаферов. Декоративно-художественное оформление похорон готовил обладавший необходимыми знаниями помощник герольдмейстера граф Ф.Санти. На похоронах царицы Прасковьи впервые появился

ставший неременный элементом всех последующих императорских погребений траурный зал «castrum dolores». Гроб с телом царицы был помещен на возвышении под балдахином с государственной символикой, из регалий были положенная на подушку корона и «желтое государственное» знамя. Скипетр и держава отсутствовали. Зал был украшен свечами, люстрами, драпировками и «разными аллегориями», о содержании которых, к сожалению, ничего не известно. В убранстве доминировали фиолетовый, белый и черный цвета, что также говорило о европейских, а не русских обычаях. 10 дней длилось прощание. Затем состоялись похороны с траурной процессией, состоявшей из 20 групп. Катафалк-колесницу везли 6 лошадей (меньше, чем на погребении Натальи Алексеевны), из регалий была только корона, и даже государственное знамя, находившееся в траурном зале, отсутствовало. После погребения царицы в Александро-Невской лавре за городом, а не в Петропавловском соборе, в ее хоромы был устроен поминальный стол. Траур по Прасковье Федоровне длился также не по ее статусу – всего один месяц³⁷. И все же, несмотря на явные признаки принижения в церемониале достоинства покойной царицы, ее погребение стало новым шагом в развитии в сторону торжественности и пышности царских похорон.

В законченном виде новый печальный церемониал Романовых предстал перед русским обществом в 1725 г., когда погребали Петра Великого. Печальную комиссию возглавлял Я.В.Брюс, в декоративном оформлении – подготовке траурного зала – участвовал блестящий французский скульптор Н.Пино. Погребению предшествовало 40-дневное прощание с царем, для которого исключительно пышно была убрана «castrum dolores» императора. Ее украшала барочная скульптура – 4 фигуры у гроба символизировали Россию, Европу, Марса и Геркулеса, еще 8 скульптур – добродетели Петра. Здесь же находились щиты с надписями, пирамиды, на языке символов сообщавшие посетителям о достоинствах личности великого монарха. Зал украшала траурная обивка, в центре на возвышении под балдахином стоял декорированный гроб императора.

Полный набор регалий (4 короны, скипетр, держава, государственное знамя) и 3 ордена монарха дополнялись в зале государственным гербом и гербами всех провинций России.

Грандиозное шествие в день погребения 10 марта 1725 г. состояло из 122 групп, среди которых находились духовенство, царская семья, представители дворянства, российского и иностранного купечества, депутаты прибалтийских провинций и др. Среди государственных символов были несены несколько разновидностей знамен – военное, 33 траурных с гербами земель и провинций, адмиралтейский штандарт, черное с государственным гербом, цветное белое, печальное. Помимо регалий, бывших в траурном зале, в процессии находились государственные мечи. Впервые несли гербы губерний и государственный. Любопытным новшеством процессии Петра Великого стали два латника – одетые в западноевропейские рыцарские доспехи рыцари печальный и радостный³⁸.

В феврале в связи с кончиной Петра был объявлен годичный траур³⁹. После погребения спустя некоторое время впервые в России была подготовлена и напечатана брошюра с описанием погребения (ее готовил Я.Брюс)⁴⁰, выполнены гравюры с видом печальной залы (граверы А.Т.Ростовцев, С.М.Коровин, рис. арх. М.Г.Земцова)⁴¹, отчеканены памятные медали участникам – 1160 золотых различного достоинства и 10900 серебряных, к которым дополнительно отчеканили 582 медалей⁴².

При подготовке погребения Петра Великого существенную роль сыграло знание западноевропейских обрядов и церемоний Я.В.Брюсом и другими лицами, привлекавшимися к организации похорон, например, Н.Пино. Однако, говоря о подготовке этого события, следует упомянуть и сведения, полученные от русских дипломатов. Так, представляется, что значительную роль при подготовке погребения сыграло сообщение, полученное в 1724 г. из Варшавы от кн. Сергея Долгорукова, – «Выписка о церемонии погребения курфюрста Саксонского» от 1 февраля 1724 г., представлявшая собой тетрадь в 28 листов на немецком языке и ее перевод⁴³. Сведения этого документа, вероятно, пригодились год спустя при организации похорон

царя-преобразователя. Именно из него, по-видимому, были взяты общая структура траурных торжеств и несение символов всех русских земель в траурной процессии, вошедшие в ритуал последующих императорских похорон в России.

Траурные торжества Екатерины I проходили по сокращенному «понеже ныне лето» варианту – императрицу хоронили в мае 1727 г. Поэтому второй раз практически с той же полнотой, что и погребение Петра I, составленный по европейским канонам траурный церемониал образца 1725 г. был воспроизведен при погребении в Москве в 1730 г. внука Петра Великого Петра II⁴⁴, а затем новая традиция закрепились в Петербурге при погребении императрицы Анны Иоанновны⁴⁵. Таким образом, тщательная и разносторонняя разработка церемониала погребения Петра Великого дала образец, которому в значительной степени следовали в императорских похоронах XVIII и следующего XIX в.

¹ См.: РГАДА. Ф. 370: Дела, касающиеся до учреждения государственных учреждений; Ф. 156: Исторические и церемониальные дела; Архив СПбИИ РАН. Ф. 36: Воронцовых.

² РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 107: Брак короля французского Людовика XIII с светлейшею государынею Анной Австрийскою. 1612 г. (брачный договор); Д. 108. Брак великобританского короля Карла I с принцессою Генриеттой-Мариєю, сестрою Людовика XIII, короля Французского, 1625 г. (выписка из брачного договора); Д. 109: 1694 г., августа 19. Церемониал бракосочетания курфюрста Баварского с польскою принцессою Терезою Кунигундою в Варшаве (брошюра на немецком языке). – Дела с брачными договорами переписаны почерком более позднего времени на бумаге начала XVIII в., такого рода копирование документов проводилось в XIX в., когда «приводили в порядок» архив Экспедиции придворных церемониальных дел.

³ ПСЗ-I. СПб., 1930. Т. 4. № 2272: 1710. Июня 10. Договор, заключенный в Санкт-Петербурге российскими министрами и курляндскими послами. О супружестве царевны Анны Иоанновны с Фридрихом Вильгельмом герцогом Курляндским; № 2440: Указ Императрицы, данный Сенату. О бракосочетании государя царевича Алексея Петровича. № 2354: 1711 г., апреля 19. Трактат, заключенный в Яворове польском местечке между государем Петром I и

- Браунгшвейг-Вольфенбиттельским домом. О браке царевича Алексея Петровича с Шарлоттою Христиною Софиею принцессою Брауншвейг-Люнебургскою, внукою герцога Антона-Ульриха; № 3009. 1716 г. Апреля 9. Именной, данный Сенату. О бракосочетании царевны Екатерины Иоанновны с герцогом Мекленбургском.
- ⁴ Кобеко Д. Цесаревич Павел Петрович (1754-1796): Историческое исследование. СПб., 2001. С. 63.
- ⁵ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 108. Л. 1.
- ⁶ Юль Ю. Записки датского посланника в России Юста Юля, 1709-1711 гг. М., 1900. С. 257-258.
- ⁷ Походный и путевой журнал имп. Петра I за 1716 г. СПб., 1855. С. 18.
- ⁸ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 108. Л. 1.
- ⁹ ПСЗ- I. Т. 4. № 2272. С. 495.
- ¹⁰ См.: Корф М.А. Брауншвейгское семейство. М., 1993. С. 6.
- ¹¹ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 1197. 1742, ноября. Описание церемонии объявления наследников престола вел. кн. Петра Федоровича; ПСЗ. Т. 11. № 8660: 1742. Ноября 12. Сенатский. О принятии его императорским высочеством наследником Всероссийского престола благочестивыя веры Греческого исповедания и о приобщении Святых тайн. С. 715.
- ¹² РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 108. Л. 2.
- ¹³ Там же. Д. 13. Л. 15-15 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 22 об.
- ¹⁵ Там же. Д. 107. Л. 1.
- ¹⁶ См. подробнее об эволюции обрядности: Агеева О.Г. Новые явления в общественной жизни и быту Петербурга первой четверти XVIII в.: на примере царских свадеб // Русская культура в переходный период от Средневековья к Новому времени: Сб. ст. М., 1992.
- ¹⁷ Походный журнал 1725 г. СПб., 1855. II. Приложение к Походному журналу 1725 г.: Реляция о браке его королевского высочества Карла-Фридриха герцога Голштейн-Готторпского с Ея высочеством цесаревною Российскою Анною Петровною Л. 47-51; РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 112. Церемониал бракосочетания государыни великой княжны Анны Петровны с герцогом Голштейн-Готторпским Карлом-Фридрихом. 25 Мая 1725 г. Л. 1-7 об.
- ¹⁸ Церемониальный журнал 1739 г. СПб., б.г. С. 37-38; РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 113. Церемониал бракосочетания светлейшей принцессы Мекленбург-Шверинской Анны Леопольдовны с светлейшим принцем Брауншвейг-Люнебургским Антоном-Ульрихом. Л. 1-12; Там

- же. Оп. 3. Д. 4. Описание ливреи вельмож царства императрицы Анны Иоанновны. Л. 1-5.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 114: Церемониал миропомазания государя Петра Федоровича и в. кн. Екатерины Алексеевны 1744 г. Л. 1-8; Там же. Д. 115. Церемониал обручения великого князя Петра Федоровича и великой княгини Екатерины Алексеевны. Л. 1-4 об.
- ²⁰ См.: Церемониальные, банкетные и походные журналы 1745 г. СПб., б.г. С. 52-92: Журнал высочайшего торжества сочетания брака... Петра Федоровича и... Екатерины Алексеевны.
- ²¹ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 40. Известия, доставлявшиеся русскими дипломатами князем Кантемиром, Г.Гроссом и другими о церемониях и обрядах французского двора. Л. 2-5 об.: Ведомость о браке дофина с инфантою 25/14 февраля 1745 г., 27-32: Реляция Гроса от 22/11 февраля 1745 г. с обстоятельным описанием брака делфинова, 34-53 об.: Реляция о церемониях при браке дофина. 11 марта 1744 г., 211-237 об.: От 11 марта 1745 г. Реляция с обзорением церемоний и праздников, данных по случаю свадьбы монсеньера Дофина. На фр.
- ²² РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 118. Дело о бракосочетании государя великого князя Петра Феодоровича с принцессою Ангальт-Зербскою Екатериной Алексеевною. 1745. Л. 1-1об.
- ²³ Там же. Л. 3.
- ²⁴ См.: Церемониальные, банкетные и походные журналы 1745 г. С. 52-92: Журнал высочайшего торжества сочетания брака... Петра Федоровича и... Екатерины Алексеевны.
- ²⁵ *Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Ф.-В.Берхгольца. М., 1903. Ч. 3. С. 164-165.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 122. 1719-1732 гг. Трауры при российском дворе по разным персонам. Л. 2-7, 14; Там же. Д. 123. 1725, 1727, 1730, 1740. Выписка о траурах по... государе Петре I, государыне Екатерине Алексеевне и по государе Петре II, употребленных при чужестранных дворах. – Выписка оканчивается экстрактами реляций русских послов 1740 г.
- ²⁷ Там же. Д. 122 а. Л. 10-18 об.
- ²⁸ Там же. Л. 1, 7-9. См. также: Там же. Л. 2-6, 12-19.
- ²⁹ Там же. Д. 47: Известие о кончине имп. Екатерины... Л. 67 об.
- ³⁰ Там же. Д. 49: Известие о кончине великой княжны Натальи Алексеевны. 1728 г. Л. 2-3 об., 8-9 об.; Д. 52: 1731 г. Журнал и описание церемонии, употребленной при погребении царевны Прасковьи Иоанновны. Л. 19; Д. 53: 1733 г. Описание церемонии, употребленной при погребении... царевны... Екатерины Иоанновны. Л. 8.

- ³¹ Там же. Д. 48: Список дел, происходивших в комиссии привезения из Голстинии в Санкт-Петербург и погребения... Анны Петровны. Л. 38.
- ³² РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 196. 1776 г.: Церемониал о погребении великой княгини Натальи Алексеевны. Л. 2 об.
- ³³ Там же. Д. 197: Дело... о погребении великой княгини Натальи Алексеевны. Л. 9-10.
- ³⁴ Там же. Л. 12.
- ³⁵ Вебер Х.Ф. Записки Вебера о России // Русский архив. 1872. № 7. Стб. 1342-1343.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 39. Л. 2-6 об.
- ³⁷ Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Ф.-В.Берхгольца. Ч. 3. С. 163-171.
- ³⁸ См.: Описание порядка держанного при погребении... Петра Великого. СПб., 1725; схему-чертеж траурной процессии см.: РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 41: Дела, касающиеся до комиссии погребения имп. Петра I. Л. 49-54.
- ³⁹ Там же. Д. 40: 1725 февраля 11: Публикация о ношении в России траура по государе императоре Петре I. Л. 2-2 об., 8, 11-11 об. (печатные указы от 10 февраля, 9 марта и 1 августа 1725 г.).
- ⁴⁰ Там же. Д. 41. Л. 27.
- ⁴¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 238. Коллекция рукописей Н.П.Лихачева. Оп. 2. Картон 253, № 12. Л. 1-4: Описание погребальной залы Петра I / (Пер. с фр. Ст.Коровина); Л. 5-7: офорты погребальной залы «Общий вид», «Противоположная стена», «Большая стена».
- ⁴² РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 45. Л. 90 об.-91.
- ⁴³ Там же. Д. 187: 1724 г. Выписка из церемонии, бывшей после кончины курфюрста Саксонского. Л. 1-56.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 47. Л. 23; РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 186: Церемониал о погребении Петра II. Л. 1-8 об.; Д. 187: Дело о погребении имп. Всероссийского Петра Второго в Московском Архангельском соборе. См. также: РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 51: Рисунок церемониала погребения Петра II.
- ⁴⁵ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 189: Церемониал о погребении имп. Анны Иоанновны; РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 55: Бумаги, касающиеся погребения императрицы Анны Иоанновны.

РОССИЯ И ФРАНЦИЯ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Эта тема имеет ряд аспектов – социологический, т.е. восприятие страны представителями различных социальных и профессиональных групп; историко-политологический – восприятие чужой страны политиками, дипломатами, отношение официальных лиц, критиков царского режима и просвещенных людей России к восприятию России во Франции. Культурологический аспект включает дифференцированную оценку такой категории, как восприятие на основе культурологической категории диффузия (взаимопроникновение), культурная аккультурация (заимствование) и трансферт (простая передача внешних культурных ценностей). Историографический аспект включает оценки различными поколениями французских и российских историков процесса такого восприятия.

России посвящены исследования французов, появившиеся уже в XVIII веке, – труды Вольтера «История Петра Великого», П.Левека «История России», «Записки о России» французского дипломата М.Корберона и многие другие. В начале XIX в. появились мемуары посла Наполеона в России А.Коленкура. Тогда же вышли в свет «Записки» де Кюстина о николаевской России, статьи журналиста А.Мармье, путевые очерки Дюма-отца, книга профессора Безансонского университета Л.Пинго «Французы в России и русские во Франции», главы, посвященные России, в труде по всемирной истории А.Лависса, и многие другие.

Особое внимание следует уделить работе Е.Ю.Артемовой «Культура России глазами посетивших ее французов»¹. В этом издании хорошо систематизированы оценки французских наблюдателей о России.

В Париже в 1994 г. издана книга профессора русской литературы Л.Форбеля «История снега. Россия во французской ли-

тературе»², которая призвана ознакомить современников с освещением исторических контактов с Россией.

В последнее время в России регулярно, раз в два года, выходят сборники статей «Россия и Франция в XVIII-XX вв.» под редакцией П.П.Черкасова, посвященные взаимоотношениям этих стран. Уже вышло пять выпусков.

Контакты, конкретные акции, оценки французских дипломатов, ученых, деятелей культуры в России также являются своеобразной характеристикой наших взаимоотношений. В связи с этими контактами возникали определенные оценки российской действительности, разрушались старые и создавались новые стереотипы представлений французов о России.

Интерес Франции к далекой стране – России проявился уже тогда, когда Петр I «прорубал окно в Европу». Неоднократно бывая в Европе, он посещал Париж и даже держал на своих коленях малолетнего наследника французского престола – будущего Людовика XV. Однако постоянные дипломатические отношения России и Франции были установлены лишь при его дочери – императрице Елизавете Петровне.

В XVIII в. надо признать одностороннее воздействие западноевропейской и, в частности, французской культуры на Россию. Тогда были заложены важные традиции общения двух культур, на которые оказывали определенное воздействие экономические и политические факторы.

Государство стремилось заполучить на Западе, в том числе во Франции, новые технологии, приборы, вооружение, новые способы ведения хозяйства, породы скота и т.д. Открытие учебных заведений и музеев, проведение ассамблей служило модернизации страны. Дворянство же перенимало моды, внешние обычаи, способы украшения быта и лишь в отдельных случаях учитывало новшества в ведении помещного хозяйства. В 1717 г. Петр I посетил Францию и побывал в Академии наук в Париже, особенно его интересовали научные связи с Францией, ее успехи в географии и астрономии. Академия преподнесла русскому царю 15 томов своих трудов и переправила их в Санкт-Петербург через господина д'Озампре. Член француз-

ской Академии аббат Биньон дал отличный отзыв о личном токаре царя А.Нартове, прошедшем курс математики и механики в Париже. По договоренности с парижскими учеными Петр I отправил во Францию исправленную карту Каспийского моря³, т.е. уже с начала XVIII века происходил обмен научными ценностями.

Включение в европейскую политику могущественной российской державы на востоке Европы в XVIII в. сразу пробудило к ней интерес среди политиков, дипломатов, предпринимателей, представителей науки и культуры. Это восприятие было неоднозначным. Политики рассматривали эту державу с точки зрения расстановки сил на континенте. Молодая французская буржуазия и французское государство, имевшие свои мануфактуры, расценивали Россию как необъятный рынок для своих изделий – предметов роскоши, тканей, экипажей, оружия, драгоценностей, вин и др. Архитекторы, художники, ремесленники, люди науки, искусства, военные рассматривали русских как богатых заказчиков, а Россию – как возможного покровителя и нанимателя.

Французы нашли в России своеобразные ниши, ответив своими талантами и профессиональными познаниями на ряд запросов России в сфере культуры – живописи, скульптуре, архитектуре, музыке, театре, а также в области науки, военного дела, мореплавания, государственного управления, в сфере обслуживания. Многие французы не ограничивались временными контактами для работы в России. Они остались здесь на долгие годы и породнились со знаменитыми русскими фамилиями, создав в течение XIX века значительную французскую диаспору в нашей стране.

Французские наблюдатели, бывавшие в России, выделяли особенности образа жизни и менталитета русского правящего класса, в массе своей обязанного самодержавию. В то же время некоторые из французских энциклопедистов делали попытки побудить императрицу к проведению либеральных реформ.

В 1773-1774 гг. в Петербурге побывал французский ученый-энциклопедист Д.Дидро, он был принят Екатериной II и

обсуждал с ней возможности издания Энциклопедии. Однако он не смог убедить императрицу в необходимости создания представительных учреждений в России, более того, она считала, что предложения Д.Дидро могли бы только создать хаос в империи.

Екатерина II не ответила французскому просветителю на его вопрос о крепостном праве в России, в существовании которого он сам воочию убедился. Пользуясь гостеприимством петербургских аристократов Нарышкиных, Д.Дидро получил через них и вывез во Францию некоторые произведения русских писателей – А.П.Сумарокова, М.В.Ломоносова, М.М.Хераскова, В.И.Майкова, «Соборное уложение» царя Алексея Михайловича, русские военные уставы. Таким образом, уже во второй половине XVIII века началось ознакомление французской элиты с художественной и научной жизнью России. По инициативе Нарышкиных знаменитый российский портретист Д.Г.Левицкий написал портрет философа, уловив в модели своеобразный неординарный ум и характер. Дидро вывез эту работу к себе на родину, во Францию⁴.

Исследователи-историки обратили особое внимание на влияние французских просветителей на русское прогрессивно мыслящее дворянство. Как отмечал Л.Пинго, под влиянием французской философии, в частности, работ аббата Рейналя, А.Н.Радищев написал свое знаменитое произведение «Путешествие из Петербурга в Москву», за что и был сослан в Сибирь⁵.

Специфика культурных связей России и Франции на этом этапе, т.е. на протяжении почти всего XVIII века, проявлялась в приглашении отдельных представителей французской культуры – художников, архитекторов, хореографов в Россию, после окончания работы они чаще всего покидали страну. Еще во времена царствования Петра I, а затем при его преемниках, в Россию стали приглашать французских архитекторов. В российской столице, Санкт-Петербурге, Ж.Вален-Деламот построил здание Гостиного двора и Академии художеств (в сотрудничестве с А.Ф.Кокриновым, 1726-1772). По проекту этого

французского архитектора был также построен «подмосковный Версаль» в имении графа Чернышева в Яропольце. Мраморные медальоны в интерьере дворца сделал французский скульптор Ж.Рашетт. В 1782 г. по заказу Екатерины II скульптор Э.Фальконе создал конную статую Петра I – «Медный всадник» в Санкт-Петербурге.

Французский архитектурный классицизм с его четкостью и геометризмом форм оказал влияние на творчество российских зодчих – В.И.Баженова, М.Ф.Казакова, А.Н.Воронихина, А.Д.Захарова и др. В первой половине XIX в. в России, в Санкт-Петербурге работал французский зодчий А.Монферран, построивший собор Св. Исаакия в стиле позднего ампира. Характерно, что французские архитекторы в России в соответствии с модой той эпохи отказались от традиционных для русской архитектуры куполов в виде луковиц или шатровых колоколен, а русские заказчики считали, что Россия должна следовать новым традициям.

В XVIII в. в Москве работали по договору выходцы из Франции – специалисты-архитекторы. Власти стремились проводить конкурсы на лучшие архитектурные проекты с участием французских градостроителей. Для создания павильона в греческом стиле в Царскосельском парке привлекался представитель Франции Клериссо, но Екатерина II предпочла проекты и работы англичанина Ч.Камерона.

К числу талантливых французских архитекторов, получивших признание в России, относился Н.Н.Легран (1741-1798), ставший в 1791-1798 гг. главным архитектором старой столицы России – Москвы. Он построил в стиле классицизма Кривоколенный мост – военное учреждение в Москве в районе Садовнической улицы в Замоскворечье (ныне штаб МВО), церковь Успения Богородицы на Могильцах (в районе Арбата), а также одноименную церковь на Лазаревском кладбище. Французы все-таки оседали в Москве – Н.Н.Легран длительное время жил в старой столице, здесь же он и скончался.

Российская художественная литература XVIII в. развивалась под воздействием теории литературы Н.Буало (1636-

1711), фактически создавшего правила и нормы классицистического стиля в поэтическом искусстве. Очень многое взято Россией из французских литературных традиций – сентиментализм, предромантизм, а также романтизм. Опыт трагедий П.Корнеля, Ж.Расина, Вольтера, комедий Ж.-Б.Мольера, басен Ж.Лафонтена учитывался в российской словесности галантного века. Драматурги, писатели, поэты России наполняли свои творения чисто русскими сюжетами, в основном из древней истории, что нашло отражение в трагедиях А.П.Сумарокова, Я.В.Княжнина, в одах и стихах М.В.Ломоносова и Г.Р.Державина, часто откликавшихся в них на события политической, общественной и придворной жизни.

Отношение представителей российской культуры к французам, к их культуре было неоднозначным. А.Кантемир признавался, что на его творчество определяющее влияние оказали труды Н.Буало. Просветитель Н.И.Новиков издал переводы трудов энциклопедистов, Ж.-Б.Мольера, П.Бомарше и др.

Российская культурная элита способствовала переводам произведений французской классической литературы на русский язык, однако многие россияне читали их в подлиннике. Сочинения аббата Прево «Приключения маркиза», «История кавалера де Грие и Манон Леско» в 1756-65 гг. были переведены на русский язык и изданы в Москве в 1786 г. И.П.Елагиным, масоном, директором музыки и театра, министром при Екатерине II, и его секретарем В.И.Лукиным.

Но, наряду с серьезной литературой, в России издавались переводы де Жерандо «О вреде страстей», «Танцевальный словарь» Компана, а в 1791 г. в Москве стал издаваться ежемесячный модный журнал «Магазин английских, французских и немецких новых мод».

Неоднозначным было отношение и самих французов, посещавших Россию, к массе русского дворянства, зараженного галломанией, и к русской интеллектуальной элите. Шевалье Лескалье указывал, что русская нация имеет тяготение к изящным искусствам и хвалил одаренность учеников Академии художеств в Санкт-Петербурге. Дипломат М.Кордерон, аккредит-

тованный при дворе Екатерины II, предрекал, что Россия в недалеком будущем достигнет расцвета и величия⁶. Французские наблюдатели в России выделяли высокий уровень образованности историка М.М.Щербатова, блестящий ум драматурга Д.И.Фонвизина, высокую культуру основателя театра в Останкино Н.П.Шереметева⁷.

Вместе с тем М.Корберон упоминал о том, что директор Эрмитажного театра И.П.Елагин стремится ограничить засилье французских гастролеров в России и предпочитает русский репертуар. Н.И.Новиков и И.А.Крылов в своих пьесах и баснях высмеивали галломанию среди российского дворянства.

Некритическое отношение российского дворянства к внешней французской культуре вызывало резкое неприятие патриотично и прогрессивно настроенных деятелей русской культуры. В частности, просветитель Н.И.Новиков в своих журналах «Пустомеля», «Трутень», «Кошелек» (1769-1774) высмеивал галломанию дворянства и в то же время отмечал, что русские не случайно тянутся к французам, ибо французы достигли высокого уровня образованности⁸.

Была проявлена и иная оценка западных идей с позиции защиты крепостных устоев, которым угрожали идеи французского Просвещения. Помещик-крепостник, Н.Е.Струйский, который баловался стихами, поучал прозападно настроенного драматурга Я.В.Княжнина: «Нельзя сего, мой друг, здесь в России представлять Что может черни дух и мысль поколебать? Не можно здесь того, как в Франции играть ... здесь русская страна»⁹.

В труде одно время преподававшего в петербургском шляхетском корпусе французского историка П.Левака «История России» были подвергнуты резкой критике крепостное право и нравы императорского двора при Екатерине II, полагавшей, что жизнь монарха не может быть подвергнута осуждению простыми смертными. Это вызвало гнев царицы и резкий отзыв об этом исследователе – «скот, глупый и скучный». В 1817 г. книга была запрещена в России, поскольку в ней были характеристики, порочащие русских государей XVIII века¹⁰.

Французские просветители весьма осторожно относились к заигрываниям со стороны императрицы, когда она, например, пригласила Ж.-Ж.Руссо в Россию и предложила ему пенсию и единовременную выдачу 100 тысяч франков. Философ выразил опасение, что подобная акция может обесчестить его доброе имя¹¹.

В то же время французские путешественники в России указывали на засилье иностранцев – гувернеров и забвение русского языка среди русских вельмож и дворянства. Представители французской культуры и науки, посетившие Россию в конце XVIII в., иногда указывали в своих описаниях путешествий в Россию на то, что русские дворяне слепо копируют западную культуру.

В связи с этим между Вольтером и Ж.-Ж.Руссо возникла полемика о характере русской культуры. Ж.-Ж.Руссо настаивал на ее подражательном характере, а Вольтер справедливо предостерегал его от поспешных суждений («нельзя судить о нации с высоты своего чердака»)¹².

Если связанный с провинциальной Швейцарией Ж.-Ж.Руссо оценивал культурные достижения России в значительной мере по формальным признакам, и только с учетом простой передачи (трансферта) французской культуры в Россию для российского дворянства, то Вольтер учитывал значение русской культуры, имея в виду геополитические факторы, могущество Российской империи, ее природные ресурсы, реформы Петра Великого и его роль в освоении западноевропейской культуры, систематический отбор им и его соратниками и последователями культурных и научных ценностей, которые имели бы для России практическое значение.

Мадам де Сталь, посетив Россию и поверхностно познакомившись с ней, утверждала, что в России нет ни просвещения, ни литературы, ни поэзии, ни красноречия¹³. Она не знала трудов М.В.Ломоносова, М.М.Щербатова; Д.И.Фонвизин уже умер, Г.Р.Державин служил в провинции, Н.И.Новиков был заключен в крепость, другой просветитель – А.Н.Радищев находился в ссылке. К тому времени уже получил известность в

России историк и писатель Н.М.Карамзин, писал свои критические статьи И.П.Пнин, высокой образованностью и эрудицией отличался просветитель и политический деятель, будущий канцлер граф Н.П.Румянцев, а также покровитель Л.-В.Бетховена – граф А.К.Разумовский, занимавший пост посла России в Вене. Суждения французской писательницы были слишком односторонними, скоропалительными и необоснованными: круг ее наблюдений ограничивался столичными придворными и провинциальным дворянством в Москве, Калуге, Орле.

Об основоположнике российского сентиментализма, авторе «Бедной Лизы» Н.М.Карамзине мадам де Сталь отзывалась довольно кратко: «сухой француз». Крупный российский литературовед Ю.М.Лотман объясняет это тем, что привыкшая к почтению со стороны ее поклонников, она не встретила особого внимания со стороны Н.М.Карамзина, державшегося с большим достоинством¹⁴.

На первом этапе развития культурных связей Франции и России, который охватывал период XVIII в., влияние французской культуры пошло вширь – усваивалась французская мода, французы фактически монополизировали сферу услуг (портные, парикмахеры, модистки), домашнего образования (гувернеры). Дворянство воспринимало французскую культуру крайне поверхностно, подражательно; происходил т.н. трансферт – простая передача навыков, моды и т.д.

Трансферт внешней иноземной, в частности, французской культуры рассматривался высшим сословием как средство для роста престижа при дворе, а незнатными и бедными дворянами – как возможность делать карьеру, постоянно следуя моде и не отставая от требований своего времени. Вместе с тем освоение иноземной культуры часто означало и постепенное совершенствование своего образования.

Акультурация, т.е. отбор, тщательная оценка новизны и полезности заимствований, осуществлялась российской культурной элитой – писателями, поэтами, историками, философами, художниками, композиторами, издателями. К их числу надо отнести Д.И.Фонвизина, М.В.Ломоносова, И.А.Крылова,

Д.Г.Левицкого, Н.И.Новикова, А.Н.Радищева и других представителей русской культуры.

Великая Французская революция 1789-1794 гг. вызвала серьезные опасения при русском дворе, что привело к введению цензуры. Были арестованы или заключены в крепость сторонники идей французского просвещения.

В эти годы во Франции оказался сын графа А.Н.Строганова, Павел Александрович Строганов (1772-1817) вместе со своим воспитателем, будущим якобинцем Ж.Роммом. Захваченный событиями революции восторженный Павел Строганов заявлял: «Лучшим днем моей жизни будет день, когда я увижу Россию, объятую такой же революцией»¹⁵.

В письме Ж.Ромму от 14 декабря 1790 г. он, имея в виду отъезд из свободной Франции и возвращение в крепостническую Россию, писал: «Я вспоминал о прекрасной революции, свидетелями которой мы были... и с ужасом приподнимаю край занавесы, скрывающий от меня будущее, страшный призрак деспотизма. Это зрелище мне ненавистно и тем не менее я должен к нему приблизиться... Я видел целый народ, восставший под знаменем свободы, и я никогда не забуду этого мгновения»¹⁶.

Таким образом, просвещенные русские дворяне стремились освоить и перенести на российскую почву элементы французской политической культуры.

При Александре I П.А.Строганов входил в узкий круг его ближайших сотрудников и планировал проведение реформ в России, он был самым пылким членом «Негласного комитета», предлагал улучшить жизнь крестьян, отменить крепостное право, критиковал дворянство как самое тупое и невежественное сословие в стране, за что получил прозвище «вольте-рианец» и «якобинец» (даже поэт Г.Р.Державин, назначенный министром юстиции, именовал «Негласный комитет» «шайкой якобинцев»)¹⁷.

После Великой французской революции 1789-1799 гг. Россия стала убежищем для французской аристократии: на службе России находились герцог Ришелье, энергичный губернатор

Новороссии, его соратник граф Ланжерон, маркиз де Траверсе, ставший морским министром в России, графы Леваль, Шузель, Полиньяк, братья Ж. и К. Местр. Одно время в бывшем дворце курляндских герцогов в Митаве (ныне Елгава) жил наследник французского престола граф Прованский, будущий французский король Людовик XVIII.

Русские просвещенные дворяне приобщались не только к элементам политической культуры более свободной, постепенно обуржуазивавшейся Франции, но и использовали ее художественные, литературные ценности. В русской литературе баснописец И.А.Крылов использовал отдельные сюжеты французского собрата по перу Ж.Лафонтена для своих басен. Впрочем, А.С.Пушкин заявлял, что предпочел бы Крылова Лафонтену. Пушкин весьма критически оценивал французскую поэзию: «Всем известно, что французский народ самый антипоэтический. Лучшие писатели их, славнейшие представители сего остроумного и положительного народа – Монтень, Вольтер, Монтескье, Лагарп и сам Руссо доказали, что чувство изящного было для них чуждо и непонятно»¹⁸.

Это не мешало российскому императорскому дому для украшения своих дворцов приобретать шедевры европейской культуры именно через Францию и французских энциклопедистов. Через французского ученого-философа Д.Дидро и посла России в Париже Д.А.Голицына в Эрмитаж в 1772 г. была приобретена крупная коллекция Креза, в которой были такие шедевры, как «Даная» Тициана, автопортрет А.Ван-Дейка, «Посещение бабушки» Л.Ленена и другие полотна.

По предложению Д.Дидро Екатерина II приобрела в эрмитажную коллекцию нравоучительную картину Ж.Б.Греза «Паралитик или плоды хорошего воспитания» о больном человеке, вокруг которого собралась и хлопочет вся его семья. По рекомендации Д.Дидро в Эрмитаж был приобретен настоящий шедевр Н.Пуссена «Пейзаж с Полифемом».

Эрмитажное собрание французского искусства сформировалось не только в результате покупки коллекции Креза в 1772 г. Была приобретена коллекция Бодуэна, основу которой

составляло собрание императрицы Жозефины Богарне из Мальмезонского дворца. Часть коллекции маркизы де Помпадур – полотна Н.Ланкре и К.Ванлоо – были куплены через петербургского антиквара Клостермана, открывшего свое заведение в расчете на богатых покупателей французской живописи. Петербургские коллекционеры получили и другие крупные по значимости пополнения произведений французского искусства. Так, Ф.Буше подарил свою картину «Пигмалион и Галатея» для петербургской Академии художеств. Таким образом, во второй половине XVIII в. в России стала формироваться крупная коллекция французской живописи, на шедеврах которой учились молодые русские художники.

1812 г. был переломным годом в отношениях России и Франции из-за вторжения Наполеона в Россию. Во Франции эти события получили отражение в записках дипломата и военного А.Коленкура, в переписке А.Бейля, ставшего впоследствии знаменитым французским писателем Стендалем, в воспоминаниях самого императора Наполеона Бонапарта, написанных на острове Св. Елены.

Вторжение французов на территорию России наложило отпечаток на оценку их культурных достижений со стороны российской общественности. С другой стороны, французы с удивлением, как отмечает Л.Пинго, находили в домах просвещенных русских дворян книги Вольтера и Руссо, пьесы Мольера, «Историю философии» Рейналя. Уважение к французской культуре со стороны российского дворянства, а в России, и в частности в Москве, постоянно функционировала французская театральная труппа, произвело впечатление на французских военных.

Но, отступая из Москвы, французы нанесли большой ущерб памятникам русской культуры – Кремлю, Арсеналу, Грановитой палате, взорвали Никольскую башню. Французские солдаты хотели взорвать и Новодевичий монастырь, но монахини в последний момент предотвратили взрыв и спасли свою обитель. Пожар Москвы испугал императора Наполеона. В картине В.В.Верещагина Наполеон за стенами Кремля тре-

можно всматривается в пылающий город. Очевидцы вспоминают: «Наполеон бежал из окруженного пожарами Кремля уже 4 сентября. Он «шел среди треска этих горевших костров, при грохоте разрушающихся сводов и падающих вокруг нас горящих бревен... Мы шли по огненной земле, под огненным небом, между огненных стен... наши руки, обжигаясь, защищали лицо от ужасного пожара и отстраняя искры, осыпавшие и прожигавшие платье». Наполеон и его свита запутались в арбатских переулках; по преданию, некий русский проводник умышленно их завел в безвыходное место, со всех сторон обхваченное пламенем. Императора спасли солдаты из корпусов маршалов Даву и Нея, расквартированных в этих местах. Они вывели Наполеона к Дорогомиловскому мосту, и далее через Ваганьково он перебрался к Петровскому дворцу на пути в Петербург. Много лет спустя, уже на острове Св.Елены он вспоминал, что попал в «загородный дворец Александра, в расстоянии примерно мили от Москвы и вы, может быть, представите себе силу огня, если я вам скажу, что трудно было приложить руку к стенам или окнам со стороны Москвы, так эта часть была нагрета пожаром. Это было огненное море, небо и тучи казались пылающими горы, красного крутящегося пламени, как огромные волны, вдруг вскидывались, поднимались к пылающему небу и падали затем в огненный океан»¹⁹.

Постепенно, после изгнания французов из России и успешного заграничного похода русской армии в 1813-1815 гг., несколько сгладились негативные впечатления от французского нашествия в Россию. Освободительные идеи способствовали подъему прогрессивных общественных настроений в России. В XIX веке контакты между Францией и Россией в архитектуре и строительстве стали более интенсивными. В Петербурге строили приглашенные французские архитекторы – Ж.Тома де Томон (здание Биржи с ростральными колоннами, 1805-1811), А.Монферран (собор Св. Исаакия, 1818-1858). В начале XIX в. в России работал знаменитый французский балетмейстер Ж.Дидло (1767-1837), поставивший здесь ряд своих балетов. Его деятельность продолжалась в России с 1802 по 1833 г. с

перерывом из-за наполеоновских войн. В 1806 г. он поставил в Петербурге балет «Зефир и Флора»; в 1808 г. эту постановку видел Г.Р.Державин. В придворном театре шли балеты Дидло «Венгерская княжна» (1817), «Лаура и Генрих» (1819), в 1820 г. он поставил балет «Кора и Алонсо», в 1821 г. «Альцеста». На сюжет пушкинской поэмы «Руслан и Людмила» балетмейстер осуществил новую балетную постановку, а затем в 1825 г. классическую «Федру». Умер Ж.Дидло в 1837 г. в Киеве²⁰.

В 40-е годы XIX в. в Петербурге гастролировал другой знаменитый французский балетмейстер и танцовщик А.Сент-Леон (1815-1872). Ему принадлежит постановка знаменитой «Коппелии» Л.Делиба. Есть у него и балет на русский сюжет – «Конек-Горбунок». Он также знаменит своей стенографической записью танцев, работой, которую он посвятил императору Николаю.

По заказам российских аристократов писали их портреты представители французского классицизма – известные живописцы Р.Лефевр (портрет кн. А.И.Безбородко и Е.А.Демидовой), Ж.Энгр (портрет гр. Гурьева), были приобретены работы Ж.Давида «Сафо и Фаон» по заказу кн. Н.Б.Юсупова, в царский Эрмитаж были куплены картины А.Гро «Наполеон на Аркольском мосту». В России работала модная французская художница Луиза Виже Лебрэн, она бывала во дворце «бриллиантового князя» А.Б.Куракина на Старой Басманной улице и восторгалась потом вкусом, роскошью его дворцового интерьера.

По сведениям современников, в частности, Д.И.Ростиславлева, идеями французского просвещения интересовались астраханские, вышневолоцкие, касимовские образованные купцы и мещане. Даже купечество, констатирует мемуарист, было пропитано идеями Вольтера и Руссо²¹. Другой современник, известный цензор и писатель А.Н.Никитенко, сообщал, что в 1816 г. в г. Острогжске он видел в домах купцов и мещан «Персидские письма» Монтескье, труды Бекариа и Вольтера²².

Идеи Французской революции оказали влияние на российское дворянство. Образованные, прогрессивно мыслявшие дворяне стремились также познакомить французов с русской культурой. В 1821 г. В.Кюхельбекер, будучи во Франции, выступил там с лекцией о русском языке, неоднократно повторяя о стремлении русского человека к свободе, и вспоминал потом, что некий старый якобинец сказал ему: «Мужайтесь, молодой человек. Вы нужны своему отечеству». Он дал понять, что обретение свободы зависит от молодого поколения прогрессивно настроенных дворян.

В 1839 г. посетил Россию маркиз А. де Кюстин, оставивший свои воспоминания. «Все здесь есть – не хватает только свободы, т.е. жизни, – писал этот автор. – Русский государственный строй – это строгая военная дисциплина вместо гражданского управления... Не верьте медоточивым господам, уверяющим вас, что русские крепостные – самые счастливые крестьяне на свете... многие погибают от нищеты и жестокого обращения... люди, которыми торгуют, как вещами, страдают больше всех». Этот французский наблюдатель сделал печальный вывод: «Лет полтораста понадобится для того, чтобы привести в соответствие нравы в России в соответствие с современными европейскими идеями»²⁴.

Де Кюстин указывал на взаимосвязь деспотизма царя и раболепия придворных. «Русский образ правления – это абсолютная монархия, умеряемая убийством», намекая на убийство деда и отца Николая I²⁵. Несмотря на ужасы крепостного права, он обратил внимание на то, что русские крестьяне «обладают сообразительностью, даже некоторой гордостью, но главной чертой их характера, как и всей их жизни, является лукавство»²⁶.

Попытки преднамеренной демонстрации единства царя с народом во время церемонии бракосочетания дочери царя с герцогом Лейхтенбергским справедливо были расценены автором мемуаров как проявление лицемерия и фальши со стороны императора.

А.И.Герцен дал достойную оценку проницательности де Кюстина, но русская аристократия и двор сочли эти мемуары оскорбительными для страны, «Записки» де Кюстина вызвали гнев Николая и были запрещены в России. Некоторые русские литераторы также подвергли книгу резкой критике. При этом, наряду с благонамеренными Н.И.Гречем, М.А.Ермоловым, А.С.Хомяковым, Ф.Ф.Вигелем сочинению де Кюстина дали критическую оценку «декабрист без декабря» П.А.Вяземский, Ф.Ф.Тютчев, Ф.М.Достоевский.

Французский исследователь М.Кадо справедливо усматривал в сочинении де Кюстина ряд искажений статей П.Я.Чаадаева и уже поэтому даже сами французские авторы выражали сомнения в ценности книги французского наблюдателя²⁷.

По рекомендации А.И.Тургенева, литератора и брата декабриста Н.И.Тургенева, Россию посещает сотрудник журнала «Revue de deux mondes» К.Мармье, который знакомится с редактором «Москвитянина» С.П.Шевыревым, поэтом А.С.Хомяковым и в своей статье, опубликованной в парижском журнале в июне 1843 г., дает картину литературной жизни России и цитирует работы П.Я.Чаадаева, где тот считает национальным злом подражание иностранному, которое противоречит элементарным нормам²⁸.

В 30-40-е годы XIX в. усиливается обмен культурными ценностями между Россией и Францией, представители культурной элиты – писатель О.Бальзак, композитор Г.Берлиоз, живописец О.Верне, певица П.Виардо и др. – чаще посещают Россию.

Бальзак приезжал в Россию в имение своей возлюбленной гр. Э.Ганской, бывал он и в Петербурге, но после визита де Кюстина особо радушного приема он не встретил. В Петербурге за ним была установлена негласная слежка, к тому же Бальзак был озабочен личными делами и мало интересовался российской литературой и художественной жизнью Северной Пальмиры. Верне побывал в России в 1843 г., сделал несколько официальных портретов и даже был награжден императором Николаем орденом Анны 2-й степени за свои заслуги.

П.Виардо и ее супруг прибыли в Россию в 1843 г. Примадонна с огромным успехом выступила в столичной опере в роли Розины в «Севильском цирюльнике», гастролствовала в Москве и также имела огромный успех. Именно во время этих гастролей с ней познакомился И.С.Тургенев. На концертах Виардо пела арию Вани из оперы М.И.Глинки «Жизнь за царя», что объяснялось не просто стремлением к популярности у русской аудитории, а было признанием достоинств русской музыки²⁹.

Большой интерес для истории французско-российских культурных отношений представляют гастрольные поездки Г.Берлиоза в Россию в 1847 и в 1867 гг. Этот композитор и прежде интересовался русской музыкой. В 1845 г. он слушал оперу М.И.Глинки «Жизнь за царя» или «Иван Сусанин» и написал в «Debats» 16 апреля 1845 г. статью, посвященную творчеству русского композитора с приведением его биографических данных. 28 февраля 1847 г. Берлиоз прибыл в Петербург и дал концерт из своих симфоний «Ромео и Юлия» и «Фауст». В 1867 г. Берлиоз выступал со своей «Фантастической симфонией» и в Петербурге, и в Москве и имел огромный успех: современники говорили, что он раньше получил признание в России, чем во Франции.

Большой интерес к России проявляли французские писатели. Проспер Мериме написал специальную статью о деятельности Петра Великого и другую – «Украинские запорожские казаки». Он познакомил Францию с драмой А.С.Пушкина «Борис Годунов» и написал пьесу на российский исторический сюжет «Дмитрий Самозванец», используя материалы русского историка Н.Г.Устрялова.

Во Франции уже в 1827 г. появляются первые переводы сочинений А.С.Пушкина на французский язык, в 1847 г. было издано его «Избранное» в переводе А.Дюпона. В 1842 г. русские аристократы кн. Э.Голицын и гр. Г.Орлов переводят и издают во Франции «Басни» Крылова. В 1845 г. Л.Ледюк готовит и издает перевод «Героя нашего времени» М.Ю.Лермонтова, в 1846 г. в сборнике «Русские поэты» в переводе Э.Дешампа пуб-

ликуются во Франции стихотворения М.Ю.Лермонтова. «Тараса Бульбу» Н.В.Гоголя переводит муж Полины Виардо Луи Виардо. В 1845 г. во Франции издаются «Тарас Бульба» и «Записки сумасшедшего»³⁰.

Французские авторы постоянно обращали внимание на сохранение крепостных отношений и деспотизм самодержавия в России, но многие из них подчеркивали высокий уровень развития элитарной культуры в стране, предсказывая большое будущее этой огромной державе на краю Европы. Восприятие России во Франции зависело от социальной принадлежности наблюдателя, его мировоззрения и эрудиции, от диапазона его ознакомления с различными сторонами жизни России, от знакомства с различными социальными и профессиональными группами в этой стране. Своеобразие восприятия французами России и российской культуры заключалось в том, что в XVIII в. французская культурная элита способствовала европеизации и дальнейшему развитию российской культуры, оказывала поддержку России в освоении классического наследия через европейские образцы, в изучении природных ресурсов необъятной России.

Со второй четверти XIX в. начинается более интенсивный обмен национальными культурными ценностями. Представители французской культуры не могли пройти мимо образцов русской культуры золотого века, способствовали ознакомлению французской общественности с творчеством А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, М.Ю.Лермонтова, издав первые переводы их произведений на французский язык. И хотя диффузия и аккультурация ценностей французской культуры была, казалось бы, односторонней, особенно в XVIII в., этот процесс сопровождался селекцией, отбором таких ценностей представителями российской культуры и политической элиты: в этом процессе принимали участие Петр Великий и его соратники, многие видные представители русской культуры – М.М.Щербатов, М.В.Ломоносов, Н.И.Новиков, впоследствии, в XIX в., Н.М.Карамзин, А.С.Пушкин, М.И.Глинка, В.Ф.Одоевский и др.

В этом российская элита придерживалась определенных принципов селективности отбора – практицизмом, обеспечением европеизации и ориентацией на приобретение шедевров в сфере искусства, поощрением просветительства и энциклопедизма. На процесс восприятия оказывали влияние в определенной степени конъюнктурные факторы – периодическое улучшение или ухудшение политических или экономических отношений между странами. Взаимный интерес от этого не всегда уменьшался. Французы, по мнению посла Франции в России К.Бланшмезона, проявляют и по сей день растущий интерес к России, к ее просторам, к ее снегам, к Сибири³¹.

На восприятие России во Франции в историческом прошлом наложила отпечаток общность судеб обеих европейских стран и их культур. Как подчеркивал тот же К.Бланшмезон, и французы, и русские смеются над одним и тем же, у них есть общие культурные ориентиры и ценности, прежде всего – христианская культура, демократические идеалы, традиции культурных связей, общие перспективы развития национальных культур³².

¹ *Артемова Е.Ю.* Культура России глазами посетивших ее французов (последняя треть XVIII в.). М., 2000.

² *Forbel L.* Histoire de la neige: La Russie dans literature francaise. P., 1994. P. 306.

³ Французский ежегодник, 1972. М., 1974. С. 250, 261, 263.

⁴ То же, 1982. М., 1984. С. 246, 248, 249.

⁵ *Pingaud L.* Les francais en Russie et les russes en France. P., 1886. P. 176.

⁶ *Артемова Е.Ю.* Впечатления французских путешественников о русской культуре последней трети XVIII века // Культура средних веков и нового времени. М., 1987.

⁷ Там же.

⁸ Россия и Запад. Диалог культур. Тверь, 1994. С. 85, 95, 97.

⁹ *Черкасов П.П.* Двуглавый орел и королевские лилии. М., 1995. С. 284-285.

¹⁰ *Сомов В.А.* Книга П.Ш.Левека «История России» 1782 г. и ее русский читатель // Книга и библиотека в России в XIV-XIX вв. Л., 1982. С. 82, 92.

- ¹¹ Макашин С.А. Литературные взаимоотношения России и Франции XVIII-XIX вв. // Литературное наследство. Т. 29-30. М., 1937. С. XV.
- ¹² *Voltaire F. Oeuvres compl.* Vol. 20. P., 1877. P. 218-220.
- ¹³ *Madame Necker. Dix ans d'exil.* P., 1819. P. 26.
- ¹⁴ Лотман Ю.М. Карамзин. М., 1998. С. 19.
- ¹⁵ Николай Михайлович, Великий князь. Граф П.А.Строганов. СПб., 1903. С. 303.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Успенский Е.С. Павел Александрович Строганов // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 94-96.
- ¹⁸ Россия и Запад. Диалог культур. С. 85, 95, 97.
- ¹⁹ *Pingaud L.* Op. cit. P. 373.
- ²⁰ Романюк С.К. По землям московских сел и слобод. М., 1999. С. 142-143.
- ²¹ Красовская В.Н. Зарубежный балетный театр. М., 1983. С. 22.
- ²² Записки Д.И.Ростиславлева // Русская старина. 1888. Т. 59, № 7-9. С. 82.
- ²³ Брянцев М.В. Культура русского купечества. Брянск, 1999. С. 161.
- ²⁴ Кюстин А. де. Россия в 1839 году. М., 1990. С. 10.
- ²⁵ Там же. С. 85.
- ²⁶ Там же. С. 88
- ²⁷ *Cadot M. Russie et la vie intellectuelle française, 1839-1856.* P., 1967. P. 198-200.
- ²⁸ Ibid. P. 103-104.
- ²⁹ Ibid. P. 106, 115-119.
- ³⁰ Ibid. P. 389, 406, 421, 426.
- ³¹ Вечерний клуб. 2001. 7 апреля. С. 7.
- ³² Там же.

ГОГОЛЕВСКИЙ ПЕТЕРБУРГ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ЕВРОПЫ И АЗИИ

Петербургский цикл повестей Н.В.Гоголя объединяется местом действия. Кроме того, сам писатель собрал «Невский проспект», «Нос», «Портрет», «Шинель», «Записки сумасшедшего» в третьем томе своего собрания сочинений, выпущенном в свет в 1842 г. Кроме «Шинели», написанной в 1839-1840 гг. и впервые опубликованной в 1842 г., остальные петербургские повести были созданы примерно в одно и то же время: «Невский проспект», «Портрет» и «Записки сумасшедшего» – в 1834 г., «Нос» – в 1836 г.

Петербург предстает перед читателем большим столичным городом, сосредоточившим в себе многие инокультурные, нерусские влияния, городом, который воплотил в своей истории диалог культур.

Наша цель – показать, какие культурные влияния можно обнаружить в Петербурге, изображенном Гоголем. Мы попытаемся нарисовать портреты стран и наций, черты которых можно найти на страницах петербургского цикла Гоголя. При этом мы рассматриваем пять повестей писателя как единый текст.

Однако сначала определим уровни рассмотрения художественного текста:

1. уровень изображенных в повестях персонажей (названных или не названных именами собственными);
2. уровень реальных исторических лиц, не являющихся персонажами повестей, но упомянутых в тексте;
3. уровень реалий, артефактов, которые окружают персонажей;
4. уровень исторических событий, упоминаемых в тексте;
5. интертекстуальный уровень – «чужое» слово в тексте: цитаты и аллюзии из иноязычных литературных произведений, имена писателей, персонажей;

6. уровень языка: иностранные языки в художественном тексте в речи персонажей и повествователя.

Перед началом изложения мы должны сделать еще одно важное предварительное замечание: для наших целей существенно, кто является субъектом речи в тексте – персонаж или повествователь, ведется речь от первого или третьего лица. В этом смысле материал демонстрирует свою неоднородность: «Невский проспект», «Нос», «Портрет» и «Шинель» объединяются в одну группу. Думается можно пренебречь введением второго повествователя в «Портрете», рассказывающего историю создания загадочного произведения, т.к. в речевом плане этот повествователь практически не отличается от субъекта речи первой части повести. Особняком стоит повесть «Записки сумасшедшего», представляющая собой дневник Поприщина, т.е. текст от первого лица. Автору в этой повести «принадлежит» только заглавие, потому что герой считает себя нормальным человеком.

Рассмотрим сначала «Записки сумасшедшего». В этой повести читатель сталкивается с индивидуальным образом мира персонажа. Алексея Ивановича Поприщина интересует, прежде всего, Испания. Заметим, что эта страна не занимает повествователя в петербургских повестях, написанных от третьего лица.

«Странные дела делаются в Испании. Я даже не мог хорошенько разобрать их. Пишут, что престол упразднен и что чины находятся в затруднительном положении о избрании наследника и оттого происходят возмущения. Мне кажется это чрезвычайно странным. Как же может быть престол упразднен? Говорят, какая-то донна должна взойти на престол. Не может взойти донна на престол. Никак не может. На престоле должен быть король. Да, говорят, нет короля, – не может статься, чтобы не было короля» (курсив здесь и далее мой. – О.Ф.) (с. 186)¹.

Герой повести взволнован кризисом власти в Испании, образовавшимся после смерти короля Фердинанда VII². Последний назначил наследницей престола свою дочь от четвертого

брака, что вызвало междоусобные войны, т.к. на престол претендовал младший брат Фердинанда Дон Карлос. Передача власти дочери нарушала закон о престолонаследии. Можно сказать, что Поприщин вообразил себя Доном Карлосом. Таинственность, которой окружает себя герой, можно объяснить и заключением братьев в Байоне, и сложными их взаимоотношениями с Наполеоном.

Другие страны появляются только в связи с политической ситуацией, возникшей вокруг Испании.

«У меня все не могли выйти из головы испанские дела. Как же может это быть, чтобы донна сделалась королевою? Не позволят этого. И, во-первых, *Англия* не позволит. Да притом и дела политические всей Европы: австрийский император, наш государь...» (с. 186-187).

«Только я все не могу понять, как же мог король подвергнуться инквизиции. Оно, правда, могло со стороны *Франции*, и особенно Полиньяк. О, это бестия Полиньяк! Поклялся вредить мне по смерти. И вот гонит да и гонит; но я знаю, приятель, что тебя водит англичанин. *Англичанин* большой политик. Он везде юлит. Это уже известно всему свету, что когда Англия нюхает табак, то *Франция* чихает» (с. 192).

В больном воображении героя страны персонифицируются и предстают людьми. Среди немногих упомянутых в повести реальных исторических лиц Полиньяк³.

Душевная болезнь героя стирает все границы между государствами: «Я открыл, что *Китай* и *Испания* совершенно одна и та же земля, и только по невежеству считают их за разные государства. Я советую всем нарочно написать на бумаге Испания, то и выйдет Китай» (с. 191).

В «Записках сумасшедшего» в сознании героя диалог с Испанией не выражен ни на языковом, ни на персонажном, ни на интертекстуальном уровнях.

Теперь обратимся к группе петербургских повестей «Невский проспект», «Нос», «Портрет», «Шинель».

В столице живут иностранцы, они служат гувернерами, держат рестораны и магазины, стараются быстро разбогатеть

или сделать карьеру. При этом часто автор не различает, какой именно национальности принадлежит тот или иной иностранец. Важно, что упоминаемые в текстах люди не воспринимаются повествователем как свои.

В повести «Нос» упоминается магазин Юнкера на углу Невского и Большой Морской. «Сказал кто-то, что нос будто бы находился в *магазине Юнкера* – и возле *Юнкера* такая сделалась толпа и давка, что должна была даже полиция вступить» (с. 66).

Магазины и рестораны, владельцами которых являются иностранцы, отличаются дороговизной и воспринимаются как престижные.

В «Невском проспекте» главная улица столицы объединяет самые разные слои населения. «В двенадцать часов на Невский проспект делают набеги гувернеры всех наций с своими питомцами в батистовых воротничках. *Английские Джонсы и французские Коки* идут под руку с вверенными их родительскому попечению питомцами и с приличною солидностью изъясняют им, что вывески над магазинами делаются для того, чтобы можно было посредством их узнать, что находится в самых магазинах» (с. 9).

В петербургском цикле повестей отношения между своими, русскими, и чужими, иностранцами, нельзя назвать бесконфликтными. Чартков, живущий в бедности и стремящийся к славе, ревностно относится к чужому успеху. «Иногда становилось ему досадно, когда он видел, как *заезжий живописец, француз или немец, иногда даже вовсе не живописец по призванию*, одной только привычной замашкой, бойкостью кисти и яркостью красок *производил всеобщий шум и скапливал себе вмиг денежный капитал*» (с. 78).

Иностранцы воспринимаются как чужие, с точки зрения повествователя, им часто легче добиться успеха в России, чем самим русским, имя иностранца на вывеске магазина и ресторана является признаком дороговизны и элитарности.

Теперь последовательно рассмотрим национальные портреты.

Начнем с Франции. В петербургском цикле нет персонажей-французов. Однако представлен французский язык. По-французски говорит со своей дочерью богатая дама, заказывающая Чарткову портрет. Только французский представлен в петербургском цикле в латинском написании, т.е. как иностранный язык.

В «Портрете» второй повествователь, сын автора таинственного портрета, рассказывает о том, как жизнь одного из персонажей изменила французская революция 1789-1799 гг., самое крупное из упоминаемых исторических событий. «Тогда, на беду, случилась *французская революция*. Это послужило ему вдруг орудием для всех возможных гадостей. Он стал видеть во всем какое-то революционное направление, во всем ему чудились намеки. Он сделался подозрительным до такой степени, что начал наконец подозревать самого себя, стал сочинять ужасные, несправедливые доносы, наделал тьму несчастных» (с. 114).

Среди реальных исторических лиц, упомянутых в цикле, Жозеф Мари Лафайет⁴. «Вы думаете, что этот энтузиаст, размахивающий руками, говорит о том, как жена его бросила из окна шариком в незнакомого ему вовсе офицера? Совсем нет, он говорит о *Лафайете*» («Невский проспект», с. 42).

На интертекстуальном уровне в «Портрете» упоминаются *Мольеры*, которые «процветали под... великодушной защитой монархов» (с. 114). Другое важное имя собственное принадлежит Коринне, героине романа де Сталь, т.к. именно на нее хотя бы походить в этой же повести заказчицы художника Чарткова.

Исторические события, выдающиеся исторические деятели и великая литература влияют на сферу идей и изменяют модель мира человека. Однако на бытовом уровне влияние одной цивилизации на другую может не совпадать с влиянием, оказываемыми в сфере культурных взаимодействий.

В повести «Портрет», внезапно разбогатев, Чартков «объелся без меры конфетов в кондитерской и зашел к *ресторану французу*, о котором доселе слышал такие же неясные слухи, как о *китайском государстве*» (с. 89).

Из Франции привозят вещи, отличающиеся элегантностью. Так, в «Носе» среди объявлений в редакции одно, в котором предлагается *«малоподержанная коляска, вывезенная в 1814 году из Парижа»* (с. 54).

В «Шинели» Башмачкин «остановился с любопытством перед освещенным окошком магазина посмотреть на картину, где изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала с себя башмак, обнаживши, таким образом, всю ногу, очень недурную; а за спиной ее, из дверей другой комнаты, выставил голову какой-то мужчина с бакенбардами и красивой эспаньолкой под губой. Акакий Акакиевич покачнул головой и усмехнулся и потом пошел своею дорогою. Почему он усмехнулся, потому ли, что встретил вещь вовсе не знакомую, но о которой, однако же, все-таки у каждого сохраняется какое-то чутье, или подумал он, подобно многим другим чиновникам, следующее: *«Ну, уж эти французы! что и говорить, уж ежели захотят что-нибудь того, так уж точно того...»* (с. 145).

Образ Франции в петербургском цикле демонстрирует расхождение планов культуры и цивилизации. Первый представлен значительными историческими событиями, именами государственных деятелей, писателей и литературных персонажей. Второй, цивилизационный уровень представлен в бытовом плане – предметами, представляющими собой комфорт, удобства, создающими престиж или являющимися символами элитарности владельца.

На уровне культуры Франция – страна высокого искусства, в частности, романтизма, родина революции и известных общественных деятелей, на уровне цивилизации Франция производит дорогие удовольствия и элегантные вещи, французский язык широко вошел в быт русской аристократии. Этот, второй, цивилизационный уровень и формирует обиходные представления о Франции и французах, и в этих представлениях французское – нечто, рискованно балансирующее на грани приличия. Расхождение между Францией, в которой жили Мольер и мадам де Сталь, и Францией, рекламирующей товары чересчур откровенными картинками, не волнует повествователя.

Перейдем теперь к образу Англии.

На интертекстуальном уровне нам важны имена Шекспира, Байрона и Грандиссона в «Портрете». Шекспир, так же, как и Мольер, был под покровительством монаршей власти. Мужчины-заказчики хотят быть изображенными на портретах похожими на Байрона: «кто метил в *Байрона*, он давал ему *байроновское положение* и поворот» (с. 98). Так же известен и литературный герой романа Сэмюэля Ричардсона. Руки прекрасной дамы добивались многие. «Искателей была толпа, и в числе их замечательнее всех был князь Р., благороднейший, лучший из всех молодых людей, прекраснейший и лицом, и рыцарскими, великодушными порывами, высокий идеал романов и женщин, *Грандиссон* во всех отношениях» (с. 115).

Два последних имени собственных, Байрона и Грандиссона, занимают позиции семантических предикатов, значит, для русского читателя они представляют некие культурные эталоны, на которые ориентируются персонажи русской прозы.

В российской культурной среде сложилось неблагоприятное впечатление об англичанах, отразившееся, в частности, и в «Портрете». Когда учитель говорит Чарткову: «Рисунок у тебя не строг, а подчас и вовсе слаб, линия не видна; ты уж гоняешься за модным освещением, за тем, что бьет на первые глаза. Смотри, как раз попадешь в *английский род*. ...Оно заманчиво, можно пуститься писать модные картинки, портретики за деньги» (с. 77). Речь идет, по мнению Н.Г.Машковцева, об английском художнике Джорже Доу (1781-1829), который по приглашению Александра I был приглашен для написания галереи портретов героев войны 1812 г. Доу быстро стал модным и преуспевающим портретистом⁵.

На уровне цивилизации Англия предстает как страна, в которой хорошо развито сельское хозяйство. В «Носе» в газетных объявлениях предлагаются «новые, полученные из *Лондона*, семена репы и редиса» (с. 54).

На бытовом уровне представления об Англии и англичанах совершенно иные: в «Невском проспекте» Шиллер любит спиртное, но «*пил он вовсе не так, как англичанин, который*

тотчас после обеда запирает дверь на крючок и нарезывается один» (с. 39).

Добавим, что Англия не представлена на уровне персонажей и языка.

На уровне культуры Англия предстает в петербургском цикле, как страна великой литературы, Шекспира, Ричардсона и Байрона. На уровне цивилизации в Англии высоко развито сельское хозяйство. Что касается распространенных обиходных бытовых представлений, англичане предстают как мрачные любители спиртного.

Как и в случае с Францией, расхождение между культурными, цивилизационными и обиходными представлениями так же не волнует повествователя.

Голландия предстает только в одной повести «Портрет», и только на уровне культуры и представлена именами знаменитых художников Ван Дейка и Теньера⁶. Давая объявление в газете о молодом художнике, журналист ссылается на знаменитые образцы и среди них на *Вандика*. Реакция заказчиков так же ориентирована на те имена, с которыми русская публика первой половины XIX века была хорошо знакома: «Комната во вкусе *Теньера*, видишь: беспорядок, беспорядок, стол, на нем бюст, рука, палитра; вон пыль, – видишь, как пыль нарисована!» (с. 91).

При этом повествователь прекрасно знает, что адаптация голландского культурного наследия в России не была глубокой. Доказательством этому служат полотна картинной лавочки в Щукином дворе: «Зима с белыми деревьями, совершенно красный вечер, похожий на зарево пожара, *фламандский мужик с трубкою и выломанною рукою, похожий более на индейского петуха в манжетах, нежели на человека*, – вот их обыкновенные сюжеты» (с. 71).

Голландия не представлена ни на уровне персонажей, ни на уровне языка. Это только страна искусства, с одной стороны, давшая мировой живописи Ван Дейка, который мыслился как лучший портретист, а с другой, родина жанровой живописи.

Что касается Италии, она представлена тоже только как страна культуры, и более того, изобразительного искусства. В петербургском цикле нет ни персонажей-итальянцев, не звучит и итальянский язык, который Гоголь, без сомнения, знал.

В «Невском проспекте» художник, будучи поражен красотой незнакомой девушки, сравнивает ее с Перуджиновой Бианкой.

Разумеется, в «Портрете» названы имена великих итальянцев: Рафаэля, Леонардо да Винчи, Тициана, Микеланджело, Корреджо и Гвидо Рени. Упоминается также известный историк итальянского искусства Джорджо Вазари.

Италия предстает как родина искусства и страна музеев, не случайно богатая «дама была любительница живописи и обегала с лорнетом все галереи в Италии» (с. 92).

При всем стремлении русских художников в Италию, неизвестно, возможно ли достижение этого идеала. «Художник петербургский! художник в земле снегов, художник в стране финнов, где все мокро, гладко, ровно, бледно, серо, туманно. Эти художники вовсе не похожи на художников итальянских, гордых, горячих, как Италия и ее небо; напротив того, это большею частию добрый, кроткий народ, застенчивый, беспечный, любящий тихо свое искусство... скромно толкующий о любимом предмете и вовсе небрегающий об излишнем. <...> Они часто питают в себе истинный талант, и если бы только дунул на них свежий воздух Италии, он бы, верно, развился так же вольно, широко и ярко, как растение, которое выносят наконец из комнаты на чистый воздух» (с. 14-15).

Имя Рафаэля упоминается в «Портрете» семь раз. Этот художник является эталоном настоящего мастера и символом подлинного искусства. Так, живописец, приехавший из Италии и привезший в Россию свою картину, «оставил себе в учителя одного божественного Рафаэля» (с. 102).

На интертекстуальном уровне упоминается только имя Данте в связи с рассуждениями по поводу отношений художника и власти: «Дант не мог найти угла в своей республиканской родине» (с. 114). Данте – единственное имя из итальян-

ской литературы на фоне множества имен художников на интертекстуальном уровне в петербургских повестях.

На уровне обиходных представлений Италия также прежде всего ассоциируется с великим ее прошлым. Об этом свидетельствуют специально составленное и рассчитанное на максимальный успех у публики газетное объявление и реакция дамы-заказчицы. В этом смысле уровень культуры и обиходный уровень совпадают.

«Спешите, спешите, заходите с гулянья, с прогулки, принятой к приятелю, к кухне, в блестящий магазин, спешите, откуда бы ни было. Великолепная мастерская художника (Невский проспект, такой-то номер) уставлена вся портретами его кисти, достойной *Вандиков* и *Тицианов*».

«— Вы были в Италии? — сказала дама, наводя на него лорнет, не найдя ничего другого, на что бы можно было навесить его» (с. 90-91).

Италия представлена прежде всего как страна изобразительного искусства, великих художников, Данте, страна культуры, лишенная настоящего, а существующего только в великом прошлом. Италия не представлена на уровне цивилизации.

Так же, только как страна великой культуры в прошлом, лишенная настоящего, предстает в петербургском цикле Греция.

С античными богами соотносят себя заказчики портретов. Чартков пишет дочь своей первой заказчицы как Психею. «Тип лица молоденькой светской девицы невольно сообщился *Психее*, и чрез то получила она своеобразное выражение, дающее право на название истинно оригинального произведения» (с. 96). Но кроме этого, Греция ассоциируется и с великой литературой древности и представлена на интертекстуальном уровне. Живописец, привезший свою картину из Италии в Россию, в котором Чартков увидел соперника, «оставлял наконец себе настольною книгой одну только "*Илиаду*" Гомера, открыв, что в ней все есть, чего хочешь, и что нет ничего, что бы не отразилось уже здесь в таком глубоком и великом совершенстве» (с. 102-103).

Греция не представлена ни на персонажном, ни на языковом уровнях.

Однако не так прост образ Греции на уровне обиходных представлений. Можно сказать, что образ исторической Греции и представления о современных греках расходятся (см. об этом ниже).

Наиболее разработанными представлены в петербургских повестях образы Германии и немцев.

Этому национальному портрету посвящен «Невский проспект».

Это единственный портрет, представленный на персонажном уровне. В повести действуют немцы-ремесленники Шиллер и Гофман. Первый – жестяных дел мастер, второй – сапожник, и оба держат в Петербурге свои лавки. Причем за работу они берут больше, чем русские мастера.

«— Я за шпоры не могу взять меньше пятнадцати рублей, — произнес он, желая отделаться от Пирогова, потому что ему, как честному немцу, очень совестно было смотреть на того, кто видел его в неприличном положении. Шиллер любил пить совершенно без свидетелей, с двумя, тремя приятелями, и запирался на это время даже от своих работников.

— Зачем же так дорого? — ласково сказал Пирогов.

— Немецкая работа, — хладнокровно произнес Шиллер, поглаживая подбородок. — Русский возьмется сделать за два рубля» (с. 36-37).

Впрочем, работа эта выполняется хорошо и добросовестно.

Эта же черта подчеркивается и в «Шинели»: «Это немцы выдумали, чтобы побольше себе денег забирать (Петрович любил при случае кольнуть немцев)» (с.137). Может быть, поэтому «он был верен дедовским обычаям, и, споря с женой, называл ее мирскою женщиной и немкой» (с.135). В этом случае слово *немка* употребляется как отрицательно маркированное.

Немцы — самая многочисленная группа персонажей, представляющих в петербургском цикле повестей другие культуры. В «Шинели» расположением значительного лица пользуется Каролина Ивановна, дама немецкого происхождения.

Но кроме этого немецкий образ представлен на уровне языка, однако в отличие от французского немецкий язык дан в кириллическом написании, что можно, видимо, интерпретировать как большую укорененность немцев в русской жизни.

«Поручик воспользовался задумчивостью Шиллера, подступил к ней и пожал ручку, обнаженную до самого плеча. Это Шиллеру очень не понравилось.

– Мейн фрау! – закричал он.

– Вас волен зидох? – отвечала блондинка.

– Гензи на кухня!» (с. 37).

Еще одним доказательством глубокого проникновения немецкого в российскую жизнь служит распространение немецкой одежды в слоях со средним достатком. «Купцы всегда в немецких сюртуках гуляют целою толпою и обыкновенно под руку» (с. 13).

В Петербурге немцы, по-видимому, в первой половине XIX века составляли большинство иностранного населения. Столица – это город, «где всё или чиновники, или купцы, или мастеровые немцы» (с. 14).

В обиходных представлениях немцы представлены как пунктуальные и скупые люди. «Шиллер был совершенный немец в полном смысле всего этого слова. Еще с двадцатилетнего возраста... уже Шиллер измерил всю свою жизнь и никакого... не делал исключения. Он положил ... быть точным во всем и быть пьяным каждое воскресенье. Он положил себе в течение десяти лет составить капитал из пятидесяти тысяч... потому что скорее чиновник позабудет заглянуть в швейцарскую своего начальника, нежели немец решится переменить свое слово. Ни в каком случае не увеличивал он своих издержек, и если цена на картофель слишком поднималась против обыкновенного, он не прибавлял ни одной копейки, но уменьшал только количество, и хотя оставался иногда несколько голодным... Аккуратность его простиралась до того, что он положил целовать жену свою в сутки не более двух раз...» (с. 38-39).

В германском образе повествователь отчетливо различает страну на уровне культуры, цивилизации и обиходных пред-

ставлений. Более того, эти уровни противопоставлены друг другу. «Перед ним сидел Шиллер, – не тот Шиллер, который написал “Вильгельма Телля” и “Историю Тридцатилетней войны”, но известный Шиллер, жестяных дел мастер в Мещанской улице. Возле Шиллера стоял Гофман, – не писатель Гофман, но довольно хороший сапожник с Офицерской улицы, большой приятель Шиллера» (с. 34).

На интертекстуальном уровне Германия представлена в «Невском проспекте» и «Портрете» тремя именами великих романтиков Шиллера, Гофмана и автора «Ундины» ла Мотт Фуке.

Несхожесть русскости и немецкости вплоть до полного антагонизма ощущает и сам Шиллер: «Черт побери... я немец, я не русская свинья!» (с. 41).

Образ Германии отличен от образа немцев. Германия – это страна культуры, и, в частности, романтизма. На уровне цивилизации немцы более, чем представители других национальностей, знакомы русским. Не случайно, как замечает Гоголь в «Ночи перед Рождеством», «Немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед – все немец» (с. 106). Таким образом, существительное *немец* становится для Гоголя именем всего класса иностранцев. Уровни культуры, цивилизации и обиходных представлений сознательно противопоставлены. На уровне обиходных представлений немцы – добросовестные работники и носители бездумного педантизма.

Очевидна европоцентричность в том, как образы различных стран и наций представлены в петербургском цикле.

Образы Азии показаны в петербургских повестях значительно скупее. Автор не различает стран. Не звучит ни один из национальных языков. Страны Азии не представлены на интертекстуальном уровне.

Однако среди реальных исторических лиц дважды, в «Портрете» и «Носе» упоминается Хозрев Мирза. Но это единственное реальное историческое лицо. В Щукином дворе продается «портрет Хозрева-Мирзы в бараньей шапке» (с. 71).

«Потом пронесся слух, что не на Невском проспекте, а в Таврическом саду прогуливается нос майора Ковалева, что будто бы он давно уже там; что когда еще проживал там Хозрев-Мирза, то очень удивлялся этой странной игре природы» (с. 67).

Хозрев Мирза – персидский принц, приехавший в Петербург после убийства А.С.Грибоедова улаживать расстроенные отношения между Персией и Россией. Он остановился в Таврическом дворце и вызвал большой интерес петербургской публики.

Гоголь вывел двух персонажей, представителей Азии в «Невском проспекте» и в «Портрете». В первой повести это торговец шальями, персиянин, продавший Пискареву опиум. А во второй – странный человек, изображенный на портрете. Оба персонажа у Гоголя лишены имен собственных. Оба персонажа являются носителями зла. Продавец шалей дает Пискареву наркотик, от которого тот погибнет, а ростовщик – просто дьявол.

Ростовщик – уникальный персонаж. «Итак, между ростовщиками был один – существо во всех отношениях необыкновенное, поселившееся уже давно в сей части города. Он ходил в широком азиатском наряде; темная краска лица указывала на южное его происхождение, *но какой именно был он нации: индеец, грек, персиянин, об этом никто не мог сказать наверно*» (с. 112). И здесь интересно то, что по костюму русские не различали представителей разных стран. На уровне обиходных представлений, как их отражает Гоголь, *греки* «вливаются» в одну группу с экзотическими *персиянами* и *индейцами*. И в этом случае мы сталкиваемся с глубоким расхождением в сознании русских между уровнем культуры, который для Греции связан с античностью и «Илиадой», и бытовыми обиходными представлениями. Это расхождение настолько глубоко, что относит античную Грецию и современных греков к разным частям света: соответственно к Европе и Азии.

Подводя итоги, скажем, что в петербургском цикле повестей Гоголя столица предстает как интернациональный город. В

повестях «показаны» портреты разных стран. Очевидна европоцентричность национальных образов: это Англия, Франция, Голландия, Германия и Италия. Эти страны представлены, с одной стороны, как страны культуры, с другой стороны, как страны, демонстрирующие определенный уровень развития цивилизации, а с третьей – отражены в сознании русских и на уровне обиходных представлений. Противопоставленность этих сторон в национальных портретах эксплицирована только для Германии. Можно сказать, что образ страны и образы немцев не объединяются, как это отображает Гоголь в петербургских повестях, в единое целое. С другими странами дело обстоит несколько иначе: ни персонажей итальянцев, ни персонажей голландцев нет на страницах петербургского цикла. Англичане и французы – гувернеры, вливаются в пеструю толпу, идущую по Невскому проспекту. Голландия и Италия – это только страны культуры. В «Риме» Гоголь подтвердил эту принципиальную для него оппозицию: Италия – это страна культуры, а Франция – страна цивилизации. Несхожесть образов Англии и Франции на разных уровнях не становится для Гоголя предметом анализа.

Что касается азиатских стран, и их представителей, они показаны в духе романтизма, скорее, как непонятные мифические существа, лишенные национальной индивидуальности и языка. Говоря о таинственном ростовщике, заметим, что неизвестна его национальность, ясно только, что он с Востока.

В заключение дадим слово П.М.Бицилли: «Противоположность Востока и Запада – ходячая формула со времени еще Геродота. Под Востоком подразумевается Азия, под Западом – Европа, две “части света”, два “материка”... два культурных мира»⁷. Однако, как показывает анализ петербургских повестей Н.В.Гоголя, образы Европы и европейских стран не являются целостными. Запад распадается на мозаику Англии, Франции, Италии и Германии, создающих сложную картину взаимоотношений России с окружающим миром. Причем чем меньше информации, тем больше возможностей для мифоло-

гизации национального образа. Доказательством этом служит образ Азии или Востока в петербургских повестях.

- ¹ Произведения Н.В.Гоголя цитируются по изданию: *Гоголь Н.В. Собр. соч.:* в 6 т. М., 1959. Т. 3 (далее сноски на страницы в тексте).
- ² Фердинанд VII (1784-1833), из династии Бурбонов, сын Карла IV. Ссора с отцом привела к отречению от престола Карла в пользу сына. Народ поддержал тогда Фердинанда, ставшего королем Испании в 1808 г. Фердинанд вошел в тайные сношения с Наполеоном, но был вместе с братом Карлосом завлечен Наполеоном в Байону и находился там под арестом в 1808-1814 гг. Наполеон заставил Фердинанда отречься и отправил его в замок Валансэ. В 1813 г. Наполеон вернул Фердинанду корону. Фердинанд отменил конституцию, но подтвердил свободу печати и личные свободы граждан. В Испании начались аресты и ссылки противников монарха. В 1814-1820 гг. в стране было более десяти восстаний против Фердинанда, и он обратился за военной помощью к Франции. В 1823 г. французская армия вошла в Испанию. От четвертого брака Фердинанда с неаполитанской принцессой Марией-Христиной родилась дочь Изабелла, которую он и назначил наследницей престола, что вызвало междоусобные войны, т.к. на престол претендовал младший брат Фердинанда Дон Карлос. См.: Фердинанд VII // *Энциклопедический словарь издательства Брокгауз и Ефрон.* СПб., 1890-1907. Т. 35 А. С. 573-574; Изабелла // Там же. Т. 12 А. С. 811; Карлос // Там же. Т. 14 А. С. 519.
- ³ Полиньяк Жюль Огюст Арман Мари (1780-1847), граф, князь. Его крестной матерью была Мария Антуанетта. Сторонник крайнего абсолютизма и последовательный противник революции, клерикал, за приверженность вере папа пожаловал ему титул князя. В 1829-1830 гг. глава французского правительства и министерства иностранных дел. Его ордонансы 1830 г. были одной из причин революции 1830 г. Был вынужден бежать, переодевшись лакеем, но был пойман и арестован, приговорен к заключению и помилован только в 1836 г. См.: Полиньяк // *Энциклопедический словарь...* Т. 24. С. 298-299.
- ⁴ Лафайет Мари Жозеф (1757-1834) – маркиз, участник борьбы за независимость США в 1775-1783 гг., возведен в звание генерала армии. Во время Великой французской революции командовал национальной гвардией. Избран в генеральные штаты от дворянства, но добровольно присоединился к третьему сословию. В 1802 г. ав-

тор письма Наполеону против восстановления единоличной власти. Сторонник конституционной монархии, хотел призвания на трон Людовика Филиппа Оранского. Организатор общества друзей свободы печати. В 1830 г. был назначен по требованию народа командующим национальной гвардией. В 1833 г. основал «Союз защиты прав человека». Этот человек соединял в себе аристократичность происхождения, демократичность взглядов и исключительное чувство собственного достоинства. Доказательством последнего служит уважение, которым он пользовался у народа. См.: Лафайет // Энциклопедический словарь... Т. 27. С. 398-400.

⁵ *Машковцев Н.Г.* Гоголь в кругу художников. М., 1955. С. 51-52.

⁶ В современном написании – Тенирс. Тенирс Давид (1610-1690) – фламандский живописец, преимущественно изображал сцены крестьянского и городского быта, пейзажи.

⁷ *Бицилли П.М.* «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // *Бицилли П.М.* Избранные статьи по филологии. М., 1996. С. 22.

ЗАПАДНИЧЕСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН И ПРОБЛЕМА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ XIX СТОЛЕТИЯ

От самого своего возникновения в XIX столетии и до настоящего времени основные темы восточноевропейского западничества остаются в центре ожесточенных идейных споров и являются важным основанием мощного культурного полюса, стягивающего в орбиту своего влияния значительные социальные группы и влиятельные политические течения. Привязка исследования именно к XIX столетию в значительной степени обусловлена интересом к периоду классического развития отечественного западничества, значительно возвысившегося над наивными воззрениями предшествующего времени и еще не выродившегося в то постыдное пресмыкательство перед заокеанским «мессией», свидетелями (и вольными или невольными участниками) которого мы стали на рубеже тысячелетий.

Когда, к примеру, первый общенациональный канал украинского радио (передача от 16.06.2003) в очередной раз расширяет массовое сознание сообщением о том, что, «согласно исследователям, золотая скифская пектораль свидетельствует о европейском выборе нашего народа», приходит понимание того, что какая-то форма теоретической реакции просто необходима.

Рассмотрение западничества как важного, влиятельного, но в общем и целом проходящего течения общественной мысли явно недостаточно для оценки его истинной роли в восточноевропейской истории. Поэтому необходимо *подойти к западничеству как социокультурному феномену* – социальному течению и самобытной мировоззренческой системе, включающим целый ряд норм, ценностей ориентаций, политических, экономических и проч. установок и форм деятельности, и определяющих один из важнейших («сквозных») векторов развития современной славяно-православной (восточнославянской) цивилизации.

Исследование особенностей роста западноевропейских ценностей и тем на восточноевропейской почве следует проводить с учетом общего состояния взаимодействующих цивилизационных систем, не допуская, если это возможно, смешения отдельных исторических течений российского западничества. В этом плане западничество может быть рассмотрено с учетом, во-первых, его *социокультурных оснований* (условий возникновения, особенностей самоидентификации, характера его культурной основательности и устойчивости во времени, носителей, самостоятельности); во-вторых, *процессуальной формы* (основных форм развертывания, реальной направленности); в-третьих, смысловых рамок (ценностных ориентаций, целевых установок, внутренней закономерности, вариантов смыслового прочтения).

Социокультурные основания западничества. Если в плане теоретическом западничество было обусловлено ходом развития российской общественной мысли, то в плане социокультурном оно выстаивалось в ходе переломного периода становления восточнославянской цивилизации, открывшегося в конце XVIII – начале XIX в.

Применительно к восточнославянской цивилизации в целом доминирующие линии социального действия обозначенной эпохи, одной из которых было западничество, утверждались в условиях мощного подъема секуляризованной государственной культуры европейского образца, смены фаз в этногенезе и перехода от акматической фазы к надлому, нарастания кризисных (поворотных) явлений в социуме, имперского устройства, усиления внутреннего реформаторского порыва, постоянных колебаний между реформами и контрреформами, а также возникновения различного рода ответных – открытых и скрытых – реакций и побуждений. Западный мир («Европа») обозначенного периода представлял собой блестящее цивилизационное «стояние», сочетающее в себе культуру окончательных форм, безудержного вертикального прогресса и воинствующего Просвещения, инерционную – в целом, на суперэтническом уровне – стадию этногенеза и крайне неустойчивый

социум, раздираемый на части безудержной «демократизацией» (в духе тех процессов, что были позднее описаны испанским философом Хосе Ортегой-и-Гассетом в его знаменитом «Восстании масс»), революционными потрясениями и общеевропейскими войнами.

В современной Восточной Европе, ведущей внутренний отсчет своего цивилизационного времени приблизительно от исторического перелома XV-XVII вв.^{*}, всегда взаимодействовали народы, приобщенные к различным цивилизациям, и едва ли каждому из этих народов в отдельности можно «приписать» принадлежность к четко очерченной цивилизации. Россия и Украина, как самобытные этносы и особые регионы восточно-европейского геополитического пространства, неизменно опирались (на суперэтническом уровне) на общие макрокультурные начала и ценности и при этом никогда не имели полного социокультурного единства и были достаточно мозаичными с точки зрения очень многих характеристик. Следует также учитывать и тот факт, что приоритетные направления социокультурного развития целого ряда структурных элементов восточноевропейского мира неоднократно изменялись на различных этапах их истории.

Общественная мысль Восточной Европы на протяжении целого ряда веков ощущала на себе влияние чрезвычайно напряженной и агрессивной общественной мысли европейского Запада. Постоянство данного воздействия не только будило теоретические интересы, но и стесняло их, давило на них своим авторитетом. Приобщаясь к пленительной культуре своего «просвещенного соседа», Россия явно сокращала путь собственного восхождения на высоты теории и быстрее воспринимала сложную общественную проблематику своего времени, но при этом ей приходилось прилагать огромные усилия для того, чтобы совмещать в себе необходимое ученичество и сво-

* В этой связи Киевскую Русь, по-видимому, можно рассматривать не как начало современного исторического типа, а как завершение, итог и вершину культуры «раннеисторической», знаменующей собой этап общеславянского единства.

бодное творчество. Увлечение Западом, доходящее порой до настоящего пленения, касалось не только внешних, но и внутренних форм «европейской» жизни.

Российская империя второй половины XVIII – начала XIX в. являла собой грандиозную картину лихорадочного, частью поверхностного, а частью и более глубокого усвоения достижений западной культуры. «Золотой век» Екатерины II увенчал время российских триумфов, но государственная культура так и осталась чисто фасадной, внешней, наносной. Новый тип общественного сознания не выработал еще устойчивых жизненных ценностей и не был способен к рациональному осмыслению происходящего, столь характерному для тогдашнего Запада. Поначалу почти весь теоретический потенциал отечественной общественной мысли уходил лишь на то, чтобы уяснить предложенные ей задачи. Соответственно, быстрота отрыва от традиционного, по преимуществу религиозного, уклада жизни зачастую оборачивалась распространением самых нецивилизованных форм скептицизма и «вольномудства» и возникновением причудливых сочетаний просветительских влияний и крепостнической идеологии. «Потеряв своего Бога, заурядный русский вольтерианец не просто уходил из Его храма, как человек, ставший в нем лишним, – отмечал в этой связи В.О.Ключевский, – но, подобно взбунтовавшемуся дворовому, норовил перед уходом набуянить, все перебить, исковеркать, перепачкать»¹.

Украина XIV-XVII вв. не только находилась в сфере культурного влияния западного мира, но и была политически, экономически и духовно зависимой от него. Уже находясь в составе Российской империи, Украина сохраняет оригинальный строй духовной мысли и проникнута стойким преобразовательным настроением, а ее образованный слой до конца XVIII столетия видит себя – и во многом является именно таковым² – проводником западного культурного влияния, хотя к тому времени уже далеко не единственным. До 1781 г. Украина по-особому интегрирована в общеимперские структуры (гетманщина), а ее придавленная казацкая вольница требует

радикальных перемен и зачастую реализуется в безудержном карьеризме на военном и гражданском поприще, дорастая при этом до общеимперского уровня (самые известные примеры – Алексей Разумовский становится президентом Академии наук и морганатическим мужем императрицы Елизаветы Петровны, а Александр Безбородко – канцлером Российской империи), или же в сепаратистских – порой прозападных (в основном пропольских) – течениях.

Великорусские регионы России этого времени напряженно выстраивают чрезвычайно динамическую и крайне неустойчивую секуляризованную культуру интеграционного типа, основными характерными чертами которой являются устойчивый – и все более углубляющийся – культурный раскол и склонность к внезапным и резким культурным переориентациям. Отсутствие культурной целостности тяжело переживалось россиянами, заставляло их бежать от духовной неустроенности («неблагости») модернизационного периода, открытого Петром I и продолженного его наследниками, на глухие окраины евразийского континента, в Сибирь и на Дальний Восток, побуждало их к безудержной территориальной экспансии, имперскому устройению великой страны, резкому усилению внешнеполитической активности.

Быстро прогрессирующая общегосударственная культура находилась в окружении мощной и чрезвычайно стойкой к внешним потрясениям периферии, основой которой был старомосковский – «святоотеческий» – комплекс культуры, а значительная часть великорусского общества была замкнута в древнем (старообрядческом и домодернистском) строе жизни и пребывала в рамках теневого исторического потока (скрытой формы процессуального развития истории, разворачивающейся внутри, в обход и в противовес ее господствующим, фасадным линиям)³. По-видимому, именно на этой почве произрастает социокультурный феномен внешней раздвоенности российской истории, неизменно проникнутой идеей внутреннего единства.

Представляется также, что феномен западничества мог быть выстроен только при наличии соответствующего рода преобразовательной установки (т.н. «западное западничество») у самого Запада. Комплекс величия неизменно присутствовал в общественном сознании Запада (например, в средние века он гордо именовался «христианским миром», отказывая в этом наименовании «схизматам»-православным), однако в виде законченной мифологемы европейский мессианизм начал оформляться лишь во времена колониальных захватов (причем, скорее протестантских, нежели католических, ибо католики, как это показывает опыт Латинской Америки, с побежденными достаточно легко смешивались), особенно к концу эпохи Просвещения. Для самого Запада проблема возобновления широкой восточной культурной экспансии становится по-настоящему актуальной тогда, когда имперская Россия начинает активно претендовать на полноценное участие в общеевропейской и мировой политике. Впервые это направление деятельности, по-видимому, начал выстраивать в преддверии Семилетней войны (1756-1763) прусский король Фридрих II, используя для этого не только немцев, пребывающих на русской службе, но и принцессу Софию Фридрику Августу Анхальт-Цербтскую (будущую Екатерину II).

Даже в начале XIX в. в поступках Наполеона, самого выдающегося представителя тогдашней объединенной Европы, нет и тени стремления к культурному и социальному переустройству России, нет и признаков культурного экспансионизма. Так, в его воззвании к солдатам Франции (10/22 июня 1812 г.), объясняющем причины войны с Россией, звучит лишь своего рода цивилизационная обеспокоенность. «Пойдем вперед, перейдем Неман, внесем войну в пределы России, — призывал французский император. — Вторая польская война будет столь же славной для французского оружия, как и первая. Но мир, который мы заключим, будет прочным. Он положит конец тому губительному влиянию, которое Россия вот уже 50 лет оказывает на дела Европы»⁴.

Известно, что Наполеон подогревал освободительные настроения европейцев-поляков, однако не спешил с восстановлением независимой Польши, стремясь сохранить возможность мирного соглашения с Россией. Вторгаясь в европейские страны, разоряя их контрибуциями, Наполеон везде разрушал феодальные порядки, освобождал крестьян от крепостной зависимости, вводил в действие свой Гражданский кодекс (Кодекс Наполеона). В России ничего этого он не делал, он даже не пытался приобщить ее к просветительской системе ценностей, как не пытался он вестернизировать Египет. Хотя есть сведения, что он обдумывал подобный шаг и даже искал в московских архивах документы о восстании Емельяна Пугачева. Для Наполеона Россия – опасный враг, сильный противник и одновременно целый мир, живущий по своим собственным законам. Он явно признавал свою чужеродность в культурном пространстве иной цивилизации. Ответная реакция со стороны восточнославянского мира не замедлила себя ждать, однако она не была единой и не могла быть таковой.

В условиях прямого военного столкновения России и западного мира, произошедшего в 1812 г., жесткую «цивилизационную позицию» заняли лишь народные массы. «Рабы», как называл их Наполеон, проявили подлинное патриотическое чувство и показали себя самостоятельным актором политики и реальным субъектом истории. Тотальное антизападничество солдат, крестьян, дворовых, рабочих людей было подвижимо не сословными, а исключительно национально-культурными интересами и ценностями. Народ не желал принимать свободу из рук «супостата» и «антихриста», но надеялся получить свободу из рук «царя Божией милостью» как «награду за их патриотизм» (К.Маркс) либо пытался отстоять свои права самостоятельно, тогда как в ряде губерний почти половина дворян не явилась к своим полкам.

В целом выходцы из юго-западного края, безотносительно их этнической принадлежности, были лучше подготовлены к переменам, были более стойки к коварному обаянию радикальной западной мысли и не были столь подвержены внезап-

ным идейным переориентациям, столь частым в образованной великорусской среде. При этом православная Украина, которая в течение долгого времени находилась в составе польско-литовского государства и испытала влияние католической культуры, выработала в себе уже к середине XVII в. мощный антизападнический комплекс (украинское Возрождение начала XVII в. – своего рода «контр-Контрреформация»). Напротив, радикально-западнические установки, присущие галицкому элементу современного украинского социума (жителям Львовской, Ивано-Франковской и Тернопольской областей СССР и независимой Украины), могут быть объяснены его длительным пребыванием в составе западноевропейской макрокультурной и государственной системы.

Таким образом, исходным рубежом для утверждения нового – западнического и антизападнического – миропонимания и новых форм социальной деятельности следует считать «грозу двенадцатого года», которая подвела черту под отвлеченными умозрениями о безусловном величии и гуманизме западного общества, явила восточноевропейскому миру реальный, а не картинный, в духе Франсуа Буше и Оноре Фрагонара, Запад. Декабрист А.А.Бестужев характеризовал 1812 год как «начало свободомыслия в России»⁵. А.И.Герцен считал, что «подлинную историю России открывает собой лишь 1812 год; все, что было до того, – только предисловие»⁶.

Западнический тип общественной мысли. Термин «западники» впервые был употреблен Н.В.Гоголем, сами же они поначалу видели себя противниками славянофилов. Классический вариант русского западничества оформился в самостоятельное течение вслед за славянофильством, к концу 30-х гг. XIX в. Его развитие было связано с именами Т.Н.Грановского, В.Г.Белинского, М.А.Бакунина, А.И.Герцена, К.Д.Кавелина, Б.Н.Чичерина и др. При этом общей чертой западничества и славянофильства являлось неприятие существующих в России общественных порядков, отрицание крепостного права, протест против цензурного и полицейского произвола. Однако российское западничество XIX века никогда не было однород-

ным идейным течением, среди его последователей были люди самых разных убеждений — от либералов и революционных радикалов до консерваторов и откровенных реакционеров. Поэтому следует иметь в виду, что целый ряд идей российских западников явно не вписывается в обычный — «лицевой» — комплекс западнических представлений.

Для западничества характерно осознание духовного и исторического единства России и Западной Европы. Оно неизменно выступало за преодоление традиционных путей развития России и отстаивало преимущество западноевропейского вектора развития, ценя в нем опыт «наиболее передовой» цивилизации. И поныне характерной чертой западничества является социально политический радикализм, в котором возрождается и углубляется чувство ответственности за историю и искание путей к активному вмешательству в ее ход. Оно всегда исходило из идеи непосредственного перехода работы мысли в действие, в конкретную историческую (и революционную) деятельность.

В целом, философскую основу западнического «прогрессизма» составило левое гегельянство. Последователи Гегеля неизменно исходили из признания объективности одностороннего исторического процесса (идея прогресса), конечной целью которого является свободная, гармонически развитая и материально независимая человеческая личность. Они полагали, что просвещенный, и по западному «цивилизованный», человеческий разум может утвердиться лишь на основе полного разрыва с миром «примитивной гармонии патриархальных коллективов». В патриархальной традиции они усматривали водораздел между «историческими» и «неисторическими» народами, между ведущими нациями Запада и различного рода «племенами». Утверждалось, что любая личность, любой народ и все человечество развиваются по единым законам. Предполагалось, что на страже интересов отдельной личности будет стоять государство, которое также создаст надлежащие условия для просвещения бессмысленных масс.

П.Я.Чаадаев, первый последовательный российский западник, был озабочен осмыслением роли России в мировой истории. В письме И.С.Тургеневу он утверждает, что «Россия призвана к необъятному умственному делу: ее задача дать в свое время разрешение всем вопросам, возбуждающим споры в Европе. Поставленная вне стремительного движения, которое там уносит умы... она получила в удел задачу дать в свое время разгадку человеческой загадки»⁷. Вслед за ним многие западники полагали, что именно русский народ, более других народов свободный от тяжести всемирной истории, сумеет создать свободный мир будущего.

В своей целостности западнический романтизм был окрашен религиозно, но в этой религиозности не было ничего от церковности. Почти все защитники секуляризма были в то же время западниками. Согласно Бакунину, человечество есть Бог, вложенный в материю, а назначение человека – перенести Бога, которого он в себе заключает, на землю, поднять землю до неба. Сам же Бакунин искал Бога в людях и в революции. В его работах содержится немало тех радикальных мотивов, что впоследствии развернулись с чрезвычайной силой, например, в философии революционного марксизма (особенно В.И.Ленина и большевизма в целом). Западничество Белинского и Герцена также держалось на утопической вере в прогресс и социальную правду.

Для западников Запад всегда был идеалом, яркою мечтою и картиной, написанной чересчур широкими мазками, и потому российское западничество есть явление очень нестойкое, крайне противоречивое, скорее восточноевропейское, чем западноевропейское. Поэтому, например, крушение веры в «европейский» идеал поставило такого «цельного» западника, как Герцен, буквально на край нравственной гибели. В его воззрениях произошла разительная перемена: он стал утверждать, что подмена духовных ценностей ценностями коммерческого характера, столь характерная для Европы, является симптомом ее глубочайшего духовного оскудения. Согласно Герцену, прошлое русского народа темно, его настоящее ужасно, ему оста-

ется лишь вера в будущее. Осуществление социального идеала он стал связывать с русской крестьянской общиной.

Неустановленность российского общества относительно дуальных полюсов культуры, «традиционного» и «модернистского», сохраняла общую радикальную устремленность общественной мысли, постоянно будоражила основные темы прошлого, не давала утихнуть многовековому спору западников и славянофилов и вела к постоянным колебаниям между реформами и контрреформами. Радикальная западническая мысль середины XIX столетия во всем уповает на науку, «прогресс» и философию, которая, по словам славянофила И.Киреевского, несла «в себе что-то магическое». Атеизм и материализм становятся символом эпохи, тогда как традиционные начала культуры подвергаются критике и осмеянию, что при деспотизме власти и отсутствии свободного волеизъявления не дает возможности сколько-нибудь свободного обсуждения возможных путей общественного развития, а это делает последнее целиком зависимым от настроения правящей династии и государственной бюрократии. Показательно, что философия этого периода нигде не сумела удержаться на высоте ею же провозглашенной рациональности: славянофилы уходят в религию и веру, западники устремлены в революцию и социализм. «И в том и в другом случае, — отмечает Н.А.Бердяев, — было стремление к целостному, тоталитарному мирозерцанию, к соединению философии с жизнью, теории с практикой»⁸. Эта тенденция прослеживается и позже, хотя и совсем в иных обстоятельствах.

Исторические предшественники современного западничества. Современное теоретическое западничество не являлось чем-то совершенно исключительным и оригинальным, у него были свои исторические предшественники. Практически на всем протяжении существования восточнославянской государственности в письменных источниках периодически отражались те или иные проявления «западничества» и отмечалось существование самих «западников» — носителей, восприимчивых и распространителей отдельных достижений инородной (западной) культуры.

Первым «западником» у восточных славян раннеисторической эпохи можно считать Святополка Окаянного, сына Владимира Святославича (XI в.), неоднократно обращавшегося за поддержкой против свободолюбивых киевлян к полякам. Правда, его «западничество» очень поверхностно и скорее сродни «славянофильству» норвежских конунгов-викингов Олафа Трюгвассона или Олафа Святого, искавших прибежища на Старой Ладоге во время междоусобных войн. При Иване IV Грозном «западниками» были и «литовский беглец» князь Андрей Курбский и «выезжий из Литвы» Иван Пересветов, накануне Великого раскола XVII столетия «латинствующими» считались украинцы Епифаний Славинецкий и Симеон Полоцкий и проч.

Тем не менее, само *западничество* – как оформившееся общественное течение и устойчивая социокультурная ориентация, предполагающая обвальный отказ от собственной системы ценностей и переориентацию в сторону инородных базовых ценностей и идеалов, *встречается не ранее середины XIX столетия*. В этой связи можно утверждать, что *радикальное западничество*, как один из важнейших кризисных стереотипов поведения, является специфической чертой, характерной особенностью и важной составляющей именно переломного этапа развития восточнославянского мира. Оно представляет собой, в терминологии А.Тойнби, один из вариантов неадекватных «ответов» на «вызов», брошенный в XVIII–XIX вв. всему миру модернистским Западом.

Достаточно последовательные западнические установки впервые открыто проявились в XVII столетии, во взглядах ближайших сподвижников царя Алексея Михайловича – Ф.М.Ртищева, А.Л.Ордын-Нащокина, И.А.Хворостинина, В.В.Голицына и др. Показательно то, что данная плеяда государственных деятелей искала соединения общеевропейской культуры с национально-культурной самобытностью и пыталась сочетать древнерусскую набожность с склонностью к новшествам, однако так и не решилась на разрыв с первой, и не отказалась от последних. «Это было у нас единственное поколение так ду-

мавшее: так не думали прежде и перестали думать потом, — писал В.О.Ключевский. — Люди прежних поколений боялись брать у Запада даже материальные удобства, чтобы ими не повредить нравственного завета отцов и дедов, с которыми не хотели расставаться как со святыней; после у нас стали охотно пренебрегать этим заветом, чтобы тем вкуснее были материальные удобства, заимствуемые у Запада»⁹. Однако в глазах самих западников подлинным создателем России был Петр I, чья эпоха стала для них той точкой отсчета, начиная с которой к России можно было применять идеи Гегеля. И первым коренным представителем данного культурного типа в России стал уже описанный выше русский вольтерианец.

В этой связи нельзя не отметить поразительной «дремучести» ряда западных представлений об историческом состоянии обожествляемого ими социокультурного «эталона». Сам Запад тоже никогда не представлял социокультурного единства на всем протяжении своей истории, он далеко не всегда был столь величественным и мощным, каким он мог казаться в середине XIX в., и каким он очень многим кажется сегодня. Более того, в период т.н. «Реставрации», наступившей после падения Наполеона I, многие западные страны (в т.ч. Франция, Испания, Австрия, многие германские и итальянские государства) утратили целый ряд достижений времен просвещенного абсолютизма и Французской революции, объявили войну и «Просвещению», и гуманизму, и реформации и рекомендовали обществу возвратиться к нравам средних веков. Так, в Испании после 1814 г. была восстановлена инквизиция. Сардинское правительство предписало одеваться по моде, которая была до французского завоевания. Курфюрст ганноверский отменил все нововведения, восстановив при этом пытки, таможи между отдельными провинциями, крепостную зависимость и т.д.¹⁰

Поэтому не выдерживают критики представления об универсальности и постоянстве цивилизаторской роли Запада, якобы оформившего, как позже учил Карл Ясперс, «осевое время» всей мировой культуры. Прямые культурные контакты

двух цивилизационных систем с конца VIII в. н.э. (время падения аварского каганата) никогда не прерывались, и ни одна из взаимодействующих сторон не была целиком закрыта для другой, как никогда не была безусловно доминирующей. Современную Россию не мог создать «вечный Запад», якобы последовательно выступающий в виде Древнего Египта, Месопотамии, Персии, Древнего Рима, Византии, варварских германских государств и проч. (подобного рода «метода» очень часто применяется в исследованиях западных, особенно американских, ученых)¹¹. Да и Древний Рим культурно, этнически и социально – это отнюдь не современный Запад. Ни империя Карла Великого и т.н. «каролингское возрождение» конца VIII – начала IX в., ни величественная франко-бургундская «осень Средневековья», блестяще описанная Й.Хёйзингой, к подъему восточных славян никакого отношения не имеют. Православная Византия также не может считаться Западом, это – самобытный и значительно более зрелый культурный мир с очень сильным восточным элементом. К тому же ренессансный взлет самой Западной Европы был во многом обусловлен именно массовым исходом высокообразованных слоев византийского общества, искавших с конца XIV столетия спасения от усиливающегося натиска турок-османов.

Еще в XI столетии современный Запад был совсем молод, достаточно дик, малокультурен и малопривлекателен, он обогатился и начал культурную трансформацию только вследствие масштабных войн с арабами. В XII столетии он раздирался на части ожесточенной борьбой гвельфов и гибеллинов (папистов и сторонников германских императоров, в значительной мере – как Генрих IV – пораженных сатанинскими культами). Причем уже в середине XI в., когда окончательно завершается раскол христианской церкви (1054 г.), «латиняне» рассматриваются на Руси как потенциальные враги, а культурные контакты с ними ограничиваются. К тому же до середины XIII столетия культурный уровень Руси в целом и общем ничуть не уступал культурному уровню Западной Европы, если не превосходил его. Мало способствовала культурным обме-

нам и широкая антиправославная экспансия, начатая католическим миром в 1202-1204 гг. по линии Рига–Константинополь. В XIV-XV столетиях по западному пути пытался идти «Господин Великий Новгород», искавший, но так и не получивший полноправного членства в Северо-Германском союзе городов (Ганзе). В аналогичной ситуации находилась Юго-Западная Русь, территория будущей Украины, напрасно рассчитывавшая на полноправный союз с дальней окраиной западного мира – католической Польшей и полукатолической Литвой. Для ее центральных регионов этот эксперимент прервался в период революционной войны 1648-1654 гг. под предводительством Б.Хмельницкого.

В XIX веке проводниками западнического идеала (скорее, западнической мифологемы) уже выступали целые социальные и этнические группы, принципиально или ситуативно ставящие себя вне сложившегося культурного контекста. Причем таковыми выступали и носители «нового» и «полезного» и проводники «чужого» и «опасного», идентифицировавшие себя как «граждане мира». Так, в 1870-е гг. единственным носителем прогрессивных идей видела себя либерально мыслящая интеллигенция, боявшаяся не столько «дикаря высшей культуры», «этического мещанина», сколько представителя низшей культуры – «чумазого», местного промышленника-буржуа, к борьбе с которым призывала неустанно¹².

Характерной чертой (особенно наглядно проявившейся в начале и в конце XX в.) западнического мировосприятия было то, что оно было весьма некритично настроено по отношению к «передовому опыту» стран Запада, никогда не имело опыта управления многоэтничным и поликультурным государством и не обладало какой бы то ни было продуманной методикой созидания жизнеспособного социума, особенно «с нуля», «с идеи» (ввиду полного отсутствия представления о таковой).

Как правило, последовательное западничество всегда идентифицировало себя не со взрастившей его культурной средой (хотя оно периодически возрождалось именно в рамках восточнославянской цивилизации), а исключительно со средой,

давшей ему исходный культурный принцип. Оно постоянно ощущало себя инородным элементом и неизменно пыталось отгородиться от культуры местной, обвиняя ее в невосприимчивости и «несовременности». И все эти иллюзорные установки – беспочвенность, внутренняя безосновательность, отсутствие собственного содержания – неизменно лишали западничество самостоятельности и заставляли его конституироваться исключительно относительно внешней социокультурной данности.

Таким образом, особенности функционирования социокультурных оснований западничества неизменно воспроизводят для восточнославянской цивилизации сложную внутреннюю проблему – укрепляют преобразовательный импульс и побуждают к ответу на западный «вызов», усложняют ее внутреннюю структуру, расширяют возможности и одновременно существенно тормозят ее развитие, навязывают комплекс культурной неполноценности, пытаются искоренить стремление к самостоятельности и сужают горизонт возможных исторических перемен.

Процессуальные формы реализации восточноевропейского западничества. По мере своего внутреннего развития восточноевропейское теоретическое и идейное западничество существенным образом трансформируется. К концу XIX столетия оно предстает – в лице доминирующих политических течений (русский марксизм) – в виде законченной мировоззренческой системы, не скованной более никакими концептуальными рамками, крайне прямолинейно подчиняющей все многообразие общественной жизни отвлеченному идеалу политической и экономической свободы, отрицающей весь пройденный восточными славянами исторический путь и желающей, по примеру нигилистов 60-х гг., «строиться в пустыне». Сила идей и степень их влияния на общественное настроение теперь во многом определяются силой и популярностью политических партий, которые за ними стоят или их поддерживают.

Историческое западничество реализуется в виде целого ряда самостоятельных процессуальных форм. *Великодержавное*

(имперское) «западничество» Петра I, Екатерины II и их наследников не имело строгой теоретической основы и представляло собою скорее безудержное, бурное и зачастую начертанное единственно волею самодержца модернистское течение, использующее в своих интересах просветительскую риторiku. Оно видело своей задачей строительство грандиозной империи, способной стать (в военном и экономическом отношении) вровень с самыми передовыми европейскими странами. Усилия власти были направлены на отстраивание пышного, стройного и величественного державного «фасада», за которым по-прежнему проглядывала все та же «немытая Россия».

Негосударственное – «рациональное» и в целом *конструктивное – «западничество»* исходило из того, что в Европе существуют институты, организации, формы общественной жизни, культурные явления, которые себя оправдали, доказали свою живучесть и пользу, и которые – после основательного анализа, проверки и многочисленных сопоставлений либо, напротив, вовсе без таковых – можно было бы (с определенной осторожностью) перенести на русскую почву. Оно ориентировалось на проведение такой политики, которая способствовала бы формированию в России базовых западных экономических и политических институтов, гарантирующих успешное развитие процветающего либерального общества. Следует признать, что данное направление хотя и не имело под собой искомой социокультурной основы, столь необходимой для радикальных общественных преобразований, однако и не порывало окончательно с традиционной системой ценностей, намереваясь использовать ее для исходного модернистского рывка. По свидетельству декабриста И.Д.Якушкина, самое первое тайное общество имело своей главной целью «в обширном смысле благо России», тогда как в ряду прочих его целей могло быть, например, «противодействие немцам, находящимся в русской службе»¹³.

Наконец, *деструктивное «западничество» (радикальное «вестернизаторство»)* проповедовало обвальный отказ от исторически сложившейся в Восточной Европе системы цен-

ностей. Оно жаждало немедленного «торжества прогресса», понимая под ним безусловное доминирование инородных базовых ценностей и идеалов, и доходило порой до капитулянтства и прямого политического предательства. Впервые этот тип в полной мере проявляется в особе Лжедмитрия I (Григория Отрепьева), хотя и самозванного, но, тем не менее, венчанного (даже дважды – один раз императорской короной Бориса Годунова в Успенском соборе, а другой раз шапкой Мономаха над могилами «предков» в Архангельском соборе) на царство русского царя, наводнившего страну иноземными наемниками и католиками-иезуитами¹⁴.

Новые следы радикального вестернизаторства можно обнаружить в период наполеоновского нашествия. Основная часть украинского дворянства разделяла идеологию великодержавного «западничества» и весьма охотно давала рекрутов для армии, жертвовала деньги и продукты. Однако южнорусские дворяне-«автономисты» надеялись на то, что с приходом французской армии в Украине будет введен Кодекс Наполеона, а сама – станет автономной либо даже независимой. Именно к кружку автономистов принадлежал ректор Новгород-Северской духовной семинарии Варлаам Шишацкий, назначенный в 1808 г. архиепископом Могилевским и Витебским и поддерживавший в 1812 г. оккупационную наполеоновскую власть. В свою очередь, волынский староста Чайковский организовал казачье «рушение» (ополчение) в помощь французам, а подольский староста Марлецкий создал в своем имении «республику» и провозгласил права человека на основе учения Ж.-Ж.Руссо. Когда в 20-х гг. XIX в. на Украине возникают тайные общества, то главной целью одного из них, Малороссийского Тайного общества, возглавляемого переяславским магнатом В.Лукашевичем, провозглашалось обретение независимости Украины и... последующее вхождение ее в состав Польши¹⁵.

Позднее на почве культурного раскола произрастали такие идеи, как известный ленинский лозунг о поражении своего правительства в войне и о превращении империалистической войны в гражданскую. В дальнейшем данная деструктивная

установка лишь усиливается: в конце XX столетия целый ряд адептов данного течения, утвердившихся у власти на волне структурного кризиса восточноевропейской общественной системы, желал уже не только и не столько подчиниться Западу, «стать Западом», сколько самоуничтожиться в случае возможной неудачи, продемонстрировав тем самым чистоту теоретических намерений. Как справедливо указывал Н.А.Бердяев, «настоящая революционность требует духовного изменения первооснов жизни»¹⁶.

Специфической особенностью процессуального развития российского западничества является то, что оно так никогда и не смогло прийти, например, в рамках столь любезной для него гегелевской триады, до состояния синтеза. Оно неизменно пребывает в состоянии антитезиса, т.е. отрицания «почвы» и разрушения вместившей его социокультурной среды, и устремлено, таким образом, к саморазрушению. Поэтому западничество неизменно усматривает основной источник своих бед в крайне неподатливой «почве», как изначально неадекватной каким бы то ни было новациям. Важной проблемой процессуального развития западничества видится поиск неких точек соприкосновения с традицией и «почвенной» антизападнической культурой, а также вычисление пределов балансирования между крайностями радикального прогрессизма и внутреннего капитулянтства. Неудивительно, что уже в 60-е гг. XIX в., на почве либерализма, произошло значительное сближение взглядов западников и славянофилов.

В ситуации нашего времени основные темы славянофильства и западничества продолжают, соответственно, (нео)евразийство и евроатлантизм.

Исторический смысл западничества. В своих теоретических изысканиях западничество постоянно обращалось к проблемам смыслового видения истории, опираясь, как правило, на логико-гносеологическое рассуждение. И потому восточноевропейское западничество не может быть адекватно понято вне этого историософского контекста.

Следует однако помнить о том, что философия истории исследует реальные судьбы народов, обществ и культур, их прошлое, настоящее и будущее и не может быть сведена к философской теории исторического знания. Смысловое решение историософской проблематики указывает уже не просто на разумность и внутреннюю закономерность исторического процесса, оно предполагает наше отношение к нему, его оценку и указание на то, что мы ищем в истории и какими мы видим в ней себя. Смысл предполагает отправную мысль (идею, чувство), он носит исходный характер и задает самое общее ее направление, требующее последующей разработки. Ведь «от того или другого понимания смысла событий зависит самый их ход»¹⁷, а также и выбор приемов исторического анализа.

Смысловое начало приводит западничество в иллюзорное состояние внутреннего единства, объединяет все текущие события и процессы в целостную картину и позволяет ему оценивать все случившееся в мире именно с позиций Запада. Обращение к основным позициям смыслового восприятия истории показывает, что западничество исходит из того, что задача истории состоит в возвышении западной цивилизации, и дело отдельного мыслителя или целого социума состоит лишь в реконструкции этого «откровения», его объяснении и переложении на язык «социальной инженерии». Смысл истории видится здесь во встраивании отдельной несовершенной (выпавшей, девиантной – в данном случае российской) исторической линии в великое русло безусловного и предельно совершенного универсума, воплощенного в «вечном Западе».

Однако история отдельного народа, даже мировая история – вполне индивидуальны, повторяются только образующие их элементы духовной и общественной жизни – начала истории. В том плане, в каком история есть развитие и воплощение извечных оснований общественного бытия (ценностей культуры, общественных норм, религиозных верований, гражданских воззрений, собственности и проч.), ее общий – исходный и конечный – смысл совпадает с историческим существованием отдельных социумов и этнокультурных групп и не может быть

отнесен к какому-то определенному ее пункту – ни к прошлому, ни к настоящему, ни к будущему.

Характерной особенностью воззрений, подобных восточно-европейскому западничеству либо турецкому «кемализму», является мифологичность (создание сакрализованных образов государства, конкретных форм власти, нации, культуры и т.д.), антиисторизм (мозаичное восприятие истории, стремление к полному разрыву с целостными историческими линиями либо, наоборот, отрицание дискретного характера истории), реверсивность (стремление к возврату и переходу из современного – «неэталонного» – общественного состояния в некий исходный, идеальный тип). Неудивительно, что в построения подобного толка почти всегда встраивается некий скрытый «предохранитель», неафишируемый «пунктик», позволяющий, в случае предполагаемого провала, обратиться за помощью к третьей – внешней – стороне. И чем сильнее радикализм «обновления», тем скорее и полнее разваливается пораженная таковой идеей этно- и социокультурная система.

Если раньше, в XIX в., смешение общего и частного, конечного и бесконечного, логического и исторического очень часто заводило классическое западничество в глухой угол, то современное алогическое вестернизаторство сумело удивить ученый мир еще и постмодернистскими «откровениями» на манер фукуямовской мифологемы о наступлении «конца истории».

* * *

Таким образом, западнический тип мышления представляет собой вершину развития рационалистической науки и историософии XIX века, склонных подгонять любое решение под уже известный результат. XIX столетие так и не решило проблему соотношения социокультурной «новации» и «почвы», проблему взаимодействия открытых самобытных макроисторических культур. Однако оно сумело удержать эту пограничную ситуацию в рамках относительно безопасных и не скати-

лось до капитулянтского вестернизаторства – безусловной неизбежности прямого столкновения различных социокультурных оснований не было. Вплоть до Первой мировой войны сохранялась возможность компромисса.

Мировая история не может рассматриваться как путь к конкретным эпохам или их составляющим («западным» либо «восточным»), но при этом именно в них реализуются идеи, выступающие с позиций общего смысла, что придает этим событиям самостоятельное значение и позволяет оценивать их относительно целого.

¹ Цит. по: *Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. 1, ч. 1. Л., 1991. С. 87.

² См., напр.: *Архангельский А.* Из лекций по истории русской литературы. Казань, 1913. С. 118.

³ См.: *Вусатюк О.А.* Теневые потоки российской истории // Наука. Политика. Предпринимательство. М., 1999. № 1-2. С. 174-176; *Он же.* Теневые потоки российской истории: методология исследования // VI ICCEES World Congress Tampere, Finland, 29 July – 3 August 2000: ABSTRACTS. P. 462-463; *Он же.* Теневые потоки и теневые зоны истории // Соціокультурна і економічна динаміка: закономірності, проблеми, перспективи: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції, 11-12 травня 2000 р. К., 2001. С. 110-115; *Он же.* Теневая культура и теневые потоки истории. // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: Материалы Третьего Российского Философского конгресса (16-20 сентября 2002 г.): В 3 т. Т. 3. Ростов н/Д, 2002. С. 51-52.

⁴ Цит. по: *Троцкий Н.А.* 1812. Великий год России. М., 1988. С. 44.

⁵ *Бестужев А.А.* Письмо к Николаю I из Петропавловской крепости // Декабристы: к столетию заговора, 1825-1925: Сборник статей и материалов. М., 1925. С. 48.

⁶ *Герцен А.И.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 7. М., 1956. С. 153.

⁷ Цит. по: *Зеньковский В.В.* Указ. соч. С. 180.

⁸ *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 90-91.

⁹ *Ключевский В.О.* Исторические портреты. М., 1990. С. 108.

¹⁰ См.: *Кареев Н.И.* Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков. СПб., 1908. С. 401-405.

- ¹¹ См., например: *The Western Experience* // Mortimer Chambers. Vol. 1. N.Y.; Toronto, 1991.
- ¹² См.: *Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли: Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в. Т. I-II. В одной кн. СПб., 1907. С. 116.*
- ¹³ Из записок декабриста И.Д.Якушкина // *Декабристы: к столетию заговора...* С. 42.
- ¹⁴ См.: *Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 284-323; Он же. Три Лжедмитрия. М., 2003. С. 224.*
- ¹⁵ См.: *Полонська-Василенко Н. Історія України: У 2 т. Т. 2. К., 1992. С. 280-281.*
- ¹⁶ *Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 176.*
- ¹⁷ См.: *Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Ч. III: Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб., 1890. С. 233.*

ОТ НАДЕЖД К КРАХУ ИЛЛЮЗИЙ: ИНОСТРАННЫЕ СЕЛЬСКИЕ РАБОТНИКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ ПОСЛЕ РЕФОРМЫ 1861 Г.*

Использование труда иностранных работников в сельском хозяйстве Центрально-Нечерноземной России в первые десятилетия после реформы 1861 г. еще не становилось предметом специального анализа в отечественной историографии. Среди множества вопросов в рамках этой большой и сложной темы обращают на себя внимание сюжеты, связанные с трудностями социокультурной адаптации работников из отдельных западноевропейских стран в условиях пореформенной России, с мотивами их приезда в нашу страну, а также с восприятием этих людей нашими соотечественниками. Несмотря на вполне закономерное внимание современников преимущественно к экономической стороне проблемы (нашедшее отражение в дискуссии о том, «чей труд выгоднее – иностранного работника или русского крестьянина?», и продолжавшейся на протяжении всего XIX в.), указанные сюжеты нашли достаточно подробное отражение и в материалах российской периодической печати, и в национальных архивах. Остановимся на некоторых важных вопросах, связанных с российскими «перипетиями судеб» сельских работников из Германии и Чехии, поскольку именно из этих двух стран поток переселенцев носил более массовый характер и привлек значительное внимание отечественной пореформенной печати.

В какую же обстановку попадали сельские работники из Западной Европы, приезжая в Россию, только что страхнувшую с себя вековые тягостные путы крепостничества?

* Работа написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 01-01-00082а).

Основные черты хозяйственного и культурного быта центрально-нечерноземных губерний несли на себе глубокий отпечаток архаики. Отсталые формы и методы ведения хозяйства (как помещичьего, так и крестьянского), крайне слабое развитие рыночных отношений, кризис традиций российского деревенского патернализма, отсутствие дисциплины труда среди различных групп сельского населения, стремившихся обособиться друг от друга, – вот лишь некоторые красноречивые показатели аграрно-культурного быта региона как накануне, так и сразу же после провозглашения крестьянской реформы 1861 г.¹ Особенно негативное влияние на развитие сельского хозяйства оказывали пережитки «обломовщины» среди основной массы провинциальных помещиков, а также особенности патриархальной крестьянской психологии, неразрывно связанные с общинными традициями². Тем не менее, сразу же после реформы в российском обществе проявляется заметная эйфория: оживают надежды на быстрое преодоление хозяйственной и культурной отсталости, а также на сближение отдельных сельских сословий на основе единых общенациональных задач. Вот лишь некоторые свидетельства современников. «Наконец в хозяйствах наших сошел со сцены обязательный труд, – отмечал в журнале “Сельское хозяйство” в 1861 г. помещик Московской губернии В.Добровольский. – Могучая его сила, убивающая всякую разумную деятельность, прекратилась... Помещик и его крестьянин в отношении к производительности стали теперь в одной параллели»³. По его мнению, за два года, «оставленных народу для введения в действие новых положений», крестьянину предстоит «приготовиться к самостоятельности», а помещик должен «найти средство изменить свое хозяйство...»⁴, проявляя при этом строгий расчет, контроль и бережливость. «Куда бы не заглянули мы... – подчеркивала редакция “Земледельческой газеты”, – везде мы заметим влияние нового духа, везде совершается усиленная работа, везде создаются новые порядки... Таковы первые шаги великой реформы; они обозначаются всеобщей свежей дея-

тельностью...»⁵ Но главное, говорилось там же, именно на основе принципа свободы труда появилась надежда на будущее – на «положительное сближение в направлениях деятельности народа и правительства...»⁶

Однако, когда радостное волнение улеглось, многолетние традиции прошлого вновь явственно заявили о себе. Неумение (а зачастую – и нежелание) перестроить на рациональных основах не только «хозяйственный строй» своего имения, но и привычный патриархальный культурно-бытовой уклад, растерянность перед новой «рыночной стихией» приводили многих помещиков Центрального Нечерноземья к экономическому краху. Надежды на «сближение сословий» оказались иллюзорны: социокультурный раскол между помещиком и крестьянином усиливается; вновь резко обостряется проблема сохранения сельского имущества в связи с массовыми случаями воровства, потрав, порубок, элементарной бесхозяйственностью и небрежностью крестьян в работе⁷. В этих условиях и проявились надежды российских землевладельцев на использование труда работников-иностранцев. «Хорошие образцы нам нужны, – писал анонимный автор, – без них, сами собою, мы одни ничего не сделаем – да только надобно уметь применять эти образцы к нашей жизни, к нашим потребностям, к нашему климату и местности»⁸.

Какими же путями решалась эта сложнейшая задача? «Выписка» либо «вызов» из-за границы в Россию батраков, колонистов и фермеров в начале 1860-х гг. становятся «делом большой важности для очень многих сельских хозяев»⁹. В печати появляется большое количество публикаций по указанной проблеме, а в «Журнале Министерства государственных имуществ» – даже специальный раздел «Хроника колонизации». При этом необходимо отметить, что наибольшую активность в деле привлечения иностранных работников проявляли помещики южных губерний страны, однако и в центрально-нечерноземных губерниях это движение было весьма заметным, что и проявилось, в частности, в использовании «рабочих рук» из Германии и Чехии.

Хозяйственные достижения отдельных немецких земель уже давно привлекали внимание отечественных ученых и помещиков-рационализаторов; при этом целый ряд аграрных новаций Германии использовался и в дореформенной России (правда, в незначительных масштабах)¹⁰. Высоко ценили в нашей стране и положительные качества немецкого хозяйственного менталитета: дисциплину, обязательность, бережливость и др. Именно они и должны были, по мнению российских землевладельцев, привести к успеху в условиях Центральной России, – на контрасте с нашим извечным крестьянским «авось» и другими патриархальными чертами традиционной деревенской психологии труда и быта.

Показательно, что «найму иностранных рабочих» (в основном, немецких) отводилась и еще одна важная роль: сохранить для русских помещиков «значительную часть капиталов»; при этом отечественным сельскохозяйственным обществам предназначалась роль посредников в вопросах устройства труда и быта иностранных переселенцев (включая и решение спорных вопросов между ними и землевладельцами)¹¹.

С конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в. в Германии открываются «комиссионерства», целью которых было «приискание в Россию работников и арендаторов». Одно из крупнейших из них разместилось в Дрездене. Учредителями «комиссионерства» стали кн. Д.В.Львов, А.А.Липхарт и Ф.Франке (первые двое – российские землевладельцы). Все немецкие сельские работники делились «на разряды»: 1-й разряд – батраки, 2-й – «поселенцы-поденщики». Условия их работы и проживания в России строго регламентировались. Размеры жалованья определялись контрактом, сумма которого зависела как от местности, где находилось имение, так и от личности и способностей самого работника. Батракам-мужчинам в возрасте от 18 до 45 лет полагалось жалованье от 30 до 60 руб. сер. в год, женщинам – от 15 до 30 руб. сер., а детям от 10 до 15 лет – от 12 до 20 руб. сер. в год¹². Контракты заключались на срок от 3 до 5 лет. Отдельно оговаривались условия привлечения в Россию арендаторов, и особенно – их постепенной адаптации к усло-

виям труда и быта нашей страны¹³. От работников-иностранцев прежде всего требовались «прилежание, трезвость и честность» – качества, которых явно недоставало «рядовому» российскому земледельцу средней полосы¹⁴.

Как же складывались судьбы немецких работников в Центрально-Нечерноземной России? Обратимся к свидетельствам современников. «Мужчины работают и неутомимо, и необыкновенно успешно, – отмечалось в одном из них, – но редкие из них работают больше 4-х дней в неделю, а остальные 3 дня употребляют на отдых и даже на гульбу»¹⁵. В хозяйствах региона, наряду с «полевыми» работниками-немцами, использовались также и «мастеровые»: скотники, овчары, огородники, мельники, машинисты и др. «Женщины, немедленно становясь начальницами вверенных им частей, бывают весьма полезны в присмотре за скотом, снопами и домашним хозяйством, – писал тот же автор. – В содержании они неприхотливы, но своеобразны. Каждое семейство требует особой комнаты, хотя бы и небольшой, но отдельной. В русских печах они готовить кушанье не могут; и потому им надобно приделывать особые плиты»¹⁶.

В Берлине наймом немецких сельских работников для помещиков Центральной России занимался купец Соломон Лион. Согласно условиям одного из таких контрактов, каждый работник получал бесплатное помещение, удобную землю для посева трех шеффелей картофеля, картофельные семена, а также сенокос, с которого он мог собирать до 40 пудов сена на содержание коровы¹⁷. Земледельческие орудия и инструменты предоставлял помещик. Характерно, что работник должен был трудиться всего 4 дня в неделю, получая за это ежегодно рожь, горох, пшеницу, соль и 15 руб. наличными деньгами.

Те, кто соглашались работать 6 дней в неделю (впрочем, таких оказалось немного), получали 30 руб. После трех лет работы помещику возвращалась корова. Все трудовые отношения также строго регламентировались. «За неимением работы у помещика» немецкий работник мог «самостоятельно наниматься на стороне». При этом каждый работник был обязан

выплачивать помещику ежедневно 5 зильбергрошей (3 коп.) в случае «лености и пьянства», а, совершив «большие преступления», наказывался согласно российскому законодательству¹⁸. Жена работника могла работать на помещика «по своему желанию» (за чисто символическую плату – 15 коп. в день), однако она была обязана один день в неделю работать бесплатно «за даровое жилище».

Разумеется, если оценивать условия труда и быта, в которых оказывались немецкие сельские работники, в их совокупности, то они были далеко не самыми выгодными в их привычном представлении. Тем не менее, работники соглашались на них, рассчитывая на лучшее. Однако очень скоро их иллюзии рушились. Как отмечалось в российской печати, немецкие работники имели «совершенно превратное понятие» о нашей стране и условиях жизни в России¹⁹. С одной стороны, единственное (!), что они знали наверняка, «так это то, что в России холодно»²⁰. С другой стороны, среди немецких работников было широко распространено мнение, что в России «всего много», и, следовательно, «там все дешевле»; отсюда – и их скромные первоначальные требования, которые вскоре после прибытия их на место работы существенно изменялись²¹. Наконец, климат, к которому привыкли немецкие крестьяне, и сам их образ жизни «в фатерлянде» сильно отличались от географических и культурно-бытовых условий, привычных для русского земледельца средней полосы. В печати отмечалось, что в Южной Германии даже простой поденщик с детства привык пользоваться «скромными благами цивилизации», и условия его жизни были гораздо лучше, чем в России²². Вызывали раздражение у россиян некоторые особенности немецкого менталитета: так, подчеркивалось, что жители Южной Германии (особенно «швабы») трудолюбивы, честны, однако «тупы» и «склонны к деятельности по заведенной традиции»²³. Поэтому, учитывая большие затраты на перевоз этих работников в Россию, отечественные помещики и специалисты приходили к выводу, что гораздо выгоднее нанимать сельских работников из Северной Германии и даже из Бельгии²⁴.

В российской печати все чаще раздавались голоса землевладельцев, разочарованных немецкими работниками. Нередко это было следствием умышленной дезинформации и плохой работы сотрудников зарубежных «комиссионерств» и «контор по найму рабочих».

Так, помещик Волоколамского уезда Московской губернии Ляссотович в 1862 г. отмечал, что немецкие рабочие не оправдали его ожиданий: они отказывались выполнять условия контракта, сетуя на то, что были обмануты немецким подрядчиком Лионом, уверявшего их, что «жизнь в России вдвое дешевле, чем в Пруссии, а между тем они нашли здесь все дороже»²⁵. Возмущенный помещик писал, что недобросовестные немецкие комиссионеры старались «завербовать для меня кого ни попало на улицах Берлина, лишь бы получить свои деньги за комиссию». В результате немцы, прибывшие в Россию, оказались абсолютно не подготовлены к новым условиям. Так, «они не привыкли к русской простой пище, а готовить им немецкую было некому, и я вынужден был кормить их с собственного стола»²⁶. После этого работники «потребовали себе матрацев, подушек и одеял» (что не входило в условия контракта), но, главное, — «отказались пахать не только русскими, но и американскими плугами, и я, — писал помещик, — обязался выписать для них плуги немецкие»²⁷. В итоге немцы «отказались вовсе от исполнения контракта», считая себя жестоко обманутыми: жизнь в России оказалась и «дорогой», и «суровой». Помещику ничего не оставалось, как отказаться от дальнейшей «выписки рабочих» и тем самым «прекратить грабеж, направленный не только против меня, но и против несчастных немцев», продавших свое имущество на родине за бесценок в ожидании найти в России «какой-то обетованный рай»²⁸.

Характерно, что приезжавшие в Центральную Россию немецкие работники зачастую не являлись земледельцами, а были, по свидетельству кн. П.Голицына, «случайными людьми», «неспособными к полевым работам»²⁹. Используя нашу современную терминологию, это были люди маргинального склада, не сумевшие реализовать себя на родине и авантюрно расчи-

тивавшие на успех в далекой, «богатой», но «отсталой от Европы» России. Впрочем, те же представления были характерны и для земледельцев Германии. Характерен отрывок из статьи Е.М.Кублицкого «Поездка в Гогенгейм», где он так описывает свои впечатления о немецких сельских рабочих: «Когда мне случалось говорить с работниками о России, то меня поражало более всего совершенно превратное их понятие об нашем отечестве и об условиях нашей жизни... Но скажите швабскому работнику, что за 3 коп. сер. он не достанет у нас хорошей кружки пива... так он и призадумается»³⁰. Автор отмечал, что немецкий земледелец «лучше русского крестьянина помещен, лучше содержится; ему необходимы постель, занавески на окнах, а для его жены или дочери и цветы в саду... к тому же не должно упускать из виду, что немец... человек привычки по преимуществу. Наше хозяйство, наш климат, наша почва – все различно. Скоро примениться ко всему этому выше его сил... что вы ему не говорите, на все он вам будет отвечать: “у нас в Германии”»³¹.

Таким образом, именно социокультурные факторы оказались той «лакмусовой бумагой», на которой ярко проявилось существенное различие между социально-психологическим обликом немецкого сельского работника и российского землевладельца.

Большие трудности вызывало у немецкие переселенцев и общение с местными крестьянами – их конкурентами на рынке вольнонаемного труда пореформенной эпохи. Здесь тоже глубокие отличия в хозяйственном менталитете были налицо. Сам вопрос о формах хозяйственной жизни для немецкого и русского крестьянина звучал по-разному: если для первого он заключался прежде всего в осмыслении и выборе наиболее оптимальной тактики и стратегии ведения хозяйства в условиях меняющейся рыночной конъюнктуры, агротехнических новшеств и строго рациональной и добросовестной организации труда, то для второго (еще не сбросившего с себя бремя крепостнических патерналистских традиций) – с жестким обоюдным давлением со стороны помещика и общины, строго регламен-

тировавшим весь хозяйственный процесс. В итоге не только отечественные землевладельцы и специалисты, но и посещающие Россию иностранцы отмечали, что немецкие переселенцы никогда не соединяются с местным славянским населением «и остаются навсегда в резкой с ними противоположности»³².

Следует также признать, что очень часто причины многочисленных издержек адаптации немецких работников к российским реалиям труда и быта коренились также и в самих отечественных землевладельцах: их неумении и нежелании наладить рациональное хозяйство, обеспечив для этого необходимые условия работникам, их привычке к безропотному подчинению крестьян, и др. Не хватало и навыков ведения хозяйства вольнонаемным трудом: как отмечалось в прессе, «по большей части только те землевладельцы и решаются на выписку рабочих из-за границы, которые не имеют опытности в обращении с русскими вольнонаемными рабочими и следовательно тем более с иностранными»³³. Поэтому вполне резонно возникал вывод, не столь уж приятный для национального патриотического «массового сознания»: «...но если мы не умеем уживаться с своими, то тем менее вероятности ужитья нам с людьми совершенно иного закала»³⁴.

Постепенно (хотя и с большим трудом), путем «метода проб и ошибок», отечественные землевладельцы приходили к банальному, но единственно верному умозаключению: «Иностранный рабочий, как человек новый в стране, нуждается более туземного в указке, в наставлении; первое и долгое время не он должен нас учить, а мы его»³⁵. Отметим здесь же и определенную противоречивость, «двойственность» позиции помещиков. С одной стороны, наиболее дальновидные из них нехотя, но все же были вынуждены признать, что «ведение хозяйства дорогими иностранными рабочими... требует рационального знания дела, а этого знания и нет-то у нас»³⁶, а, с другой, – старые, крепостнические шаблоны поведения и мышления все еще давали о себе знать: «плохо будет, если он (иностранный рабочий. – С.К.) вместо того, чтобы слушаться

хозяина, станет учить хозяина»³⁷. В итоге, как правило, именно иностранным рабочим приходилось в основном «прилагиваться» к особенностям российского культурно-хозяйственного быта (зачастую косным и тормозящим процесс рациональной аграрной модернизации), и в итоге они обходились нанимателям «много дороже русских», разочаровываясь при этом в России и ее порядках³⁸.

История чешских наемных работников в пореформенной России также представляет значительный научный интерес. Начало этой новой «переселенческой волне» положила небольшая и, казалось бы, ничем особо не примечательная публикация. В «Земледельческой газете» в 1862 г. было напечатано письмо Ф.И.Избера из Богемии, адресованное помещикам и предпринимателям Российской империи³⁹. В нем сообщалось, что автор с успехом преподает русский язык в Королевском земском политехническом институте в Праге. Этот предмет пользовался огромной популярностью: русский язык охотно изучали не только агрономы, химики и архитекторы, но и купцы, промышленники и учителя. Ф.И.Избер обратился к российским предпринимателям с просьбой, «чтобы вы, подобно болгарам, сербам и хорватам, при недостатке домашних сил, не забывали своих братьев-славян – чехов (самого образованного племени в Австрийской империи), которые начинают усердно изучать язык могучего русского народа, желая предложить вам свои услуги и служить вам честно, *которые, не зная русского языка и не желая его знать, уже по одному этому, не могут принести никакой пользы русскому народу*»⁴⁰.

Автор предлагал всем желающим воспользоваться его предложением и обратиться с конкретными запросами о работе в России к его доверенным лицам в Праге. Интерес вызывает и комментарий редакции «Земледельческой газеты»: «Сообщая это письмо, мы... просим читателей “Земледельческой газеты” обратить на него особенное внимание. Наши хозяева до сих пор имели возможность нанимать управителей и техников преимущественно из немцев и поляков. Поляки... никогда не

могли сблизиться с русским народом и... сочувствовать русскому простолюдину... Что касается... немцев, то они пользовались, кажется, еще меньшею популярностью. Такие взаимные отношения... работников и распорядителей... не могли быть полезны для материальных выгод наших владельцев... Предлагаемые услуги славян-чехов дают повод ожидать совершенно других результатов... У западных славян нет тех резких сословных отличий, которые отделяют образованные классы русских, поляков и немцев... от массы народа... О славянах-чехах надобно сказать, что они стоят впереди славянской национальности и дали лучших представителей по всем отраслям наук и лучших политических деятелей, отличающихся высшею гражданскою честностью... можно быть уверенным, что славяне-чехи, вступив на службу наших предпринимателей... сделаются близки русскому простолюдину, поймут его интересы и не будут пользоваться его бессилием и невежеством»⁴¹. В конце статьи содержался призыв к российским предпринимателям воспользоваться услугами опытных чешских специалистов «в нашей сельской промышленности».

Какое же практическое развитие получила эта идея? Письмо Ф.И.Избера встретило живой отклик среди многих землевладельцев Центрально-Нечерноземной России, и особенно — у помещиков-рационализаторов. 3 марта 1866 г. Московское общество сельского хозяйства избирает особую комиссию «для разработки вопроса по переселению чехов из Богемии в Россию»⁴². В центре внимания комиссии оказались Московская и «смежные с нею» губернии Нечерноземного Центра; кроме того, ей была придана «роль посредничества между землевладельцами и чехами».

Между тем, интерес российских землевладельцев к чешским работникам все более усиливался. В ответ на публикацию в «Московских ведомостях» от 21 марта 1868 г. (№ 62) заметки о переселении чехов в Россию в Московское общество сельского хозяйства поступили десятки писем от землевладельцев различных губерний. Подавляющее большинство их было отправлено в Прагу и, к сожалению, не сохранились в фонде

МОСХ в Центральном государственном архиве г. Москвы, однако часть писем (не отправленных по различным причинам) осталась. Можно отметить содержательные письма помещиков Московской, Тверской, Смоленской, Владимирской и Вологодской губерний⁴³. В них, как правило, подробнейшим образом описывались природно-климатические условия отдельных уездов, условия ведения хозяйства и торговой деятельности, цены на товары и продукты. Вся эта информация должна была максимально облегчить чешским переселенцам их культурно-хозяйственную адаптацию в средней России. Особое внимание обращалось на «выгоды» от той или иной хозяйственной деятельности⁴⁴.

В самой Чехии внимание к проблеме возможного переселения в Россию также долгое время не угасало. В значительной степени это обстоятельство было связано с трудностями национально-культурной самореализации чешского населения в условиях жесткой бюрократической диктатуры империи Габсбургов. В данной ситуации переселение в Россию рассматривалось наиболее активной, «пассионарной» частью чешского населения в качестве более желанной альтернативы эмиграции в Америку. Поэтому неудивительно, что интерес к России в качестве «второй родины» активно поддерживался и некоторыми общественно-политическими кругами Богемии, и чешскими специалистами-аграрниками⁴⁵.

Между тем, российские помещики-рационализаторы, взявшие в свои руки основные рычаги решения этой проблемы, были отнюдь не склонны участвовать в какой-либо политической игре. Они смотрели на дело сугубо прагматически. 2 мая 1867 г. на заседании МОСХ была избрана Комиссия по переселению чехов в Россию. В ее состав вошли известные рационализаторы А.В.Верецагин, гр. К.К.Толль, Д.Д.Голохвастов и др. Как отмечалось на заседании комиссии, «такое переселение предполагает в чешских эмигрантах людей зажиточных, могущих приложить свой капитал на обработку заарендованной, или купленной ими земли»⁴⁶. Однако на заседании комиссии 20 мая того же года, в котором участвовали и специалисты из

Богемии, доктор Ригер, выражая мнение чешской стороны, отрицал возможность переселения чешских работников в Россию «на правах аренды», мотивируя это тем, что «арендные отношения необычны в Чехии» и «будут переселяться небогатые люди, которые лишены духа предприимчивости»⁴⁷.

Большой интерес вызывают также материалы, обнаруженные автором настоящей работы в фонде МОСХ и содержащие обширные сведения для путеводителя чешских переселенцев в России (1869 г.)⁴⁸. Они ярко показывают, что российские помещики-рационализаторы хорошо осознавали возможные трудности, с которыми предстоит столкнуться в России чешским работникам и специалистам, и пытались сделать все возможное для того, чтобы максимально облегчить их будущую культурную, социальную и хозяйственно-бытовую адаптацию к условиям Центрально-Нечерноземной России⁴⁹. Особое внимание обращалось на следующие разделы путеводителя: «В какие местности России и какого рода переселенцы нужны нам... Какие ожидают их выгоды и неудобства, что найдут и чем нужно запастись. Чем могли бы заняться в первое время... Об обязанностях и повинностях, лежащих на обывателях»⁵⁰. К сожалению, данными об издании этого путеводителя автор пока не располагает.

Заявлений чешских специалистов с просьбами переселиться в Россию и работать там сохранилось немного. Однако их анализ позволяет сделать вывод, что, в отличие от приезжавших в нашу страну немецких работников, чешские специалисты, как правило, были более квалифицированными, материально обеспеченными, а также обладали гораздо более обширной и «реалистичной» информацией и о России в целом, и о той местности, в которой им предстояло работать и жить⁵¹.

В 1870 г. было опубликовано обширное извлечение из доклада Комиссии по переселению чехов в Россию. Члены комиссии прежде всего четко отделили политическую сторону этой проблемы от «чисто-экономической»: хозяйственные интересы российских землевладельцев были признаны приоритетными⁵². В то же время, была подчеркнута необходимость «ограждения

сельскохозяйственного быта русских землевладельцев от наплыва к нам чужестранного, хотя и единоплеменного, пролетариата»⁵³, что свидетельствовало о стойкости ряда традиционных помещичьих стереотипов, характерных еще для «закрытого», «самодостаточного» общества феодальной эпохи. Предлагались и конкретные меры для организации переселений. Однако очень скоро в ходе бесед с видными деятелями чешского общества выяснилось, что идею переселения в Россию поддерживают лишь немногие из них. Помимо различий в области экономического и общественного быта двух народов, массовому переселению препятствовала и боязнь репрессий со стороны австрийского правительства⁵⁴.

В то же время, и в России, и в Чехии идея переселения вызвала самый живой общественный резонанс. Наиболее активно желание переехать в нашу страну выражали богемские ремесленники; мелкие и средние землевладельцы проявляли большую осторожность.

Российские землевладельцы откликнулись многочисленными предложениями о продаже и аренде своих земельных участков чешским эмигрантам. В итоге процесс переселения все же произошел, однако большая часть чешских специалистов выбрала полем своей жизни и деятельности не центральные, а южные губернии России, а также Кавказ⁵⁵.

Вместе с тем, прибывающие в Россию чехи-агрономы при помощи МОСХ быстро подыскивали себе места в различных помещичьих имениях Центрального Нечерноземья.

Поскольку они, как правило, не знали русского языка, их адаптация происходила постепенно, встречая многочисленные трудности (так, русские помещики нередко не желали ждать, рассчитывая на быстрые хозяйственные результаты).

В целом же, по признанию российских специалистов и самих землевладельцев, идея переселения чешских работников в Центральную Россию также явно не оправдала возлагаемых на нее надежд. «Выписка иностранных рабочих вызвана была освобождением крестьян, — отмечала в 1870 г. «Земледельческая газета». — Владельцы, как только почувствовали недостаток в

рабочих руках, обратились к этой мысли»⁵⁶. Однако по указанным выше причинам, а также ввиду «дороговизны» чешских работников, организовать их массовое переселение так и не удалось.

Вместе с тем, использование на практике труда иностранных наемных работников в определенной степени стимулировало внимание отечественных помещиков-рационализаторов и ученых к русскому крестьянину средней полосы, его трудовым качествам, особенностям хозяйственной психологии. «Да, русские фермеры и арендаторы – вот на кого должны преимущественно рассчитывать русские землевладельцы, а иностранцы – самую сущность дела – обречены в настоящем деле играть роль парадного исключения, – “провидчески” отмечалось уже в самом начале так называемой “колонизации”. – Русское сельское хозяйство... должно главнейше существовать русскими же средствами, а никак не выписными... Итак, – выводилось “резюме”, – ищите средства для исправления дела не вне, а внутри»⁵⁷. Реальный же путь для решения этой задачи был один – тщательное изучение хозяйственных условий отдельных уездов и губерний Центрально-Нечерноземной России и особенностей традиционного культурно-хозяйственного быта местного сельского населения, поиск тех методов, которые могли бы убедить его в преимуществах нового, рационального хозяйствования, отвечающего потребностям буржуазной эпохи. Опыт использования труда немецких и чешских работников 60-70-х гг. XIX в., многие из которых так и не сумели адаптироваться к условиям средней России, убедительно показал исключительную важность не только хозяйственных, но и социокультурных факторов как для налаживания рыночного рационального хозяйства, так и для нелегкого, крайне необходимого для нашей страны процесса взаимопонимания представителей различных сословий и кругов сельской России, их объединения на почве совместных задач по развитию аграрной отрасли экономики.

- ¹ См. также: *Козлов С.А.* Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). М., 2002. С. 77-134, и др.
- ² Там же. С. 80, 119-128, и др. Отметим при этом значительную роль деятельности рационализаторов и ученых дореформенной эпохи в преодолении отмеченных негативных тенденций. См.: Там же. С. 260-383.
- ³ *Добровольский В.* Несколько слов по поводу предстоящих реформ в русских хозяйствах // *Сельское хозяйство*. 1861. № 6. Ч. 2. С. 99. (В дальнейшем – СХ).
- ⁴ Там же.
- ⁵ Уничтожение крепостного состояния // *Земледельческая газета*. 1862. 6 января (№ 1). С. 12. (В дальнейшем – ЗГ).
- ⁶ Там же.
- ⁷ См., напр.: О хранении сельских имуществ // СХ. 1861. № 1. Ч. 2. Отд. V. С. 5-6 и др.; *Ульянов И.* Одна из настоятельных потребностей по хозяйству // ЗГ. 1868. 6 января (№ 1). С. 7-8.
- ⁸ Записки дилетанта в земледелии, промышленности и торговле. СПб., 1861. С. 19-20.
- ⁹ Хроника колонизации // *Журнал Министерства государственных имуществ*. 1862. № 5. С. 18. (В дальнейшем – ЖМГИ).
- ¹⁰ Подробнее см.: *Козлов С.А.* Аграрные традиции и новации... С. 195-213; *Он же.* Проблема немецкого «ratio» и русского «авось» на страницах отечественной печати дореформенной эпохи // *Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия*. Вып. 1. М., 2000. С. 165-191.
- ¹¹ *Филипеус К.* Об участии русских обществ сельского хозяйства в деле выписки иностранных рабочих и машин // СХ. 1861. № 12. Ч. 1. Отд. II. С. 121, 123.
- ¹² Контора комиссионерства в Дрездене для приискания в Россию работников, арендаторов и проч. // Там же. 1862. № 8. С. 55.
- ¹³ Там же. Подробнее о «комиссионерстве» см.: *Б.Ф.* Еще о выписке рабочих из-за границы // ЖМГИ. 1862. № 4. Отд. V. С. 281-288.
- ¹⁴ Контора комиссионерства в Дрездене... С. 58. Особенно важным моментом являлось отношение к собственности. См. также: *Яхиин О.Ю.* Собственность в менталитете русских крестьян // *Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.)*. М., 1996. С. 92-105.
- ¹⁵ *Савостьянов П.И.* О выписке иностранных работников в Россию // СХ. 1861. № 4. Отд. II. С. 32.

- ¹⁶ Там же. Образец типового контракта с немецким работником см.: Там же. С. 32-35.
- ¹⁷ Там же. С. 33.
- ¹⁸ Там же. С. 34.
- ¹⁹ Дополнения к предыдущей статье // ЖМГИ. 1862. № 4. Отд. V. С. 311.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 311-312.
- ²² Там же. С. 312.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Предостережение сельским хозяевам по найму рабочих за границей // Там же. № 7. С. 22.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. С. 23.
- ²⁹ Б.Ф. Указ. соч. С. 299.
- ³⁰ Дополнения к предыдущей статье. С. 311-312.
- ³¹ Там же. С. 312.
- ³² Флейшман К. Взгляд американца на русское сельское хозяйство // СХ. 1861. № 2. Ч. II. С. 48.
- ³³ Б.Ф. Указ. соч. С. 305-306.
- ³⁴ Там же. С. 306.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ В то же время необходимо отметить, что ряд других направлений использования богатейшего хозяйственного опыта Германии в Центрально-Нечерноземной России оказался гораздо более успешным. Во второй половине XIX в. в нашей стране публикуется большое количество переводных трудов известных немецких специалистов-аграрников и ученых; на страницах экономических изданий пропагандируется передовой аграрный опыт различных регионов Германии. Наконец, успешно и достаточно эффективно используются в сельском хозяйстве рассматриваемого региона и новейшие немецкие производственные навыки, в т.ч. в области маслоделия и рационального молочного хозяйства. – См., напр.: Школа маслоделия г-жи Буман в г. Вологодской // ЗГ. 1882. № 4. С. 65-66.
- ³⁹ Избер Ф.И. Письмо к сельским хозяевам (помещикам), купцам, фабрикантам, промышленникам и т.д. в Российской империи // ЗГ. 1862. 20 января ((№ 3). С. 46-47.

- ⁴⁰ Там же. С. 47.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Центральный исторический архив г. Москвы. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3886. Л. 1. (В дальнейшем – ЦИАМ).
- ⁴³ Подробнее см.: Там же. Л. 1-4об, 10-16, 20-25, 33-34об.
- ⁴⁴ См., напр., письмо помещика Московской губ. Г.А.Кукина: Там же. Л. 3-4.
- ⁴⁵ См.: Взгляд иностранца на нынешнее положение сельского хозяйства в России: Публичные лекции, читанные в аудитории Императорского Харьковского университета секретарем общества сельского хозяйства в Чехии, Ф.Гейдуком. Харьков, 1866 // ЗГ. 1866. 30 июля (№ 31). С. 488-490. Особое внимание Ф.Гейдук обращал в своих лекциях на трудовые качества и культурно-психологический облик русского работника. См.: Сельское хозяйство и сельские рабочие в России и за границей // Там же. 13 августа (№ 33). С. 517-521.
- ⁴⁶ ЦИАМ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3890. Л. 2, 57-57 об.
- ⁴⁷ Там же. Л. 4.
- ⁴⁸ См.: Там же. Д. 3896. Л. 1-6.
- ⁴⁹ Материалы, которые предполагалось включить в состав путеводителя, содержали обширную информацию об особенностях государственно-политического и административного устройства России, ее культуре, хозяйственной и торговой жизни (применительно к отдельным группам губерний), а также законодательству. См. также законодательные акты 60-х гг. XIX в. «О правилах для найма землевладельцами иностранных рабочих и водворения сих последних в России» (Там же. Д. 3892. Л. 1-11).
- ⁵⁰ Там же. Д. 3896. Л. 3.
- ⁵¹ См., напр., письмо Йозефа Штеффла из Праги к графу К.К.Толлю от 12 ноября 1868 г.: Там же. Л. 5-6об.
- ⁵² Из доклада комиссии, учрежденной при Московском обществе сельского хозяйства, по делу водворения в России чешских эмигрантов // ЗГ. 1870. 3 января (№ 1). С. 11.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Последнее не препятствовало переселению чехов в Америку, но всячески стремилось не допустить их эмиграцию в Россию (Там же. С. 12).
- ⁵⁵ Там же. С. 13.
- ⁵⁶ Выписка рабочих из-за границы // Там же. 31 марта (№ 13). С. 203.
- ⁵⁷ Где и как мы должны преимущественно искать арендаторов и фермеров // ЖМГИ. 1862. № 8. С. 38. При этом определяющим нередко был именно материальный фактор: иностранный работник зачастую обходился на 25% дороже русского работника. См.: Выписка рабочих из-за границы... С. 204.

ЗАПАДНАЯ И РОССИЙСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ГЕРАЛЬДИКА: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Традиционно геральдику относят к вспомогательным историческим дисциплинам. В данной работе мы охарактеризуем одну из областей «живой геральдики» – геральдику церковную, до сих пор сохраняющую свое практическое значение.

По своему происхождению западная церковная геральдика ненамного младше геральдики родовой. В западной геральдической традиции давно сложилась система гербов церковнослужителей разного ранга. Не отстали от католиков и протестантов и некоторые восточные Церкви, также имеющие в той или иной степени оформившуюся систему гербов. Русская Православная Церковь только начинает обретать эти геральдические эмблемы, при том, что патриарх Никон пытался когда-то ввести гербы для духовенства. Наша авторская научно-обоснованная концепция церковной геральдики для Русской Православной Церкви и лежит в основе происходящих геральдических нововведений.

Несмотря на свое рыцарское происхождение, гербы были приняты и иерархами Римско-католической Церкви. Прежде всего это было связано с тем, что они, как и светские сеньоры, являлись феодальными владельцами определенных территорий и церковных корпораций (епархий, капитулов, аббатств, монашеских орденов). На рубеже XIII-XIV вв. гербы «оторвались» от жесткой земельной привязки. Из рук монарха или просто по закону, в силу исполнения тех или иных функций, гербы получали и лица, не имевшие феодальных земельных владений. В это же время распространились и гербы церковной знати. В их числе были как родовые гербы представителей духовенства, так и гербы, произвольно ими принятые. Такое присвоение создавало ряд правовых проблем, а при использовании гербов возникали и препятствия этического характера.

В отличие от светской геральдики, церковный герб можно было получить: 1) состоя в церковном объединении (ордене, братстве, обществе); 2) будучи возведенным в церковный сан; 3) гербы в особых случаях жаловались самим Римским папой. В жалование церковных гербов не вмешивались даже королевские власти, и таким образом, выбор герба при получении церковного сана прежде всего предоставлялся самому носителю герба.

В связи с «военным» происхождением гербов, их использование духовенством первоначально вызывало протесты общественного мнения, т.к. гербы составляли элемент вооружения, а употребление оружия духовенству было запрещено под страхом отлучения от церкви. «Clerici arma portantes excommunicantur» – гласили синодальные статуты, а юридические акты прямо запрещали духовенству участвовать в боях и турнирах. В течение многих веков использование гербов священнослужителями и их форма регулировались только сложившимися обычаями.

Гербы некоторых высших церковных иерархов (архиепископов, епископов, аббатов и др.) имели свои особые знаки власти, добавлявшиеся иногда к церковным знакам и фигурам на родовых (личных) гербах – щит рассекался вдвое или четверялся. Последнее правило не существовало как обязательное, однако таким образом решалась эстетическая сторона вопроса и щиту придавалось особое изящество.

Было лишь одно обязательное условие – непосредственно церковный герб располагается или в первое поле рассеченного щита, или в первом и четвертом полях пересеченно-рассеченного (четверочастного) щита, в то время как родовой (личный) герб – во втором поле рассеченного или во втором и третьем четверочастного. Некоторые прелаты помещают знак своей власти во главу родового щита или в малый щиток.

Многие геральдисты отмечают, что церковные гербы не имеют как такового ни шлема, ни клейнода, потому что их носители не участвовали непосредственно в боях. Однако час-

то церковные гербы объединялись с гербами, имевшими как шлем, так и клейнод. Вполне естественно, что именно родовые гербы дополнялись церковными атрибутами, но не наоборот, ибо церковные гербы фактически исключали употребление клейнода. Так, пражский архиепископ Карл (1606-1612) использовал два родовых шлема. Литоморицкий епископ Иоганн Фердинанд Киндерманн Риттер фон Шульштейн (1790-1801), а также карловградский епископ Богумир Копун (1698-1701), поместили в свои церковные гербы шлем с клейнодом.

В XVII в. было признано необходимым отражение в гербе церковной функции и ранга его владельца, и с этого времени Римские папы и церковные Конгрегации (органы управления католической Церковью) начали издавать законодательные акты с целью регуляции литургических и иерархических знаков сана и ранга, используемых в качестве геральдических элементов в гербах духовенства. При этом церковные власти были заинтересованы в том, чтобы противодействовать злоупотреблениям в практике создания и использования гербов.

Первый геральдический закон католической Церкви под названием «Воины Церкви» («*Militantis Ecclesiae*») был издан 19 декабря 1664 г. папой Иннокентием X. Это постановление, действие которого папой Бенедиктом XV в 1915 г. было распространено на епископов и дополнено в 1951 г. папой Пием XII, предписывало кардиналам исключить из гербов короны и другие светские символы и использовать вместо них красную кардинальскую шляпу. Под страхом отлучения от церкви скульпторам, художникам и кому бы то ни было запрещалось ваять, рисовать или поручать кому-то ваять или рисовать в гербах духовных лиц короны и другие запрещенные теперь духовенству знаки. Эта угроза отлучения, которая так и не смогла предотвратить злоупотребления, позже была отменена.

27 сентября 1669 г. папа Александр VII установил 21 правило, призванное предотвратить злоупотребления знаками и символами церковного сана (прежде всего в одежде). Прави-

до 8 обязывает низших прелатов также помещать в своих гербах белый веллум, прикрепленный к пастырскому посоху. Впрочем, после многих напоминаний данное требование было отменено, так как прелаты этот обычай не приняли.

Позже последовали и другие постановления. Так, 13 декабря 1818 г. папа Пий VII в постановлении «Cum innumeri» («С бесчисленными...») напомнил, что почетные и титулярные протонотарии римской курии могут помещать в своих гербах только черную шапку с кистями. 9 февраля 1832 г. римская Конгрегация по делам церемониала определила, что число кистей геральдической кардинальской шапки должно быть по пятнадцать с каждой стороны. В постановлении «Inter multiplices curas» («В числе многих забот») 25 февраля 1905 г. папа Пий X определил привилегии апостольских протонотариев, придворных папских прелатов и т.п. 15 января 1915 г. папа Бенедикт XV подтвердил упоминавшееся выше постановление Иннокентия X об отмене корон и других знаков светских рангов, распространив это правило и на епископов. В 1951 г. папа Пий XII подтвердил декрет Конгрегации консистории, который отменил знаки дворянского достоинства и титулов, присвоенные прежде тем или иным столицам епархий. И, наконец, инструкция папского Государственного секретариата 31 марта 1969 г. разрешила кардиналам и епископам использовать родовые гербы, исключив при этом из числа эмблем католической церковной геральдики митру и посох (пастораль).

Знаками власти, сана, должности, занимаемой в Римско-католической Церкви, являются инсигнии – знаки власти, должности, принимаемые по примеру светских лиц. Светские гербовладельцы украшали свои гербовые щиты шлемами, коронами, мантиями, жезлами и другими знаками власти и достоинства, духовные же лица помещали в своих гербах религиозные символы, чаще всего имеющие литургическое значение, а также шапку паломника, посох пилигрима и т.п.

Церковная геральдика располагает довольно богатым набором инсигниев. В гербах духовенства, где нет ни шлема, ни

клеинода, над щитом помещают тиары, кресты, митры, жезлы, а иногда мечи или княжеские короны и пр. Символика их следующая.

Тиара – торжественный головной убор римских пап (упразднен папой Павлом VI и остался только на гербах). Три короны, которыми она украшена, символизируют Св. Троицу, тройную власть папы – власть первосвященника, царя и пророка, три функции папы – священнослужителя, пастыря и учителя, а также Церковь воинствующую, кающуюся и торжествующую.

Ключи Апостола Петра – золотой и серебряный – символизируют две области папской власти в соответствии со словами Христа, даровавшего своим апостолам и их преемникам право «вязать» (осуждать за грехи) – это символизирует золотой ключ и «разрешать» (отпускать грехи кающимся грешникам) – это символизирует серебряный ключ.

Крест (обычно золотой) бывает размещен над верхним краем щита священнослужителей. Большой крест, который на процессиях несут перед Римским папой и его легатами (послами), с XIV в. является геральдическим знаком патриархов и архиепископов, которые с XVII в. стали употреблять в гербах более сложный, двойной крест с шестью концами (т.н. «патриарший»). В епископских гербах он имеет одну перекладину (т.н. «латинский»). Крест полагается помещать в гербах епископов, а также папских легатов, даже тех, которые епископами еще не являются, но имеют право на этот знак, как представители папы Римского. Крест символизирует проповедь учения Христа, отрешение от всего личного во имя проповеди Евангелия, т.е. апостольскую миссию.

В верхней части креста – надпись «I.N.R.I.» (т.е. сокращенно – «Iesus Nazareus Rex Iudaeorum», что означает «Иисус Назаретянин, Царь Иудейский»), помещенная Понтием Пилатом над головой распятого Христа. Некоторые авторы упоминают, что епископы использовали двухперекладинный крест, а архиепископы – трехперекладинный, но у нас нет достаточных оснований это утверждать.

Жезл (посох, пастораль) – символ власти епископа. Обычно расположен на левой стороне щита. Это длинный ровный посох (как правило, серебряный), наверху завитый особым образом и украшенный золотом и драгоценными камнями. Прямой ствол посоха символизирует силу власти и обязанность поддерживать слабых, острый конец – обязанность побуждать ленивых в вере и уклоняющихся от Христа, витое навершие – милосердие, привлекающее грешников к раскаянию и помогающее заблудшим.

Раньше духовные государственные мужи (прелаты Германской Империи) имели в гербе жезл, скрещенный с мечом как знак уголовного права. Жезл архиепископа и епископа по правилу закручен наружу, у аббатов же и у других священников, не ставших епископами, но имевших право на понтификалии, жезл закручен внутрь.

К жезлу аббатов, приоров, настоятелей монастырей прикреплялся еще кусок шелка или материи (т.н. судариум или веллум), позволявший священнику вытирать пот с рук. У епископов и высших иерархов веллум отсутствовал, ибо имелось церемониальное предписание об употреблении ими рукавиц.

В восточных христианских Церквях жезл имеет навершие в форме буквы «Т». Этот жезл, по-гречески «диканикион», венчают две змеи, поддерживающие увенчанный крестом шар. Он напоминает по форме кадуцей – атрибут греческого бога Гермеса, у римлян – Меркурия (напомним, что и Апостола Павла во время его проповеди в Листре называли Гермесом. Может быть, это объясняет символику жезла).

Дошедшие до нас исторические сведения указывают на то, что на западе жезл, как символ епископской власти, употреблялся раньше, чем на востоке. Так, письмо папы Целестина к епископам Галлии (V в.) подтверждает употребление жезла в то время в западной Церкви. О применении жезла в восточной Церкви первое указание встречается в несторианском чине епископского рукоположения (VI-IX вв.). Вначале форма жез-

ла была в виде пастушеского посоха, с загнутым вниз верхним концом. Затем, чтобы отличить жезл патриарха от жезлов епископа и игумена, первый стали делать двурогим, в виде якоря. Жезлы этой формы употреблялись как в древнегреческой, так и в древнерусской Церквях. Таков, например, посох, подаренный царем Михаилом Феодоровичем в смоленский Успенский собор.

С XVI в. на востоке и с XVII в. в России входит в употребление жезл, верхний конец которого был не в форме якоря, а в форме двух змей, обращенных друг к другу, чем наглядно выражалась мысль о мудрости архипастырского правления. Особенность жезла русской церкви состоит в том, что он снабжен т.н. «сулком», которого нет у жезла греческого. Сулок представляет собой два вложенных один в другой небольших платка, стягивающиеся шнуром у поперечины жезла. Вероятно, сулок введен в русской церкви в силу климатических условий. Во время сильных морозов при крестных ходах невозможно держать железный жезл незащищенной рукой, поэтому верхний платок сулка предназначен предохранять руку от наружного холода, а внутренний — от прикосновения к металлу.

Кроме епископов, право ношения жезлов предоставлено еще архимандритам и игуменам. В отличие от архимандричьего, епископский жезл по всей длине имел «яблоки» или шипы, однако с начала XIX в. они идентичны. Жезл игумена представляет собой обыкновенную палку из черного дерева, с небольшой поперечной перекладной наверху. В древнее время в греческой Церкви право вручения жезла было предоставлено Императору. Этот же обычай был заимствован оттуда и в Россию; русские цари вручали жезл митрополитам, а с введением патриаршества — патриархам, а эти последние — епископам. С 1725 г. Синод возложил обязанность вручения посоха на первенствующего при хиротонии епископа, причем само вручение происходит после литургии на архиерейской кафедре, посредине храма¹.

Жезл архиерей приемлет в знак своей власти над подчиненными и в знак законного управления овцами Христовыми,

что доказывает и молитва, читаемая при первоначальном его вручении. Такой жезл не без причины называется у греков «пантерисса», в знак отеческого управления паствой. Симеон Солунский пишет: «Жезл, который держит архиерей, означает власть Духа, утверждение и пасение людей, силу путеводить, непокоряющихся наказывать и находящихся далече собирать к себе. Посему у жезла и находятся рукоятки (рожки сверх жезла), как якоря, чтобы можно было прогонять людей зверовидных и губительных. И над теми рукоятками крест Христов означает победу; ибо крестом мы и побеждаем и утверждаемся, путеводимся и пасемся, запечатлеваемся, детоводимся и, умертвивши страсти, привлекаемся ко Христу, а противников прогоняем и отовсюду соблюдаемся»².

Митра (*infula*) – головной убор, напоминающий головные уборы жрецов в библейские времена. Составляющие ее два сферических треугольника символизируют два Завета – Ветхий и Новый.

Митра обычно размещалась на геральдической правой стороне над верхней гранью щита и заменяла собой дворянскую корону. Вначале она располагалась ниже, позже – чуть выше. Из нее выходили две серебряные или золотые ленты (т.н. фимбрии), подбитые червленью, с золотой тесьмой по краю и золотой бахромой на концах, которые развеваются в виде узоров. Митра употреблялась либо серебряная, либо золотая, с внешней стороны украшенная вышивкой или драгоценными камнями. Ее подбой был червленым.

Митры подразделялись на:

1. Кардинальские.
2. Патриаршие.
3. Архиепископские, епископские, аббатские, прелатские.

Митра служила знаком власти или сана. В христианских Церквях византийского обряда используется другая митра, напоминающая по форме княжескую шапку.

Своеобразным украшением церковных гербов остаются клобуки (церковные шапки). Ввел их папа Иннокентий IV

(1243-1254) на Лионском соборе 1245 г. В качестве геральдического знака клобук повсеместно распространился позже, в XIV в. (о его существовании вспоминает Бернардус де Росерджио). Сначала церковная шапка использовалась в качестве особого знака, присвоенного кардиналам-легатам (так постановил Лионский собор). Позже право на нее получили кардиналы-епископы, а папа Григорий XIV в 1591 г. пожаловал его также кардиналам, принадлежавшим к монашеским орденам.

Клобук в западной церковной геральдике — это плоская шляпа с широкими полями, со свисающими по обеим сторонам протянутыми шнурами. Они украшены узлами и соединяющимися с ними кистями и как бы прикрывают щит. Использование узлов и кистей восходит к XIV в. По количеству узлов можно было определить духовный сан владельца герба. Так, кардиналы имели пять узлов с каждой стороны, архиепископы — четыре, епископы — три, кафедральные протоиереи и настоятели аббатств — по два, а князья с правом власти (судебного права) — по одному узлу на каждой стороне. Этот принцип, однако, не прижился и не был широко использован.

Долгим был путь развития целой системы (постепенно вводимой практически с 1832 г., но принятой только недавно) в употреблении клобуков со шнурами и кистями, их цветов, числа и точного расположения согласно месту их носителей в церковной иерархии. При подсчете кистей не учитываются кисти, находящиеся на другом конце шнура над клобуком, — они служат лишь для его украшения и закрепления самого шнура.

В принципе, теперь церковная шапка полагается всем лицам, принявшим священнический сан, и играет роль ранговой короны у светских лиц. Цвет этой шапки и количество кистей обозначают должность, занимаемую в церковной иерархии. Красный цвет кардинальской шапки символизирует готовность пролить кровь за Евангелие, зеленый у архиепископов — укрепление и распространение учения Христа, фиолетовый у епископов — достоинство, черный — скромность, серьезность.

Княжеские короны встречались у тех архиепископств и епископств, чьи кафедры были соединены с княжеским титулом (князь-архиепископ, князь-епископ). Примером может служить Пражское Архиепископство. Однако в 1950 г. все княжеские титулы были упразднены. Меч же по традиции встречается на гербах у архиепископов оломоуцких.

Кроме креста, который тоже прежде украшал гербы высшего католического духовенства, жезл, митра, меч и княжеская корона с них исчезли, на основании папского указа об упрощении церковных гербов, изданного 31 марта 1969 г. папой Павлом VI (1963-1978) и вступившего в силу 13 апреля того же года. Крест, митру и жезл впредь стали использовать сановники англиканской церкви и некоторых других протестанских церквей, а их геральдическая система многое заимствовала от прежних геральдических методов Римско-католической Церкви.

Паллиум – надеваемое через голову своеобразное ожерелье из ткани – узкой белой шерстяной ленты, спереди и сзади которого свешиваются две такие же ленты, подшитые черным шелком. Паллиум украшен шестью черными шелковыми крестиками (по одному на свисающих концах и четыре на ожерелье). Шерстяная ткань паллиума символизирует аскетизм, белый цвет означает доброту; наброшенный на плечи, он символизирует богобоязненность, с которой носящий его должен исполнять свои функции, две свисающие ленты – жизнь деятельную и созерцательную, кресты – то, что свою миссию его носитель должен исполнять только с помощью креста. В восточных христианских Церквях паллиуму соответствует омофор, имеющий вид ленты, украшенной крестами.

Кратко познакомившись с символикой инсигний, перейдем к принципам их использования.

В западной церковной геральдике выделяют в целом три основные группы гербов: а) личные гербы собственно духовных особ; б) гербы духовных церковных институтов (архиепископств, епископств, духовных и рыцарских орденов, мона-

стырей, приходов и т.п.); в) гербы территориальных церковных формирований (архиепископств, епископств, викариатств, благочиний, монастырей, приходов и т.п.).

Рассмотрим подробнее некоторые из них.

Гербы епископств и архиепископств обозначают место резиденций церковных епархий. Таким образом различают архиепископов и епископов с резиденцией и титулярных епископов (рукоположенных без места, имеющих титул без епархии). Родовые или особые гербы архиепископов и епископов образовывали комбинации с гербами епархий различными способами, наиболее часто – счетверением щита (рассечением и пересечением). Если же архиепископ или епископ вместе с тем был еще и кардиналом, употреблялся червлёный клобук с пятнадцатью кистями с каждой стороны, а его достоинство определялось по кресту. Наистарейшим подобным гербом является золотое бревно в черном щите Пражского архиепископства.

Гербы коллегиальных капитулов, митрополичьих капитулов, костелов и приходских храмов в большинстве своем создавались либо людьми, которыми строился и освящался храм, либо теми, в честь чьих Святых храм получал название. Гербы приходских управлений – новое веяние в западной церковной геральдике. Они появились лишь в XIX в., причем далеко не всякое приходское управление имеет и использует герб.

В гербах духовных орденов и их монастырей и подворий ситуация несколько сложнее. Монастыри нищенствующих орденов и младших конгрегаций не имели своих собственных гербов и использовали гербы сообщества (такие ордена, как доминиканцы, францисканцы, кармелианиты, августинианцы и др.). Наоборот, монастыри некоторых орденов (бенедиктинцев, премонстратов, сестерцианцев и др.), представители которых заседали в земском парламенте, имели самостоятельные гербы. В этих геральдических символах очень часто встречались фигуры из гербов основателей самих монастырей. Так, например, чешский монастырь премонстратов в Тепле использовал на гербе три пары оленьих рогов, в память о благословенном

Хрознате. Подобный случай встречается и во второй части гербового щита монастыря в Вышнем Броде, в который помещена розенбергская роза; в гербе монастыря в Осеке – грабли панов из Осока.

Рыцарские ордена имели в большинстве своем на щите крест: серебряный мальтийский в червленом поле (Мальтийский орден), червленый костыльный в серебряном поле (орден Гроба Господня), лилового цвета (Тевтонский орден немецких рыцарей), либо в черном поле червленый мальтийский крест, внизу сопровождаемый червленной звездой (орден крестоносцев с красной звездой). Рыцарские ордена, как правило, не употребляли ни шлема, ни клейнода, ни мантии, ни короны на гербах, только лишь орденские украшения и девиз, а иногда и щитодержателей.

Весьма любопытны гербы подданных духовных рыцарских орденов, присоединивших к своим гербам и символы орденов. Так, вельможа рыцарского ордена использовал в первой и четвертой частях четверочастного щита знак ордена, а во второй и третьей – родовой герб. Щит был окружен рядовыми рыцарями-щитодержателями, и все это располагалось на мантии. Большинство рядовых рыцарей помещало знак ордена во главу родового герба. В XVII-XVIII вв. вошло в моду подкладывать под родовой щит орденский крест (наибольшее распространение это получило у мальтийских рыцарей).

Стоит сказать отдельно о гербах духовных особ эпохи царствования Императора Наполеона Бонапарта. Как известно, он ввел свои принципы построения гербов, просуществовавшие совсем недолго (1808-1815). Свое место в этой системе занимали и гербы духовных лиц. Кардинальский герб традиционно имел червленую шляпу с пятнадцатью кистями с каждой стороны и располагался на червленной, усыпанной золотыми пчелами мантии под короной. Граф архиепископ при такой же червленной шляпе имел щит, увенчанный общей для наполеоновских гербов ранговой шапкой с пятью страусовыми перьями и наметом. Барон епископ использовал зеленую шляпу с

десятью зелеными кистями с каждой стороны. Щит при этом увенчивался шапкой с тремя перьями и наметом, справа от щита располагалась золотая католическая островерхая митра, слева – золотой посох, закрученный наружу.

Манера всей наполеоновской геральдики помещать особые ранговые знаки в сам гербовый щит не обошла и священнослужителей. В их гербах обязательным было наличие у архиепископов в синем вольном поле золотого уширенного креста, у епископов – прямого укороченного в червленом вольном поле³.

Анализ личной церковной геральдики начнем с гербов Римских пап. По статусу Римский папа был выше Императора, а по происхождению некоторые из них были графами (а Стефан IX и Виктор III – сыновьями герцога и князя), однако гербы имели немногие. Скудость материалов заставляет сомневаться в исторической достоверности ряда гербов. С уверенностью можно подтвердить достоверность гербов Александра III и последующих пап, начиная с Иннокентия III.

У некоторых папских гербов необычна форма щита. Он напоминает лошадиную голову (спереди), и если это действительно так, то их заимствовали из рыцарских традиций, когда малые щитки подобной формы клались на голову лошади на рыцарских турнирах. Такое предположение мы высказали в нашей статье «Основы церковной геральдики» в журнале «Гербовед»⁴. Действительно, геральдическими фигурами украшался не только щит и шлем, но и одежда рыцаря, попона коня и иногда конский налобник, однако гербовый щиток занимал весьма незначительное место и вряд ли принимал форму налобника. Геральдист, составлявший эти гербы, взял за основу форму итальянских тарчей – щитов, использовавшихся воинами в разных государствах Италии в XV-XVI вв. Вообще, форма гербовых щитов у духовенства была самой разнообразной – варяжской, итальянской (овальной), английской, закругленной, немецкой и т.д. Строгие гербы средневековья сменили пышные геральдические образцы эпохи Возрождения, им на смену при-

шли вычурные гербы барокко, а их, в свою очередь, вытеснил прагматичный стиль XIX и XX вв.

Геральдические знаки папы Римского с XIV в. – тиара и ключи. Щит положен на два ключа Апостола Петра, над коими возносится занимающая центральное место над щитом папская тиара. Ключи располагаются зубьями вверх, причем они повернуты по направлению от центра щита наружу. Кружевное украшение ушка ключа вырезано в виде орнаментального креста, через который протянут золотой, пурпурный или червлёный шнур с кистями на концах. Правый золотой ключ называется «связывающий», он скошен справа. Левый серебряный носит название «развязывающий» и скошен слева.

Ключи в папских гербах находились сначала в вольной части щита (как и на хоругвях, печатях, монетах), позднее – помещались между щитом и тиарой или по бокам щита, и наконец заняли свое место за ним.

Тиара сделана в виде высокого белого чепца, заканчивающегося державой, с тремя надетыми на него золотыми коронами, которые после понтификата папы Урбана V (1362-1370) символизировали, что тот был суверенным князем, наивысшим судьей и единственным законодателем. Тиара была первоначально в виде чепца без украшений, который папы носили примерно в VII столетии. Кто первый водрузил на этот чепец корону в знак папской власти как светлейшего князя, доподлинно неизвестно. Вероятно, это был папа Александр III (1159-1180), а постоянное ее использование было закреплено уже властью папы Григория IX (1127-1241). Папа Бонифаций VIII (1294-1303) ввел вторую корону, а при папе Клементе V (1305-1314) появилась третья. Из тиары выходят две ленты, как правило, с золотой бахромой (серебро и золото – характерные папские металлы), либо золотого цвета с пурпурной или червлёной бахромой (см. выше).

Первым папой, соединившим тиару со своим родовым гербом, был Иоанн XXII (1316-1334). Прежде папы короновались папской тиарой, и каждый из них имел, как правило, свою соб-

ственную тиару. Последним коронованным папой был Павел VI (1963-1978), который, в ноябре 1963 г. пожертвовал свою тиару бедным. Его последователи и последние два папы Иоанн-Павел I (26.08.-29.09.1978) и Иоанн-Павел II (с 1978 г.) отменили тиару и как знак своего сана приняли паллиум (см. выше). Однако в гербах обоих пап тиара и впредь осталась как традиционный символ папской власти.

Первым папой, у которого доподлинно исторически доказано наличие герба, был Бонифаций VIII (1294-1303). Особенностью папского герба является то, что герб владычествующего папы служит одновременно и гербом Ватикана в течение всего его понтификата (правления). На гербе патриарха Лиссабонского на основании особой папской привилегии с 1716 (по другим источникам, – с 1736) г. в качестве исключения встречалась тиара над подложенными вместо ключей ветвями пальмы и лавра. В 1908 г. они были заменены двойным крестом и пасторалем, но в настоящее время вместо прежних инсигний употребляется кардинальская шапка.

Когда Римский папа умирал, тиара клалась на его гроб в знак прекращения полномочий, которые вместе с ключами принимал кардинал-камергер. С началом так называемой седисвакансии (власть *Sede Apostolica* – из-за упразднения апостольского престола), продолжавшейся между смертью папы и выбором нового, местоблюститель папского престола – кардинал-камергер – украшал свой герб ключами. По аналогии в его гербе появлялся и так называемый базиликальный солнечный зонтик (*ombrellino*, *gonfalone*, *umbrella*). Помещали его над гербом, а ключи располагались на месте тиары. По воле нового папы кардинал-камергер вновь убирал со своего герба зонтик и ключи. Начало использования зонтика в церковной геральдике относят к XV в.

У кардинала герб венчает кардинальская красная шапка с пятнадцатью такими же кистями и шнурами по обеим сторонам шапки. Если кардинал имеет сан патриарха, примаса или

архиепископа, за щитом помещается двойной крест. Если он принадлежит к Мальтийскому ордену или ордену Гроба Господня, то имеет право использовать крест соответствующей формы (мальтийский или иерусалимский).

Патриарху присвоена зеленая шапка, по виду схожая с кардинальской, т.е. с пятнадцатью зелеными кистями на таких же шнурах по обе стороны от нее (часть геральдистов утверждает, что эти кисти должны быть прошиты золотой нитью). Светские знаки достоинства, за исключением мальтийского или иерусалимского крестов, запрещены. За щитом помещен двойной золотой крест. Латинский патриарх Иерусалимский, в качестве Великого магистра ордена Гроба Господня, помещает в гербе червлёный иерусалимский крест в серебряном поле. В гербе патриарха Венеции помещена эмблема Св. Евангелиста Марка — крылатый лев с нимбом, держащий книгу с надписью «*Pax tibi Marce evangelista Meus*» («Мир тебе, Марк, евангелист Мой»).

Герб католического примаса (главы церковной иерархии данной страны) напоминает герб кардинала, но шапка, шнуры и кисти — зеленые, двойной крест — золотой.

Католический архиепископ венчает герб зеленой шапкой с десятью зелеными кистями с каждой стороны на зеленом шнуре, за щитом двойной золотой крест.

Католические митрополиты имеют право помещать в гербе в качестве особого знака палиум (см. выше). Ранее его носили впереди папы по его приказу. Эта привилегия была распространена и на патриархов, а в XX в. — на архиепископов, имевших право на княжеские символы власти. На их гербах палиум обвивал лишь половину щита и шлем, имел четыре креста и лишь один свешивающуюся ленту с черным концом. В геральдике палиум встречается только на протяжении последних двух столетий. Как особый знак отличия он мог быть пожалован и епископам.

Католические епископы помещают герб своей епархии в первой и четвертой частях четверочастного щита (немецкий обычай), в правом поле рассеченного щита (английский обычай) или во главе щита (итальянский обычай).

У епископа за щитом помещается латинский золотой крест. Шапка – зеленая с шестью зелеными кистями. В Италии и Франции иногда вместо такого креста используются митра и жезл, напоминающие старые епископские гербы. Если епископ имеет право использовать паллиум, то также помещает его в герб.

Епископы восточных христианских Церквей используют инсигнии, соответствующие их собственным литургическим традициям: армянские и маронитские – латинскую митру и жезл, коптские, эфиопские, греческие – митру и жезл, характерные для греко-православной литургии.

Прелаты и аббаты «нуллиус» (территорий, выделенных из состава епархий), если они не являются титулярными епископами, используют зеленую шапку с шестью таковыми же кистями, а вместо креста золотой жезл с веллумом. В Италии используется также серебряный жезл без веллума.

Высшие прелаты Римской курии, называемые ди фиочетто (*di fiocchetto*), – вице-камергер, аудитор Римской роты, главный казначей Апостольской казны, апостольский секретарь и другие руководители дикастерий, если они не являются епископами, используют фиолетовую шапку с десятью красными кистями на таком же шнуре. Когда они становятся кардиналами, то имеют право в качестве одного из элементов использовать на щите своего герба папский герб.

Апостольский протонотарий использует в гербе фиолетовую шапку с шестью красными кистями. Титулярный протонотарий и генеральный викарий имеют черную шапку с шестью черными кистями. Домашний капеллан Римского папы – фиолетовую шапку с шестью фиолетовыми кистями.

Камергер и почетный капеллан использует черную шапку с шестью фиолетовыми кистями. Генерал монашеского ордена – черную шапку с шестью черными кистями, но генералу ордена Премонстрантов присвоен белый цвет. Аббаты монастырских общин (орденов) употребляют шапки, шнуры и кисти белого цвета, вельмистр рыцарского ордена крестоносцев с красной звездой – белый клобук с золотой лентой.

Провинциал (глава региональной организации) монашеского ордена использует черную шапку с тремя черными кистями. Инфулат (митрофорный священник) – черную шапку с тремя черными кистями на черном шнуре, под ним помещена так называемая простая (симпекс) инфула, т.е. митра без украшений (этот титул в последнее время вытесняется титулярным протонотарием).

Каноники – члены капитулов, если они не имеют никакого иного почетного титула, например, протонотария, домашнего прелата и др., употребляют черную шапку с тремя такими же кистями. Если капитул получил привилегию использовать митру, и это закреплено в качестве геральдической инсигнии официальным документом Апостольской столицы, то употребляется именно эта инсигния, и тогда каноники не имеют права помещать в гербе шапку.

Приор, гвардиан (привратник монастыря), ректор венчают герб черной шапкой с двумя черными кистями на черном шнуре, за щитом у них – посох паломника. Декан имеет право на черную шапку с двумя черными кистями. Священник использует черную шапку с одной кистью с каждой стороны на черном шнуре. Это касается как настоятелей приходов, так и викариев.

Аббатиса (настоятельница монастыря) помещает за щитом вертикально поставленный жезл, украшенный белым веллумом. На гербе приориссы за щитом располагается посох пилигрима, а щит окружен четками. В гербах монахов и монахинь щит окружен четками.

Если некоторые аббаты имеют под своим покровительством несколько монастырей, на их гербах появляется второй жезл. Примером может служить случай с монастырями сестерцианцев в чешских городах Седлец и Окалин, или с бенедиктинскими монастырями Св. Килиана на Острове (в Давле) и Св. Иоанна под Скалой. В Ракусках использовали в подобных случаях две митры.

В XVII в. гербы аббатств имели овальный щит, подложенный закрученным вправо вертикально поставленным жезлом, продетым через золотую корону над щитом.

Церковные административные органы и корпорации пользуются инсигниями своих начальников. Учреждения Апостольской столицы используют папскую тиару и ключи. В епархиальных учреждениях используется епископская митра, сопровождаемая жезлом и крестом (в архиепископствах – двойным, в епархиях – обычным латинским). В митрополиях добавляется палиум.

Добавим, что использование щитодержателей в церковной геральдике сравнительно редко (к примеру, рыцари-крестоносцы с красной звездой использовали в качестве щитодержателей Св. Константина и Св. Елену), в то время как девиз у каждого обладателя герба был свой (преимущественно на латыни) и выражал или пояснял духовные постулаты. Девизы изменялись от одного духовника к другому, и лишь некоторые духовные рыцарские ордена имели общий девиз. У особ княжеского достоинства встречались гербы, размещенные на мантии и под княжеской короной.

Церковная геральдика всегда составляла единое целое с другими частями геральдики. По той причине, что здесь не соблюдался принцип перехода по наследству, каждый герб не был похож на другой. К таким, казалось бы, нарушениям незыблемых правил надо несколько привыкнуть. Существуют, наконец, и случаи, когда гербы особ церковного достоинства меняются несколько раз в течение жизни, а также и употребляются параллельно в разных вариантах⁵.

Кроме Римско-католической, свои геральдические принципы и правила имели и Лютеранская, и Англиканская Церкви. Однако, все эти правила в большей или меньшей степени близки геральдическим правилам Римско-католической Церкви. В XVI в. христианский Запад пережил период церковных реформ, который принято обозначать терминами «реформация» и «контрреформация». Первая из них относится к протес-

тантским церковным реформам, положившим начало многим христианским общинам.

Сначала следует упомянуть Лютеранскую Церковь. Мартин Лютер признал таинствами только крещение и причастие, отвергая священство, подчеркивая тем самым значение в церкви всех ее членов, т.е. всех верующих. Отсюда в Лютеранской Церкви весьма трудно четко определить область церковной геральдики, т.к. отсутствует разветвленная церковная иерархия. Однако лютеранские общины в различных странах имеют собственную геральдику. Лютеранские епископы украшают митрой и пасторалем (это соответствует первоначальной форме епископских гербов), архиепископы добавляют к этому крест. Духовные лица – пасторы – используют гербы в «светском» варианте.

Орган Скандинавского геральдического общества («Societas Heraldica Scandinavica»), журнал «Heraldisk Tidsskrift» в мартовском номере за 1977 г. наряду с гербами епархий приводит инсигнии, присвоенные церковным чинам. Королевский придворный проповедник использует в гербе черную шапку с шестью лазоревыми кистями на лазоревом или черном шнуре, настоятель собора – черную шапку с тремя черными кистями на черном шнуре, настоятель обычного храма – черную шапку с двумя черными кистями на черном шнуре, пастор – черную шапку с одной черной кистью с каждой стороны.

В Реформатской (Кальвинистской) Церкви гербы если и употребляются, то имеют исключительно светский характер. Иначе обстоит дело в одном из ее ответвлений – Пресвитерианской Церкви, где с 1959 г. появляются гербы сначала всей церковной общины, а с 1960 г. и гербы модераторов (распорядителей, должностных лиц, управляющих церковными делами). По своей структуре эти гербы приближаются к гербам иерархии других Церквей. Герб венчает шапка, напоминающая по форме головные уборы периода ренессанса, сочетающая черты берета и шапки. Пастораль (*cuigrich*), несколько отличающийся от традиционного жезла, является геральдическим

знаком модераторов. У модератора Генерального собрания шапка украшена лазуревым шнуром с десятью лазуревыми кистями, у модератора синода – с шестью, у модератора пресвитерия – с тремя кистями. Герб пастора – «министра» – такой же, как гербы священников в других Церквях.

Англиканская Церковь по своему иерархическому устройству мало отличается от католической. Ее епископы венчают свои гербы митрой. Архиепископы добавляют два жезла, скрещенные за щитом. В США инсигниями епископов являются митра, пастораль и ключ. В гербе епископа Дэрхемского (Durham) в Англии митра украшена княжеской короной, а вместо одного из пасторалей помещен меч.

До 1976 г. англиканское духовенство использовало светские гербы. 21 декабря 1976 г. по просьбе примаса Англиканской Церкви архиепископа Кентерберийского наследственный лорд-маршал Англии герцог Норфолк издал правила, определяющие порядок использования духовенством геральдических шапок. Декан использует черную шапку с тремя красными кистями на пурпурном шнуре, архидьякон – черную шапку с тремя пурпурными кистями на пурпурном шнуре, каноники (в т.ч. бывшие каноники, ушедшие на покой по возрасту) – черную шапку с тремя красными кистями на черном шнуре, священники – черную шапку с одной черной кистью на черно-белом шнуре с каждой стороны. Доктора теологии пользуются такими же гербами, но шнур у них бело-красно-черный. Капелланы Королевского Дома добавляют на шапке геральдическую розу Тюдоров. Дьяконы используют черную шапку без шнуров и кистей. Гербы церковных административных единиц практически не отличаются от гербов их руководителей.

Христиане Востока, живущие за пределами ареала греко-римской культурной традиции, руководствуются собственной теологической концепцией, что в сочетании с культурными различиями привело к разрыву контактов с западной Церковью. Развитие геральдики у восточных христианских Церквей сдерживалось и по причине их многолетней невольной изоля-

ции. Здесь церковная геральдика руководствуется иными правилами.

Те Церкви, которые вступили в контакт с западной геральдической культурой, используют гербы со щитом и такими же инсигниями, которыми пользуются католические епископы (некоторые униатские Церкви), или аналогичными церковными знаками сана, используемыми на Востоке. Остальные имеют собственные эмблемы, соответствующие художественным и культурным традициям данной общины. Чаще всего это разного вида кресты или благословляющие руки. Нам не удалось обнаружить каких-либо юридических норм и предписаний, определяющих форму и атрибуты церковных гербов у этих Церквей, и можно с большой долей уверенности предположить, что при их составлении руководствуются обычаем, традицией, уже существующими образцами.

Патриархи восточных Церквей используют инсигнии, основанные на собственной литургической традиции (в частности, как уже отмечалось, применяемая ими митра отличается от западноевропейской). Армянский патриарх венчает щит митрой, за ней помещены с одной стороны – жезл доктора (учителя) и латинский пастораль, с другой – двойной крест и греческий пастырский посох. Маронитские патриархи используют митру, латинский пастораль и тройной крест. Коптские и греческие патриархи венчают щит византийской митрой, за щитом помещают крест и посох, характерные для этих вероисповеданий. Герб может быть украшен пурпурной церковной мантией, подбитой золотом («мандиас», «мантия»).

В геральдике Церквей, связанных с византийской традицией, часто встречается изображение двуглавого орла, на груди которого располагается сам щит с гербом. Аналогичным образом поступают главы монастырей и религиозных общин. Так выглядит геральдика Греко-Византийской, Армянской, Сирийской, Халдейской, Маронитской и Коптской церквей.

Следует упомянуть, что в данный момент ведется работа над первым гербом в истории Болгарской Православной Церк-

ви. Владелец герба – епископ Крупникский Климент (Буренков), викарий всех западноевропейских приходов БПЦ.

Характеризуя положение дел в современной российской церковной геральдике, подчеркнем, что традиций подобного рода в России не существовало. Известны гербы патриарха Никона и митрополита Петра (Могила), а также гербы некоторых священнослужителей, получивших за заслуги потомственное дворянское достоинство, а вслед за этим и фамильные гербы. Концептуально они ничем не отличаются от обычных дворянских. Дальнейшее развитие этой области российской геральдики приходится уже на конец XX в.

Несколько лет назад впервые в истории российской геральдики в Гербовый Матрикул Русской Геральдической Коллегии был внесен церковный герб. Владельцем его стала Церковно-приходская школа храма Казанской Иконы Божией Матери Воронежа (Гербовый Матрикул № 338 от 14.09.1996 г.).

Следующей обрела герб Воронежская Духовная Семинария (Гербовый Матрикул № 453). Основанная в 1745 г., воспитавшая и давшая истории Русской Православной Церкви целый ряд известных богословов, святителей и новомучеников, Воронежская Духовная Семинария обрела свой герб.

События нескольких месяцев, предшествовавшие величайшей дате в истории христианского мира, 2000-летию Рождества Христова, были связаны с созданием ряда личных церковных гербов. По инициативе Центрально-Черноземного представительства Русская Геральдическая Коллегия внесла в свой матрикул пять гербов иерархов и клириков Московского Патриархата Русской Православной Церкви. Они явились подарком Коллегии священнослужителям, внесшим значительный вклад как в развитие российской церковной геральдики, так и в общецерковное строительство и духовное просвещение.

В первую очередь был создан церковный вариант герба Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. Понятие «создан» весьма условно, т.к. Его Святейшество происходит из дворянского рода. Сообразно существующей науч-

ной концепции российской церковной геральдики дворянский герб рода Ридигеров был помещен на патриарший изумрудный картуш и возглавил таким образом всю систему церковных гербов Русской Православной Церкви.

Об употреблении православного креста в качестве атрибута, помещаемого за картушем, следует сказать особо. Речь идет не о предносном кресте, как признаке высшего церковного иерарха, но именно о кресте православном, как принадлежности к Русской Православной Церкви. Такой крест даже в описаниях иногда называют «русским». Особую форму на патриаршем гербе имеет посох. Только этому гербу присущ изумрудный цвет картуша и белый патриарший кукуль. Также исключительно на гербе Патриарха употребляются две панагии и наперсный крест. Девиз отсутствует, т.к. дворянский герб Ридигеров его не имел. Дабы подчеркнуть важность герба Патриарха, как первоиерарха Русской Православной Церкви, ему присвоен номер 500, а внесение в Гербовый Матрикул состоялось 1 января 2000 г.

Герб Митрополита Нижегородского и Арзамасского Николая (Кутепова) помещен на лазуревый картуш. В малом щитке находится вензель Владыки. Это именно вензель, так как две литеры «Н.Н.» венчает заменяющая корону митра, а между литер поставлен архиерейский посох. Поводом для создания герба Митрополита Николая послужило его многолетнее архипастырское служение и исполнившееся 75-летие Владыки. Под картушем этого герба – панагия и наперсный крест.

Герб ректора Воронежской Духовной Семинарии протоиерея Василия Попова имеет золотой картуш. Никаких иных атрибутов, кроме пурпурной камилавки и золотого протоиерейского креста, на этом гербе нет.

Уникален герб бывшего ректора Церковно-приходской школы Казанской церкви Воронежа, ныне иеромонаха Пафнутия (Пичугина). Именно по его инициативе и был создан герб школы. Когда же несколько лет спустя было решено пожаловать ему герб за геральдические заслуги и в связи с 2000-летием Рождества Христова, выяснилось, что Андрей Пичугин принял

монашеский постриг. Но даже эта информация устарела – к моменту матрикуляции герба отец Пафнутий уже стал иеромонахом.

Герб его необычен не только потому, что имеет черный картуш и увенчан черной камилавкой с наметкой. В основе композиции лежит важный эпизод в истории российской церковной геральдики – выходящая из левого края рука в монашеском одеянии держит золотой свиток с изображением герба той самой Церковно-приходской школы, ректором которой был отец Пафнутий и благодаря ректорству которого это учебное заведение обрело герб. На Божественный промысел и благословение этого шага указывает выходящая из сияющего облака благословляющая десница. Как и у всех монашествующих, герб отца Пафнутия обрамляют монашеские четки, крест под картушем – серебряный.

Последний из пяти юбилейных церковных гербов принадлежит преподавателю Воронежской Духовной Семинарии Н.В.Макееву, который способствовал созданию герба семинарии. Как атрибут церковный, щит его герба венчает золотая церковно-просветительская корона. Отметим, что все эти гербы имеют общий девиз, подчеркивающий их жалованный характер. Он идентичен девизу Русской Геральдической Коллегии и звучит кратко и лаконично: «Верой и правдой».

Добавим, что в число современных церковных гербов вошел и мемориальный герб митрофорного протоиерея Константина Богословского. Его герб был создан по инициативе жителей Великого Устюга, где ревностно трудился на ниве духовной и пастырской этот достойнейший представитель Русской Православной Церкви. Как и тысячи иных святых отцов, он был расстрелян в лихие годы коммунистического гонения на Церковь, а на Поместном Соборе 2000 г. причислен к сонму новомучеников и исповедников Российских. Так неожиданно среди армигеров появился теперь уже Св. новомученик митрофорный протоиерей Константин Богословский.

По инициативе все того же иеромонаха Пафнутия был создан первый приходской герб. Он принадлежит теперь храму

Св. Архистратига Михаила в селе Озерки Симбирской епархии. На этом гербе впервые использована червленая монастырская ранговая корона. На гербе Свято-Николо-Шартомского монастыря такая корона имеет серебряный цвет, а картуш положен на скрещенные черные игуменские жезлы. Настоятель этого древнего монастыря архимандрит Никон (Фомин) владеет гербовой эмблемой, положенной на два архиерейских золотых жезла.

Заканчивая экскурс в историю церковной геральдики, отметим, что интерес к этой области знаний стали проявлять священнослужители Русской Православной Церкви разного уровня. Создание строгой научной концепции церковных гербов приведет, вне сомнения, к повышению престижа и роли Православия в целом и Русской Православной Церкви в частности как во внешнецерковных контактах, так и во внутрirosсийском церковном и государственном строительстве и развитии.

¹ Полный православный богословский энциклопедический словарь: В 2 т. М., 1992. С. 878-880.

² Новая скрижаль или объяснение о церкви, литургии, и о всех службах, и утварях церковных, Вениамина, архиепископа Нижегородского и Арзамасского (1739-1811): В четырех частях с рисунками, гравированными на дереве Л.Серяковым. М., 1999. С. 93.

³ *Lamarque Philippe*. *Heraldique napoleonienne*. P., 1999. Т. 1. P. VIII-X.

⁴ *Комаровский Е.А.* Основы церковной геральдики // *Гербовед*. 1996. № 3 (11). С. 114-125.

⁵ *Buben Milan*. *Heraldika*. Praha, 1986. S. 199-218.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ «ИНОМ»: ЭВОЛЮЦИЯ И МЕХАНИЗМЫ (из российского опыта XIX-XX веков)

Данная статья представляет собой совместный труд двух авторов, исследующих проблемы взаимовосприятия России и внешнего мира начиная с рубежа XVIII-XIX веков и заканчивая началом XXI века. Несмотря на некоторые различия в источниках и порой – в исследовательских подходах, авторы решились объединить свои наблюдения (преимущественно теоретического характера) в рамках одной статьи, в которой прослеживаются некоторые закономерности, связанные с формированием и функционированием представлений об иных народах, странах, культурах в российском обществе на протяжении двух столетий.

Подобные представления – неотъемлемая и принципиально важная составляющая национального самосознания, ибо именно они позволяют судить о том, как данная нация видит свое место в мире, как она определяет отношение своей культуры к другим культурам, своей системы ценностей к системам ценностей иных народов. Эти представления, как правило, не только включают в себя те или иные мнения, но и выражают отношение к объекту. Они различаются по степени их достоверности и детализации, а также, иногда существенно, по эмоциональной окраске; складываются исторически и зависят от ряда факторов – от того, кто выступал их носителем, территориальной близости, длительности исторических связей с данным народом, характера этих связей и т.д.¹

Существенным элементом процесса межкультурной коммуникации являются межгрупповые стереотипы – упрощенные, схематизированные, эмоционально насыщенные образы социальных групп и их представителей². Межгрупповые или социальные стереотипы являются объектом научного интереса

целого ряда дисциплин – истории, социологии, этнологии, психологии.

В большинстве исследований, посвященных представлениям о внешнем мире, иных этносах, культурах, государствах, речь идет об *этнических стереотипах*, под которыми понимаются, соответственно, образы этнических групп³. Однако это понятие является односторонним, ибо подразумевает лишь представления об определенных чертах национального характера, обычаях, особенностях быта. Но есть еще представления о тех или иных государствах, которые составляют важную часть картины внешнего мира, есть представления о мировой культуре и т.д.

Односторонним является и другое часто используемое понятие – *внешнеполитические стереотипы*⁴, ибо в этом случае как бы за рамками остаются представления о быте, культуре, национальном характере. Вместе с тем, внешнеполитические стереотипы представляют собой следующий за этническими стереотипами этап в восприятии внешнего мира, как будет показано в данной статье.

На определенной стадии этнические и внешнеполитические стереотипы дополняются и частично вытесняются *инокультурными стереотипами*, которые включают в себя, помимо прочего, представления о той или иной национальной истории, культуре, современной жизни. Именно на основе инокультурных стереотипов возникают *образы*, которые отличаются от стереотипов полнотой, большей гибкостью, меньшей эмоциональной составляющей; они включают в себя, как правило, личный опыт, и возникают в индивидуальном порядке, а не передаются готовыми, как стереотипы⁵.

Вместе с тем термин «инокультурные стереотипы» может применяться и как общий, относящийся ко всей совокупности устоявшихся представлений о внешнем мире (этнических, внешнеполитических и пр.)⁶.

Пожалуй, одно из центральных мест в изучении инокультурных стереотипов занимает проблема их *соотношения с реальностью*, понимаемая прежде всего как проблема истинности стереотипов. Споры о том, насколько стереотипные представления соответствуют реальности, не прекращаются с 1920-х гг. Диапазон суждений на этот счет довольно широк: от утверждения полной лживости стереотипов до признания за ними более или менее значительного «зерна истины». Однако так или иначе все исследователи признают наличие некоторого искажающего эффекта, который обуславливает лишь относительную адекватность стереотипа.

Заметим, что вопрос об истинности стереотипов предполагает определенную исследовательскую перспективу, при которой *субъективные* представления противопоставляются неким *объективным* качествам той или иной группы (в случае с инокультурными стереотипами соответственно – культуры, народа или страны). При этом приоритетное значение для исследования имеет процесс *формирования* стереотипа, поскольку именно в ходе него и происходит искажение действительности.

Вместе с тем следует заметить, что проблема соотношения реальности и стереотипов отнюдь не исчерпывается вопросом об их истинности. В ином ракурсе эта же проблема может быть рассмотрена не с точки зрения совпадения или несовпадения стереотипа и реальности, а с точки зрения их *взаимодействия*. Очевидно, что это взаимодействие имеет место не только при формировании стереотипа и не ограничивается упомянутым отражением объективной действительности. Не менее важно и то, как взаимодействует с реальностью *уже сложившееся представление*. Изменяется ли изначальный стереотип под влиянием окружающей действительности, и если да, то каким образом? Поиску ответа на этот вопрос посвящены многочисленные исследования как отечественных, так и зарубежных исследователей. На примерах самых разных общностей и си-

туаций они изучают динамику стереотипных представлений, фиксируя, насколько меняется содержание стереотипов, их эмоциональная «заряженность», степень распространения, согласованности и другие свойства в зависимости от тех или иных факторов⁷.

Впрочем, надо признать, что случаи значимой трансформации стереотипа исследователи отмечают довольно редко. Напротив, общим местом большинства работ по проблемам стереотипов стало упоминание об их чрезвычайной устойчивости⁸. Действительно, опыт показывает, что в той или иной степени может меняться направленность, значение, эмоциональная составляющая стереотипного представления, но его основное содержание, как правило, остается прежним. В этом проявляется такое специфическое свойство стереотипов, как *ригидность* – устойчивость к новой информации. Отчасти причины этого явления кроются в групповой природе исследуемых представлений. Стереотипы – это прежде всего коллективные представления, а значит, им присущи и такие специфические свойства коллективных представлений, как, например, непроницаемость для опыта и устойчивость к логическим противоречиям⁹.

* * *

Говоря о формировании инокультурных стереотипов как коллективных представлений, необходимо подчеркнуть одну особенность этого процесса. Как известно, само наличие, сложность и адекватность представлений о внешнем мире зависят от двух факторов: возможности получать информацию и желания получать информацию. Очевидно, что их наличие не всегда совпадает, и человек, по своему статусу имеющий лучший доступ к информации, скажем, о внешнем мире, может совсем не использовать этот доступ¹⁰. С другой стороны, человек обладающий навыками аналитического мышления, в современном обществе может при желании извлекать достаточ-

ную информацию из самых разнообразных, иногда случайных и поверхностных, источников.

Рассмотрим, например, ситуацию в советском обществе, которое некоторые исследователи безапелляционно именуют «закрытым». Одни авторы формулируют это достаточно жестко: «информационная блокада явилась частью общей блокады сферы духовной жизни народа... С начала 1930-х гг. можно говорить о полной информационной блокаде в СССР...» – утверждает, например, И.В.Павлова¹¹. Другие подчеркивают, что «административно-чиновничья система особые старания прилагала для изоляции общества от событий и явлений, происходивших в зарубежном мире»¹². Третьи отмечают лишь создание предпосылок «закрытого общества»¹³.

На самом деле ситуация была гораздо более сложной. Представления о внешнем мире складываются, как известно, на основе нескольких информационных блоков¹⁴. Один из них, историософский, составляют сведения об истории и культуре того или иного государства. Здесь возможности для самостоятельного получения и освоения достаточно объективной информации сохранялись. Классическая культура Запада не только не запрещалась, но, хотя и с существенными изъятиями, активно пропагандировалась; сохранялись музеи, библиотеки, использовалась литература, вышедшая до революции и в первые послереволюционные годы. Фрагментарность представлений об истории, политических традициях, миропонимании, свойственном иным культурам, в какой-то степени компенсировала художественная литература. Именно на основе первого блока складывались (в отсутствие личного опыта) этнические и инокультурные стереотипы.

Второй важнейший блок, политико-информационный, составляет информация о политической, социальной, культурной *современной* жизни других стран, на основе которой формировались преимущественно внешнеполитические стереотипы. Именно эти сведения должны были играть определяющую роль в создании адекватной картины мира. Однако оба основ-

ных канала получения информации, относящейся к данному блоку, а именно система образования и средства массовой коммуникации, находились под жестким политико-идеологическим контролем¹⁵.

И вместе с тем, во-первых, степень этого контроля зависела от общей ситуации в стране, могла изменяться со временем (скажем, в 20-е годы контроль был мягче, чем в 30-е или 40-е, в 70-е жестче, чем в 60-е, и т.д.). Во-вторых, представления, возникающие на основе второго информационного блока, постоянно дополнялись информацией, полученной в рамках первого блока (что в определенной степени обесценивало усилия пропаганды). Так, скажем, в первые годы второй мировой, да и Великой Отечественной войны, многие с недоверием относились к заявлениям официальной пропаганды о зверствах немцев (даже и вполне обоснованным), ссылаясь на свои представления о их высокой культуре и цивилизованности, полученные в том числе в советской школе, на уроках истории или литературы, в советских музеях, библиотеках и т.д.

Более того, независимо от различного рода искусственных ограничений, доступ широких слоев населения к информации о внешнем мире в целом расширялся по мере распространения грамотности, образования в целом; увеличения сети культурно-просветительных учреждений; наконец, с появлением таких средств массовой информации, как радио и телевидение.

* * *

В подавляющем большинстве работ стереотипы фигурируют именно в качестве групповых представлений. Исследователи вполне обоснованно видят в них в первую очередь феномен массового сознания, носителем которого является та или иная группа, общность. Однако нельзя отрицать, что это явление имеет и индивидуальное измерение¹⁶, которое на сегодняшний день исследовано все еще недостаточно. Между тем исследование стереотипов на «микроуровне» представляется

не менее актуальным и перспективным. Оно не только дополняет и уточняет данные, полученные на основе традиционного подхода, но и позволяет зафиксировать то, что обычно остается скрыто от взгляда исследователя, «крупный план» позволяет увидеть те детали, которые остаются незамеченными «на расстоянии».

Традиционное массовое измерение чаще всего позволяет лишь установить факт (и иногда – степень) устойчивости стереотипов на протяжении определенного временного промежутка, однако *конкретные механизмы* этой устойчивости остаются скрыты. «Индивидуальный» же подход открывает очевидные перспективы для решения этой задачи. В первую очередь – потому, что базируется на иных источниках: если в первом случае используются массовые источники (и соответствующие методы сбора и анализа данных), то во втором – исследование строится на анализе источников личного происхождения, отражающих опыт и представления отдельного человека.

Применительно к XIX веку основным типом стереотипов являлись этнические. К сожалению, источники по этому периоду позволяют проследить формирование и развитие коллективных представлений лишь в самых общих чертах, зато показательным примером могут служить материалы заграничных путешествий. Они отражают сознание и поведение человека в специфической ситуации межкультурного контакта, при которой вопросы восприятия «Иного» – иной страны, иной культуры, иного народа – приобретают особую актуальность. Эти материалы могут иметь разную форму: как правило, это письма, дневники или записки, то есть в любом случае – текст, *нарратив*, что также представляется немаловажным. Несмотря на значительный эвристический потенциал современных количественных методов, мы все же считаем, что применительно к поставленной проблеме нарративные источники открывают больше возможностей, чем статистические данные. Точнее говоря, анализ массовых данных, очевидно, позволяет наибо-

лее полно представить *результаты* взаимодействия стереотипного представления и реальности, тогда как источники личного происхождения отражают сам *процесс* этого взаимодействия в сознании конкретного человека.

* * *

Из чего складывается представление путешественника об ином народе? Даже беглый просмотр сочинений о путешествиях показывает, что по этому вопросу исследователи, как правило, придерживаются одной из двух противоположных позиций. В соответствии с одной из них, определяющее значение имеет личный опыт путешественника, получаемый им во время путешествия. Именно индивидуальные впечатления и опыт непосредственного общения с представителями иной культуры формируют представления человека о том или ином народе или стране. Другая – противоположная – позиция заключается в том, что личный опыт не играет практически никакой роли в формировании этого представления, главным источником которого являются сведения, полученные и усвоенные путешественником еще до поездки. Если первая точка зрения, как правило, не декларируется открыто, и даже не всегда осознается исследователями, то вторая позиция формулировалась неоднократно разными авторами. Еще В.Г.Белинский замечал, что путешественники склонны «видеть в той или другой стране не то, что в ней есть, но то, что они заранее, еще у себя дома, решились в ней видеть...»¹⁷ И после Белинского многие высказывали мнения о том, что «в чужую страну едут только для того, чтобы найти подтверждение своим стереотипам», и что «путешественники везут из дома свои наблюдения в собственном багаже»¹⁸. Н.А.Ерофеев предостерегает от буквального восприятия этого выражения. Однако представляется, что и его переносный смысл также требует некоторого уточнения. Как бы ни совпадали образы того или иного народа до и после путешествия, говорить об их полной идентичности было

бы неверно. Даже в том случае, когда содержание изначальных стереотипов по окончании путешествия остается прежним, чаще всего происходят изменения в степени их эмоциональной насыщенности, подробности и т.д. Поэтому, используя приведенную метафору, можно сказать, что путешественники везут в собственном багаже не сами наблюдения, а лишь их *черновики*, которые в процессе обработки претерпевают большую или меньшую трансформацию. Такой взгляд позволяет избежать крайностей обеих описанных выше позиций и рассмотреть *личный опыт*, приобретенный путешественником во время поездки, и его *изначальные представления* о том или ином народе как два фактора, взаимодействие которых и определяет конфигурацию окончательного, «чистового», образа, преподносимого автором читателю на страницах «путешествия».

Таким образом, в поле исследования оказывается три не равных друг другу объекта: изначальные представления путешественника («черновик»), его личный опыт и окончательные представления («чистовик»). Излишне доказывать, что сознание путешественника накануне поездки — отнюдь не *tabula rasa*. Еще только отправляясь в путь, человек уже обладает какими-то представлениями о жителях тех мест, которые собирается посетить. Эти представления начинают формироваться с детского возраста, и их источниками на протяжении всей жизни служат учебная и художественная литература, публицистика, газеты и журналы, записки, а иногда — устные рассказы о странствиях по чужим землям. В результате в сознании будущего путешественника складываются более или менее подробные, но весьма условные, схематичные образы — *стереотипы* разных народов и стран. В ходе путешествия эти «черновые» представления проверяются, уточняются, «отшлифовываются» под воздействием наблюдаемой реальности и в конце концов превращаются в «чистовик», в котором все то, что было смутно, невнятно и подозрительно, становится четким, определенным и правдоподобным. Этот «конечный продукт» автор «путешествия» и предъявляет читателям в виде

лаконичных суждений или пространных описаний того или иного народа (в зависимости от жанра, формы и стиля сочинения). Такие авторские характеристики разных народов, с одной стороны, основываются на исходном стереотипе, а с другой – представляют собой результат осмысления автором своего личного опыта, приобретенного во время путешествия. Однако они составляют лишь часть «путешествия». Помимо них в тексте почти всегда присутствует описание повседневных событий и ситуаций, рассказы о встречах с людьми, разнообразные бытовые зарисовки и прочие фрагменты, в которых тот же личный опыт путешественника находит непосредственное воплощение, предстает в «необработанном», неосмысленном виде. Таким образом, исследователю оказывается доступным не только «чистовик», но отчасти и тот материал, те факты, которые служат основой для его формирования. Это обстоятельство позволяет проанализировать, в какой степени путешественник привлекает свой личный опыт при создании «чистовика», каким образом этот опыт взаимодействует с исходным стереотипом и какое место он занимает в окончательном представлении.

* * *

Взаимодействие сознания путешественника и наблюдаемой реальности может быть представлено в виде принципиальной схемы, элементами которой являются типовые ситуации путешествия и реакции на них путешественника.

1. Прежде всего, факты, фиксируемые наблюдателем в ходе путешествия, могут *совпадать* или *не совпадать* с исходным стереотипом.

В первом случае они укрепляют уверенность путешественника в правильности его изначального представления. Совпадение реальности и представления о ней позволяет наблюдателю прибегать к социальной казуальной атрибуции, то есть объяснять внешний вид, поведение, черты характера и пр. кон-

кретного человека его групповой принадлежностью. Так, если путешественник заранее знает об «особой надменности» англичан, то в высокомерии конкретного англичанина он скорее увидит проявление общеанглийского нрава, нежели индивидуальную черту характера. И чем больше раз он совершит это несложное умозаключение, тем прочнее станет его изначальное мнение.

2. В том случае, когда наблюдаемая реальность противоречит имеющемуся стереотипу, возможны два варианта: либо сознание путешественника *фиксирует* это противоречие, либо *игнорирует* его¹⁹.

Важно отметить, что второй вариант встречается в материалах путешествий не реже первого. Конкретные персонажи самых разных «путешествий» выглядят или действуют не так, как им «предписывает» их групповая (например, этническая) принадлежность, однако, автор в каждом конкретном случае как будто не замечает «нетипичности» своего героя. Заметим, что речь идет об игнорировании *противоречия* между наблюдаемым фактом и имеющимся представлением, но не об игнорировании самого *факта*. Дело не в том, что путешественник не замечает определенные фрагменты реальности, а в том, что он не воспринимает их как противоречащие его представлению.

3. Фиксация путешественником несовпадения наблюдаемой реальности и исходного стереотипа, как правило, предполагает одну из трех следующих реакций.

В первом случае – самом «примитивном», и, пожалуй, наиболее распространенном – наблюдатель лишь выражает *удивление* отмеченным противоречием. Причем, за удивлением обычно не следует ни попытки выяснить причины этого противоречия, ни стремления «примирить» уже имеющееся представление и только что полученные сведения.

Другая реакция, более «сложная», содержит объяснение зафиксированного противоречия. В данном случае «нетипичный» факт интерпретируется как *исключение* из общего правила, обусловленное какими-то внешними факторами. Оче-

видно, что при этом исходный стереотип остается неизменным.

Последний вариант – наиболее «радикальный», поскольку он предполагает отказ от исходного стереотипа и *замену* его на противоположный. Сталкиваясь в реальности с убедительным фактом (или фактами), очевидно противоречащим изначальному представлению, путешественник убеждается в ложности этого представления и заменяет его новым, основанным на личном опыте, и потому – как будто более адекватным реальности. Однако в большинстве случаев новое представление прямо противоположно старому, а значит, столь же стереотипно: «надменность» заменяется на «простоту», «жадность» – на «щедрость», «трудолюбие» – на «праздность» и т.д. Иными словами, один стереотип сменяет другой, но при этом не происходит качественной трансформации восприятия – оно по-прежнему остается стереотипным.

Тем не менее, большинство зафиксированных реакций направлено все же на сохранение исходного стереотипа. Это позволяет интерпретировать их как конкретные *механизмы*, посредством которых в сознании наблюдателя реализуется *стратегия устойчивости* исходных представлений. Лишь последний вариант предусматривает отказ от изначального стереотипа, но обеспечивает сохранение самого *принципа* стереотипного восприятия²⁰.

Невероятную устойчивость и распространенность стереотипизации как формы восприятия «Иного» (и шире – познания окружающей реальности) специалисты объясняют рядом причин, прежде всего, психологического характера²¹. При этом частые выезды за границу или долговременное пребывание в чужой стране (то есть личный опыт общения с представителями иной культуры) не является абсолютной гарантией избавления от сформировавшихся клише и шаблонов. Это, пожалуй, необходимое, но не достаточное условие. Благодаря описанным выше механизмам получение новой информации может способствовать лишь еще большему закреплению исходного

упрощенного представления, если сам процесс накопления пресловутого личного опыта не сопровождается непрерывным анализом и рефлексией. Очевидно, что только в последнем случае создаются оптимальные условия для формирования в сознании человека более многогранного, противоречивого и в результате более адекватного *образа* того или иного народа.

* * *

Личный опыт отдельных людей складывается в коллективный опыт нации, который определяет эволюцию стереотипа. И материалы XX века, напротив, позволяют легче проследить динамику инокультурных стереотипов не на микро-, а на макроуровне.

Посмотрим, как происходит эволюция стереотипов в массовом сознании на примере российского общества нового и новейшего времени.

В начале XX в. в российском обществе происходит постепенное вытеснение традиционных этнических стереотипов стереотипами с ярко выраженной политической окраской или внешнеполитическими стереотипами. Другими словами, образ немца, англичанина, поляка в значительной степени сменяется образом Германии, Великобритании, Польши как геополитической реальности.

Внешнеполитические стереотипы имели важное отличие: они обладали относительно большей гибкостью, так как зависели от конкретной международной ситуации и в значительной степени формировались официальной пропагандой. Вместе с тем важно уточнить, что далеко не все изменения международного контекста и далеко не все зигзаги пропаганды оказывали воздействие на массовое сознание; в случаях же, когда подобное воздействие фиксируется источниками, оно нередко приводит к самым неожиданным последствиям.

Подобные представления господствовали в массовом сознании на протяжении всего межвоенного периода. Этому спо-

способствовала всеобщая политизация массового сознания, вызванная потрясениями начала века. Сначала – проигранная русско-японская война, заставившая даже тех, кто никогда не интересовался политическими вопросами, по-новому взглянуть на место России в мире; революция 1905 г. и последовавшие за ней изменения в политическом строе государства и жизни деревни. В еще большей степени на массовое сознание повлияла первая мировая война.

В ходе войны внешний мир (расколовшийся на врагов и союзников²²) стал вызывать не просто интерес²³, но интерес в высокой степени эмоционально окрашенный. Наблюдатели последовательно зафиксировали невиданный всплеск антигерманских настроений, целенаправленное формирование «образа врага» в лице немцев и их союзников, а к концу войны – стихийные, но все же достаточно распространенные антисоюзнические и даже, хотя в гораздо меньшей степени, прогерманские настроения²⁴.

Однако мировая война, при всей своей масштабности, оказалась лишь прологом к гораздо более сильным социальным, политическим, культурным, и, разумеется, психологическим потрясениям – свержению монархии, возникновению Российской республики, большевистской революции, гражданской войне...

* * *

Победа революции (как и все крупномасштабные социальные кризисы) привела к дальнейшей мифологизации массового сознания, к возрождению архаики. Утвердившийся позднее политический режим, который часто называют тоталитарным, также не мог не наложить отпечаток на общественное сознание. В частности, он способствовал консервации мифологического типа сознания, на который опирался²⁵.

Определенная картина внешнего мира представляла собой неотъемлемую часть официальной мифологии. В полном соот-

ветствии с описанными выше механизмами мифологического сознания она представляла мир как арену великой борьбы между силами прогресса, олицетворяемыми в первую очередь коммунистическим и рабочим движением, и силами реакции, причем победа первых была неотвратима, как второе пришествие Христа в представлении верующих.

И новый жизненный опыт, полученный российским обществом, и все расширяющаяся система официальной пропаганды вели к тому, что внешний мир, даже в отдаленных районах страны, в сельской «глубинке», на национальных окраинах, стал восприниматься как некая реальность, имеющая отнюдь не абстрактное, а вполне практическое значение для повседневной жизни (в том числе для ведения крестьянского хозяйства, для уровня жизни рабочей семьи и так далее). Порой еще не до конца осознанное, почти инстинктивное, но уже очевидное понимание целостности мира, частью которого являлась Советская Россия, перестало быть прерогативой лишь образованных слоев населения.

В данном случае очевидно, что речь идет не об этнических, а именно о внешнеполитических стереотипах, которые доминировали в общественном сознании в 1920-1950-е годы.

Каким же было их основное содержание? Мир предстал как в качестве *источника* вполне реальной *угрозы* (угрозы военной, угрозы для установившегося политического строя), так и, напротив, в качестве *источника благоприятных изменений*. В последнем случае речь идет не только о противниках Советской власти, ждавших извне освобождения от власти большевиков, но и, в ряде случаев, о ее сторонниках. В их понимании, внешний мир, Запад в первую очередь, например, мог предоставить техническую или продовольственную помощь, выступить союзником в войне против общего врага или просто путем давления на советское правительство добиться некоторой корректировки политики (скажем, роспуска колхозов или снятия хотя бы части ограничений с деятельности православной церкви).

К концу 1930-х годов внешнеполитические стереотипы, характерные для массового сознания, в основном были сформированы именно официальной пропагандой. Это не означает, что они механически повторяли ее; зависимость на самом деле была гораздо более сложной. Пропаганда служила **основным материалом** для формирования стереотипов, которые порой упрощали ее до неузнаваемости, порой искажали, а иногда формировались просто «от противного».

Запад в целом, как подчеркивает культуролог И.Г.Яковенко, «оказывался одним из стержневых концептов, с которым соотносилось, отталкиваясь от которого самоосознавалось, по отношению к которому структурировалось советское общество»²⁶.

Война многое изменила в представлениях о внешнем мире. Прежде всего, сотрудничество в рамках антигитлеровской коалиции, особенно среди представителей интеллигенции, расценивалось как начало нового этапа взаимоотношений СССР и ведущих стран мира. Оставили след не только межсоюзнические отношения, сопровождавшиеся изменениями в пропаганде, а в ряде случаев – личными контактами советских граждан с союзниками, но и также личные впечатления от увиденного в Европе в 1944–1945 гг., которые резко контрастировали с советской действительностью и весьма разнились от удручающих картин западной жизни, тиражируемых официальной пропагандой. Не впервые в истории России победоносный заграничный поход привел к серьезным изменениям в массовом сознании.

В первые послевоенные годы советское руководство активно пыталось свести к минимуму последствия знакомства многих советских людей с повседневной жизнью Запада (отсюда – идеологические кампании конца 40-х – начала 50-х гг., в том числе «борьба с космополитизмом»). Но такие меры давали лишь ограниченный и временный эффект.

В течение следующего этапа, с середины 1950-х до начала 1980-х годов в СССР постепенно рушились преграды в области

международного общения, происходило неформальное налаживание контактов советских граждан с иностранцами, создавалась атмосфера доверия, ширилось количество неформальных общественных организаций. Другими словами, возникали элементы гражданского общества. Это, а также появление альтернативных источников информации о западном мире, привело к постепенной эрозии устоявшихся внешнеполитических стереотипов. Именно в это время они в значительной мере (хотя, конечно, далеко не полностью) вытесняются инокультурными стереотипами. Теперь, например, Италия вызывала ассоциации не столько с Муссолини и фашизмом, сколько с Феллини и Данте, Англия – не с Чемберленом или Черчиллем, а с Шекспиром, футболом и «Биттлз», и так далее. Конечно, здесь сыграло свою роль и повышение уровня массового образования в СССР, но не только.

Происходит почти незаметный, но постоянный по своей динамике процесс открытия советского общества внешнему миру. Нарастает количество фильмов, книг, разнообразных выставок; все больше советских людей выезжает за рубеж в туристические поездки, в командировки, все больше проникает, с одной стороны, реальная информация о жизни на Западе, а с другой – представление 30-х годов о Западе как об антимире, где все «не так», где все не по-человечески и все страшно, сменяется обратным мифом: этот Запад для значительной части населения уже предстает сказочным миром, где все не просто по-иному, но и намного лучше, чем у нас.

С 1985 г. происходил сложный, противоречивый, но довольно быстрый, и, как тогда казалось, необратимый процесс ликвидации стереотипов «холодной войны» как на Западе, так и в СССР. Столь же противоречивым являлось становление новых внешнеполитических приоритетов в мире, которое определило более трезвый, хотя и не лишенный предубеждений, взгляд Запада и России друг на друга в связи с попытками установить баланс глобальных и национальных интересов.

«Минусы» сменяются «плюсами»; появляется новое почти повсеместное определение «цивилизованные страны», из числа которых СССР, а затем и Россия, автоматически исключались. От Запада ждали кредитов, инвестиций, гуманитарной помощи, и в результате – резкого повышения уровня жизни.

Однако реальный результат «перестройки» и последовавших за ней «рыночных реформ» привел к тому, что инверсия произошла еще раз, и вновь возродились традиционные стереотипы, демонизирующие Запад, порой отдающие средневековьем, и мало свойственные даже позднему советскому обществу.

Особенно наглядно эти изменения получили отражение в отношении к США, главной и единственной ныне супердержаве, своего рода олицетворению Запада и одновременно традиционного «потенциального противника» последних десятилетий.

Если в 1995 г. положительное отношение к США высказывали 77,6% респондентов, то в 2002 г. лишь 38,7%, а в 2003 г. – 24%; с другой стороны, негативное отношение к США в эти же годы демонстрировали 9%, 45,5% и 55,7% соответственно.

Но не менее важна динамика отношения в эти же годы к другим странам Запада. Так, количество положительно воспринимающих Англию уменьшилось с 1995 по 2003 г. с 76,6 до 50,5%, а доля ее противников выросла с 4,2% до 20,6%. Те же показатели относительно Франции составляют 78,9% и 74% относящихся положительно, 3% и 5,2% относящихся негативно; относительно Германии – 69% и 62,2% относящихся позитивно, 11,5% и 14,6% относящихся негативно. Другими словами, общая тенденция ухудшения отношения прослеживается, хотя и в гораздо меньшей степени, в отношении Англии, и почти незаметна применительно к Франции и Германии²⁷.

Следовательно, вышеупомянутая «ретроградная инверсия» непрочна, ибо скрывает вполне реальный, хотя далеко не всегда осознаваемый, процесс восприятия западной системы ценностей, продолжающий сходные процессы советской эпохи в

гораздо более благоприятной для этого внешней среде²⁸. Можно сказать с большой долей уверенности, что она затрагивает прежде всего внешнеполитические стереотипы; однако, одновременно идет процесс формирования инокультурных стереотипов, а личный опыт знакомства с внешним миром способствует их превращению в образы.

Отсутствие всеохватывающей пропаганды, многообразие источников информации, а главное, возможность реальных контактов и просто смена поколений, ведут к тому, что процесс размывания старых стереотипов ускоряется, Запад в значительной степени теряет свою «мифологическую составляющую», по крайней мере, в глазах части российского общества.

И, вместе с тем, вышесказанное отнюдь не отменяет определенных закономерностей, связанных с особенностями восприятия «Иного», со стереотипизацией как массового, так и индивидуального сознания.

Так, если говорить о сознании отдельного человека, вопрос о том, в какой степени возможно освободиться от стереотипов, остается открытым. Если речь идет об преодолении всех стереотипов как формы мышления, то это, конечно, невозможно. С другой стороны, в отдельных узких (профессиональных) сферах деятельности их влияние может быть сведено к минимуму. Что касается массового сознания, тут можно говорить лишь о преобладании на данном этапе тех или иных тенденций.

Очевидно, что процесс формирования, эволюции, воспроизводства стереотипов и возникновения образов является постоянным, и представления об «Ином», по крайней мере в исторически обозримой перспективе, будут оставаться столь же сложными, противоречивыми и разнохарактерными.

¹ О формировании подобных представлений в ходе российской истории см.: *Борисов Ю.С., Голубев А.В., Сахаров А.Н.* История. Россия и Запад // Образ России. Русская культура в мировом контексте. М., 1998. С. 21-37.

- ² *Солдатова Г.У.* Установочные образования в этноконтактной ситуации // *Духовная культура и этническое самосознание.* Вып. 1. М., 1990. С. 230; *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология: Учебник для вузов. М., 2003. С. 280.
- ³ См.: *Стефаненко Т.Г.* Указ. соч. С. 280. Обзор литературы по данной проблеме см.: *Зак Л.А.* Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы. М., 1976; *Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века.* М., 1998.
- ⁴ Этот термин был предложен еще в 1960-е годы (наравне с «дипломатическими стереотипами»). См.: *Зак Л.А.* Указ. соч. С. 76-103. С середины 1990-х годов он широко включается в научный оборот. См.: *Голубев А.В.* Запад глазами советского общества: (Основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 30-х годах) // *Отечественная история.* 1996. № 1. С. 104-120; *Россия и Запад...* С. 121-167.
- ⁵ О разнице между образами и стереотипами см.: *Егорова Е., Плешаков К.* Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // *Мировая экономика и международные отношения.* 1988. № 12. С. 19-33.
- ⁶ См.: *Голубев А.В.* Эволюция инокультурных стереотипов советского общества // 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века. М., 2005. С. 98-116.
- ⁷ См., например, сборник с характерным названием «Этнические стереотипы в меняющемся мире» (М., 1998).
- ⁸ См.: *Копелев Л.З.* Чужие // *Одиссей,* 1993. Образ «другого» в культуре. М., 1993. С. 12; *Смольников Н.* Формирование и функционирование этнических стереотипов (на примере немцев Поволжья) // *Социально-культурные и этнические стереотипы.* М., 1998. С. 54.
- ⁹ *Токарев С.А.* История зарубежной этнографии. М., 1978. С. 211, 225; *Стефаненко Т.Г.* Указ. соч. С. 89-90.
- ¹⁰ Можно привести следующий характерный пример. В архиве Свердловского горкома ВКП(б) сохранились засекреченные инструкции по выдаче «Бюллетеней заграничной печати», присланных из секретного отдела ЦК ВКП(б), и списки читавших их лиц за 1933 г. Это секретарь горкома, некоторые заведующие отделами горкома (иногда их заместители), председатель горсовета – всего каждый номер читали 4-5 человек из многотысячной городской партийной организации. Показательно, что из партийных и советских работ-

- ников, формально имеющих право на доступ к «Бюллетеням», пользовалась им (тем более регулярно) меньшая часть; основная же масса коммунистов, в том числе функционеров нижнего и среднего звена, даже не имели права знать о самом существовании подобных материалов. См.: Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1.
- ¹¹ Павлова И.В. Становление советской системы информационной блокады // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: теория, история, практика. Новосибирск, 2000. С. 40, 45.
 - ¹² Куманев В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991. С. 165.
 - ¹³ Шишкин В.А. Россия в годы «великого перелома» в восприятии иностранного дипломата (1925-1931 гг.) СПб., 1999. С. 101.
 - ¹⁴ Высочина Т.Е. К проблеме диалога культур и роли искусства в этом процессе // Искусство и искусствоведение на пути преодоления мифов и стереотипов. М., 1990. С. 96-97.
 - ¹⁵ По вопросу о «закрытости» советского общества см.: Голубев А.В. «Строительство дома цензуры»: (к вопросу о закрытости советского общества // Россия и современный мир. 2000. № 3. С. 73-87; Он же. «Мировая республика» или «закрытое общество»? (СССР в 1920-30-е годы) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 277-306; Он же. «Добро пожаловать или посторонним вход воспрещен»: к вопросу о закрытости межвоенного советского общества // Отечественная история. 2004. № 4. С. 32-53.
 - ¹⁶ По замечанию Ю.В.Бромлей, всякое групповое сознание (а стереотипы составляют неотъемлемую часть группового сознания) «как функционирующая реальность проявляется лишь будучи актуализированным мышлением отдельных людей». См.: Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 177.
 - ¹⁷ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1955. Т. 6. С. 59-60.
 - ¹⁸ Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских, 1825-1853. М., 1982. С. 49.
 - ¹⁹ Павловская А.В. Этнические стереотипы и проблема общения культур // Россия и Запад: диалог культур. М., 1996. С. 430.
 - ²⁰ Конкретные примеры взаимодействия с реальностью как этнических (на примере сочинений русских путешественников XIX века), так и внешнеполитических (на примере отзывов «гостей СССР» 20-30-х годов XX века) стереотипов см. соответственно: Куприя-

нов П.С. Русское заграничное путешествие начала XIX века: парадоксы литературности // Историк и художник. 2004. № 1, 2; 2005. № 1; Голубев А.В. «Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии. М., 2004.

²¹ См.: Стефаненко Т.Г. Указ. соч. С. 281-283.

²² О формировании и функционировании «образа врага» в российском обществе первой половины XX в. см.: Сенявская Е.С. «Образ врага» в сознании участников первой мировой войны // Россия и Европа в XIX-XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996. С. 75-85; Она же. Человек на войне: Историко-психологические очерки. М., 1997. С. 36-75; Россия и Запад... С. 235-274. Об «образе союзника» см.: Голубев А.В. «Царь Китаю не верит...»: Союзники в представлении российского общества 1914-1945 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000. С. 317-355; Он же. Антигитлеровская коалиция глазами советского общества (1941-1945 гг.) // Военно-историческая антропология: Ежегодник. 2002: Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 334-345; Он же. Советское общество и «образ союзника» в годы Второй мировой войны // Социальная история, 2001-2002: Ежегодник. М., 2004. С. 126-146; Он же. Союзники в пропаганде и массовом сознании советского общества в годы войны // Россия в XX веке. Война 1941-1945 гг.: современные подходы. М., 2005. С. 151-172; Россия и Запад... С. 275-290.

²³ Так, в годы Первой мировой войны тираж одной из губернских газет не только вырос с 7 до 10 тыс. экз., но на нее стали впервые подписываться рабочие. См.: Шафир Я. Газета и деревня. М.; Л., 1924. С. 19.

²⁴ Подробнее об этом см.: Поршинева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000; Россия и Запад... С. 53-67.

²⁵ Подробнее см.: Голубев А.В. Мифологизированное сознание как фактор российской модернизации // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI-XX вв.). М., 1994. С. 187-204; Он же. Тоталитаризм как феномен российской истории XX века // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20-40-е гг.). М., 1999. С. 7-33.

²⁶ Россия и Запад... С. 302.

²⁷ См.: Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. М., 2004. С. 183.

- ²⁸ Подробнее см.: *Голубев А.В.* Эволюция инокультурных стереотипов советского общества // 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века. М., 2005. С. 98-116; *Яковенко И.Г.* Динамика образа Запада в отечественной культуре 1990-х гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 387-399.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

I. РОССИЯ: ВЗГЛЯД ИЗВНЕ

<i>Пузанов В.В.</i> Религиозные представления древних славян: взгляд из Византии и Западной Европы (VI-VIII вв.).....	9
<i>Морозова Л.Е.</i> Московская Русь в польских и литовских сочинениях о Смуте: сравнительный анализ	30
<i>Дмитриев Е.Е.</i> «Сибирский медведь» или просвещенный европейский монарх?...: Петр I и Россия глазами Даниэля Дефо	49
<i>Ружицкая И.В.</i> Император Николай I глазами иностранных наблюдателей	62

II. МИР В РОССИЙСКОМ ЗЕРКАЛЕ

<i>Богданов А.П.</i> Геополитическая структура мира в понимании русского ученого XVIII в.	81
<i>Демкин А.В.</i> Свидетельства русских, побывавших в шведском плену во время Северной войны (1700-1721 гг.)	99
<i>Малетю Е.И.</i> Россия и Турция в эпоху Екатерины II: По материалам записок русского дипломата П.А.Левашева	108
<i>Куприянов П.С.</i> Образы «дикарей» в записках русских путешественников начала XIX века: абстракции и реальность	124
<i>Тихонов А.К.</i> Борьба российских властей с турецкой пропагандой среди мусульман Среднего Поволжья (вторая половина XIX в.)	144
<i>Казакова О.Ю.</i> Актуализация межнационального восприятия: американская тема на страницах политических газет России (1863-1867 гг.)	157
<i>Торопова С.Ю.</i> Британский политический опыт в оценке русских либералов	188

<i>Юдина И.В.</i> Монархическая и демократическая идея в Великобритании в представлениях русских корреспондентов (начало XX века).....	207
--	-----

III. ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

<i>Пушкарев Л.Н.</i> Начальный этап в изучении иностранцами русского языка (вторая половина XVI-XVII в.)	221
<i>Гусев А.В.</i> Царь Алексей Михайлович и иностранная культура	232
<i>Агеева О.Г.</i> Европейские образцы и церемониалы русского императорского двора XVIII в.	249
<i>Полякова О.Б.</i> Россия и Франция в XVIII – первой половине XIX в.	270
<i>Фролова О.Е.</i> Гоголевский Петербург на пересечении Европы и Азии	290
<i>Вусатюк О.А.</i> Западничество как социокультурный феномен и проблема восточнославянской культуры XIX столетия	307
<i>Козлов С.А.</i> От надежд к краху иллюзий: иностранные сельские работники в Центральной России после реформы 1861 г.	330
<i>Комаровский Е.А.</i> Западная и российская церковная геральдика: традиции и перспективы	348

* * *

<i>Голубев А.В., Куприянов П.С.</i> Представления об «Ином»: эволюция и механизмы (из российского опыта XIX-XX веков)	374
---	-----

Редактор-корректор

Пруцкова О.А.

Компьютерная верстка

Васильевой Н.В.

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН

Подписано в печать 08.06.06. Формат 60х84/16
Тираж 300 экз. 25 п.л. 21,57 уч.-изд.л.

Заказ № 22

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.